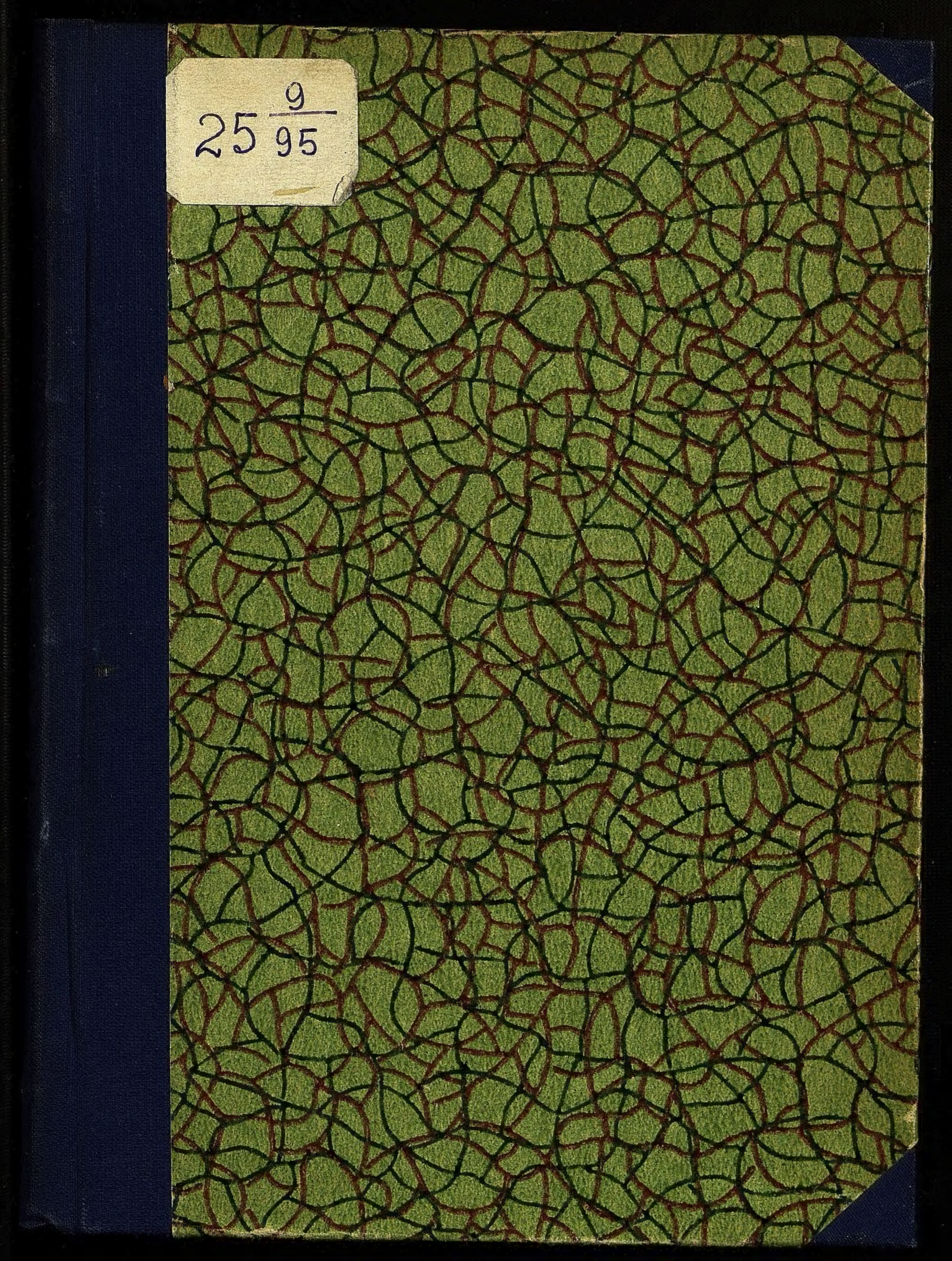
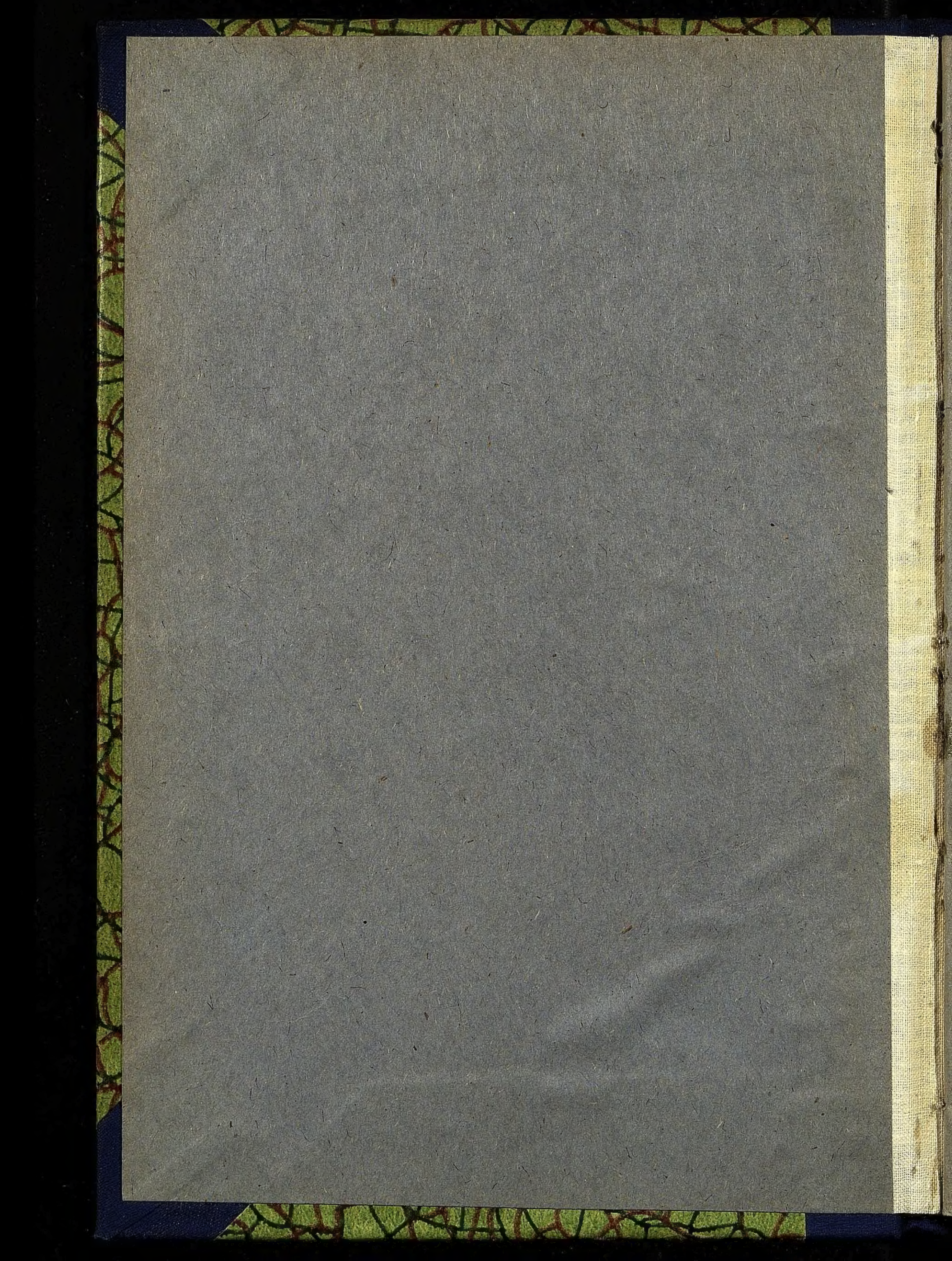
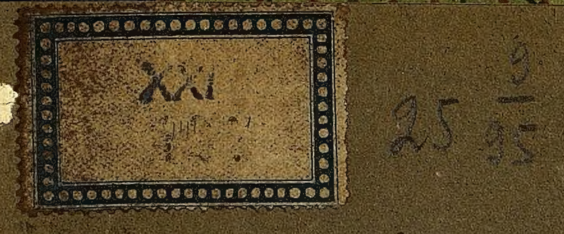

25 9/95

Прибалтiйскiй край и Война

МАТЕРIАЛЫ ИЗЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ
за Августъ, Сентябрь и Октябрь 1914 г.

Собралъ и составилъ **А. П. ТУПИНЪ.**

Съ предисловiемъ проф. **К. И. АРАБАЖИНА.**

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗДАНIЕ А. П. ТУПИНА
1914 г.

Прибалтійскій край и война

МАТЕРІАЛЫ ИЗЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ
за Августъ, Сентябрь и Октябрь 1914 г.

Собралъ и составилъ **А. П. ТУПИНЪ.**

Съ предисловіемъ проф. **К. И. АРАБАЖИНА.**

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗДАНІЕ А. П. ТУПИНА
1914 г.

Типографія Э. Ф. Мексъ. Петроградъ, Забалканскій пр. 22.

Увижу-ли, друзья, народъ неугнетенный и рабство павшее по манію царя.

А. Пушкинъ.

Историческая трагедія.

Предисловіе проф. К. И. Арабажина.

Передъ нами интересная работа, выполненная А. П. Тупинымъ: Собраніе газетныхъ статей о Прибалтійскомъ краѣ, появившихся за первые четыре мѣсяца великой войны въ русской печати.

Какъ всякая работа, совершенная нѣсколько наспѣхъ во дни великой тревоги и общаго подъема гражданственности, — трудъ г. Тупина носитъ черты злободневности, но въ этомъ его достоинство. Онъ заключаетъ многіе цѣнные штрихи и блестки настроенія и переживанія современниковъ, закрѣпляя ихъ въ памяти и давая

и многіе политическіе взгляды. По отношенію нѣмцевъ отнюдь не можетъ быть примѣненъ принципъ охраны и защиты угнетенной народности. Нѣмецъ не угнетенъ и не беззащитенъ. Полныя глубокой трагедіи отношенія этого „инородца“ ко всей Россіи и

Типографія Э. Ф. Мексъ, Петроградъ, Забалканскій пр. 22.

Увижу-ли, друзья, народъ неугнетенный и рабство павшее по манію царя.

А. Пушкинъ.

Историческая трагедія.

Предисловіе проф. К. И. Арабажина.

Передъ нами интересная работа, выполненная А. П. Тупинымъ: Собраніе газетныхъ статей о Прибалтійскомъ краѣ, появившихся за первые четыре мѣсяца великой войны въ русской печати.

Какъ всякая работа, совершенная нѣсколько наспѣхъ во дни великой тревоги и общаго подъема гражданственности, — трудъ г. Тупина носитъ черты злободневности, но въ этомъ его достоинство. Онъ заключаетъ многіе цѣнные штрихи и блестки настроенія и переживанія современниковъ, закрѣпляя ихъ въ памяти и давая возможность съ большей яркостью и красочностью представить картину національныхъ и соціальныхъ отношеній Прибалтійскаго края.

Было бы большою ошибкою видѣть въ конфликтѣ, существующемъ между нѣмецкимъ слоемъ Прибалтійскихъ провинцій съ одной стороны и латышскимъ и эстонскимъ народомъ съ другой—нѣчто такое, въ чемъ обычно усматриваютъ черты націоналистической нетерпимости и травли „инородца" со всѣми ея пріемами, столь популярными въ извѣстной части нашей печати. Прибалтійскій вопросъ — явленіе сложное, требующее серьезнаго и вдумчиваго изученія. Тутъ непримѣнимы тѣ два трафарета, которые такъ обычны въ средѣ рядовыхъ русскихъ обывателей. По одному трафарету: „бей инородца", по другому: „нѣсть эллинъ, ни іудей" и потому не говори дурно ни о какой народности. Прежде всего нѣмецъ не „инородецъ". Это представитель мощной націи, высшій классъ которой въ Остзейскомъ краѣ являлся резервуаромъ, откуда черпались наши государственные дѣятели и многіе политическіе взгляды. По отношенію нѣмцевъ отнюдь не можетъ быть примѣненъ принципъ охраны и защиты угнетенной народности. Нѣмецъ не угнетенъ и не беззащитенъ. Полныя глубокой трагедіи отношенія этого „инородца" ко всей Россіи и

въ особенности къ латышамъ и эстамъ заслуживаютъ внимательнаго анализа и требуютъ своего коренного пересмотра и во имя справедливости и во имя Государственной необходимости. Суть дѣла не въ травлѣ, не въ ненависти, а въ трагическомъ положеніи эсто-латышскаго населенія въ тискахъ старо-феодальныхъ привиллегій, которыми обезпечили себѣ и власть, и силу, и богатство хозяева края — балтійскіе бароны.

Національный антагонизмъ въ Прибалтійскомъ краѣ совпадаетъ съ антагонизмомъ соціальнымъ. Нѣмецкій элементъ это могущественное баронство и частью зависящее отъ его капиталовъ и власти бюргерство; эсты и латыши нисшіе классы населенія: крестьяне, батраки, рабочіе и значительная часть мелкаго бюргерства. Отсюда обычная картина внутренней распри въ краяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, слои котораго совпадаютъ съ соціальными слоями, нѣчто въ родѣ того, что мы находимъ въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ, но только съ тѣми невыгодами, что у эстовъ и латышей нѣтъ хотя бы части своего дворянства, какъ у малороссовъ и бѣлоруссовъ.

Ненависть эстовъ и латышей къ нѣмцамъ совершенно лишена шовинистическаго элемента. И латыши, и эсты — трудолюбивое, культурное населеніе, умѣющее уважать чужія права, чужую культуру. Въ ихъ отношеніяхъ съ нѣмцами нѣтъ ни тѣни „зоологическаго" національзма. Это борьба за свои культурные права, за возможность существованія, за правильное развитіе экономической жизни, за права и гражданственность, хотя въ ея элементарной формѣ, за сохраненіе своего національнаго лица.

Латыши и эсты — мирное населеніе честныхъ тружениковъ, огромнымъ упорствомъ трудовой энергіи, обезпечивающихъ себѣ возможность существованія въ тяжелыхъ хозяйственныхъ условіяхъ быта, созданнаго привиллегіями бароновъ и строгою системой чисто феодальныхъ отношеній. Эсты и латыши не сепаратисты. Они искренно убѣждены, что ихъ жизненные интересы крѣпко спаяны съ интересами всего русскаго народа. Мудрая политика, намѣченная еще Самаринымъ въ его извѣстныхъ трудахъ, могла бы создать на балтійскомъ побережьѣ цвѣтущій эсто-латышскій край, нашихъ горячихъ друзей и приверженцевъ, преклоняющихся передъ русскою культурою и литературою и вѣрящихъ въ сокрытыя въ ней, хотя еще и не совсѣмъ проявившіяся, прекрасныя возможности.

Эстонско-латышское дѣло должно быть близко нашему

сердцу. Нельзя больше допускать господства средневѣковыхъ привиллегій, тормозить нормальное развитіе общественныхъ отношеній, оставлять культурные народы въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыми живетъ русскій народъ.

Десять лѣтъ назадъ бароны искустно воспользовались общественнымъ движеніемъ, охватившимъ эстовъ и латышей, какъ и всѣ другіе народы Россіи, чтобы выставить ихъ элементомъ глубоко не благонадежнымъ и революціоннымъ. Это было, конечно, несправедливо. Это былъ скверный тактическій пріемъ, къ сожалѣнію очень сильный и нужный баронамъ, чтобы отстоять свои феодальныя права. И мы знаемъ, какъ безжалостно расправились они съ населеніемъ края. Теперь пришелъ чередъ эстовъ и латышей. Они могутъ выдвинуть сильные аргументы въ пользу политической нелояльности нѣмецкихъ бароновъ. Они могутъ привести много по истинѣ возмутительныхъ фактовъ. Книга, предлагаемая г. Тупинымъ, полна такими фактами, неопровергнутыми пока, и заключающими много такого, что говоритъ и о поведеніи и о симпатіяхъ бароновъ, далеко не въ утѣшительномъ тонѣ. Было бы однако несправедливо торопиться дѣлать обобщенія на основаніи этихъ (фактовъ) данныхъ. Да это и не такъ важно. Нельзя весь народъ обвинять въ революціонной неблагонадежности; нельзя, конечно заподозрить весь нѣмецкій слой населенія Остзейскаго края въ политической измѣнѣ, хотя, конечно, и не видно въ немъ особеннаго патріотизма. Но если бы нѣмцы были патріоты изъ патріотовъ и всѣ самыми „истинно русскими“ людьми, все-же не слѣдуетъ сохранять за ними такія преимущества въ краѣ, которыя не совмѣстимы съ основными понятіями гражданскаго общежитія не только въ двадцатомъ вѣкѣ, но и въ предыдущемъ.

Нужды эстовъ и латышей чрезвычайно просты и легко могутъ быть удовлетворены. Имъ нужно земство по типу тѣхъ, которыя существуютъ въ центральныхъ губерніяхъ и думается намъ хотя-бы по положенію 1864 г. Одновременно необходимы реформы экономическія, намѣченныя въ проэктѣ урегулированія земельной нѣмецкой собственности. Было бы величайшей ошибкою, если бы этотъ проэктъ обошелъ остзейскія губерніи во имя интересовъ бароновъ. Затѣмъ нужно поставить болѣе независимо непосредственныя отношенія къ центральнымъ органамъ управленія крестьянскіе банки.

И чтобы разобраться во всемъ этомъ, нужно немедля послать въ Прибалтійскій край для изученія его нуждъ комиссію изъ свѣдущихъ людей, а также сенаторскую ревизію, съ распубликованіемъ въ печати ея трудовъ.

Время не ждетъ. Честное, благородное, преданное Россіи трудовое населеніе ждетъ отъ насъ скорой и братской помощи и справедливости.

Проф. **К. И. Арабажинъ.**

Петроградъ, Декабрь 1914 г.

Патріотизмъ мѣстнаго населенія.

Рѣчь члена Государственной Думы Гольдмана.

26 іюля 1914 года.

Гг. Члены Государственной Думы. Одинъ изъ первыхъ выстрѣловъ непріятеля прогремѣлъ въ томъ краѣ, представителемъ котораго я являюсь. Это было у г. Либавы, Курляндской губ. Но повелитель Германіи глубоко ошибался, если онъ ожидалъ, что эти выстрѣлы найдутъ отзвукъ въ мѣстномъ населеніи въ какихъ-нибудь враждебныхъ выступленіяхъ противъ Россіи. Наоборотъ, отъ населенія Прибалтійскаго края, гдѣ подавляющее большинство латыши и эстонцы, въ отвѣтъ на этотъ выстрѣлъ столь же громко прогремѣло „да здравствуетъ Россія". (Слѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія и голоса: браво). И такъ это будетъ и дальше, даже при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Среди латышей и эстонцевъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не сознавалъ, что все то, что ими достигнуто, это достигнуто только подъ защитою русскаго орла (рукоплесканія), и что все то, что латыши должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтійскій край и въ будущемъ будетъ какъ нераздѣльная часть великой Россіи. (Слѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія). Поэтому вы можете видѣть теперь у насъ какой подъемъ духа, какой энтузіамъ сталъ на защиту своего дорогого отечества, что для нарисованія правильной картины объ этомъ—самыя яркія краски были бы совершенно блѣдны. Эти великіе дни доказываютъ, что ни національность, ни языкъ, ни вѣроисповѣданіе не мѣшаютъ намъ, латышамъ и эстонцамъ, быть горячими патріотами Россіи и стать на защиту своего отечества, стать плечемъ къ плечу съ великимъ русскимъ народомъ противъ дерзкаго врага. Въ море крови, въ которомъ захотѣлъ купаться сидящій въ Берлинѣ тиранъ Европы (рукоплесканія и голоса: вѣрно), въ это море вольютъ латыши и эстонцы свою послѣднюю каплю крови, чтобы этотъ, постоянно угрожающій міру, человѣкъ нашептывающій всегда злѣйшіе совѣты своимъ

сосѣдямъ (голоса: правильно), чтобы этотъ человѣкъ не только купался въ этомъ морѣ, но и утонулъ бы тамъ (рукоплесканія). Въ эти великіе дни мы докажемъ, что мы способны не только на патріотическіе порывы, но и на сдержанность относительно внутренняго порядка, какъ необходимаго залога успѣха оружія на полѣ битвы (голоса: вѣрно, правильно). У насъ много счетовъ съ нашими прибалтійскими нѣмцами, но мы не будемъ съ ними теперь считаться. Когда пройдутъ грозные, тяжелые дни отечества, тогда мы представимъ это вашему разсмотрѣнію, гг. народные представители, и я глубоко убѣжденъ, что при новомъ свѣтѣ солнца мира уже не будетъ многихъ такихъ предразсудковъ, которые до сихъ поръ, можетъ быть, у одного—другого могли быть. Поэтому въ настоящее время для насъ, латышей и эстонцевъ, выше всего одна цѣль: отбить натискъ общаго врага. Для достиженія этой цѣли я въ настоящую историческую минуту торжественно заявляю съ этой трибуны отъ имени латышскаго и, по порученію эстонскихъ депутатовъ, эстонскаго народа, что мы, латыши и эстонцы, въ настоящей святой и справедливой борьбѣ пойдемъ съ русскимъ народомъ до конца. Не только наши сыновья, братья и отцы будутъ героически сражаться въ рядахъ арміи, но непріятель найдетъ и дома у насъ въ каждой хижинѣ, на каждомъ шагу, отъ мала до велика, своего злѣйшаго врага, которому, да, онъ можетъ отнять голову, но отъ котораго, даже умирающаго, онъ услышитъ только одно: да здравствуетъ Россія! (Слѣва, въ центрѣ и справа бурныя и продолжительныя рукоплесканія).

Латыши. Много пришлось мнѣ понаблюдать ихъ самому, много удалось услышать объ нихъ и отъ русскихъ въ Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ. И могу смѣло сказать, что съ латышами мы можемъ быть совершенно спокойными въ смыслѣ государственной безопасности. Если въ 1905 году среди нѣкоторой части латышскаго населенія, въ особенности среди молодежи и наблюдались эксцессы, то гдѣ ихъ не было въ самомъ дѣлѣ? А если отбросить латышскихъ соціалъ-демократовъ, субсидируемыхъ Германіей и презираемыхъ всей массой народа, то что останется отъ той „опасности", которой запугиваются петербургскія правящія сферы? Мнѣ описывали русскіе рижане тотъ энтузіазмъ, съ которымъ откликнулись Латыши на призывъ Русскаго Царя къ борьбѣ съ ненавистной Германіей. Съ пѣніемъ гимна, украшенные русскими

національными флажками, возбужденные, радостные, они шли рядомъ съ Русскими въ манифестаціяхъ, и потомъ, во время явки на призывные участки никто не видѣлъ среди нихъ печально-настроенныхъ, никто не слышалъ отъ ихъ женъ и невѣстъ ни слова упрека судьбѣ... Въ Венденскомъ уѣздѣ, по разсказу очевидца, толпа Латышей чуть не до смерти избила одного провокатора, который началъ было произносить рѣчь о необходимости использовать удобный случай въ революціонномъ движеніи. А въ самой Ригѣ, на одной изъ фабрикъ рабочіе Латыши сами потребовали отъ администраціи поимки провокаторовъ, разбросавшихъ на лѣстницѣ прокламаціи съ воззваніемъ уклоняться отъ призыва въ войска...

Въ Петроградѣ до послѣдняго времени среди многихъ общественныхъ круговъ царило мнѣніе, будто Латыши склонны къ сепаратизму... Это мнѣніе, искусно культировавшееся въ столицѣ Нѣмцами, сразу показало свою полную несостоятельность въ первые дни войны. Война явилась въ Россіи какъ бы тѣмъ алмазомъ, которымъ отличаютъ драгоцѣнные камни отъ фальшивыхъ. Она сразу опредѣлила вѣрность и благородство однихъ, и фальшь и поддѣльную лояльность другихъ. Наряду съ благородствомъ родной намъ Польши, съ рыцарствомъ кавказскихъ народовъ, Латыши, какъ и Эстонцы, проявили свою любовь къ тому Царю, отъ котораго они только и могутъ ждать счастливаго будушаго и радостнаго осуществленія своихъ историческихъ явленій. Латышамъ некуда больше идти. Не въ Германскомъ морѣ ихъ будущее историческое плаваніе: корабли для германскихъ пристаней Латыши сожгли не сами, ихъ сожгли давнымъ-давно Нѣмцы, и теперь одна Россія можетъ спасти отъ исчезновенія въ океанѣ исторіи маленькій двухмилліонный народъ. Чтобы не быть голословнымъ, я напомню хотя бы юбилейныя торжества 1910 года по случаю 200-лѣтія присоединенія Прибалтійскаго края къ Россіи. Какъ говоритъ авторъ книги „Латыши" г. Новоселовъ, „всѣ латышскія газеты самыхъ различныхъ направленій пришли къ заключенію, что лучшая пора для латышскаго народа настала лишь при господствѣ Русскихъ въ краѣ". И распространенная газета „Дзимтенесъ Вестнесисъ", и „Латвія" и „Я. Д. Лапа", и „Ригасъ Авизе"—всѣ приблизительно въ одномъ духѣ выражались, что „для Латышей настали новыя времена, поставившія народъ въ лучшія условія жизни". А „Ригасъ Авизе" совершенно правильно замѣчаетъ, что о „Латышахъ въ эпоху нѣмецкаго

владычества знали лишь, что они—рабочая сила“, а теперь, „спустя 200 лѣтъ, мы видимъ русскій народъ, стоящимъ наравнѣ съ нѣмецкимъ и самостоятельно празднующимъ юбилей присоединенія къ великой Россіи“. Газета „Я. Д. Лапа“ писала: „У Латышей тѣ же стремленія, какъ и у Русскихъ. Эти стремленія заключаются въ томъ, чтобы содѣйствовать процвѣтанію государства и давать народу возможность свободно развивать свою дѣятельность для достиженія общаго благополучія. Поэтому-то уже издавна наблюдается культурное сближеніе Латышей съ Русскими, съ идеями русскихъ мыслителей, съ русской литературой и искусствомъ“. По свидѣтельству того же Ю. Новоселова, когда въ „Русскомъ обществѣ просвѣщенія Курляндской губерніи“ возникла мысль „о взаимной поддержкѣ и совмѣстной работѣ русскихъ и латышскихъ просвѣтительныхъ учрежденій“, то латышская печать очень сочувственно встрѣтила это начинаніе... „Латышамъ Русскіе ближе, чѣмъ Нѣмцы“,—писала газета „Латвія“. „Мѣстное православное духовенство,—писала газета по поводу ухода изъ Риги преосвященнаго Агаѳангела,—стоитъ къ населенію ближе, чѣмъ нѣмецкіе лютеранскіе пасторы...“.

Такъ было въ 1910 г. Что же касается нынѣшнихъ настроеній, то о нихъ, конечно, и говорить не приходится. Въ настоящее время, безъ сомнѣнія, Латыши съ любовью относятся ко всему русскому. Въ Ригѣ мнѣ случайно пришлось побывать въ латышскомъ театрѣ. И на программѣ концерта я увидѣлъ на первомъ мѣстѣ Чайковскаго, Бородина и 1-ю симфонію Калинникова...

На что былъ хорошимъ германофиломъ бывшій курляндскій губернаторъ Князевъ, при которомъ такъ благополучно прошла нѣмецкая колонизація Курляндіи. И тотъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ писалъ, что „ядро латышскаго народа здорово“, и что „среди Латышей нѣтъ недостатка въ политически зрѣлыхъ и дальновидныхъ дѣятеляхъ“. И можно съ увѣренностью сказать, что при введеніи земства въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, не того, конечно, суррогата земства, о которомъ хлопочутъ бароны, а настоящаго, основаннаго на разумно-справедливыхъ началахъ, при введеніи земства, при уничтоженіи дворянскихъ привилегій, освобожденіи латышскаго крестьянства отъ ярма всякихъ дорожныхъ и прочихъ повинностей,—при коренныхъ реформахъ края, мы изъ Латышей сдѣлаемъ разъ навсегда вѣрныхъ сыновъ Россіи, въ ихъ лицѣ построимъ прочную нерушимую стѣну между собою и Пруссіей.

Прибалтійскіе Нѣмцы, которые выражаются про Латышей, будто даже „лучшій изъ нихъ достоинъ висѣлицы“ и что „на Латышахъ полезно пахать дворянскую землю“, эти Нѣмцы убѣждают Петроградъ не только въ томъ, что это—народъ сплошь состоящій изъ революціонеровъ. Они стараются убѣдить правящія сферы и въ низкомъ культурномъ и экономическомъ уровнѣ Латышей. Между тѣмъ вотъ что говоритъ статистика землевладѣнія Курляндской губерніи. По свѣдѣніямъ, находящимся въ трудѣ Лудмера, въ 1905 г. Нѣмцамъ-дворянамъ и Латышамъ принадлежитъ почти поровну—по одному милліону десятинъ земли пахотной, пастбищной, лѣсовъ и проч. И по таксаціи митавскаго кредитнаго общества, въ которомъ таксаторами являются Нѣмцы, выходитъ все-таки, что крестьянская земля въ среднемъ стоитъ по культурѣ выше помѣщичьей! Въ 1911 году кредитное общество оцѣнивало одну десятину заложенныхъ дворянскихъ земель въ 52 р. 32 к., а десятину крестьянскихъ въ 81 р. 78 к. Такимъ образомъ стоимость всей помѣщичьей земли Курляндіи оцѣнивается имъ въ 52.320,000 руб., а крестьянской въ 81.780,000 руб. Конечно, дѣйствительная стоимость земли не совпадаетъ съ оцѣночной. Но она пропорціонально выше какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Десятина крестьянской земли круглымъ счетомъ оцѣнивается въ Курляндіи въ 300 руб., исключая стоимости построекъ, инвентаря и проч.

Латышскихъ крестьянъ, у которыхъ средняя усадьба колеблется около 50 десятинъ и содержитъ въ себѣ и пахотную землю, и пастбище, и огороды, никакъ нельзя причислить къ „некультурному“, невѣжественному классу, какъ это изображаютъ Нѣмцы, боясь опасной для ихъ привилегій земской реформы. Мнѣ удалось провести день въ глубинѣ Курляндіи и осматривать усадьбы крестьянъ средняго достатка. И я только позавидовалъ Латышамъ, вспомнивъ нашу деревню. Прекрасный деревянный домъ въ нѣсколько комнатъ, передняя, балконъ, небольшой фруктовый садъ передъ окнами... Въ „гостиной“ сидитъ самъ хозяинъ, и передъ нимъ на столѣ три газеты, которыя онъ получаетъ ежедневно по почтѣ. Узнавъ, что меня интересуетъ его хозяйство, онъ привѣтливо соглашается показать свою „небогатую“, какъ онъ говоритъ, усадьбу, и ведетъ сначала по полю, гдѣ уже взошла густая озимая рожь, потомъ показываетъ огородъ, гдѣ видна на грядкахъ великолѣпная свекла въ среднемъ около восьми фунтовъ каждая, и наконецъ приводитъ въ свинарникъ демонстри-

ровать свиней, въ которыхъ я, кстати сказать, занимаясь людьми, очень мало что смыслю. Но что мнѣ бросилось въ глаза въ этомъ свинарникѣ и, затѣмъ, въ рядомъ стоящемъ коровникѣ—это цементированный полъ, которому можетъ позавидовать любая петроградская площадь!

Повторяю: я былъ не въ лучшей, а въ средней латышской усадьбѣ. И тѣмъ не менѣе встрѣтилъ три газеты, гостиную, нѣсколько коровъ замѣчательной породы и не менѣе замѣчательныхъ свиней. Чего же можно ожидать отъ крестьянина болѣе крупнаго достатка? А въ Курляндской губерніи такихъ крестьянъ, которые имѣютъ усадьбы отъ 50 до 100 десятинъ—2.142!

Недурно поставлено у Латышей и дѣло сельскохозяйственныхъ товариществъ. Два главныхъ общества работаютъ у нихъ въ большихъ размѣрахъ, устраивая сельскохозяйственныя выставки, опытныя хозяйства, открывая учебныя заведенія, нанимая инструкторовъ, издавая сельскохозяйственные журналы, книги, брошюры. Эти общества—„Экономическое общество и „Центральное общество", которыя соревнуютъ другъ съ другомъ въ поднятіи сельскохозяйственнаго уровня крестьянскихъ хозяйствъ, проводятъ въ жизнь тѣ или иныя идеи экономическаго порядка и даже враждуютъ иногда одно съ другимъ, когда дѣло доходитъ до вопроса о томъ, какія коровы лучше: свои, латышскія, или голландско-нѣмецкія. Въ послѣднемъ спорѣ о породахъ коровъ тренія между обществами доходятъ до наивнѣйшихъ предѣловъ, такъ какъ коровы заставляютъ однихъ хозяевъ быть „западниками", и считать, что нужно брать съ Запада все, что есть у него лучшаго, а другихъ идти въ лагерь „самобытныхъ", считающихъ западныхъ коровъ негодными для прибалтійскаго климата и часто больными туберкулезомъ...

Я привелъ этотъ споръ о коровахъ и „западникахъ" не для комизма, а для того, чтобы показать, насколько сознательно относятся Латыши къ вопросамъ сельскаго хозяйства и улучшенія его опытнымъ способомъ. Скотоводство въ Курляндіи—одно изъ образцовыхъ въ Россіи, если не самое образцовое; много усадебъ переходитъ также къ культированію плодовыхъ деревьевъ, къ садоводству и огородничеству. Сельскохозяйственные курсы открыты здѣсь во многихъ мѣстахъ, въ Дзирцомѣ, въ Нигранденѣ, въ Шкибѣ, въ Ауцѣ, въ Лидерѣ, въ Пуре, и въ другихъ уголкахъ края; въ Якобштадтѣ есть курсы молочнаго хозяйства; курсы домоводства есть въ Арлавѣ, въ Вильце, въ Гоппенгофѣ, въ Лен-

сцемѣ, курсы птицеводства—въ Эзерѣ. Я перечислилъ курсы только одного Экономическаго товарищества, да и то не всѣ. А если взять еще „Центральное общество“... Вы видите, что Латыши не дикари, на которыхъ можно пахать, какъ выражаются Нѣмцы. По одной оцѣнкѣ крестьянской земли видно, что культура занятыхъ ими площадей выше помѣщичьей. Я не говорю уже о городскихъ Латышахъ—интеллигентахъ, которые имѣютъ и свои банки, и кредитныя общества, и успѣшно конкурируютъ съ Нѣмцами, несмотря на то, что русская мѣстная администрація почти всегда играетъ въ руку Нѣмцамъ въ борьбѣ ихъ съ Латышами. А если взять процентное отношеніе Латышей, обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то оно не оставляетъ никакого сомнѣнія въ быстромъ культурномъ ростѣ народа. Въ 1908 году высшія учебныя заведенія посѣтило 2,078 лицъ, изъ которыхъ большинство—дѣти крестьянъ. Въ латышскомъ краѣ, какъ и у Эстонцевъ, вполнѣ обычное явленіе—крестьянинъ отецъ и сынъ студентъ. Окончивъ высшее учебное заведеніе, сынъ не забываетъ земли. Часто можно видѣть такого сына помогающимъ отцу въ родномъ хозяйствѣ, и среди крестьянъ края вы нерѣдко встрѣтите Латыша, который днемъ вмѣстѣ съ отцомъ и съ батраками занимается коровами, свеклой и свиньями, а вечеромъ читаетъ исторію философіи, или небесную механику Лапласа... Уже сорокъ лѣтъ, какъ въ Курляндіи введено всеобщее образованіе, и неграмотнаго Латыша въ усадьбѣ встрѣтить такъ же невѣроятно, какъ грамотнаго Латыша въ гостяхъ у барона...

Вотъ бѣглая характеристика народа, который оказался вѣрнымъ и преданнымъ Россіи въ трудное время. Нѣтъ сомнѣнія, что съ такимъ культурнымъ народомъ русское правительство найдетъ общіе пути въ будущемъ, такіе пути, по которымъ можетъ идти и свободное культурное преуспѣяніе края, и государственные интересы Россіи въ ея основныхъ историческихъ задачахъ.

(Нов. Вр. Октябрь, А. Ренниковъ).

Латыши-патріоты. Въ журналѣ „Вѣстникъ православныхъ латышей“ напечатана статья рижскаго епархіальнаго миссіонера Ѳедора Антоновича Буцена, озаглавленная: „Побольше осторожности и благоразумія“. Статья эта не что иное, какъ искреннее прочувствованное и вылившееся изъ наболѣвшаго сердца воззваніе къ своему народу. Авторъ хорошо оцѣнилъ данный моментъ и

прекрасно знаетъ симпатіи и чувства своего народа. Знаетъ и боится за него: накопившійся отъ многовѣковаго нѣмецкаго угнетенія у латышскаго крестьянина горючій матеріалъ готовъ вспыхнуть и взорваться, и потому авторъ и взываетъ къ своему народу: побольше осторожности и благоразумія.

До сихъ поръ русскіе читатели мало знали о томъ тягостномъ положеніи въ какомъ находятся латыши и эсты, населяющіе юго-восточное побережье Балтійскаго моря. Поэтому приводимъ вышеупомянутую статью г. Буцена съ небольшими сокращеніями. Вотъ она:

„Уже давно у высокомѣрныхъ нѣмцевъ существуетъ стремленіе выражающееся въ словахъ „Drang nach Osten“ (стремленіе къ востоку). Уже съ незапамятныхъ временъ обитатели прибережья Балтійскаго моря—латыши и эсты—должны были на себѣ съ горечью испытать результаты этого стремленія. Чтобы не быть окончательно уничтоженными, имъ каждый шагъ приходилось дѣлать съ величайшею осторожностью и благоразуміемъ. Это надобно отнести особенно къ тому времени, когда стало пробуждаться и проясняться національное самосознаніе этихъ народовъ, когда мѣстные жители, хотя смутно еще, но стали уже понимать свои политическія и соціальныя права. Въ старыя же „добрыя времена“, когда порабощенный народъ былъ еще настолько наивенъ и невѣжественъ, что принималъ отъ своихъ нѣмецкихъ господъ, какъ отъ Всесильнаго Бога, все, что они пожаловали имъ—порку, палку, рабство, ругательства и всякаго рода издѣвательства и униженія; и такъ же безропотно, хотя и съ скорбящимъ сердцемъ, отдавалъ имъ все, чего только они потребовали,—тогда „жилось хорошо“, тогда были совсѣмъ излишними политическіе взгляды и не была нужна осторожность. Но по мѣрѣ того, какъ опредѣлялись политическіе и хозяйственные взгляды латышей, въ тотъ періодъ времени, когда выяснялась имъ важность территоріальнаго ихъ положенія близъ границы и побережья моря,—общественная жизнь латышей въ ихъ поступкахъ, какъ въ сельскомъ, такъ и въ городскомъ самоуправленіи, требовала все больше и больше осторожности и политическаго пониманія.

Какъ это ясно видно еще изъ печальныхъ событій 1905 года, нѣмецкіе бароны, эти приверженцы политики „Drang'a nach Osten“, ловко сумѣли использовать ошибки латышей. Стоитъ намъ только обратиться къ недавнему прошлому, когда латыши и эсты, черезчуръ подавленные нѣмецкимъ „дрангомъ“, въ отчаяніи искали

спасенія подъ покровомъ св. православной Церкви, которая съ состраданіемъ простирала имъ свои руки, тогда намъ станетъ ясно, что предыдущее движеніе латышей и эстовъ приверженцы политики „дранга“, нѣмецкіе бароны, намѣренно истолковали правительству въ выгодномъ для нѣмцевъ свѣтѣ, а именно—не возмущеніемъ противъ нихъ, а противъ правительства.

Теперь-же, когда наша дорогая Родина посылаетъ лучшихъ сыновъ противъ создателей политики „дранга“ и вообще противъ варварской культуры нѣмцевъ, когда латыши такъ ясно и непреложно проявляютъ свою великую любовь и преданность престолу Великой Россіи и такимъ образомъ, наносятъ смертельный ударъ политикѣ „Drang nach Osten“ и тѣмъ нѣмцамъ, которыя до сихъ поръ не переставали оглядываться на „Vaterland“,—можемъ догадываться, съ какой ненавистью и смертельной злостью смотрятъ на насъ защитники и основатели упомянутой политики.

Но мы, въ особенности теперь не смѣемъ думать, что врагъ уже пораженъ, нѣтъ, напротивъ—мы должны держать ухо востро, еще больше осторожности и благоразумія; хитрость въ предсмертной агоніи можетъ превзойти всю ея прежнюю силу. Теперь, когда государству нужно единогласіе и взаимное пониманіе другъ друга, и должна быть забыта борьба за политическіе взгляды и убѣжденія, агенты „фатерланда“ самымъ постыднымъ образомъ стараются распространить среди латышей враждебныя правительству и православію стремленія. Весьма часто въ рабочихъ районахъ, на улицахъ, во дворахъ и на загородныхъ дорогахъ появляются возмутительныя воззванія—не итти войной противъ нѣмцевъ и возстать противъ правительства Стараются внушить наиболѣе довѣрчивымъ слоямъ народа самыя нелѣпыя вещи—будто латышей намѣренно посылаютъ въ передовыя позиціи; будто съ другихъ мѣстностей призывается мобилизаціей гораздо меньше воиновъ, чѣмъ изъ Прибалтійскаго края; будто послѣ войны насильно заставятъ принять всѣхъ Православіе, и—всякую другую чепуху. Ходятъ даже слухи, будто нѣкоторые пасторы открыто возмущаютъ народъ противъ правительства и совѣтуютъ обождать лучше прихода нѣмцевъ. И если все это еще не помогаетъ, тогда съ другой стороны соблазняютъ народъ большими выгодами, которыя будто бы выпадутъ на долю поляковъ, литовцевъ и латышей, послѣ побѣды Германіи. Но въ ходъ пускаютъ еще и третье средство, а именно—провакацію: стараются вызвать латышей какъ нибудь къ насильственнымъ дѣйствіямъ, за которыя законъ строго караетъ

въ мирное, а тѣмъ болѣе въ военное время. Послѣднее и самое печальное явленіе, однако, это—довѣріе многихъ изъ молодого поколѣнія въ благодѣтельности идей и стремленій нѣмецкой соціалъ-демократіи. Это не что иное, какъ предательство народа и Отечества, противъ котораго въ данный моментъ долженъ возстать каждый честный и сознательный человѣкъ. Кажется,—ложь нѣмецкой соціалъ-демократіи уже доказана. Въ Германіи ихъ было очень много въ парламентѣ и всѣ они единодушно присоединились къ кровожадному стремленію своего коронованнаго правителя; а такъ недавно еще нѣмецкіе соціалисты заявили: „Германскіе рабочіе сумѣютъ постоять за миръ и благополучіе государства"...

Суммируя все это, мы приходимъ къ выводу, что намъ, латышамъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, все еще придется держать ухо востро—все еще надо проявить побольше осторожности и благоразумія. Съ самаго начала войны и до сихъ поръ вся эта хитрость нѣмцевъ не дала еще никакихъ желательныхъ для нихъ результатовъ: латыши стойко держатся патріотическихъ началъ, но кто можетъ поручиться, что въ будущемъ латыши не ошибутся и сумѣютъ отличить истину отъ лжи, что они съ презрѣніемъ отвернутся отъ возмутительной политики нѣмцевъ. Никакія жертвы на алтарь отечества намъ, латышамъ, не должны казаться непосильными и никакія препятствія насъ не должны воздержать отъ нихъ. И если бы были произведены еще пять мобилизацій, и если бы мы были призваны нашимъ возлюбленнымъ Царемъ всѣ съ 15-лѣтняго до 45-лѣтняго возраста,—мы пойдемъ съ радостью и воодушевленіемъ. И если необходимость заставитъ насъ отдать для нуждъ войска, хотя бы безъ должнаго вознагражденія, послѣднюю корову изъ хлѣва,—мы съ радостью должны отдать ее. Наша обязанность вмѣстѣ съ Великой Матушкой Россіей—или побѣдить или умереть на полѣ брани.

Мы, латыши, можемъ гордиться, что ни одинъ изъ нашихъ сыновей не значится въ рядахъ измѣнниковъ, каковы случаи были съ двуличными нѣмцами—въ Плоцкѣ и въ другихъ мѣстахъ. Наша дорога одна—слиться отъ всего сердца съ нашимъ Отечествомъ. И если мы серьезно заглянемъ въ свое прошлое, тогда убѣдимся, что всѣ наши ошибки, неудачи и страданія главнымъ образомъ происходили отъ того давленія на насъ политиковъ „Drang'a nash Osten".

Далѣе авторъ указываетъ на тѣ печальныя послѣдствія

войны и на ту картину разрушенія и развала, которая имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ проходили варварскія нѣмецкія войска.

Да избавитъ насъ Господь отъ грѣха. Потому еще разъ онъ призываетъ народъ къ осторожности и строгой оцѣнкѣ нѣмецкихъ подвоховъ.

Изъ этого воззванія ясно видно, въ какомъ незавидномъ и угнетенномъ положеніи находились латыши, что за каждый неосторожный, необдуманный поступокъ, имъ приходилось расплачиваться кровью своихъ лучшихъ сыновъ. Такъ, напр., въ 1905 г., въ мѣстности, гдѣ правительственныя должности главнымъ образомъ занимали и до сихъ поръ занимаютъ нѣмцы, гдѣ крестьяне находятся въ полной зависимости отъ нѣмецкихъ ландтаговъ и вообще отъ бароновъ, нѣмцы превращали ихъ въ послушныя орудія для проведенія своей политики.

Жаловаться было некуда,—такъ-какъ по пути къ высшимъ властямъ стояла толстая ограда—мѣстное нѣмецкое дворянство. Народу казалось, будто правительство покинуло ихъ на произволъ судьбы. Потому и немудрено, что латыши—народъ угрюмый, недовѣрчивый и скрытный. Но, считаясь съ статьей г. Буцена, изъ которой видно, сколько осторожности и благоразумія требовалось у народа въ этой сложной борьбѣ за свою самостоятельность и, сколько ея требуется и въ данный моментъ, чтобы еще разъ не пасть жертвою нѣмецкой политики пресловутаго „дранга“, повторимъ и мы вмѣстѣ съ Ѳ. А.—больше, какъ можно больше осторожности и благоразумія.

(Колоколъ, 9 Окт.).

Вѣковые страдальцы. На нашей родинѣ насъ, Латышей, считаютъ только за рабочій скотъ. И давно уже взоры наши направлены въ сторону Петрограда, давно уже латышскій народъ ждетъ освобожденія отъ нѣмецкой „культуры“. Вѣками страдаемъ мы отъ нея, и если русскій народъ только теперь вполнѣ позналъ суть нѣмецкой культуры, то мы, Латыши, уже давно на своихъ спинахъ научились понимать ее. Латышскій народъ мечтаетъ о русскихъ учрежденіяхъ и русскихъ законахъ въ томъ видѣ, въ какомъ они примѣняются во всей необъятной Россіи. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы родина его называлась уже не „Ostseeprovinzen“, а составляла бы равнообязанную и равноправную часть Великой Россіи.

И если мы, Латыши, чего-нибудь достигли, то нѣмецкіе ба-

роны, за рѣдкими исключеніями, спокойно могутъ умыть руки и сказать, что они тутъ ни при чемъ. Если мы въ настоящее время нѣсколько причастны къ культурѣ, за это мы безконечно обязаны лишь Россіи и русскому народу.

Но сильно еще нѣмецкое вліяніе въ нашемъ краѣ, настолько сильно, что даже русская администрація не чужда этого вліянія. Въ лицѣ нѣмецкихъ бароновъ мы ненавидимъ не представителей высшихъ классовъ, а носителей специфически нѣмецкой культуры. И мы безконечно благодарны обществу и русскому народу, понявшему насъ. Въ настоящее время, когда связанная съ громадными жертвами кровопролитная война рѣшаетъ судьбы двухъ культуръ, славянской и нѣмецкой, это пониманіе со стороны русскаго общества и русскаго народа намъ, Латышамъ, безконечно дорого. Оно даетъ новыя силы нашимъ братьямъ, борющимся тамъ, на театрѣ войны, въ рядахъ доблестной русской арміи, и они съ радостью отдадутъ свои силы и свою жизнь за своего Государя и за свое отечество. Они знаютъ, что побѣда русскаго оружія несетъ ихъ родинѣ все то, о чемъ давно мечтаетъ весь латышскій народъ, т. е. истинную культуру и процвѣтаніе. И нѣтъ той жертвы, которую съ радостью не несетъ въ настоящей войнѣ за своего Царя и за свое Отечество весь латышскій народъ.

(Веч. Вр. Окт.).

На древнюю столицу меченосцевъ! „Послѣ занятія Ротфлиса, Бишофсбурга, Зенсбурга и побѣдоноснаго шествія нашей арміи на Алленштейнъ (уже взятъ) приближается для насъ, Латышей и Литовцевъ, часъ отомщенія. На юго-западѣ отъ Эльбинга, на берегу рѣки Ногата; стоитъ Маріенбургъ, древняя столица ордена меченосцевъ. Отсюда хищническая шайка подъ названіемъ ордена меченосцевъ распространила свою жадную руку надъ древней Пруссіей, Литвой и землей Латышей (Ливоніей); отсюда они держали въ желѣзныхъ объятіяхъ нашу истекшую кровью и потомъ родину.

Еще теперь въ стѣнахъ этой тевтонской твердыни отдаются вздохи латышскихъ воиновъ, которые годами или всю жизнь задыхались въ темныхъ подвалахъ ордена. И вечернее солнце, зажигая своими лучами окна маріенбургскихъ башенъ, сохраняетъ неприкосновенной тайной печальные привѣты родины латышскихъ дѣвушекъ, взятыхъ заложницами и которыя чахли въ башняхъ какъ принужденныя любовницы меченосцевъ. Еще теперешнее

благосостоянiе основано на добычѣ, привезенной въ темныя осеннiя ночи изъ далекихъ литовско-латышскихъ странъ рыцарями-грабителями. Здѣсь еще раздается плачъ поруганной святыни Латышей и Литовцевъ! Здѣсь еще раздается плачъ изнасилованныхъ жрицъ и поруганныхъ бѣлыхъ одеждъ жрецовъ—Кривовъ!

Латышскiе воины, вмѣстѣ съ геройской русской армiей вы приближаетесь къ этому источнику страданiй нашихъ предковъ!

Прилагайте всѣ усилiя и все мужество, чтобы вскорѣ въ прахъ рухнули стѣны Марiенбурга! Латышскiе старики должны дожить до паденiя тѣхъ, кто нѣкогда держалъ ихъ въ рабствѣ! Латышскiя дѣвушки ожидаютъ, чтобы вы отомстили за поруганiе ихъ сестеръ! Умершiе прислушиваются въ гробахъ, какъ отнимаютъ кнутъ у тѣхъ, кто имъ били и всегда и всюду Латышей.

Впередъ, славою увѣнчанная русская армiя!

Мы, матери и сестры, перевяжемъ ваши раны; мы, старики, выкуемъ изъ плуговъ мечи, если ваши сотрутся въ бою! Мы, латышскiя невѣсты, будемъ ждать домой только героевъ! Не проходите мимо Голгоѳы нашихъ отцовъ!

(Веч. Вр. Авг.).

Литовская декларацiя. Великая Россiя переживаетъ годину тяжелыхъ испытанiй, и нѣтъ народа, населяющаго ее, который не раздѣлялъ бы съ нею той же участи. Вся Россiя остановится алтаремъ великихъ жертвъ.

Насталъ часъ просвѣтлѣнiя, часъ всеобщаго сдвига, часъ объединенiя. Сегодня Россiи суждено исправить рядъ вѣковыхъ ошибокъ.

Близится мигъ осуществленiя сѣдыхъ мечтанiй и литовскаго народа, воистину сѣдыхъ—начало они берутъ отъ великаго князя литовскаго Миндовта: въ день борьбы сокрушить тевтонскiй мечъ, въ день мира создать живую плотину народовъ, черезъ которую не прорваться волнамъ германизма.

Литовскiй народъ былъ первый, противъ котораго былъ направленъ натискъ тевтоновъ. Исторiя Литвы—это исторiя долгой, кровавой борьбы съ германизмомъ: и въ этой борьбѣ, не будучи Славянами, мы крѣпкими нитями связались со славянствомъ. Наше многовѣковое содружество съ русскимъ народомъ, создавшееся и окрѣпшее въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, ничѣмъ не омрачено за всю эпоху самостоятельной Литвы, когда литовскiй народъ

былъ вершителемъ судебъ литовско-русскаго государства и направителемъ своей воли.

Подъ ударами германизма одна вѣтвь литовскаго племени Пруссы—совершенно погибла, и присвоенное побѣдителемъ имя страны—единственно, что осталось отъ нея. Литовская жмудь неоднократно испытывала жестокую долю германскаго рабства и, наконецъ, раскроенная надвое, одною своей частью была закрѣпощена за Германцами подъ именемъ Восточной Пруссіи.

Въ теченіе послѣднихъ вѣковъ литовскій народъ понесъ много жертвъ и претерпѣлъ много перемѣнъ своей судьбы. Несмотря на иноземныя вліянія и на потерю многихъ, отрекшихся отъ него, онъ сумѣлъ сохранить свою самобытность и свою культуру.

Нынѣ насталъ рѣшительный часъ. Мы снова плечо къ плечу съ русскимъ народомъ вступаемъ въ упорную и тяжелую борьбу съ тевтонскимъ наслѣдіемъ—всепоглощающимъ германизмомъ, который теперь, спустя пять вѣковъ послѣ нанесеннаго ему рѣшительнаго удара, снова поднялъ голову и снова грозитъ славянству.

Мы вѣримъ, что нынѣшняя борьба—это послѣднее звено въ побѣдной цѣпи, начатый подъ Грюнвальдомъ, мы вѣримъ, что наши зарубежные братья по крови будутъ освобождены отъ германскаго ига и возсоединены съ нами, ибо историческая миссія Россіи—быть освободительницей народовъ. Россія ихъ объединитъ не ради поглощенія, а для мирнаго, культурнаго сотрудничества.

Весь литовскій народъ окрыленъ этой надеждой.

(Веч. Вр. Авг.).

Красный Крестъ, помощь раненымъ и семьямъ запасныхъ.

Наши Нѣмцы въ Красномъ Крестѣ. По нынѣ существующимъ обстоятельствамъ военнаго времени дѣло правильной организаціи помощи больнымъ и раненымъ предоставляется вопросомъ огромной важности и имѣетъ государственное значеніе и нельзя не обратить вниманіе на постановку этого дѣла въ рижскомъ мѣстномъ отдѣлѣ Краснаго Креста, въ которомъ вопросы санитарные и благотворительные явно уступаютъ мѣсто соображеніямъ націоналистическимъ, отнюдь нежелательнымъ, въ особенности при наличіи уже существующаго въ Прибалтійскомъ краѣ антагонизма между нѣмецкимъ и латышскимъ обществомъ.

Мѣстный отдѣлъ Краснаго Креста, находящійся подъ почетнымъ предсѣдательствомъ лифляндскаго губернатора фактически руководимый его помощниками—ландратомъ барономъ фонъ-Гольдштейномъ и баронессою Пиларъ-фонъ-Пильхау, съ самаго начала своей дѣятельности сталъ проявлять весьма странное, зачастую даже враждебное отношеніе къ лицамъ не нѣмецкой національности, желавшимъ предложить свои услуги. Имѣя составъ врачей, сестеръ милосердія и сидѣлокъ исключительно нѣмецкаго происхожденія, управленіе отдѣла систематически отказываетъ въ пріемѣ мѣстнымъ не только латышскимъ, но и русскимъ врачамъ и сестрамъ. Хорошо извѣстно, что русскія сестры милосердія г-жа Петренко, жена желѣзнодорожнаго служащаго, г-жа Савицкая, дочь отставного военнаго врача, и г-жа Дорина, сестра соборнаго дьякона, предлагали услуги отдѣлу, но были встрѣчены настолько неблагосклонно, даже обидно, что навсегда потеряли всякое желаніе посвятить свой трудъ и знанія этому учрежденію. Русская женщина-врачъ г-жа Никитская, желая работать въ отдѣлѣ въ качествѣ сестры милосердія, не могла этого добиться; ей лишь разрѣшили держать экзаменъ на сидѣлку и послѣ его окончанія упорно не желали въ дипломѣ помѣстить указанія на ея ученую степень женщины-врача. На ряду съ этимъ женщины-нѣмки принимаются на службу въ

отдѣлъ не только безъ затрудненій, но и часто безъ всякихъ основаній. Многочисленныя сидѣлки въ частныхъ рижскихъ клиникахъ—нѣчто среднее между сидѣлкою и прислугою—безъ всякой предварительной подготовки допускаются къ испытанію даже на званіе сестеръ милосердія, экзаменуются совершенно поверхностно и опредѣляются къ занятіямъ. Ни знанія, ни опыта у такихъ лицъ не оказывается; онѣ почти всѣ безъ исключенія совершенно не владѣютъ русскимъ языкомъ и потому являются совершенно далекими отъ нуждъ раненыхъ солдатъ. Неудивительно, если при общемъ исключительномъ употребленіи нѣмецкаго языка одинъ раненый солдатъ, доставленный въ лазаретъ въ безпамятствѣ и услышавшій при выздоровленіи кругомъ непонятный да еще нѣмецкій языкъ, рѣшился бѣжать, думая, что онъ въ плѣну. Имѣя совершенно достаточный контингентъ и даже избытокъ сестеръ и сидѣлокъ, отдѣлъ Краснаго Креста долго и систематически отказывалъ главному врачу рижскаго военнаго госпиталя въ присылкѣ таковыхъ, несмотря на то, что по закону онъ такое требованіе обязанъ былъ исполнить. Наконецъ, когда вслѣдствіе понужденія центральнаго отдѣла сестры были посланы, главный врачъ долженъ былъ отказаться отъ ихъ услугъ, такъ какъ ни одна изъ нихъ не говорила по-русски. Вообще отношеніе отдѣла къ военному госпиталю, по заявленію главнаго врача, совершенно не желательное. Управленіе отдѣломъ напримѣръ отказывается стерилизовать корпію, поступающую въ видѣ пожертвованій отъ русскихъ обывателей. Тѣ лица не нѣмецкаго происхожденія, которыя желаютъ предоставить свои средства на нужды раненыхъ, встрѣчаютъ самый нелюбезный пріемъ въ отдѣлѣ. Такъ г. Канель, начальникъ отдѣленія казенной палаты, и нѣкто г. Эверсъ, оба Латыши, уже около мѣсяца безплодно предлагаютъ свои прекрасно оборудованные дома въ мѣст. Огерѣ, близъ Риги, въ распоряженіе отдѣла; ихъ посылаютъ изъ одного мѣста въ другое и никакого толку они добиться не могутъ.

Мѣстная администрація, стоя неуклонно на стражѣ защиты нѣмецкихъ интересовъ, рѣшительно никакого воздѣйствія на подобное направленіе дѣла не оказываетъ. Не удивительно поэтому, что націоналистическія тенденціи распространяются изъ учрежденій и въ публику, что особенно ясно наблюдалось въ день флаговъ, устроенный 30 августа по иниціативѣ отставного генерала-отъ-инфантеріи Бертельса. Нѣмецкая часть общества от-

неслась къ сбору на помощь раненымъ не только холодно, но даже враждебно. Нѣмецкія дамы доходили до того, что у сборщиковъ упорно требовали германскіе и австрійскіе флаги и за отсутствіемъ ихъ демонстративно отказывались жертвовать. Нѣкоего Таубе (владѣльца фабрики приводныхъ ремней) одна изъ сборщицъ побудила къ пожертвованію лишь тѣмъ, что дала ему сербскій флагъ вмѣсто спрашиваемаго имъ австрійскаго. „Управляющій" рижскимъ погребомъ Малеръ (служащій у оставленнаго въ Ригѣ германскаго подданнаго Кауфмана) не только отказался отъ пожертвованія, но настолько грубо и дерзко обошелся съ сборщицею, что та ушла въ слезахъ и вынуждена была пожаловаться администраціи. Въ результатѣ Малеру было предложено передъ нею „извиниться". Вообще день флаговъ, собравши весьма незначительную для города Риги сумму, далъ такую массу матеріала для выводовъ и наблюденій надъ пресловутою „лояльностью" Нѣмцевъ, что только лишь мѣстная администрація не могла обратить вниманія на характерные и обидные для народнаго чувства симптомы.

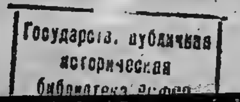
Для мѣстной администраціи очевидно самое важное, чтобы Нѣмцы относились къ нимъ хорошо.

(Нов. Вр. 20 Октября).

Патріоты своего отечества. Въ разговорѣ о настоящихъ событіяхъ съ предсѣдателемъ Г. Думы М. В. Родзянко, занятымъ теперь главнымъ образомъ вопросомъ объ организаціи лазаретовъ для раненыхъ, мнѣ пришлось услышать отрывки изъ нѣкоторыхъ писемъ, относящихся къ этому дѣлу, настолько яркіе по содержанію, что ихъ грѣшно было бы замалчивать. Рѣчь идетъ о госпиталѣ Петроградской Елисаветинской общины сестеръ милосердія, отправленномъ въ Ригу, гдѣ лазаретъ долженъ былъ принять на свое попеченіе отъ 200 до 400 раненыхъ. Пишетъ профессоръ-медикъ N, работающій въ этомъ лазаретѣ. Предлагаю эти отрывки общественному вниманію:

„... Разрѣшите подѣлиться съ вами своими первыми впечатлѣніями. По дорогѣ мы встрѣтили нѣсколько поѣздовъ съ ранеными. Поѣзда переполненные. Много тяжело раненыхъ. Повидимому не всегда они направляются туда, гдѣ имѣется достаточное количество мѣстъ. Напримѣръ, во Псковѣ приняли лишь часть раненыхъ, а остальныхъ, за отсутствіемъ мѣстъ, направили дальше. Около Валка встрѣтили новый поѣздъ. На станціи поѣздъ встрѣ-

2

тила цѣлая толпа Латышей съ корзинами припасовъ и фруктовъ. На моихъ глазахъ, по чьему-то приказанію, появлялись два раза солдаты съ ружьями и удаляли толпу съ перона. Но Латыши лѣзли вновь, и когда подошелъ поѣздъ—все-таки успѣли раздать содержимое корзинъ раненымъ солдатамъ.

Другое странное явленіе: въ Валкѣ имѣется латышскій госпиталь, но больныхъ тамъ нѣтъ, раненыхъ провозятъ мимо. Слышно, что теперь раненые пошли въ уѣздъ, можетъ быть дошли они и до Валка.

Къ Ригѣ мы подъѣхали около пяти часовъ утра. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до мѣста назначенія, мы были задержаны на какомъ-то полустанкѣ до восьми съ половиною часовъ. Оказывается, насъ пожелалъ встрѣтить уполномоченный Краснаго Креста. Мимо Риги насъ провезли на станцію пригорода Торнсбергъ, гдѣ мы и были встрѣчены сначала инженеромъ (фамиліи его я не знаю), а затѣмъ подъѣхалъ и уполномоченный. Сначала совмѣстно съ нимъ, а затѣмъ съ его дѣлопроизводителемъ мы осмотрѣли много помѣщеній. Съ русской точки зрѣнія помѣщеній свободныхъ здѣсь много. Такъ всѣ школы функціонируютъ совершенно нормально, какъ при мирной обстановкѣ, тогда какъ въ русскихъ городахъ, какъ вамъ хорошо извѣстно, введены утреннія и вечернія занятія, благодаря чему половина школьныхъ зданій оказывается свободной. Много частныхъ свободныхъ помѣщеній, порой очень просторныхъ. Но владѣльцы требуютъ страшно высокой платы. Напримѣръ, заводъ Буффало за верхній этажъ своего корпуса гдѣ можно размѣстить цѣлый госпиталь, требуетъ 3,000 рублей въ мѣсяцъ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

Наиболѣе подходящимъ зданіемъ для насъ является комерческое училище, но школьныхъ зданій здѣсь рѣшено не уступать. Я прошу себѣ въ училищѣ актовый залъ, гимнастическій залъ, квартиры директора и инспектора и средній этажъ, гдѣ помѣщается часть классовъ. Въ распоряженіи училища оставалось бы еще два этажа. Занятія не пострадали бы, если бы съ одной половиной учениковъ занимались утромъ а съ другой — вечеромъ.

Довольно хорошимъ зданіемъ является лечебница Соколовскаго (Штида), здѣсь можно помѣстить до 150 человѣкъ. Но просятъ 1,000 рублей въ мѣсяцъ за помѣщеніе, 60 руб. за мастера къ отопленію, кромѣ того уголь обойдется не дешевле 450 руб. въ мѣсяцъ.

Латышское общество безплатно предлагаетъ еще вблизи рас-

положенный загородный театръ. Здѣсь можно помѣстить 50 больныхъ и команду санитаровъ. Содержаніе этого зданія потребуетъ не менѣе 500 р. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ содержаніе помѣщенія здѣсь будетъ стоить не менѣе 2,000 руб. въ мѣсяцъ, тогда какъ въ казенныхъ зданіяхъ эти расходы совершенно отпадаютъ.

До сихъ поръ мы сидимъ на товарной станціи Торнсбергъ въ вагонахъ. Мимо насъ ежедневно провозятъ много раненыхъ, а мы до сихъ поръ даже и помѣщенія для госпиталя не имѣемъ.

Мѣстное управленіе Краснаго Креста какъ будто прилагаетъ всѣ силы къ тому, чтобы помѣстить насъ. Въ результатѣ же получается такъ, что всѣ хлопоты оказываются напрасными.

Представлялся губернатору, но подыскать для насъ помѣщеніе—внѣ сферы его вліянія. Былъ у начальника всей эвакуаціонной части. Онъ очень восторженно отзывался о дѣятельности мѣстной нѣмецкой организаціи, стоящей во главѣ Краснаго Креста. Всѣ нападки „Нового Времени", по его мнѣнію, являются злостными вымыслами по адресу прибалтійскаго и въ частности рижскаго дворянства.

Такимъ образомъ я и этимъ путемъ пришелъ къ тому же, съ чего и началъ—къ управленію мѣстнаго Краснаго Креста.

Въ заключеніе приходится констатировать, что мы всецѣло въ рукахъ мѣстнаго Ritterhaus. Въ городѣ помѣщеній масса, нужда въ госпиталяхъ огромная, а между тѣмъ насъ держатъ на товарной станціи въ вагонахъ.

Ради Бога не откажите въ содѣйствіи, чтобы какъ нибудь выйти изъ этого тупика..."

* * *

Изъ другого письма, по другому адресу, но по тому же дѣлу:

„... Я просилъ себѣ часть помѣщенія комерческаго училища, которое для нашего госпиталя было предназначено. Соглашались уступить актовый и гимнастическій залъ и квартиры директора и инспектора. При такихъ условіяхъ жизнь училища протекала бы совершенно нормально. Когда я во второй разъ зашелъ посмотрѣть это помѣщеніе, то директоръ заявилъ мнѣ, что онъ не имѣетъ права показать мнѣ свое зданіе и очень жалѣетъ, что показалъ его ранѣе.

Объ училищахъ никто даже не заикается. Предлагаютъ исключительно частныя помѣщенія, но въ то же время мѣстная власть заявляетъ, что не имѣетъ полномочій платить за помѣщенія.

Представлялся губернатору. Онъ, повидимому, совершенно безпомощенъ что-либо сдѣлать для госпиталя.

Былъ у завѣдующаго всей эвакуаціонной частью. Онъ далъ восторженный отзывъ о мѣстномъ нѣмецкомъ дворянствѣ, просилъ обращаться къ предсѣдателю комитета. Получился заколдованный кругъ, изъ котораго мы не можемъ выйти.

Вокругъ насъ словно итальянская забастовка: всѣ помогаютъ, стараются, но помѣщеній не даютъ.

Передаютъ, что здѣсь уже сидѣли на станціи шесть госпиталей, но всѣхъ ихъ взяли изморомъ, всѣ они вылетѣли изъ Риги. Ждемъ той же участи и для насъ.

Раненыхъ сюда гонятъ массу, ежедневно по нѣсколько поѣздовъ. Но всѣхъ раненыхъ провозятъ мимо за отсутствіемъ приготовленныхъ помѣщеній. Припасы здѣсь очень дешевы. Все говоритъ за то, что русское правительство должно использовать этотъ городъ и край для размѣщенія раненыхъ. Въ полумиліонномъ городѣ всего отведено помѣщенія лишь на 4,000 раненыхъ.

Помоги ради всего святого, прежде же всего—ради русскаго дѣла.

До сихъ поръ мы продолжаемъ сидѣть на товарной станціи Торнсбергъ въ вагонахъ. Всѣ горятъ нетерпѣніемъ работать, но работы не даютъ. Помоги, чѣмъ можешь. Одновременно пишу N, но дойдетъ ли письмо? Здѣсь письма просматриваютъ... Принялъ въ нашей судьбѣ участіе попечитель учебнаго округа Щербаковъ. Получили сегодня гимназію. Очищаемъ помѣщеніе. Скоро будемъ устраиваться...“

* * *

Изъ третьяго письма—одного изъ петроградскихъ обывателей, переславшаго предсѣдателю Гос. Думы процитированное выше горестное посланіе:

„...Сколько горечи и возмущенія чувствуется въ этомъ столь сдержанномъ письмѣ всегда спокойнаго и коректнаго N. N.

Доколѣ же Россія будетъ терпѣть на своей землѣ, въ своемъ домѣ засилье Нѣмцевъ, такъ недостойно, такъ возмутительно испытывающихъ наше терпѣніе?..“.

* * *

Изъ четвертаго письма:

„...Я должна начать это письмо съ того же, съ чего начинаютъ и другія сестры. Пріѣхали сюда и насъ спрашиваютъ:

„Зачѣмъ вы пріѣхали, никто васъ не звалъ“. Постараюсь написать вамъ про все это безобразіе подробно... По расписанію мы должны были пріѣхать въ Ригу въ 4 ч. 20 м. утра. Не доѣзжая семи верстъ до станціи, насъ остановили и принесли старшему доктору показать телеграмму: „Задержать поѣздъ до 9 съ половиною часовъ утра, такъ какъ губернаторъ хочетъ устроить встрѣчу“. Наши доктора поднялись въ четыре часа утра и нарядились парадно. Такъ и просидѣли до девяти съ половиною часовъ, когда насъ отправили. Ригу мы проѣхали и привезли насъ въ Торнсбергъ—слѣдующая станція за Ригой. Тамъ мы не выходили изъ вагоновъ, думая, что ѣдемъ еще дальше, но вышелъ начальникъ станціи и заявилъ, что мы пріѣхали. На платформѣ ни души. Доктора вышли, къ нимъ подошелъ помощникъ уполномоченнаго и заявилъ, что помѣщеній нѣтъ и пусть старшій докторъ самъ поищетъ и выбиретъ. Мы остались въ вагонѣ, а старшій врачъ съ помощникомъ уполномоченнаго укатили. Начальникъ станціи сказалъ намъ, что только за десять минутъ до нашего пріѣзда ему по телефону сказали, что мы прибываемъ. Нашъ докторъ рыскалъ по городу до десяти часовъ вечера и пріѣхалъ, ничего не найдя. Благодаря любезности начальника станціи насъ оставили въ вагонахъ, только поставили въ самый уголъ товарной станціи, на порядочномъ разстояніи отъ вокзала. Сегодня тоже еще ничего неизвѣстно, гдѣ мы будемъ. Всѣ власти говорятъ профессору, что все, что угодно, но... мы безъ помѣщенія. Не знаю, что будетъ. Вездѣ Нѣмцы, все въ ихъ рукахъ. Обидно, что сидимъ у большого города, а устроиться нельзя. Сегодня хоть устроили обѣдъ, а то вчера ни санитары, ни мы (шесть врачей, двадцать сестеръ милосердія, сорокъ санитаровъ) ничего не имѣли, кромѣ чаю и своихъ запасовъ. Начальникъ станціи далъ свою кухню, посуду и даже серебро. Купили провизіи и поваръ приготовилъ обѣдъ. На станціи Торнсбергъ буфета нѣтъ. Обѣдали въ двѣ очереди, такъ какъ мало посуды.

Во Псковѣ мы встрѣтили на вокзалѣ поѣздовъ пять съ ранеными. Нѣкоторые не перевязаны по семи дней, безпорядокъ страшный. Куда дѣть ихъ, не знаютъ,—мѣстъ нѣтъ и возятъ изъ одного города въ другой. Вчера привезли одинъ поѣздъ въ Ригу и 570 человѣкъ свалили въ одну казарму, всѣхъ на полъ на солому. Федоровскихъ сестеръ и докторовъ, пріѣхавшихъ съ нами, назначили туда. Они всѣ очень обрадовались и помчались сразу на работу. Ночью же около 12 часовъ вернулись къ намъ въ

поѣздъ проситься ночевать,—имъ помѣщенія тамъ нѣтъ, живи, гдѣ хочешь. Сегодня опять вернутся ночевать въ вагоны. Сегодня же наши двѣнадцать сестеръ ходили работать съ федоровскими сестрами, разобрали раненыхъ по сортамъ и отправили въ разныя мѣста. Хорошо еще, что всѣ легко ранены, хотя всетаки въ такомъ большомъ городѣ можно было бы лучше устроить..“.

* * *

Sapienti sat... Впрочемъ въ утѣшеніе несомнѣнно огорченнымъ читателямъ могу сказать, что дѣло это дошло до свѣдѣнія его императорскаго высочества принца А. П. Ольденбургскаго. Всѣмъ извѣстно, что разъ дѣло попадаетъ въ энергичныя его руки, оно разрѣшается всегда быстро. Такъ было и тутъ. Гуманнѣйшій и просвѣщенный верховный начальникъ санитарной части сразу окончилъ дѣло—дали безъ всякихъ разговоровъ гимназію, но... по его приказанію.

І. Никаноровъ.

(Нов. вр. 15 окт.).

Что такое быть „лояльнымъ“? Оказывается, это равносильно социалъ-демократической „итальянской забастовкѣ“, когда настоящей забастовки нѣтъ, но рабочее напряженіе сводится до такого минимума, что въ дѣйствительности никакой работы не производится. По русской пословицѣ: „дѣла не дѣлай и отъ дѣла не бѣгай“. Вотъ сущность той прибалтійской „лояльности“, которой кичатся остзейскіе города. Письма, любезно предоставленныя для напечатанія предсѣдателемъ Г. Думы, выясняютъ систему прибалтійской „лояльности“. Поѣзда съ ранеными привозятся въ Ригу и ихъ приходится увозить обратно, ибо, какъ у насъ уже было выяснено, прибалтійское дворянство и города въ отношеніи призрѣнія раненыхъ сдѣлали ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы не сказать, что они ничего не сдѣлали. Но вѣдь нужно же считаться съ этимъ прибалтійскимъ абсентеизмомъ. Зачѣмъ везти нашихъ раненыхъ въ Ригу, гдѣ завѣдомо для нихъ нѣтъ помощи и пріюта?

(Нов. вр. 15 окт.).

Помощь раненымъ. На-дняхъ удалось мнѣ побывать на той станціи, куда подходятъ поѣзда съ ранеными, направляемыми въ Ригу. При мнѣ пришелъ поѣздъ съ 400 солдатъ. На перронѣ былъ приготовленъ для раненыхъ чай съ закусками, всего было

достаточно. Но что мнѣ показалось страннымъ, это разговорный языкъ окружавшихъ. Когда поѣздъ остановился, и первый раненый выглянулъ изъ дверей теплушки на станцію, кругомъ суетились и кричали: Sie sind angekommen! Schnell!

Переносить раненыхъ поручено пожарнымъ, предоставленнымъ для этой цѣли рижскимъ городскимъ самоуправленіемъ комитету по пріему раненыхъ. Но у этихъ пожарныхъ, какъ на зло, форма напоминаетъ австрійскую—военную, съ приподнятыми сзади шапками и острыми козырьками. И когда раненыхъ несутъ на носилкахъ, а старшій пожарный командуетъ:

— Links! Vorsicht!

То раненые солдатики испуганно озираются по сторонамъ, и въ ихъ глазахъ легко замѣтить тревогу относительно того, не попали ли они случайно вмѣсто Россіи въ Австрію...

Впрочемъ по-нѣмецки до сихъ поръ разговаривали въ присутствіи раненыхъ не только при встрѣчѣ. Въ больницѣ Краснаго Креста, гдѣ участвуетъ большое количество дамъ изъ Deutscher Verein'а и Frauenbund'а дѣло обстоитъ не лучше. Конечно, нельзя ничего имѣть противъ того, что дамы—члены Deutscher Verein'а, освободившіяся отъ своихъ прежнихъ занятій въ закрытомъ нынѣ учрежденіи рѣшили перенести свою энергію и знаніе дѣла въ Красный Крестъ. Здѣсь мы видимъ въ спискѣ комитета общины сестеръ милосердія предсѣдательницу Пиларъ-фонъ-Пильхау, товарища доктора Клемма, почетнаго члена фрау Эрцдорфъ-Купферъ, членовъ фрау Крамеръ, фрау Рорбекъ, фрау Нилендеръ, фрау О. Бертельсъ, фрау Брюммеръ, граф. Стенбокъ-Ферморъ, баронесу Майдель, баронесу Вольфъ, фрейлейнъ Клеммъ, комерціи совѣтника Фогельзинга, доцента Гейнце. И на всѣ эти фамиліи одтрехъ русскихъ дамъ: Корчагину, Алексѣеву, Меркульеву, да одного протоіерея Плиса.

Естественно, что въ палатахъ Краснаго Креста наши раненые слышатъ не только нѣмецкую рѣчь, но даже видятъ надъ кроватью таблицы съ нѣмецкими надписями. Abtheilung, Name, Datum... Stunde, Puls, Temperatur... И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что одинъ изъ раненыхъ солдатиковъ, привезенный сюда въ безсознательномъ состояніи, и придя въ себя, пытался даже выскочить въ окно палаты, думая, что попалъ въ плѣнъ къ Нѣмцамъ... Это фактъ.

Впрочемъ нужно быть справедливымъ. Нѣмецкая рѣчь непріятна не всѣмъ раненымъ. Нѣкоторые плѣнные солдаты гер-

манской арміи, лежа въ больницѣ, находятъ въ звукахъ нѣмецкой рѣчи большое удовлетвореніе. Имъ, этимъ плѣннымъ, въ Ригѣ вообще живется недурно. Недавно напримѣръ пришелъ поѣздъ съ ранеными, въ числѣ которыхъ было три или четыре германскихъ солдата. И когда публику пустили въ вагоны для раздачи пищи раненымъ, завѣдующая организаціей пріема генеральша замѣтила, что у постелей германскихъ солдатъ лежатъ цвѣты, а у остальныхъ—ничего. Генеральшѣ пришлось прибѣгнуть къ строгости, отбросить цвѣты въ сторону и довольно долго убѣждать—присутствовавшихъ дамъ, что всѣ раненые должны пользоваться—одинаковымъ вниманіемъ публики.

Германскимъ плѣннымъ подобная строгость конечно оказалась не по сердцу. Они только что перенесли тяжкое разочарованіе въ томъ, что Рига—русскій городъ и не взятъ Германіей, какъ въ томъ увѣряли ихъ берлинскія газеты. И вдругъ еще такая жестокость, для культурнаго Германца непонятная и страшная: лишеніе цвѣтовъ! Только по дорогѣ въ больницу плѣнные получили нѣкоторое удовлетвореніе: стоявшая у тротуаровъ по пути слѣдованія раненыхъ публика забросала ихъ хризантемами.

Впрочемъ теперь раненыхъ Германцевъ сюда уже почти не присылаютъ. Въ Ригѣ не хватаетъ мѣста не только для плѣнныхъ, но даже для своихъ собственныхъ русскихъ солдатъ. Въ то время, какъ такіе города, какъ Двинскъ, помѣщаютъ у себя до 7 тысячъ, Рига дала пріютъ менѣе чѣмъ 3 тысячамъ человѣкъ, хотя жителей въ ней по послѣдней переписи болѣе полумиліона. Это странное обстоятельство Нѣмцы объясняютъ тѣмъ, что въ началѣ войны сюда не предполагали отправлять раненыхъ; Латыши же толкуютъ иначе. Они приводятъ рядъ убѣдительныхъ фактовъ, изъ которыхъ видно, что правленіе рижскаго Краснаго Креста, состоя почти исключительно изъ Нѣмцевъ, тормозитъ всякую помощь, исходящую отъ Латышей или Русскихъ. Въ уѣздахъ Латыши не могутъ открыть своихъ лазаретовъ; предложенія частныхъ лицъ изъ Латышей, отдающихъ свои квартиры подъ лазареты съ полнымъ оборудованіемъ, остаются безъ вниманія. Когда въ комитетѣ рижскаго отдѣленія Краснаго Креста поднялся вопросъ о привлеченіи къ дѣлу благотворительности Латышей, большинство высказалось противъ. Вице-предсѣдатель баронъ Стааль-фонъ-Гольстейнъ непосредственно вступилъ въ переговоры съ помѣщиками, и въ результатѣ представителями районныхъ комитетовъ въ краѣ, исключая Вольмара, оказались только Нѣмцы. Даже въ товарищи пред-

сѣдателей не попали Латыши; въ Венденскомъ же уѣздѣ составъ комитета не только исключительно нѣмецкій, но состоитъ какъ разъ изъ тѣхъ лицъ, которыя въ смутное время были съ Латышами въ особенно обостренныхъ отношеніяхъ.

Несомнѣнно, что при такомъ одностороннемъ веденіи дѣла помощь раненымъ только можетъ страдать. Латыши относятся къ рижскому отдѣленію и ко всѣмъ районнымъ комитетамъ недружелюбно. Русскіе считаютъ правленіе несправедливымъ. И благодаря всему этому пожертвованій поступаетъ гораздо меньше, чѣмъ могло бы поступить въ такомъ богатомъ и культурномъ краѣ.

Соотвѣтственно съ приведеннымъ общимъ положеніемъ вещей возникаетъ много недоразумѣній и въ вопросахъ частнаго характера. Латышскимъ дамамъ обыкновенно отказываютъ въ пріемѣ на курсы сестеръ милосердія подъ предлогомъ переполненія мѣстъ; а между тѣмъ собственныхъ сестеръ милосердія въ общинѣ не хватаетъ и ихъ приходится выписывать изъ Петрограда. Точно такъ же страннымъ нужно признать и то холодное отношеніе, которое проявляетъ къ благотворителямъ-Латышамъ мѣстная администрація. Не такъ давно совѣтъ общества рижскихъ латышскихъ домовладѣльцевъ и промышленниковъ постановилъ созвать общее собраніе членовъ общества для обсужденія помощи раненымъ и оборудованія квартиръ-лазаретовъ.

Уполномоченный общества инженеръ Предитъ зашелъ въ канцелярію губернатора за разрѣшеніемъ созыва собранія. Ему отвѣтили:

— Приходите завтра, губернаторъ сегодня принимаетъ только иностранныхъ подданныхъ.

Черезъ день заявили:

— Вашего прошенія въ регистратурѣ не имѣется.

Черезъ два дня:

— Ждите резолюцію черезъ полицію.

А когда уполномоченный общества ссылаясь на спѣшность дѣла, попросилъ наконецъ личнаго свиданія съ губернаторомъ, ему отказали. Отвѣтъ черезъ полицію дѣйствительно въ концѣ концовъ былъ полученъ но къ сожалѣнію на два дня позже того числа, на которое общество хотѣло назначить собраніе.

Между тѣмъ были случаи, что въ Ригу привозили раненыхъ и за неимѣніемъ мѣста складывали на солому. Только въ послѣднее время раненые размѣщаются болѣе или менѣе свободно, такъ какъ, махнувъ рукою на рижскую благотворительность,

военно-санитарное вѣдомство само развернуло здѣсь свои лазареты и госпитали.

Да, въ такое торжественное, такое серьезное время, какъ теперь, когда облагороживаются даже самыя заурядныя, мелочныя натуры, въ Ригѣ правящая нація все-таки никакъ не можетъ избавиться отъ національныхъ уколовъ и шпилекъ по адресу противниковъ-Латышей и примириться съ ними на справедливыхъ и равныхъ началахъ.

(Нов. Вр. А. Ренниковъ).

Латышская и русская мѣстная печать протестуетъ противъ заявленій пертроградской и прибалтійской нѣмецкой печати о томъ, что всѣ пожертвованія на Красный Крестъ въ Прибалтійскомъ краѣ исходятъ отъ нѣмцевъ. „Дзимт. Вестнесисъ" справедливо говоритъ, что хотя въ управленіяхъ и учрежденіяхъ Краснаго Креста въ мѣстномъ краѣ и преобладаютъ Нѣмцы, тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакого основанія говорить о нѣмецкихъ пожертвованіяхъ.

„Рижскій Вѣстникъ", со словъ латышскихъ газетъ, отмѣчаетъ, постановленіе курляндскихъ крестьянъ о переводѣ своихъ капиталовъ изъ мѣстныхъ нѣмецкихъ дворянскихъ кредитныхъ обществъ въ Государственный банкъ.

„Къ такому шагу волости вынуждены тѣмъ обстоятельствомъ, что дворянское кредитное общество, ссылаясь на формализмъ, отказыветъ въ уплатѣ суммъ, щедро жертвуемыхъ волостями на нужды войны. Волости разсчитываютъ, что нынѣ комисары по крестьянскимъ дѣламъ врядъ ли смогутъ настаивать на помѣщеніи крестьянскихъ сбереженій въ дворянскія кредитныя общества".

„Рижскій Вѣстникъ" также передаетъ, что прибалтійскимъ волостямъ удалось устранить препятствія, изъ-за которыхъ до сихъ поръ не могло быть достигнуто объединеніе волостныхъ обществъ въ дѣлѣ оказанія помощи раненымъ воинамъ и семьямъ воинскихъ чиновъ. Для этой цѣли волости объединяются въ мѣстные комитеты состоящаго подъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ и ихъ семьямъ. Разрѣшеніе на учрежденіе таковыхъ комитетовъ достигнуто благодаря отзывчивости представителя рижскаго комитета названнаго общества ген.-м. Фалѣева. Въ рижскомъ уѣздѣ объединилось уже 13 волостей для болѣе успѣшнаго налаживанія общественной помощи раненымъ воинамъ и семьямъ воинскихъ чиновъ.

Затѣмъ газеты отмѣчаютъ, что курляндскія волости стали жертвовать на нужды дѣйствующей арміи значительныя партіи зерна.

Въ Митавѣ, по словамъ „Задзиве", подвергнутъ на три мѣсяца аресту служащій одного изъ здѣшнихъ нѣмецкихъ банковъ Розенбергъ за то, что въ почтовой конторѣ публично поносилъ нашу армію.

(Нов. Вр. 9 Сен.).

Нѣмецкій языкъ въ лазаретахъ. Въ городѣ Ригѣ по Гертрудинской улицѣ въ домѣ № 14 находится клиника доктора Вальтера. Въ эту клинику помѣстили раненыхъ солдатъ. Вчера при осмотрѣ больныхъ докторъ замѣтилъ, что одинъ раненый нижній чинъ исчезъ. Стали его искать и послѣ долгихъ поисковъ обнаружили его въ подвалѣ забившимся въ уголъ. На вопросъ, зачѣмъ онъ спрятался, послѣдній со страхомъ отвѣтилъ, что онъ попалъ въ лазаретъ непріятеля, а потому и рѣшилъ ночью убѣжать. Надо сказать, что въ этой клиникѣ всѣ доктора нѣмцы и сестры милосердія нѣмки и говорятъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ.

Не знаемъ, насколько это сообщеніе достовѣрно, но фактъ тотъ, что нѣмецкій языкъ въ нѣкоторыхъ лазаретахъ смущаетъ и затрудняетъ раненыхъ. Нашу редакцію посѣтилъ офицеръ, прибывшій въ Ригу изъ дѣйствующей арміи, и просилъ обратить вниманіе на то, что при посѣщеніи имъ нѣкоторыхъ лазаретовъ раненые жаловались, что, вслѣдствіе недостаточнаго знанія персоналомъ лазаретовъ русскаго языка, они не могутъ сговориться съ нимъ о своихъ нуждахъ и положеніи, что дѣйствуетъ на нихъ угнетающимъ образомъ. Необходимо принять рѣшительныя мѣры къ устраненію этого ненормальнаго явленія.

(Риж. Вѣст. Октябрь).

Этотъ случай, если онъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, не является новостью. Лица, имѣющія прикосновеніе съ прибывающими ранеными, давно обратили вниманіе, какое тяжелое впечатлѣніе производятъ на нихъ нѣмецкій разговоръ и австрійская форма нѣкоторыхъ нашихъ пожарныхъ (къ сожалѣнію, принадлежащихъ къ одному изъ старѣйшихъ пожарныхъ обществъ въ Ригѣ) въ первые же моменты прибытія въ Ригу. Услыша вокругъ себя нѣмецкую рѣчь и видя австрійскія кепи, раненые съ тревогой спрашиваютъ.

— Неужели насъ въ плѣнъ захватили?

Имъ отвѣчаютъ:

— Нѣтъ. Здѣсь Рига, Россія.

— Такъ отчего же здѣсь австрійцы распоряжаются?

Послѣ этого не приходится удивляться, что раненый бѣжитъ отъ „нѣмца“ изъ лазарета.

(Веч. Вр. 3 Окт.).

Нѣмецкая благотворительность. Прибалтійскіе нѣмцы и ихъ покровители всюду настойчиво напоминаютъ о тѣхъ громадныхъ жертвахъ, которыя несутъ они въ настоящей войнѣ. Зарвавшаяся нѣмецкая печать хвастливо приписываетъ исключительно нѣмцамъ тѣ пожертвованія, большую часть которыхъ принесли на алтарь отечества именно латыши и русскіе. Въ общій потокъ балтійскаго фарисейства попалъ и лифляндскій предводитель дворянства бар. Пиларъ-фонъ-Пильхау своимъ знаменитымъ опроверженіемъ о 5000 кроватей Лифляндской губ. Прибалтійскія газеты полны анекдотовъ; Дундангенское общество „Колосъ“ объявляетъ въ Виндавской „Новой газетѣ“ о поступившихъ пожертвованіяхъ для раненыхъ, между прочими жертвователями значится: „Пасторъ К. Мольтрехтъ 10 коп. Газета и имя жертвователя и сумму печатаетъ жирнымъ шрифтомъ. Посмотрите, какъ относится нѣмецкое о-во въ городахъ Прибалтійскаго края къ сборщицамъ флаговъ, всѣ газеты пестрятъ возмутительными подробностями. Изъ нѣмецкихъ обществъ и банковъ сборщицы выгоняются, бывали и крупнѣйшіе скандалы. Женѣ офиціальнаго лица въ гор. Либавѣ на предложеніе купить флаги, нѣмцы отвѣтили: намъ такихъ флаговъ не надо. Въ Ригѣ нашелся субъектъ, отвѣтившій „150 барышнямъ я уже отказалъ, отказываю и 151“. Прочтите газетные отчеты о томъ, что клали въ кружки. На ряду съ австрійскими и нѣмецкими монетами вы найдете битое стекло, собачьи номера и прочую дрянь. Да что частныя лица. Гор. Рига, богатѣйшій въ Россіи городъ, жертвуетъ на раненыхъ 10.000 рублей. Богатѣйшее въ Ригѣ „О-во Черноголовыхъ“, помѣщающееся въ великолѣпномъ дворцѣ, устраивающее у себя тысячные обѣды, жертвуетъ на красный крестъ 130 руб. Но посмотримъ на все, это, какъ на случайность. Нѣмцы никогда не сентиментальничали, пускай русскія и латышскія бабы грязными дрожащими руками, не сдерживая невольныя слезы, протягиваютъ раненымъ солдатикамъ дешевые яблоки, папиросы, булки, вы забудьте все это, вспоминайте только великій день, когда жертвовали нѣмецкіе банки,

отправляя торжественную депутацію къ губернатору, который талантливо отмѣтилъ нѣмецкую лойальность, а Petrograder Zeitung“ съ трескомъ и звономъ разблаговѣстилъ на всю вселенную.

(Русскій Инвалидъ 2 Ноября А. Тупинъ).

Инцидентъ въ городской больницѣ. Намъ передаютъ, что 15 с. сент., въ 6 час. вечера, прикомандированный къ 1-й городской больницѣ санитаръ Станиславъ Карпинскій былъ посланъ на кухню за кушаніемъ для больныхъ, находящихся въ помѣщеніяхъ I класса. К. не зная еще порядковъ въ больницѣ вмѣсто того, чтобы ожидать подачу кушанья изъ окна кухни, ведущаго въ коридоръ, зашелъ на кухню. Это замѣтила старшая надзирательница Фельзеръ, которая стала кричать на него, приказывая ему уйти изъ кухни. К. сталъ оправдываться и объясняться, но надзирательница по телефону вызвала инспектора больницы Мейера и пожаловалась ему, что санитаръ К. грубо обращается съ нею. Инспекторъ Мейеръ наскочилъ на санитара К. и ударомъ кулака въ грудь сбилъ послѣдняго съ ногъ. Ударъ пришелся въ область сердца и К. впалъ въ безсознательное состояніе. Находившаяся здѣсь женская прислуга больницы, предполагая, что К. убитъ, подняла крикъ, а съ одной изъ служанокъ сдѣлалась истерика. Какъ говорятъ, разгорячившійся инспекторъ „наградилъ“ и ее тумакомъ.

Былъ позванъ дежурный врачъ г. Лацъ, который принялъ мѣры къ приведенію К. въ чувство.

Подобнымъ дѣйствіемъ инспектора Мейера были возмущены многіе служащіе, и фельдшеръ Омельчукъ заявилъ объ этомъ участковой полиціи. На мѣсто явился околоточный надзиратель 2 уч. Петроградской части, который составилъ протокъ.

„За выносъ сора изъ избы“, т. е. за заявленіе полиціи, фельдшеру Омельчуку былъ заявленъ вчера отказъ отъ мѣста.

Попытка примиренія инспектора Мейера съ санитаромъ Карпинскимъ не увѣнчалась успѣхомъ и послѣдній вчера заявилъ жалобу по начальству. Чѣмъ окончится этотъ инцидентъ покажетъ ближайшее будущее, но кулачная расправа въ стѣнахъ городской больницы не можетъ быть терпима, тѣмъ болѣе, что служащіе указываютъ на неумѣстность нахожденія въ настоящее время въ больницѣ инспектора Мейера, какъ германскаго подданнаго.

(Риж. Вѣст. среда 17 Сент.).

Рижскіе нравы. Изъ Риги намъ сообщаютъ о слѣдующихъ характерныхъ фактахъ.

Въ Ригѣ много толковъ вызвалъ безчеловѣчный поступокъ завѣдующаго больницей діаконисъ Лангенштейна по отношенію къ бывшей привратницѣ этого заведенія Кригеръ. Мужъ Кригеръ былъ призванъ изъ запаса въ дѣйствующую армію, и она на молебствіи при больницѣ предложила помолиться о дарованіи русскому воинству побѣды. Предложеніе это было принято съ восторгомъ низшимъ персоналомъ больницы, и они пропѣли молитву и народный гимнъ. За это завѣдующій сдѣлалъ Кригеръ строгій выговоръ, указавъ, что „она ѣстъ нѣмецкій хлѣбъ" и потому должна почитать Нѣмцевъ. Черезъ нѣсколько дней Кригеръ, стоя у воротъ больницы и видя проходящія войска, не удержалась и громко пожелала имъ побѣды надъ Нѣмцами. Это услышалъ Лангенштейнъ, накричалъ на нее и немедленно уволилъ женщину съ мѣста. Провѣрка правъ семействъ запасныхъ гор. Риги, призванныхъ на войну, возложена на попечителей, изъ которыхъ большинство Нѣмцы. Когда къ этимъ лицамъ приходящія жены запасныхъ обращаются по-нѣмецки, они очень любезно выслушиваютъ ихъ и тотчасъ же помогаютъ. Но достаточно заговорить съ ними по-русски, какъ тонъ этихъ господъ мѣняется. Не менѣе характерно для нѣмецкаго духа въ управленіи городомъ является то, что избранный для провѣрки семейнаго положенія семей запасныхъ комитетъ назначилъ особыхъ контролеровъ, въ большинствѣ случаевъ старыхъ и дряхлыхъ Нѣмцевъ, уплачивая имъ за ихъ „труды" по пять рублей въ день, тогда какъ масса лицъ изъ лучшихъ круговъ, но не Нѣмцевъ, предлагаетъ для этого свои услуги безплатно и получаетъ отказъ.

(Нов. Вр.).

Балтійскія загадки и нѣмецкая лояльность.

Балтійскія загадки.

Клянусь вамъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда въ Ригу, — клянусь вамъ, что въ продолженіе двухъ недѣль я ежедневно видѣлъ надъ городомъ аэропланы, которые летѣли на востокъ. Одинъ аэропланъ спустился за фабрикой Тильмана и исчезъ. Его не нашли. Другой пролетѣлъ надъ дачей дворянина Будберга и сигнализировалъ сверху неизвѣстно кому непонятными огнями. Редакторъ одной латышской газеты передавалъ мнѣ лично, что видѣлъ даже цепелинъ. И, представьте, какое совпаденіе: когда этотъ цепелинъ показался у насъ на рижскомъ взморьѣ неизвѣстно отъ какой причины загорѣлся стогъ сѣна. Конечно, это случайность. Но у насъ пожары такъ рѣдки!...

— Около города Фридрихштадта, Курляндской губерніи, въ одномъ имѣніи большой гладкій участокъ земли обильно посыпанъ известью, такъ что представляетъ собою бѣлую, ярко освѣщенную солнцемъ площадку. Спрашивается: для чего насыпана известь? Для удобренія земли? Но въ какихъ руководствахъ по сельскому хозяйству рекомендуется способъ обильнаго посыпанія известкой? Не думаю, чтобы это дѣлалось и для пасущагося скота. Нашъ прибалтійскій скотъ никогда до войны не ѣлъ извести, и я ручаюсь, что не будетъ ѣсть и во время военныхъ дѣйствій и послѣ. А сверху, съ высоты птичьяго полета эта площадка, навѣрно, очень хорошо выглядитъ... Интересно ее увидѣть съ аэроплана.

Находящаяся недалеко отъ моря старая колокольня была этимъ лѣтомъ выкрашена въ яркій цвѣтъ. Приходъ церкви, которому принадлежитъ колокольня, въ окраскѣ не принимаетъ никакого участія. Колокольню покрасили безъ его вѣдома. Конечно, это пустякъ. Но удивительно то, что по всему нашему побережью многіе старые, нежилые дома въ послѣднее время тоже почему-то отремонтированы и выкрашены въ яркіе цвѣта. Я, понятно, этимъ ничего не хочу сказать. Но все-таки, какіе чудаки должно быть,

владѣльцы этихъ домовъ, если во время войны, когда хулигантствующій непріятель можетъ каждую минуту бомбардировать побережье, они ремонтируютъ запущенные дома, да еще окрашиваютъ ихъ въ яркіе, годные для прицѣла цвѣта!

Одинъ житель Венденскаго уѣзда, въ Лифляндіи, увѣрялъ меня, что черезъ станцію Альткальценау не разъ пролетали аэропланы и спускались къ ближайшему лѣсу. Другой Латышъ, тоже изъ Вендена, говорилъ, что начальникъ одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій лично передавалъ ему, будто черезъ его станцію прослѣдовали внутрь уѣзда двѣ цистерны бензина неизвѣстно куда и для кого Третій увѣряетъ, что въ Рижскомъ уѣздѣ, около Каццельберга нашли даже обломки аэроплана...

Наконецъ, молодой русскій журналистъ посвятилъ меня въ дѣла имѣнія Царникова, находящагося къ сѣверо-востоку отъ Риги на взморьѣ и важнаго для насъ въ стратегическомъ отношеніи. Тутъ владѣлецъ имѣнія съ весны нынѣшняго года началъ разбивать свою землю на участки съ цѣлью продажи, для чего пригласилъ нѣмецкихъ землемѣровъ. И въ то время, какъ землемѣры досконально измѣряли все побережье, другіе гости-Нѣмцы во главѣ съ „инструкторомъ по рыбоводству“ ходили по берегу и усердно удили рыбу. Цѣлыми днями бродили они здѣсь и опускали удочки въ воду... Сколько рыбы при этомъ было выужено, —журналистъ не могъ мнѣ въ точности передать. Но это, конечно, и не такъ важно, разъ ловля являлась частнымъ дѣломъ любителей рыболовнаго спорта...

Сигнальные, огни, маяки, аэропланы, цистерны съ бензиномъ, площадки съ известью, мачты для ловли птицъ... Неужели хоть часть этихъ сообщеній вѣрна? Нѣтъ, не можетъ быть, не можетъ! Вѣдь вотъ и баронъ Врангель пишетъ въ своей „Baltische Frage“, что основныя черты Нѣмцевъ „преданность долгу и вѣрность“. И балтійскій помѣщикъ въ вагонѣ тоже увѣрялъ меня, что онъ горячій патріотъ... Нѣтъ Латыши всѣ преувеличиваютъ. Если бы аэропланы были настоящими, то и лифляндскій губернаторъ и курляндскій сейчасъ бы приняли мѣры. Правда, лифляндскій губернаторъ не любитель злобы дня, онъ предпочитаетъ современности археологію и нумизматику; но зато курляндскій губернаторъ! Какъ страстный охотникъ, этотъ послѣдній навѣрное замѣтилъ бы во время облавъ на зайцевъ на землѣ знакомыхъ помѣщиковъ всѣ эти мачты для птицъ, площадки, выкрашенные дома и маяки... Латыши пристрастны, это ясно. Что же касается аэро-

плановъ съ сигнальными огнями, то мало ли звѣздъ на небѣ, которыя можно принять за сигнальный огонь?

(Нов. Вр. А. Ренниковъ).

Тайна Петровской колокольни и городскіе лѣсничіе. Одинъ генералъ передавалъ мнѣ, что служащіе русскаго магазина извѣстной въ Россіи фирмы увѣряли его, будто ночью видѣли у вершины колокольни кирхи св. Петра какіе-то огни, которые то появлялись, то исчезали черезъ правильные промежутки времени. Это показаніе служащихъ, пожалуй, я не счелъ бы особенно серьезнымъ, если бы случайно въ бесѣдѣ съ однимъ виднымъ русскимъ чиновникомъ не услышалъ отъ послѣдняго, будто онъ самъ замѣчалъ огни на башнѣ св. Петра. Изъ оконъ его квартиры, какъ я убѣдился лично, петровская кирха видна, дѣйствительно, отлично. А огни видѣлъ не только онъ одинъ. Это странное явленіе наблюдалъ и присутствовавшій у него на квартирѣ знакомый, а также прислуга, которая удостовѣрила, что огни на башняхъ какъ Петровской кирхи, такъ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ церквей съ остроконечными колокольнями, она видѣла не разъ по вечерамъ.

Огромными лѣсами, находящимися вблизи станціи Огеръ, завѣдывалъ до послѣдняго времени германскій подданный Лефлеръ, сейчасъ, кажется, уже арестованный. Причина, по которой на мѣста лѣсничихъ рижская управа обыкновенно назначала германско-подданныхъ, не всѣмъ ясна. Можно предполагать, что это дѣлалось потому, что германско-подданные люди болѣе культурные, чѣмъ русскіе подданные, и потому могутъ легче сноситься между собою по телефону во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ, или легче замѣтить порубку лѣса, возникновеніе пожара и надвигающуюся бурю, грозящую цѣлости лѣса.

Вышка въ Огерѣ находилась до недавняго времени недалеко отъ желѣзнодорожной станціи на холмѣ, покрытомъ хвойнымъ лѣсомъ. Подъ вышкой холмъ не только былъ расчищенъ, но и выравненъ, представляя симпатичную площадку, годную для всякихъ цѣлей... Напримѣръ, для игры въ крокетъ. Въ сторону желѣзной дороги и въ сторону станціи здѣсь отъ вышки идутъ ровныя просѣки и открываютъ восхитительный видъ какъ на противоположный курляндскій берегъ Двины, такъ и на полотно желѣзной дороги, видное на нѣсколько верстъ протяженія. Словомъ, площадка очень мила и пріятна для тѣхъ, кто любитъ ши-

рокій горизонтъ и кому нравится наблюдать за движеніемъ поѣздовъ, кажущихся отсюда такими игрушечными... И вдругъ года два назадъ вышку убрали. Перенесли на двѣ—три версты въ сторону, туда, гдѣ огерская публика гуляетъ гораздо рѣже и потому не мѣшаетъ дежурнымъ на вышкѣ лѣсникамъ слѣдить за возникающими на горизонтѣ пожарными вспышками. На старомъ мѣстѣ осталась прекрасная площадка для... игры въ крокетъ, какъ я уже упоминалъ. А на новомъ мѣстѣ для вышки опять расчищено мѣсто. Горка выбрана почти такой же высоты, какъ и прежняя; съ нея видна тоже и желѣзная дорога и противоположный берегъ Двины. И хотя огерскій городской лѣсъ уходитъ отъ полотна желѣзной дороги къ сѣверу, вышка все-таки расположена не въ серединѣ лѣса, а на его краю... Очевидно, лѣсничій Лефлеръ распорядился ее поставить на основаніи послѣднихъ научныхъ германскихъ источниковъ по лѣсоводству...

Внѣшній видъ вышки очень любопытенъ. Она по высотѣ равна по крайней мѣрѣ среднему трехэтажному городскому дому. Четыре ствола мачтовыхъ сосенъ составляютъ главный ея остовъ, переплетенный бревнами. Наверхъ идетъ внутренняя лѣстница, ведущая на крайнюю верхнюю площадку, гдѣ обыкновенно находится лѣсникъ. Оканчивается вышка небольшимъ флагштокомъ, къ которому придѣланъ металлическій шпицъ, конечно, для громоотвода. И отъ вышки по столбамъ спускаются двѣ проволоки. Одна отъ телефона—потоньше, другая отъ громоотвода—потолще.

Какъ оказывается, на каждой вышкѣ городскихъ лѣсовъ имѣется телефонъ. Онъ идетъ къ дому лѣсничаго; домъ лѣсничаго соединенъ телефономъ съ главнымъ лѣсничимъ, главный лѣсничій соединенъ съ другимъ простымъ лѣсничимъ, другой простой лѣсничій соединенъ съ вышками своихъ дежурныхъ лѣсниковъ. Словомъ, великолѣпно организованная телефонная сѣть, при помощи которой всѣ лѣсничіе и всѣ лѣсники могутъ сообщить другъ другу не только о пожарахъ, но даже о простыхъ искоркахъ свѣта, если они показываются неожиданно надъ лѣсомъ...

Детальный осмотръ вышки успокоилъ меня. Хотя на самый верхъ въ забитое досками помѣщеніе дежурнаго лѣсника ходъ запертъ на ключъ; хотя раньше на самый верхъ входъ публикѣ былъ свободенъ; хотя ни телефоннаго аппарата, ни устройства соединенія двухъ проволокъ громоотвода въ одну я не могъ видѣть,—однако вышка безусловно выше всякихъ подозрѣній. Въ

особенности хорошо, что входъ постороннимъ къ аппаратамъ не разрѣшается. Въ нынѣшнее тревожное время, когда въ пограничныхъ районахъ бродитъ масса подозрительныхъ лицъ, мѣры предосторожности лѣсничихъ, хотя бы и германскихъ подданныхъ, какъ нельзя болѣе кстати. Такія вышки, какъ вышки рижскихъ лѣсовъ, злонамѣренными лицами очень легко могутъ быть использованы съ вредными цѣлями! Пожалуй, больше даже чѣмъ башня кирхи св. Петра...

(Нов. Вр. 6 Окт. А. Ренниковъ).

9 сентября на станцію Валкъ прибылъ военный поѣздъ. Начальникъ поѣзда заявилъ мѣстной полиціи, что отъ станціи Загницъ поѣздъ „сопровождалъ" аэропланъ, который, долетѣвъ почти до самаго Валка, повернулъ обратно къ Загницу. Заявленіе начальника поѣзда было подтверждено нижними чинами. Тогда одинъ изъ офицеровъ, взявъ съ собою двухъ солдатъ и переодѣвшись вмѣстѣ съ ними въ крестьянское платье, отправился на развѣдки въ имѣнье Загница, принадлежащее графу Бергу. По дорогѣ офицеръ велъ бесѣды съ встрѣчными крестьянами и многіе изъ нихъ увѣряли, что видятъ аэропланъ довольно часто. Нѣкоторые добавляли даже, что имъ приходилось наблюдать, какъ на сосѣднее озеро спускалась „машина" и черезъ нѣкоторое время снова поднималась наверхъ. Офицеръ рѣшилъ продолжать розыски. Онъ обратилъ вниманіе на огромный заборъ, выкрашенный въ бѣлую краску и хорошо видимый за много верстъ. Но, къ сожалѣнію; въ костюмѣ крестьянина ему удалось пробыть недолго. Одинъ изъ чиновъ мѣстной полиціи задержалъ переодѣтыхъ развѣдчиковъ и офицеру въ концѣ концовъ пришлось раскрыть свое инкогнито...

Въ Нигранденѣ Курляндской губерніи, гдѣ послѣ 1906 г. поселилось значительное число нѣмецкихъ колонистовъ, крестьяне не разъ видѣли за послѣднее время поднимавшіеся къ небу ракеты. Это увеселеніе въ послѣднее время приняло такія обычныя формы, что Латыши перестали придавать этому особенное значеніе. Увидятъ взвившійся къ небу огонь и добродушно посмѣиваются:

— Колонисты швермера пускаютъ.

Около Маріенбурга въ Лубанѣ крестьяне много толкуютъ о пролетающихъ мимо „воздушныхъ машинахъ". Говорятъ, будто однажды къ мѣстному помѣщику направлялся въ имѣніе аэро-

планъ, и крестьяне хотѣли даже стрѣлять. Но урядникъ воспротивился этому опасному для государства рѣшенію и заявилъ:

— А можетъ это къ барону гости летятъ?

Впрочемъ, окрестности Маріенбурга давно славятся многими странностями. Нынѣшнимъ лѣтомъ, напримѣръ, здѣсь жили двое молодыхъ людей, носившихъ форму учащихся и прилежно занимавшихся практическими занятіями по вымѣркѣ мостовъ для автомобильныхъ пробѣговъ.., Такихъ прилежныхъ молодыхъ практикантовъ, вообще, въ Прибалтійскомъ краѣ наблюдалось немало. Около Митавы въ имѣніи „Гросъ Экау" графа Палена работала лѣтомъ, по сообщенію одной изъ газетъ, цѣлая группа прилежныхъ молодыхъ людей въ качествѣ техниковъ при устройствѣ земляныхъ работъ по сооруженію подваловъ... Латыши и Русскіе въ подвалы не допускались. За то доступъ туда навѣрное имѣлъ лѣсникъ имѣнія, германскій подданный офицеръ, который незадолго передъ войной исчезъ...

Въ имѣніи „Паульсгнаде", недалеко отъ Митавы, какъ сообщаютъ тѣ же газеты, въ предѣлахъ замка, обнесеннаго каменной стѣной, работали въ продолженіе минувшаго лѣта германскіе подданные, воздвигавшіе какіе-то строенія для ожидавшейся нѣмецкой выставки... Мѣстные Русскіе и Латыши туда въ качествѣ рабочихъ тоже не принимались. А тутъ же, недалеко отъ Альтъ-Ауца, уже въ послѣднее время крестьяне видятъ на высокихъ шестахъ какіе то флаги, бѣлые и синіе, которые то поднимаются, то опускаются по неизвѣстнымъ законамъ чередованія.

Вотъ факты и слухи. И я представляю себя на мѣстѣ помѣщиковъ, имѣнія которыхъ попали въ газеты въ качествѣ „неблагополучныхъ" въ смыслѣ лояльности. Господи! Какъ бы горячо сталъ я требовать правительственной ревизіи! Вѣдь никто изъ бароновъ и графовъ, обладая иногда десятками тысячъ десятинъ, не могутъ, понятно, ручаться за все, что дѣлается въ ихъ обширныхъ владѣньяхъ. И, какъ люди искренно преданные Россіи и считающіе для себя оскорбительнымъ одно только существованіе темныхъ слуховъ объ ихъ имѣніяхъ, они должны были бы уже давно обратиться къ военной и гражданской власти съ требованіемъ, чтобы принадлежащіе имъ лѣса и зданія подверглись тщательному осмотру и обыску. Лояльнаго, преданнаго родинѣ человѣка подобный обыскъ не только не оскорбилъ бы, но доставилъ бы ему только одно удовлетвореніе. Крестьянскіе наговоры, сплетни досужихъ бабъ, выдумки лживыхъ газетъ и кореспондентовъ-щел-

коперовъ, галюцинацiи русскихъ чиновниковъ и офицеровъ—все было бы сразу опровергнуто. Все было бы разбито. И репутацiя помѣстiй поднялась на недосягаемую высоту...

При такомъ положенiи вещей слухи, конечно, не прекратятся. Въ самомъ дѣлѣ: сколько германскихъ подданныхъ, даже военныхъ, разбросано было до сихъ поръ въ качествѣ лѣсниковъ и управляющихъ въ этихъ помѣстьяхъ! Развѣ за нихъ можно ручаться? Кромѣ приведенныхъ примѣровъ я могъ бы указать еще хотя бы на имѣнiя: Платтернъ—барона Тизенгаузена, Ремерсгофъ—графа Сиверса и Садзенъ—Керковiуса... Вѣдь и здѣсь управляющими были офицеры германской службы. А гости... Гости, родственники и свойственники изъ Германiи! Сколько ихъ перебывало здѣсь, сколько ихъ ѣздило взадъ и впередъ черезъ прусскую границу! Въ Марiенбургѣ въ имѣнiи Фитенгофа проживалъ офицеръ Раутенбергъ, обучавшiйся земледѣлiю; въ имѣнiи Лайценъ служилъ австрiйскiй офицеръ лѣсничiй; то же самое наблюдалось въ имѣнiяхъ Кальнемойзе и Кюльсдорфъ Валкскаго уѣзда... Въ курляндскомъ помѣстьи князя Ливена „Фокенсгофъ“ гостилъ близкiй родственникъ, германскiй офицеръ. И въ день объявленiя войны принужденъ былъ сѣсть въ автомобиль вмѣстѣ съ лѣсничимъ Мейеромъ и спѣшно отправиться въ дѣйствующую противъ Россiи прусскую армiю.

При такой богатой наличности германскихъ подданныхъ въ дворянскихъ имѣнiяхъ подозрительность всякаго посторонняго зрителя не можетъ исчезнуть отъ одного только негодованiя бароновъ. То, что въ Рязанѣ или въ Орлѣ покажется пустякомъ, то тутъ, среди многочисленныхъ подданныхъ враждебнаго государства, можетъ вызвать серьезное подозрѣнiе. Возьмемъ такой примѣръ. Въ Ригу прiѣзжаютъ печники изъ расположеннаго недалеко „Катла Кальна“ и разсказываютъ, что теперь у нихъ много работы, такъ какъ Нѣмцы перекрашиваютъ трубы на своихъ домахъ въ ярко бѣлый цвѣтъ. Подозрительныхъ Латышей перекраска уже смущаетъ. И, полагая, что цвѣтъ трубъ можетъ служить непрiятелю для орiентировки, они начали тоже усердно окрашивать свои трубы бѣлой краской.

Подобный фактъ, судите сами, совершенный пустякъ. Какое значенiе придали бы перекраскѣ трубъ въ Вязьмѣ, въ Тулѣ, въ Воронежѣ? А тутъ на границѣ, благодаря германскимъ подданнымъ, все заставляетъ быть на чеку. Во время поѣздки въ Огеръ, гдѣ мнѣ пришлось осматривать лѣсную вышку, я замѣтилъ, на-

примѣръ, на противоположномъ высокомъ южномъ берегу Двины правильно срѣзанную землю; съ площадкой наверху, выступавшей въ рѣку крутыми откосами. Въ центрѣ Россіи я бы просто рѣшилъ, что это странная каменоломня. А тутъ глаза мои задумчиво обращались нѣсколько разъ въ сторону таинственнаго укрѣпленія, и въ головѣ неотвязно сидѣла мысль:

„— А вѣдь управляетъ-то этой мѣстностью германскій подданный Лефлеръ“!

Благодаря служащимъ, германскимъ подданнымъ, о дѣятельности которыхъ въ южныхъ городахъ края я уже писалъ,— многія помѣщичьи земли заслуживаютъ очень серьезнаго къ себѣ отношенія. Мнѣ разсказываютъ, что весной этого года почти во всемъ краѣ комиссары потребовали отъ крестьянъ экстренной починки дорогъ, причемъ размѣръ починки превосходилъ всѣ предыдущіе годы чуть не въ десять разъ. Въ Туккумскомъ и Бausскомъ уѣздахъ крестьяне изнемогали въ этомъ году отъ возложенной на нихъ чрезмѣрной дорожной повинности. Дорога изъ Митавы въ Либаву спѣшно исправлялась этимъ лѣтомъ, и цѣлыхъ семнадцать крестьянскихъ домовъ были описаны на 18 тысячъ рублей за то, что не могли исполнить требованія комиссаровъ... А ко всему этому присоединяется еще одно маленькое интересное обстоятельство: за истекшій годъ почти въ половинѣ имѣній Курляндіи и южной Лифляндіи инженерами-Нѣмцами почему-то поставлены новые пограничные столбы...

Существованіе германскихъ подданныхъ въ помѣщичьихъ замкахъ внушаетъ тревогу вотъ еще въ какомъ отношеніи. Весь Прибатійскій край прекрасно соединенъ своими частями густою телефонною сѣтью. Всѣ имѣнія могутъ сноситься не только съ городами, но другъ съ другомъ и даже... съ Мемелемъ. И вотъ въ связи съ этимъ обстоятельствомъ нерѣдки такіе случаи: въ Россіи оффиціально ничего неизвѣстно еще о нашихъ дѣлахъ въ Восточной Пруссіи, а въ Прибалтійскомъ краѣ уже многое становится достояніемъ публики. Не говорю уже о городахъ, въ родѣ Риги, гдѣ недавно былъ даже задержанъ владѣлецъ одного книжнаго магазина за то, что на вывѣшенной въ витринѣ картѣ вполнѣ правильно передвигалъ флаги за два дня раньше, чѣмъ ихъ можно было передвинуть по оффиціальнымъ телеграммамъ... Въ Ригѣ былъ и другой случай, когда одинъ присяжный повѣренный В., у котораго сестра замужемъ за германскимъ офицеромъ, за цѣлыхъ три дня до полученія телеграммъ разсказывалъ

знакомымъ о гибели трехъ англійскихъ крейсеровъ въ Сѣверномъ морѣ... И въ смыслѣ подобной освѣдомленности, нѣкоторые помѣщики высказываютъ также удивительную способность ясновидѣнія. Узнаютъ-ли они о передвиженіи нашихъ и германскихъ силъ только во снѣ и черезъ гадалокъ, или же имъ просто-напросто сообщаютъ кое-что всезнающіе управляющіе-Германцы, кто знаетъ? Но, если говорить откровенно, то, очевидно, не въ однихъ только управляющихъ зарыта собака. Посмотримъ дѣйствительности прямо въ глаза. Вотъ у меня книга, изданная въ 1907 году въ Дармштадтѣ и называющаяся:

„Adressbuch, für die ausserhalb ihrer Heimat lebenden Balten. Herausgegeben vom Verbande deutscher Balten in Darmstadt“.

Въ этой адресной книгѣ перечислены, какъ показываетъ уже само заглавіе, тѣ балтійскіе Нѣмцы, которые живутъ за границей, осѣли тамъ, но поддерживаютъ непосредственную связь съ оставшимися въ Россіи родственниками. Одинъ любезный Латышъ подсчиталъ для меня на досугѣ число всѣхъ тѣхъ, которые живутъ въ Германіи и въ Австріи. Въ Германіи, по этому подсчету, родственниковъ нашихъ прибалтійскихъ Нѣмцевъ въ 1907 году находилось 1,746 человѣкъ, а въ Австріи 51. Изъ наиболѣе извѣстныхъ фамилій жили тамъ: фонъ-Беръ 9 чел., фонъ-Энгельгардтъ 10 ч., фонъ-Фирксъ 12 ч., фонъ-Гротусъ 13 ч., фонъ-Грюневальдъ 11 ч., фонъ-Гойнингенъ-Гюне 4 ч., фонъ-Кайзерлингъ 9 чел., фонъ-Ливенъ 10 ч., фонъ-Майдель 15 ч., фонъ-д.-Концъ 21 чел., Ф.-Самсонъ-Гиммельстерна 6 ч., фонъ-Зассъ 13 ч., фонъ-Штакельбергъ 10 ч., фонъ-Тизенгаузенъ 10 ч., фонъ-Унгернъ-Штернбергъ 12 ч., фонъ-Фитингофъ 11 ч., фонъ-Вольфъ 15 ч., фонъ-Врангель 9 ч., Цеге-фонъ-Мантейфель 6 ч.

И наконецъ, барановъ Остенъ-Сакеновъ цѣлыхъ 34!

А сколько находится нашихъ Нѣмцевъ на постоянномъ жительствѣ въ Германіи и Австріи въ настоящее время, къ сожалѣнію, сказать не могу, такъ какъ новаго адресъ-календаря теперь нигдѣ нельзя почему-то достать. Во всякомъ случаѣ приведенные числа нужно бы значительно увеличить для 1914 г. Я сужу объ этомъ уже по тому, что въ 1907 году въ германской арміи служили только около тридцати лицъ изъ нашихъ прибалтійскихъ фамилій. Теперь, какъ говорятъ, число это дошло до семидесяти. Въ приведенномъ Adressbuch'ѣ 1907 года я нашелъ на германской службѣ: Адольфи Вильгельмъ, лейтенантъ; баронъ ф.-Ашенбергъ, лейтенантъ; Бергенгрюнъ, Максъ, лейтенантъ; Бейзе, Пауль, лей-

тенантъ; Бурси, Отто, лейтенантъ и адъютантъ 32 пѣхотнаго полка; Брутцеръ, Фридрихъ, оберъ-лейтенантъ; Брутцеръ, Густавъ, лейтенантъ; фонъ-д.-Декенъ, Куртъ, лейтенантъ; баронъ Дершау, лейтенантъ; баронъ фонъ-Фирксъ, лейтенантъ; Геттенсъ, Артуръ, лейтенантъ; баронъ Фрейтагъ, лейтенантъ; баронъ Фрейтагъ, оберъ-лейтенантъ; баронъ фонъ-Вигандъ, лейтенантъ; фонъ-Голандеръ, лейтенантъ; баронъ Гойнигенъ-Гюне, лейтенантъ; Ф.-Крузенштернъ, оберъ-лейтенантъ; графъ Ламсдорфъ, флигель-адъютантъ; баронъ Мершайдъ, личный адъютантъ принца Фридриха-Вильгельма; Пантенніусъ, лейтенантъ; фонъ-Петтерсонъ, лейтенантъ; Шиманнъ, лейтенантъ; Серафимъ, Викторъ, лейтенантъ; графъ Стенбокъ, лейтенантъ; баронъ Тизенгаузенъ, лейтенантъ; фонъ-Тилингъ, оберъ-лейтенантъ; баронъ Врангель, Ф., лейтенантъ.

И кромѣ этихъ многочисленныхъ лейтенантовъ еще множество женъ германскихъ офицеровъ, въ родѣ госпожъ: Батчъ, Боденштейнъ, Бонинъ, Бинненштамъ, Бюссе, Брутцеръ, Девицъ, Габеленцъ, Грегоди, Горнъ, Кнобельсдорфъ, Крузенштейнъ, Ламсдорфъ, Матиссенъ, Мюльбаумъ, Засъ, Шиманкъ, Тизенгаузенъ, Икскюль фонъ-Гильдебрандъ, Врангель, баронессы Вольфъ нынѣ графини Цеппелинъ...

Какіе комментаріи нужны къ приведенному списку? Вмѣсто всякихъ разсужденій общаго характера, вмѣсто подавленныхъ вздоховъ, удивленныхъ глазъ, пожатій плечами и восклицаній— присоедините просто приведенныя фамиліи къ фактамъ, о которыхъ я говорилъ въ самомъ началѣ. И передъ вами встанетъ великолѣпная картина, равной которой нельзя подыскать даже въ рижскомъ нѣмецкомъ художественномъ музеѣ!...

А. Ренниковъ.
(Нов. Вр. 30 Окт.).

Прибалтійскія странности. Издающіяся въ Прибалтійскомъ краѣ латышскія и русскія газеты изобилуютъ сообщеніями о прогулкахъ по краю какихъ-то странныхъ аэроплановъ и дирижаблей.

Такъ „Р. Вѣстн.“ пишетъ:

Германскіе аэропланы и дирижабль. 21 августа, между 4 и 5 часами дня, надъ Кишъ-озеромъ, по направленію къ Аагофу, виденъ пролетавшимъ на значительной высотѣ цеппелинъ. Невооруженному глазу цеппелинъ первоначально представлялся въ видѣ движущагося облачка, но черезъ обыкновенный театраль-

ный бинокль можно было хорошо разсмотрѣть эту германскую „сигару“. При полетѣ надъ лѣсомъ вблизи цеппелина появились два аэроплана, летѣвшіе на меньшей высотѣ. Шумъ моторовъ былъ ясно слышенъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Вчера, около 8 часовъ вечера, былъ замѣченъ аэропланъ въ Нордексгофѣ. Аэропланъ летѣлъ черезъ Больдераа по направленію къ Митавѣ.

Русскихъ аэроплановъ тамъ, казалось бы, не должно быть. Слѣдовательно, какія-то свѣдѣнія тамъ собирали Нѣмцы.

О еще болѣе странномъ воздушномъ визитѣ въ Венденскомъ уѣздѣ сообщаетъ латышская газета „Jauna Deenas Lapa“ отъ 20 августа.

Лубань (Загадочные аэропланы). На дняхъ здѣсь было замѣчено нѣсколько загадочныхъ аэроплановъ, которые, какъ сообщаетъ „Jauna Deenas Lapa“, спустились на обширныхъ лугахъ среди лѣсовъ. Приставъ съ отрядомъ полиціи поѣхалъ искать мѣсто спуска.

Въ тотъ же день эта газета приводитъ сообщеніе изъ другой газеты о нѣмецкихъ летчикахъ въ Курляндіи.

„R. Aw.“ сообщаетъ, что со стороны Эдоленъ видѣли, какъ черезъ Гольдингенъ пролетѣлъ аэропланъ. Онъ летѣлъ въ Литву, т. е. къ прусской границѣ. 4 августа, ночью, верстахъ въ 4, въ сторонѣ отъ Прекульна, по направленію къ Вайноденъ замѣтили, какъ освѣщенный аэропланъ опустился близъ желѣзной дороги. Въ немъ находились 4 летчика. Одинъ высадился и пѣшкомъ скрылся въ ночной тьмѣ. Съ оставшимися аэропланъ поднялся и улетѣлъ.

Изъ той же газеты приводимъ выдержку „Р. Вѣстн.“:

Смильтенъ (аэропланъ). 17 августа надъ мѣстечкомъ Смильтенъ, какъ сообщаетъ „Jauna Deenas Lapa“, былъ замѣченъ неизвѣстный аэропланъ, по которому мѣстные полицейскіе чины дали нѣсколько залповъ.

Ко всѣмъ этимъ воздушнымъ странностямъ Прибалтики любопытно добавить выдержку изъ газеты „Jauna Deenas Lapa“ отъ 20 августа.

Возвратился изъ ссылки лѣсничій имѣнія Вольмарскаго уѣзда Мойзекюль Гавлихъ, германскій подданный и запасный офицеръ германской арміи. Его выручилъ баронъ Тизенгаузенъ, одинъ изъ сыновей котораго служитъ офицеромъ въ германской арміи.

Не слишкомъ ли много странностей въ двухъ только номерахъ газеты для этого края.

(Нов. Вр. 28 Августа).

Въ настоящіе историческіе дни великихъ жертвъ, небывалаго труженичества и подвижничества призваннаго на ратныя поля населенія Россіи прежде всего начинаетъ всѣхъ волновать и безпокоить мысль о томъ, нѣтъ-ли среди горячо любящихъ Россію и всей душой преданныхъ ей сыновъ людей иного порядка.

Они, къ великому нашему сожалѣнію, имѣются и притомъ какъ разъ среди тѣхъ, кого мы привыкли уважать за честность, непоколебимую лойяльность,—среди нѣмцевъ.

Въ сегодняшнемъ „Новомъ Времени" (13823) читаемъ такое сообщеніе съ о. Эзеля, Лифляндской губерніи:

„Населеніе буквально терроризовано, и многіе собираются бѣжать во внутреннія губерніи... За каждое непочтительное слово, сказанное по адресу Германіи и нѣмецкихъ войскъ, угрожаютъ большія непріятности. Германскія цеппелины открыто спускаются въ заповѣдныхъ имѣніяхъ острова Эзеля. Когда у береговъ острова показались германскія суда, мѣстные нѣмцы имъ открыто салютовали германскимъ флагомъ"...

„Фамиліи лицъ, въ имѣніяхъ которыхъ опустились нѣмецкіе цеппелины, а также фамилія того лица, которое привѣтствовало германскій флотъ,—говоритъ „Новое Вр.":—намъ извѣстны".

Этого мало. Всѣ русскіе люди хотѣли-бы знать эти, быть можетъ, очень громкія и древнія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ очень уже германскому кайзеру вѣрнопреданныя фамиліи.

А сколько такихъ фактовъ остаются невѣдомыми потому, что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ—сплошное нѣмецкое населеніе, или потому, что (какъ, напр., въ Ригѣ) не разрѣшается сообщать ничего, задѣвающаго нѣмецкое самолюбіе.

(Колоколъ 6 Сент.).

Графъ Цеппелинъ и прибалтійскіе нѣмцы. Я годами изучалъ германскую Avantguerre въ Прибалтикѣ, имѣю много малоизвѣстныхъ фактовъ о томъ, какъ все: и дворянство, и духовенство, и школьные союзы, и банки, и заводы, и верфи, и торговые дома, и различныя общества, и всякія справочныя бюро,—все, рѣшительно все, готовило путь тому, чтобы древняя Ливонія сдѣлалась германской.

Въ одной изъ статей „Русскаго Инвалида“, перешедшей въ латышскую печать, были помѣщены нѣкоторыя указанія на родство вюртембергскаго графа Цеппелина съ прибалтійскимъ дворянствомъ и на денежную помощь, оказанную ему прибалтійскими Нѣмцами въ постройкѣ воздушныхъ кораблей, направленныхъ нынѣ противъ Россіи.

Позвольте мнѣ ихъ дополнить слѣдующимъ:

Графъ Цеппелинъ женился на дочери барона В. Вольфъ, владѣльца Яунъ-Лайценскаго майората. Онъ весьма часто пріѣзжалъ въ Лифляндію, рѣдко пропуская крупное событіе въ семействѣ бароновъ Вольфъ, иногда гостилъ подолгу и пользовался большой популярностью за свою привѣтливость и живой интересъ къ жизни латышскаго народа. Отъ этого брака родилась одна дочь, которая нѣсколько лѣтъ назадъ унаслѣдовала Вецъ-Гульбенскій майоратъ (Альтъ Шваненбургъ) отъ бездѣтнаго вдовца іонита барона Г. Вольфъ съ условіемъ, что должна выйти замужъ за однаго изъ бароновъ Вольфъ, что она и исполнила своимъ бракомъ съ близкимъ своимъ родственникомъ барономъ Р. Вольфъ, владѣльцами также и Яунъ-Лайценскаго майората. Графъ Цеппелинъ, между прочимъ, приходится родственникомъ барону Н. Вольфъ, члену Государственной Думы, нѣмецкая дѣятельность котораго достаточно извѣстна и оцѣнена, и многимъ другимъ нѣмецкимъ лицамъ, занимающимъ высокіе посты въ русской дипломатіи и у русскаго Двора; между ними здѣсь назовемъ только камергера барона А. Вольфъ.

Отмѣтимъ еще, что своимъ бракомъ графъ Цеппелинъ породнился съ однимъ изъ наиболѣе богатыхъ родовъ Прибалтійскаго края; роду бароновъ Вольфъ въ одной Лифляндіи принадлежатъ 36 имѣній съ площадью около 280,000 десятинъ или 8 проц. всей земельной площади Лифляндіи.

Графъ Цеппелинъ, собственно говоря, не можетъ считаться изобрѣтателемъ такъ называемыхъ „цеппелинскихъ сигаръ“, такъ какъ этотъ типъ дирижаблей былъ изобрѣтенъ во Франціи и оставленъ по многимъ причинамъ. Нѣмецъ приступилъ къ улучшенію французскаго изобрѣтенія съ замѣчательными настойчивостью и трудолюбіемъ. Онъ пожертвовалъ на это дѣло все свое личное довольно крупное имущество, всѣ свои виноградники, имущество своей жены, потомъ сильно задолжалъ у своихъ нѣмецкихъ родственниковъ въ Прибалтійскомъ краѣ, и все-таки дѣлу угрожалъ плачевный конецъ изъ-за недостатка средствъ. Въ

критическій моментъ на помощь пришелъ императоръ Вильгельмъ II, взялъ дѣло графа Цеппелина подъ свое личное покровительство, снабжалъ его нужными средствами, часто даже противъ мнѣнія германскихъ авторитетовъ, и упорно его поддерживалъ несмотря на всѣ многочисленныя неудачи, на жалкую погибель свыше десяти цеппелиновъ.

Долгіе годы въ Лифляндіи ходила рѣчь объ обѣщаніи графа Цеппелина пріѣхать въ Яунъ-Лайценъ и въ Вецъ-Гульбенъ на своемъ воздушномъ кораблѣ. Тогда, разумѣется, никто не подозрѣвалъ, что старый графъ мечталъ способствовать своими воздушными кораблями завоеванію Германіей латышскаго края. Многіе Нѣмцы, вмѣстѣ съ Цеппелиномъ, также мечтали о германской Ливоніи. Нѣмцы, заграничные и мѣстные, всегда ловко пользовали соціалистическія организаціи противъ латышскихъ націоналистовъ, суля то законы германскаго страхованія рабочихъ, то другія блага, а въ послѣднее время германскій государственный мужъ, который теперь такъ отличается въ Америкѣ своей кампаніей въ пользу Германіи, предлагалъ нѣкоторымъ вожакамъ латышскихъ соціалистовъ автономію, а то и независимость латышскому краю за поддержку въ борьбѣ противъ Россіи; они ловко использовали, особенно въ послѣднее время, ненавистную латышамъ политику руссификаціи, повсюду выступая незванными защитниками латышскихъ національныхъ правъ...

Да, много труда потрачено, чтобы графъ Цеппелинъ могъ посѣтить своихъ прибалтійскихъ родственниковъ, но Латыши остались вѣрны своему долгу.

(„Русскій Инвалидъ", Г. И. Симсонъ).

„Слу-шай". Во тьмѣ бурной осенней ночи, освѣщаемой лишь заревомъ далекаго кроваваго пожара, рѣшается судьба Европы... Культурный міръ или—обезумѣвшіе звѣри; европейцы или—тевтоны; кто-нибудь *одинъ* долженъ *побѣдить*, кто-нибудь *одинъ* долженъ быть *уничтоженъ*. И—горе побѣжденному! Послѣ проявленія такой многовѣковой ненависти, послѣ столькихъ жестокихъ ударовъ по самолюбію, послѣ такихъ грандіозныхъ жертвъ—нелѣпо ему ждать снисхожденія и пощады! Это чувствуетъ нашъ врагъ, и *все* напрягъ для рѣшительной схватки, угадывая, что она—не за горами... Это учли мы и наши славные союзники. И вотъ, въ этотъ моментъ величайшаго напряженія, въ эти дни огромныхъ ожиданій, необходимо *всѣмъ намъ*, вмѣстѣ съ нашей

бодрствующей, рвущейся къ побѣдѣ арміей, *быть на сторожѣ*, быть во всеоружіи, чтобы облегчить ея работу. *Такъ* ли дѣло обстоитъ у насъ?

Если вѣрить компетентнымъ сообщеніямъ „Нов. Вр.", требуется много исправленій, много больше зоркости и вниманія. *Нашъ Прибалтійскій край...* Древніе *баронскіе* замки, *„маіораты"* и т. д. Всѣ ли обитатели ихъ слились душой съ новой своей родиной, чуждой имъ по языку, по вѣрѣ? Для всѣхъ ли чуждымъ эхомъ доносится „hoch" горделивому „кайзеру"?.. Кореспонденции изъ Прибалтики, какъ мы уже указывали, далеко не утѣшительнаго свойства. „Лойяльность" русскихъ „Генриховъ" черезчуръ сомнительна... Загадочные нѣмецкіе аэропланы, рѣющіе надъ имѣніями такихъ „вѣрноподданныхъ" (какъ напр. ех-имѣніемъ... дочери г. Цепелина „Альтъ Шваненбургъ"), таинственныя прогулки въ день мобилизаціи лифляндскаго землевладѣльца бар. Майделя, который въ тотъ же день, по сообщенію „Нов. Вр.", „упаковалъ разныя вещи и объявилъ въ имѣніи, что сейчасъ же уѣзжаетъ въ Германію"; легендарное поведеніе гробинскаго предводителя дворянства (!) бар. Мантейфеля, въ уѣздѣ котораго „достаточно околоточному надзирателю или даже приставу указать какому-нибудь домовладѣльцу-нѣмцу на то или иное упущеніе, чтобы услышать отъ него: „я буду жаловаться на васъ барону Мантейфелю" (sic); личность издателя Либавской шовинистической газеты „Lib. Zeitung"—*прусскаго лейтенанта* Карла-Клаусъ-фонъ-деръ-Деккенъ и пр. и пр. повергающіе насъ въ „недоумѣніе" факты,— все это не рисуетъ ли намъ тревожную картину, при созерцаніи которой хочется крикнуть стерегущее: „слу-у-шай!" Слушай, одинъ за другимъ, вѣрные часовые русской земли, бодрствующіе, *долженствующіе* бодрствовать въ ея *тылу*.

Слушай и готовься спустить курокъ. *Требуй* отъ администраціи этихъ онѣмеченныхъ мѣстъ перемѣны курса... въ сторону тѣхъ, кто поставилъ ее туда, кто далъ ей власть—въ сторону Россіи.

Требуй уничтоженія подобныхъ приказовъ, какъ рижскій, гдѣ трамвайное общество постановило, говоритъ „Нов. Вр.", „чтобы всѣ станціи выкликались только на нѣмецкомъ языкѣ", гдѣ, добавляетъ газета, „публика обращалась въ соотвѣтствующія учрежденія и просила устранить столь явное издѣвательство надъ русскими латышами, но просьбы мѣстной администраціи были оставлены безъ послѣдствій". Или въ Юрьевѣ, гдѣ, жалуется

кореспондентъ, „во всѣхъ городскихъ учрежденіяхъ господствующимъ остается по прежнему нѣмецкій языкъ“. Другой юрьевскій кореспондентъ не знаетъ, какъ поступить съ нѣмецкими студенческими корпораціями: корпоранты по прежнему смотрятъ на нашихъ студентовъ съ высока. *Цѣли этихъ корпорацій въ сущности тѣ же самыя, что и у закрытаго „Дейчъ-Ферейна“.* Одна изъ нихъ даже носитъ названіе „Тевтоніи“.

Администраторы во *враждебномъ* краѣ —должны быть не изъ туземцевъ, да еще—туземцевъ непримиримыхъ, вредныхъ.

Пора дать дорогу латышскому населенію, дать ему возможность показать свою преданность Россіи безъ боязни быть *за это* оскорбленнымъ и проученнымъ нѣмцемъ. Латышское населеніе, какъ видно изъ наблюденій прессы, стоитъ на высотѣ пониманія долга, и оно—лучшій нашъ союзникъ въ борьбѣ съ ненавистнымъ ему еще больше, чѣмъ намъ, германизмомъ. Когда у латышей будетъ поддержка въ лицѣ русской власти, тогда намъ уже не придется читать такіе „разсказы“ изъ жизни „лойяльнаго“ края, какъ напр.: „въ субботу, 30-го августа, въ Ригѣ былъ устроенъ день флаговъ. Къ вечеру публика собралась къ памятнику Петра Великаго, гдѣ игралъ военный оркестръ. Солдаты играли все, что угодно, только не гимнъ. Я спрашивала многихъ музыкантовъ: почему вы не играете гимна? Солдаты не отвѣчали, потупя голову. Наконецъ, я обратилась съ вопросомъ къ приставу, и отвѣтъ его показался мнѣ такимъ удивительнымъ, что я не могу не воспроизвести его точно: „имъ запрещено“.

Русское общество въ правѣ и должно требовать самаго строжайшаго изслѣдованія такихъ фактовъ и наказанія виновныхъ и попустителей. Его „слу-шай“ не должно затеряться, его тревога должна быть рѣзкой и непрерывной.

(Русскій Инвалидъ № 196).

Добросовѣстность Нѣмцевъ. Намъ пишутъ изъ Прибалтійскаго края.

По объявленіи мобилизаціи въ Лифляндской губ. запасные Мексійской волости Верровскаго уѣзда, на подводахъ отправились на сборный пунктъ въ гор. Верро. Дорога въ Верро проходитъ мимо имѣнія Меексъ, принадлежащаго г. фонъ-Вальтеру, и близъ самаго двора дѣлаетъ поворотъ; чтобы избѣгнуть этого поворота, обычно всегда проѣзжали черезъ дворъ мызы, и это никогда не возбранялось. То же самое сдѣлали и запасные. Въ сумеркахъ, распѣвая патріотическія пѣсни, они проѣзжали черезъ

помѣщичій дворъ. Услышавъ пѣсни и не сдержавъ своего гнѣва, г. фонъ-Вальтеръ выбѣжалъ на крыльцо дома и далъ два ружейныхъ выстрѣла по направленію подводъ, къ счастью не ранивъ никого изъ проѣзжающихъ. Запасные, крестьяне Мексійской волости, имена ихъ намъ извѣстны, объ этомъ происшествіи немедленно заявили какому-то полицейскому чиновнику и, кромѣ того, передали списокъ своихъ фамилій одному знакомому въ Верро. Но это дѣло такъ же, какъ и много другихъ подобныхъ, не дошло до губернскихъ властей и гдѣ-то пропало. Всесильные бароны сумѣли и здѣсь найти себѣ защитниковъ.

Второй случай баронской коректности имѣлъ мѣсто во время конской мобилизаціи. Въ одномъ изъ богатыхъ имѣній была доставлена на пунктъ одна только полуслѣпая лошадь, англійскіе же скакуны, которыми славится имѣніе, оказались ко дню мобилизаціи гдѣ-то спрятанными. Завѣдующій пунктомъ, одинъ изъ фоновъ, не нашелъ возможнымъ брать помѣщичьихъ лошадей, и комплектъ былъ набранъ изъ крестьянскихъ. Правда, по этому поводу сейчасъ ведется слѣдствіе, и едва-ли гг. бароны сумѣютъ спасти себя отъ суда. Во время вторичной мобилизаціи, когда комплектовались лошади для кавалеріи съ уплатою по 300 руб. за лошадь, владѣлецъ имѣнія „Парцимойзъ“ фонъ-М. пригналъ на пунктъ изнуренныхъ и искалѣченныхъ лошадей. Всѣ эти лошади были приняты завѣдующимъ военно-конскимъ участкомъ фонъ-Р. Актъ этотъ встрѣтилъ протестъ со стороны помощника завѣдующаго пунктомъ волостного старшины Яна Пилле, поплатившагося за свой протестъ баронскимъ гнѣвомъ: онъ былъ выруганъ передъ всѣмъ собравшимся населеніемъ.

Таковы факты, въ подлинности которыхъ мы нисколько не сомнѣваемся, такъ какъ они засвидѣтельствованы. Едва-ли они нуждаются въ комментаріяхъ.

(Вечер. Вр. 31 Окт.).

Большія странности. Во многихъ мѣстностяхъ Лифляндской и Курляндской губ. жители увѣряютъ, будто замѣчаютъ по ночамъ таинственные огоньки въ башняхъ лютеранскихъ кирхъ. Нѣкоторые служащіе у мѣстныхъ пасторовъ даже увѣряютъ, будто видывали таинственныхъ субъектовъ въ пасторскомъ одѣяніи, входившихъ ночью въ кирху.

Вѣсти объ этомъ приносятъ и мѣстныя газеты. Мѣстная полиція навѣрное принимаетъ мѣры для провѣрки этихъ фактовъ

но такъ, что результаты этихъ разслѣдованій остаются неизвѣстными для населенія.

Въ Дундагской волости, какъ сообщаетъ газета „Dsimtenes Wehstnesis“, между Дундагскимъ имѣніемъ и мало-Ирбе находится старая сигнализаціонная башня. Какъ совершенно лишняя, она никогда не освѣщалась, но въ первой половинѣ августа мѣсяца, когда всѣ остальныя башни были темными, на Шлитерской часто наблюдались таинственные огоньки. Въ этой мѣстности по ночамъ бросалась въ глаза и другого рода сигнализація: ракеты, костры и т. д. По этому дѣлу было назначено слѣдствіе. Тотчасъ послѣ заявленія сторожей около башни иллюминація сразу прекратилась.

Недавно въ лѣсу одного имѣнія, куда лѣсничій строжайше воспретилъ впускать постороннихъ людей, т. е. мѣстныхъ жителей, ходившихъ туда за грибами или за ягодами, нашли на нѣсколькихъ высокихъ деревьяхъ недавно устроенныя удобныя сидѣнья. Къ нѣкоторымъ изъ деревьевъ были прикрѣплены длинные шесты, высоко вздымавшіеся надъ лѣсомъ. При допросѣ старшій лѣсничій заявилъ, будто сидѣнья эти устроены для наблюденія за птицей. Относительно шестовъ никакихъ объясненій не было дано.

При самомъ началѣ военныхъ дѣйствій между Германіей и Россіей, мѣстные крестьяне доставили въ городъ одного помѣщика, сваливавшаго со своимъ кучеромъ телеграфные столбы. Крестьяне очень удивились, узнавъ, что злоумышленники были отпущены, а поймавшіе ихъ получили строжайшій выговоръ за неумѣстное усердіе.

4 сентября въ Венденскомъ округѣ были арестованы бароны братья М., уличенные въ распространеніи возмущающихъ противъ правительства прокламацій, подписанныхъ будто-бы лат. соціалъ-демократической партіей. Одинъ изъ бароновъ, какъ сообщаетъ газ. „Latwija“, былъ тотчасъ безъ оффиціальнаго освидѣтельствованія признанъ умалишеннымъ и отпущенъ, а другой, что съ нимъ сталось, мы и до сихъ поръ не знаемъ; очень важно было-бы намъ узнать приговоръ суда.

(Колоколъ 18 Окт., А. П.).

Главный центръ рижскаго взморья Маіоренгофъ принадлежитъ маіоратному имѣнію барона Фиркса, поэтому большинство улицъ этого мѣстечка носятъ нѣмецкія названія: „Вильгельмская“, „Фридриховская“ и т. п., главная улица называется

„Іоменскою“. 15 лѣтъ тому назадъ, по случаю исполнившагося 26 мая 1899 года столѣтія со дня рожденія знаменитаго русскаго писателя А. С. Пушкина, нѣкоторыми изъ русскихъ учителей рижскаго взморья возбуждено было ходатайство о переименованіи этой улицы въ „Пушкинскую“. Губернскою администраціею ходатайство это было удовлетворено, и въ томъ-же году, по распоряженію полицеймейстера купальныхъ мѣстъ, дощечки съ надписью: „Iomenstrasse“ были замѣнены новыми, съ надписью: „Пушкинская улица“. Но баронъ Фирксъ заявилъ протестъ и распорядился возстановить прежнее названіе улицы. Въ прошломъ году группою населенія взморья было возбуждено новое ходатайство ознаменовать трехсотлѣтіе царствующаго Дома Романовыхъ переименованіемъ „Іоменской ул.“ въ Маіоренгофѣ въ „Романовскую“. Но баронъ Фирксъ даже не счелъ нужнымъ что-либо по сему поводу отвѣтить. Пора-бы дѣйствительно, дать понять нынѣшнему собственнику Маіоренгофа, что Вильгельмамъ и Фридрихамъ теперь не мѣсто и на уличныхъ табличкахъ Маіоренгофа.

(Голосъ Руси).

Прибалтійская „лояльность“. Кажется послѣ откровеннаго заявленія рижской печати, что цѣль прибалтійскихъ нѣмцевъ,— „возвеличеніе государственной мощи Германіи“ *), нашими лояльнѣйшими русскоподданными Нѣмцами сказано все, что только возможно (?) было сказать у себя дома, въ Россіи. Остальное имъ приходится договаривать по ту сторону границы.

„Wir, Balten“—„Мы, балты!“—подъ такимъ крикливымъ названіемъ въ Лейпцигѣ въ 1906 году выпущена была любопытная книжка, авторъ которой, уже не стѣсняясь внутренними цензурными условіями, совершенно открыто поясняетъ, что такое въ сущности представляетъ собою прибалтійское дворянство:

„Балтійское дворянство—дворянство германское. За исключеніемъ нѣсколькихъ фамилій шведскаго происхожденія, давно впрочемъ растаявшихъ въ балтійскомъ нѣмечествѣ, оно въ подавляющей своей массѣ имперско-германскаго происхожденія. Колыбелью курляндскаго дворянства можно назвать Вестфалію. Всѣ эти Гольтеи, Кайзерлинги, Реке, Фитингофы, осѣдлые уже нѣсколько вѣковъ въ Курляндіи, являются прямыми потомками родовъ и семействъ, еще понынѣ владѣющихъ родовыми помѣстьями въ Вестфаліи“...

Итакъ вотъ кто такіе „мы, балты“! Что можно имъ возразить? Въ очень значительной мѣрѣ авторъ книжки „Мы, балты“, конечно, правъ. Наше прибалтійское дворянство такъ переплетено родственными связями съ германскимъ, что кто разберетъ, гдѣ кончается „балтъ“, состоящій на службѣ у кайзера, и гдѣ начинается „Германецъ“, унаслѣдовавшій баронскій замокъ въ Прибалтійскомъ краѣ? Вѣдь развѣ это не чудовищный самъ по себѣ фактъ, что ревельскому коменданту пришлось на этихъ дняхъ отдать приказъ о воспрещеніи пребыванія въ крѣпостномъ районѣ двумъ баронамъ, сыновья которыхъ сейчасъ сражаются противъ насъ въ рядахъ германской арміи? Развѣ не поразительно?

Вдумайтесь только въ психологію этого факта. Прибалтійскіе бароны оказываются настолько проникнутыми „германской культурою“ (о, не въ смыслѣ „желѣза и крови!“, какъ убѣждаетъ насъ прибалтійская печать), что не находятъ возможнымъ воспитывать своихъ дѣтей гдѣ-либо внѣ Германіи. Военныя школы Германіи оказываются такимъ образомъ питомникомъ для будущихъ владѣльцевъ прибалтійскихъ замковъ! Это ли не успѣхъ „германской культуры“, создающей кадры въ полномъ смыслѣ „германскаго дворянства“ въ трехъ ближайшихъ къ Германіи балтійскихъ губерніяхъ!

И послѣ этого можно ли удивляться тому, что благодаря близкому родству извѣстнаго графа Цеппелина съ прибалтійскими дворянскими фамиліями, его первый воздушный корабль создался на средства нашихъ „лояльныхъ“ бароновъ?

Какая жестокая германская иронія надъ простодушнымъ русскимъ обществомъ—эти бомбы, которыми осыпаютъ теперь сверху нашихъ солдатъ германскіе цепелины! И въ то же время намъ продолжаютъ твердитъ о неизмѣнной „прибалтійской лояльности“, да еще съ ссылками на проливающихъ свою кровь за Россію прибалтійскихъ дворянъ! Какое грубо-тенденціозное смѣшеніе понятій! Пусть и прибалтійскіе бароны, мечтающіе о „возвеличеніи Германіи“ и вершающіе свои дѣла въ непроницаемой тайнѣ своихъ ландтаговъ, не касаются святой крови защитниковъ родины! Эти вѣрные слуги своего Царя и отечества не нуждаются въ чьей-либо защитѣ ихъ лояльности предъ Россіей? Но что сказать о той доминирующей части прибалтійскаго дворянства, всѣ помыслы которой сейчасъ на сторонѣ Германіи, чьи сыновья и родственники сражаются противъ своихъ же братьевъ въ рядахъ германскихъ войскъ?

Почему же молчать, почему не протестуютъ противъ такого поистинѣ чудовищнаго явленія дворянскіе ландтаги Прибалтійскаго края?

А вѣдь, кажется, прибалтійское дворянство имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно средствъ, чтобы реагировать на такіе убійственные для его достоинства факты. Или служба въ рядахъ враждебной Россіи армій не считается у вліятельной части дворянства, руководящей ландтагами, порочащею всю дворянскую корпорацію?

Приходится думать, что нѣтъ, если обычно столь падкіе на всяческія опроверженія въ газетахъ по малѣйшимъ затрагивающимъ ихъ поводамъ, гг. прибалтійскіе бароны сейчасъ не находятъ нужнымъ хотя бы высказать слово осужденія тѣмъ изъ своей среды, чьи фамиліи значатся въ спискахъ германскихъ офицеровъ. Но тогда о какой же „лояльности" прибалтійскаго нѣмечества можетъ быть рѣчь? Да и можно ли серьезно разсуждать объ этой лояльности, если въ число прибалтійскихъ дворянъ, присужденныхъ судомъ за укрывательство лошадей отъ конской повинности къ наказанію тюрьмой, попалъ даже одинъ изъ мѣстныхъ предводителей дворянства? Позорнѣйшій поступокъ, въ моральной оцѣнкѣ котораго въ средѣ русскаго дворянства не было бы ни малѣйшихъ колебаній! Почему же и тутъ молчатъ прибалтійскіе бароны? Почему не поспѣшитъ прибалтійское дворянство исключить изъ своей среды—столь сплоченной и солидарной среды—лицъ, чуждыхъ не только всякаго патріотизма, но даже ни малѣйшей доли того, что называется „лояльностью" въ отношеніи Россіи? Вѣдь такимъ отношеніемъ къ преступнымъ баронамъ нѣмецкое дворянство какъ бы свидѣтельствуетъ о своей солидарности и съ ихъ образомъ мыслей, который, конечно, будетъ одобренъ въ Берлинѣ.

Странная эта „прибалтійская лояльность!" Чтобы ее понять, нужно, кажется, сначала усвоить всю психологію „всенѣмецкой культуры", съ ея сорокадвухъдюймовыми пушками, двоеподданствомъ и прибалтійскими баронами, получающими на русскія средства военное воспитаніе въ Берлинѣ.

(Новое Вр. Окт. Я. Н—овъ).

Особенно благотворнымъ оказалось все то, что было предпринято Царемъ-Миротворцемъ въ „Божьей землькѣ"—Прибалтикѣ, захваченной нѣмцами въ полное и потомственное владѣніе.

Даже частичное снятіе съ Латышей, эстовъ и русскихъ нѣмецкаго ига создало прочный фундаментъ для проявленія высокаго подъема патріотическихъ чувствъ на этой окраинѣ, еще недавно считавшейся революціонно-настроенной.

Теперь латыши и эсты съ превеликой охотой помогаютъ русскимъ въ освобожденіи отъ германскаго нашествія. Горечь нѣмецкаго гнета вѣдома имъ больше, чѣмъ кому-либо иному въ Россіи.

Долго создававшееся и послѣ смутныхъ 1905—6 годовъ окрѣпшее раздѣленіе мѣстнаго населенія на „лояльныхъ" нѣмецкихъ бароновъ и „нелояльныхъ" эстонцевъ и латышей — все болѣе и болѣе разоблачается со стороны своей вопіющей ненормальности...

Свѣдующіе люди увѣряютъ, что въ свое время нѣмцы-бароны не вредно сыграли на латышахъ, выставивъ ихъ протесты противъ нѣмецкаго засилья, какъ бунтъ противъ государства, вообще..

И передъ войной, и теперь — латыши торчатъ у бароновъ бѣльмомъ на глазу...

Слѣдятъ!.. Доносятъ!.. Этакая вѣдь „революціонность"! Этакое проявленіе „мятежнаго" „бунтарскаго" духа... Смѣть доносить русской власти и русскимъ газетамъ на „лояльнѣйшихъ" нѣмецкихъ бароновъ!..

(„Колоколъ" 19 Окт.).

Изъ Письма Латыша... Ты интересуешься, какъ чувствуютъ себя наши бароны. Ну, теперь положеніе нашихъ патроновъ очень неловкое, даже можно сказать, что незавидное. Могу обрисовать тебѣ нѣсколько моментовъ ихъ положенія. Возьмемъ, напр., Метагскаго Бейзе, тотъ уже посланъ въ Оренбургъ, и хотѣли конфисковать имущество его, но старый баронъ будто бы доказалъ, что это его имущество, тѣмъ и спасъ. Теперь опять изслѣдованіе нашихъ бароновъ; кто-то написалъ полиціи, что будто бы бароны собираются на митинги и огнемъ сигнализируютъ по ночамъ. Дѣло въ томъ, что у насъ запрещено огонь ставить на окна въ морскую сторону. Нѣсколько дней тому назадъ одна наша хозяйка ѣхала вечеромъ изъ Лемзаля и около им. Перпигель самъ „фонъ" развелъ по дорогѣ костеръ, разумѣется, поздно вечеромъ; но для какой цѣли, никому неизвѣстно, и объ этомъ ведется разслѣдованіе. Это правда, что всѣ окрестные бароны съѣхались одинъ разъ въ одномъ имѣніи, другой—въ другомъ; что они тамъ

дѣлаютъ намъ неизвѣстно. Изъ ихъ поведенія и разговоровъ можно заключить, что ихъ симпатіи на сторонѣ Нѣмцевъ, и какъ же этому не быть: всѣ ихъ деньги лежатъ въ германскихъ банкахъ, а если Германія проиграетъ войну, такъ навѣрное и пропадутъ ихъ капиталы. Остальныя жители, т.-е. Латыши, чувствуютъ себя прекрасно, и только того и ожидаютъ, чтобы скорѣе берлинскаго тирана захватить. Много Латышей ушло на войну; у меня два брата дерутся на германской границѣ, которые первыми ушли. Мы радуемся каждой нашей побѣдѣ, даже самой небольшой. Такого подъема духа никогда еще не было среди Латышей.

(Веч. Вр.).

Что такое лояльность. Тѣ германскіе офицеры, которые происходятъ изъ прибалтійскихъ дворянъ, естественно поддерживаютъ или во всякомъ случаѣ поддерживали до сихъ поръ близкую связь съ Прибалтійскимъ краемъ. Этихъ офицеровъ по Adressbuch'у 1907 года я насчиталъ 26. Говорятъ, что число ихъ въ этомъ году достигло цифры—70. Дѣйствительно ли ихъ столько или немного меньше, это, конечно, неважно. Гораздо важнѣе вопросъ слѣдующій: какъ должно отнестись русское правительство къ тѣмъ прибалтійскимъ имѣніямъ, въ которыхъ указанные офицеры германской арміи являются или наслѣдниками, или владѣльцами, или совладѣльцами? Въ Германіи подобный вопросъ, конечно, не могъ бы возникнуть; тамъ задолго до всякихъ газетныхъ статей правительство просто и ясно рѣшило бы дѣло о конфискаціи подобныхъ имѣній. А если бы какой-нибудь наивный публицистъ захотѣлъ написать въ „Berliner Tageblatt" статью о томъ, что недвижимость, находящаяся въ Германіи и принадлежащая русскому офицеру, должна быть конфискована по такимъ-то и такимъ принципіальнымъ соображеніямъ,—то, я увѣренъ, редакторъ пощупалъ бы у подобнаго публициста пульсъ, а публика, въ случаѣ, если бы статья появилась, хохотала бы до слезъ и восклицала: „Принципіальныя соображенія! Шутникъ!"

У насъ дѣло обстоитъ иначе. Намъ нужно доказывать, что лошади ѣдятъ овесъ и сѣно, а германскіе офицеры не должны получать доходовъ отъ Россіи. Возьмите, напримѣръ, такіе случаи, когда прибалтійская дворянка состоитъ въ бракѣ съ представителемъ германской арміи. Можетъ она пользоваться своими правами въ Россіи въ настоящее время, или не можетъ? Германцы рѣшили бы вопросъ очень просто... А какъ рѣшатъ этотъ вопросъ у насъ?

Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что графъ Цеппелинъ построилъ первый воздушный корабль на средства своей жены, прибалтійской помѣщицы баронессы Вольфъ, которая для доставленія графу необходимыхъ денегъ заложила свое имѣніе Альтъ-Шваненбургъ. И сейчасъ неизвѣстно, какъ будетъ поступлено съ Альтъ-Шваненбургомъ: конфискуютъ его, или же оставятъ въ покоѣ, давъ возможность почтенной баронессѣ какъ-нибудь перезаложить имѣніе и на вырученныя деньги построить новый видъ германскихъ воздушныхъ дредноутовъ...

Это одинъ только примѣръ. Но невѣроятно, чтобы приведенные мною въ спискѣ офицеры изъ богатыхъ фамилій Ламсдорфъ, Гойнингенъ-Гюне, Тизенгаузенъ, Вольфъ, Остенъ-Сакенъ, Фирксъ, Энгельгардъ—не явились хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ совладѣльцами общеродовыхъ прибалтійскихъ помѣстій. Этотъ вопросъ должна была бы выяснить сенаторская ревизія. Выяснить вмѣстѣ съ вопросомъ о германскихъ подданныхъ управляющихъ и лѣсничихъ, а также съ вопросомъ о гостяхъ, пріѣзжавшихъ изъ Пруссіи съ визитными карточками, на которыхъ откровенно стояло:

„Гедгенсъ Артуръ. Лейтенантъ стрѣлковаго полка... Серафимъ Викторъ. Лейтенантъ 43 пѣхотнаго полка“...

Какъ вы видѣли изъ предыдущаго моего изложенія, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ лояльности большинства прибалтійскихъ помѣщиковъ. Но сомнѣнія насчетъ лояльности меньшинства существуютъ. Какъ, напримѣръ, объяснить тѣ нерѣдкіе случаи, когда какой-нибудь изъ родителей-Нѣмцевъ, самъ состоящій въ русскомъ подданствѣ, вдругъ переводитъ ни съ того, ни съ сего своего сына въ германское подданство?

Вотъ баронъ фон-деръ Б., живущій въ Альтраденѣ... Сынъ барона переведенъ въ германское подданство, а отецъ, у котораго въ Россіи не мало дѣлъ, требующихъ полныхъ правъ русскаго подданства, остался вѣрнымъ своему дорогому отечеству. Въ Феллинѣ находится баронъ Э. Сынъ его передъ самой войной былъ переведенъ въ германское подданство. И теперь баронъ не знаетъ, что дѣлать... Въ Ригѣ есть третій дворянинъ С., имѣющій большое отношеніе къ нѣмецкой печати. Онъ русскій подданный, но одинъ сынъ его германскій...

До чего доходитъ эта „лояльная“ мода на переводъ дѣтей въ германское подданство, указываетъ любопытный случай съ бывшимъ уѣзднымъ врачемъ Валкскаго уѣзда докторомъ У. Слѣ-

дуя хорошему тону мѣстной аристократіи, докторъ перевелъ сына въ германское подданство, хотя самъ не только русскій подданный, но получаетъ отъ русскаго правительства недурную пенсію за вѣрность. Когда началась война, и сына доктора власти должны были арестовать на общихъ началахъ, остроумный докторъ обратился къ лифляндскому губернатору съ просьбой не арестовать сына. И главнымъ аргументомъ выставилъ то обстоятельство, что „сынъ до принятія германскаго подданства отбывалъ воинскую повинность въ Россіи, а потому можетъ считаться совсѣмъ лояльнымъ!“

Послѣдній случай не анекдотъ, а фактъ, за достовѣрность котораго ручается мнѣ одно заслуживающее довѣрія лицо. Какъ вы видите, „съ германскимъ подданствомъ“ идти дальше некуда. Это уже не результаты германскаго закона о двойномъ подданствѣ. Это нѣсколько крупныхъ откровенныхъ шаговъ впередъ. Двѣсти лѣтъ прибалтійскіе Нѣмцы находятся подъ властью Россіи; и до сихъ поръ для нѣкоторыхъ изъ нихъ „unser Kaiser“— императоръ Германіи, а прибалтійскія губерніи — „Остзейская провинція“, провинція будущей славной великой Германіи—Alldeutschland'a!

Вдумайтесь только въ самое выраженіе: „Остзейскій край“. Вѣдь Ostsee—„восточное море“, восточное не для Россіи, у которой оно находится на западѣ, а именно для родной любимой матери Германіи... Развѣ это не знаменательно?

Не обобщая фактовъ на все прибалтійское дворянство, среди котораго, несомнѣнно, есть не мало вѣрныхъ сыновъ Русскаго государства, нужно сознаться, что много грустнаго слышишь о равнодушіи нѣкоторыхъ изъ помѣщиковъ къ интересамъ русскаго оружія... Это печальное явленіе наблюдается и среди бюргеровъ, и среди дворянъ. Въ Ригѣ, какъ я говорилъ въ одной изъ статей, въ день флажковъ немало встрѣчалось лицъ, не желавшихъ украшать себя русскимъ флагомъ и требовавшихъ у продавщицъ флаги германскіе. На рижской эспланадѣ дѣло иногда доходило до драки. А арендаторъ погреба подъ одной изъ первоклассныхъ гостиницъ даже вывелъ продавщицу флаговъ за дверь, безъ стѣсненія взявъ ее за плечо, какъ это привыкъ дѣлать съ попрошайками.

Предводитель дворянства одного изъ восточныхъ уѣздовъ Курляндіи говорилъ въ началѣ войны на почтѣ въ присутствіи свидѣтелей, что „Нѣмцы придутъ сюда въ три дня“, и что „Рус-

скіе, навѣрно будутъ разбиты 8 августа, такъ какъ суевѣрны и испугаются затменія солнца“.

Въ лифляндской контрольной палатѣ, какъ сообщаетъ одна рижская газета, помощникъ ревизора дворянинъ фонъ-Франкъ заявилъ старшему ревизору, что нѣмецкими войсками „русскіе разбойники будутъ прогнаны въ Сибирь“.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ всего сказаннаго? Неужели тотъ, который дѣлаетъ въ своей книгѣ „Die baltische Frage“ баронъ Врангель, а именно, что „вѣрность и преданность отечеству есть основная черта германской націи“? Я бы воздержался пока отъ этого вывода.

(Нов. Вр. 20 Окт.) А. Ренниковъ.

Прибалтійская Лояльность. Какой убійственный аргументъ противъ наивной вѣры въ искреннюю „лояльность“ прибалтійскаго нѣмечества—эти, попавшіе въ русскую печать изъ нѣмецкихъ „Adressbuch’овъ“ длинные списки благородныхъ отпрысковъ нашихъ баронскихъ фамилій, сражающихся теперь противъ Россіи въ рядахъ германской арміи! Русскому обществу, воспитавшемуся въ здравыхъ представленіяхъ о любви къ родинѣ, положительно, не постичь тѣхъ сложныхъ чувствъ прибалтійскаго „патріотизма“ и „народной гордости“, обуревающихъ лифляндскихъ, эстляндскихъ и курляндскихъ бароновъ, когда они посылаютъ своихъ сыновей бороться въ двухъ враждебныхъ другъ другу арміяхъ! Кого изъ двухъ родныхъ, быть можетъ, братьевъ-враговъ, сопричислитъ прибалтійское нѣмечество къ пантеону своихъ національныхъ героевъ? Вся Россія съ почитаніемъ произноситъ славныя имена прибалтійскихъ уроженцевъ—Барклая и Тотлебена. Но Прибалтійскій край гордится и двумя Паткулями, героями Сѣверной войны, изъ которыхъ одинъ сражался въ рядахъ русскихъ войскъ, а другой защищалъ отъ нихъ Ревель.

Для насъ, русскихъ людей, такой „двусторонній“ патріотизмъ непостижимъ. Но гдѣ гарантіи того, что теперь, въ моментъ рѣшительнаго столкновенія германскаго и славянскаго міровъ, духовно отчужденное отъ Россіи прибалтійское нѣмечество въ большей своей части не тяготѣетъ къ Германіи, съ которой оно дѣлитъ общность и нѣмецкой культуры, и родовыхъ связей? Не даромъ вѣдь такой крупный знатокъ Прибалтійскаго края, какъ Юрій Самаринъ, писалъ: „Слово отчизна для лифляндца имѣетъ двоякое значеніе: въ тѣсномъ смыслѣ оно означаетъ Лифляндію,

а въ смыслѣ болѣе широкомъ означаетъ das Deutschtum. Германизмъ это—нѣкогда отвлеченное понятіе, нынѣ воплотившееся въ могучій политическій организмъ, стоящій во всеоружіи у нашей границы. Вотъ чему и кому служитъ балтійское рыцарство, служа русскому правительству". Тотъ же Ю. Самаринъ вѣрно подмѣчаетъ и основное свойство прибалтійской лояльности въ исторической перспективѣ. „Припоминая былыя времена XVI, XVII и начала XVIII вѣковъ,—пишетъ онъ,—я вижу, что Балтійскій край никогда не бунтовалъ и не возставалъ въ обыкновенномъ значеніи слова; онъ не отторгался насильственно ни отъ Польши, ни отъ Швеціи, а такъ сказать отваливался отъ нихъ въ ту минуту, когда онъ могъ это сдѣлать безъ особеннаго для себя риска, то есть когда сила измѣняла державѣ, которой онъ принадлежалъ, и переходилъ въ другія руки. Но я вижу также, что каждому изъ этихъ кризисовъ предшествовала продолжительная глухая работа, которою онъ исподволь подготовлялся. Медленно и незамѣтно ослаблялись узы, скрѣпляющія область съ государствомъ, осторожно и тихо подпиливались устои, на которые опиралась верховная власть, потомъ заблаговременно предусмотрѣнный ударъ извнѣ довершалъ работу, а самые слѣды ея исчезали въ общей катастрофѣ".

То, что писалъ въ свое время Ю. Самаринъ о свойствахъ прибалтійско-нѣмецкой лояльности, заслуживаетъ особеннаго вниманія конечно въ эту длительную, полную превратностей европейскую войну.

Разобраться въ малоразработанномъ вообще вопросѣ объ отношеніи къ русской государственности прибалтійскихъ Нѣмцевъ не такъ-то легко. Какъ, напримѣръ, прежде всего совмѣстить высокую военную доблесть и вѣрную службу Россіи уроженцевъ Прибалтійскаго края съ тою своеобразною, чтобы не сказать больше, линіею поведенія и настроеніями прибалтійскаго нѣмечества на мѣстахъ, въ самомъ краѣ, гдѣ борьба съ баронскими притязаніями привилегированнаго, могущественнаго дворянства оказывается не подъ силу даже высшимъ мѣстнымъ властямъ? Какъ объяснить то крайнее, почти слѣпое довѣріе къ „лояльности" нашихъ Нѣмцевъ, какое питалъ до сихъ поръ Петроградъ и высшіе правящіе круги Россіи, когда за кулисами этой внѣшней лояльности никогда въ сущности не прекращалась систематическая работа, цѣликомъ проникнутая идеей культурно-политическаго сближенія съ Германіей, а съ другой стороны чувствомъ ничѣмъ не прикрытаго презрѣнія ко всему, что носитъ русское имя?

И это—подъ флагомъ строгой наружной лояльности и политической благонадежности, которая считалась непререкаемою принадлежностью прибалтійскаго нѣмечества не въ примѣръ многимъ изъ нашихъ инородцевъ, не пользующихся привилегіями и вліяніемъ нѣмецкихъ бароновъ.

Чѣмъ объяснить эту исключительную фикцію благонадежности прибалтійскаго нѣмечества, вводящую въ заблужденіе и оффиціальную власть своею кажущейся лояльностью? Здѣсь намъ кажется весьма умѣстнымъ привести взглядъ бывшаго эстляндскаго губернатора кн. С. В. Шаховскаго, несомнѣнно хорошо изучившаго прибалтійско-нѣмецкій вопросъ. „Въ нѣмецкихъ семьяхъ здѣшняго края,—писалъ кн. Шаховской („Изъ архива кн. С. В. Шаховского“, ч. I)—издавна замѣчается двойственная система воспитанія дѣтей и дальнѣйшаго обезпеченія ихъ судьбы. Въ то время, какъ обоихъ сыновей отдаютъ въ различныя русскія учебныя заведенія въ Петербургѣ, другихъ не только воспитываютъ въ мѣстныхъ заведеніяхъ края, но и по возможности препятствуютъ имъ проникнуть за его восточную границу. Такая двойственность истекаетъ изъ весьма серьезныхъ основаній: дома воспитываютъ тѣхъ членовъ семьи, которые предназначаются для занятій въ имѣніяхъ по сельскому хозяйству и для службы по мѣстнымъ учрежденіямъ, остальныя же, представляющіе излишекъ для мѣстнаго обихода, посредствомъ воспитанія въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ сдаются со своихъ хлѣбовъ на хлѣба правительственные. Первые, проходя среднее образованіе въ Рыцарскомъ домскомъ училищѣ и соотвѣтствующихъ ему учебныхъ заведеніяхъ, воспринимаютъ въ нихъ закаляемые впослѣдствіи въ Дерптскомъ университетѣ то направленіе и тотъ духъ, которые создали отчужденность Прибалтійскаго края отъ остальныхъ частей Имперіи. Вторые же, пройдя русскую школу, въ значительной мѣрѣ утрачиваютъ воспринятое дома направленіе и вступая на государственную службу по военному и другимъ вѣдомствамъ, отсутствіемъ крайняго направленія вводятъ правительство въ заблужденіе относительно правильной оцѣнки направленія и цѣлей, преслѣдуемыхъ ихъ ближайшими родственниками и братьями, несущими мѣстную службу на иныхъ, если иногда не на прямо противоположныхъ основаніяхъ“.

Итакъ, князь С. В. Шаховской въ результатѣ своихъ долгихъ наблюденій въ Прибалтійскомъ краѣ пришелъ къ продуманному заключенію о двойственности стремленій нѣкоторой части

мѣстнаго нѣмецкаго дворянства. Но если прибалтійскій Янусъ однимъ своимъ ликомъ смотритъ въ сторону Россіи, то куда же обращенъ его другой, куда болѣе выразительный ликъ?

(Нов. Вр. Октябрь). Я. Н—овъ.

Характернымъ для эстляндскихъ населеній является цѣлый рядъ процессовъ противъ цвѣта мѣстнаго баронства.

29 сентября былъ судъ надъ барономъ Куртомъ Ферзеномъ, признаннымъ виновнымъ въ различныхъ злоупотребленіяхъ по мобилизаціи лошадей.

20 октября было особенно интересное засѣданіе суда, гдѣ въ качествѣ обвиняемаго выступилъ баронъ Карлъ Делингсгаузенъ, крупный человѣкъ въ Эстляндіи и близкій родственникъ губернскому предводителю дворянства.

18 іюля въ Везенбергскомъ уѣздѣ, состоя въ должности завѣдывающаго военно-конскимъ участкомъ, при производствѣ пріема отъ населенія лошадей баронъ Делингсгаузенъ не счелъ нужнымъ произвести законной жеребьевки лошадей и освободилъ значительную часть представленныхъ хорошаго качества и вполнѣ годныхъ лошадей.

Остроумный баронъ бралъ только крестьянскихъ и рабочихъ лошадей, а лошадей частныхъ владѣльцевъ Эдуарда фонъ-Кирштена и графа Генриха Ребиндера, а также своихъ личныхъ освободилъ отъ поставки на сдаточный пунктъ. Наконецъ, 19 іюля тотъ же баронъ переслалъ въ Везенбергъ списокъ якобы годныхъ лошадей, однако включилъ въ этотъ списокъ 98 лошадей, оказавшихся совершенно не пригодными, 39 же лошадей, по отзывамъ спеціалистовъ, превосходнаго качества, но принадлежащихъ нѣмецкимъ помѣщикамъ, утаилъ...

Судъ приговорилъ Делингсгаузена на 2 съ половиной года исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Третій аналогичный процесъ бар. Гойнингена-Гюне и на очереди еще нѣсколько.

Насколько мало довѣрія къ мѣстному настроенію, видно изъ факта запрещенія для частнаго пользованія телефонной сѣти Эстляндіи, обслуживающей главнымъ образомъ помѣщичьи усадьбы.

20 октября изданъ приказъ коменданта крѣпости о запрещеніи украшенія зданій въ торжественныхъ случаяхъ „не указан-

ными въ законѣ“ флагами подъ страхомъ штрафа въ 3,000 руб. или ареста на три мѣсяца.

А мѣстныя газеты передаютъ дѣйствительно невѣроятный фактъ изъ дѣятельности феллинскаго городского головы барона Энгельгарда.

5 октября, въ день Тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, надъ домомъ указанной личности развѣвался флагъ двухъ цвѣтовъ—синяго и краснаго. Когда полиція запросила о значеніи этого факта, то отвѣтили, что это „личный флагъ“ барона Энгельгардта, повѣшенный по его приказанію...

Обще-русскій флагъ, очевидно, оказался недостаточно торжественнымъ...

Въ городѣ ходятъ слухи, будто въ Петроградъ пріѣхала депутація отъ помѣщиковъ Лифляндской и Курляндской губерній съ цѣлью хлопотать о сохраненіи „Шульферейна“ и его школъ. Сообщаютъ далѣе, что мотивировка ходатайства отличается крайней самоувѣренностью. Въ отношеніи кого угодно можно было бы сомнѣваться, чтобы въ подобныхъ условіяхъ, въ такое время возбуждались такія ходатайства. Но въ безгрѣшной самоувѣренности прибалтійскихъ Нѣмцевъ опасно сомнѣваться. Изъ достовѣрныхъ источниковъ намъ сообщаютъ, что на этотъ разъ, даже если они представятъ свое ходатайство, имъ придется вернуться, не солоно хлебавши.

(Веч. Вр. 22 Окт.).

Дѣло барона Курта Ферзена. Вчера въ окружномъ судѣ слушалось сенсаціонное дѣло, по обвиненію одного изъ мѣстныхъ бароновъ, владѣльца имѣнія „Кегель“ Курта Николаева Ферзенъ, 38 лѣтъ.

28 іюля 1914 года, владѣлецъ имѣнія „Эшенроде“, Ревельскаго уѣзда, Эстляндской губ., мѣщанинъ Янъ Суйтъ заявилъ младшему помощнику начальника I участка, что по его мнѣнію, при производствѣ 19 іюля 1914 г. пріемки лошадей по мобилизаціи на сгонномъ пунктѣ въ мѣстечкѣ Кегель, Рев. у. завѣдующимъ 12 военно-конскимъ участкомъ барономъ Куртомъ Ферзеномъ былъ допущенъ рядъ злоупотребленій, выразившихся въ невнесеніи въ списки годныхъ лошадей, значительнаго числа лошадей мѣстныхъ помѣщиковъ, какъ-то, заявителя Суйта, отъ Эшенроде, барона Мейендорфа—Охтъ, барона Жирарда-де-Сукантона—Легола, барона Штакельберга—Гумна, самого Ферзена

и фабриканта Регастика—Кегеля, всего 24 лошади, и включеніи въ таковые худшихъ изъ представленныхъ къ жеребьевкѣ и на вызовѣ передъ началомъ пріемки добровольныхъ поставокъ лошадей для арміи.

На основаніи заявленія Суйта и показаній другихъ свидѣтелей баронъ Ферзенъ обвинялся во-первыхъ—въ томъ, что 19 іюля 1914 г., въ мѣстечкѣ Кегелѣ, того-же Ревельскаго уѣзда, состоя въ означенной выше должности, при производствѣ имъ пріема отъ населенія лошадей, подлежавшихъ поставкѣ въ войска вслѣдствіе Высочайшаго Указа о мобилизаціи, выйдя изъ предѣловъ предоставленной ему закономъ власти, вопреки правиламъ утвержденной въ надлежащемъ порядкѣ Инструкціи на сей предметъ, не произвелъ требуемой § 246 жеребьевки лошадей, не вызвалъ, согласно § 242, желающихъ добровольно поставить лошадей своихъ коневладѣльцевъ и самовольно освободилъ значительную часть представленныхъ на сгонный пунктъ хорошаго качества и вполнѣ годныхъ лошадей частныхъ владѣльцевъ—барона Мейендорфа, барона Жирардъ-де-Сукантона, барона Стакельберга, Яка Суйта и Тено Регастика, а также и своихъ лично, отъ поставки на сдаточный пунктъ, какъ не подходящихъ якобы подъ требованія, предъявляемыя къ обознымъ лошадямъ, каковыми своими неправильными по службѣ дѣйствіями вызвалъ важныя для военнаго времени послѣдствія, выражавшіяся въ недоборѣ на сдаточномъ пунктѣ артиллерійскихъ лошадей, во-вторыхъ—въ томъ, что при тѣхъ же обстоятельствахъ 20 того же іюля представилъ на сдаточный пунктъ въ гор. Ревелѣ вѣдомость „№ 48“ со спискомъ 97 годныхъ для пріема лошадей, въ каковую умышленно включилъ завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія о годности 38 лошадей, оказавшихся по провѣркѣ Комиссіею, совершенно негодными для пріема въ войска, а также съ намѣреніемъ утаилъ истину, скрывъ наличность у частныхъ владѣльцевъ участка 24 вполнѣ годныхъ лошадей, качествами своими значительно превосходившихъ принятыя, и въ-третьихъ—въ томъ, что въ августѣ мѣсяцѣ 1914 года, при тѣхъ же обстоятельствахъ, представилъ въ Ревельское Уѣздное по воинской повинности присутствіе, въ городѣ Ревелѣ, списокъ „№ 50“ лошадей по участку, признанныхъ менѣе годными, въ который завѣдомо ложно включилъ, какъ оставшихся послѣ пріема болѣе годныхъ лошадей, 24 лошади разныхъ владѣльцевъ, въ дѣйствительности значительно превосходящихъ своими качествами тѣхъ, кои включены,

были въ списокъ „№“ „№“ для вполнѣ годныхъ лошадей, при чемъ намѣренно скрылъ истинное число такихъ лошадей, оставшихся у владѣльцевъ ихъ, показавъ меньшее ихъ количество, нежели было въ дѣйствительности, и съ другой стороны умышленно включилъ въ этотъ списокъ на 9 лошадей болѣе, чѣмъ таковыхъ зарегистровано было при самомъ осмотрѣ лошадей на сгонномъ пунктѣ.

Слушаніе дѣла началось въ $10^1/_2$ ч. утра и кончилось лишь въ исходѣ 11 ч. вечера. Въ половинѣ седьмого вечера открылись пренія сторонъ. Представитель обвиненія въ своей рѣчи отмѣтилъ тотъ интересъ, который выказывается со стороны общества къ этому сенсаціонному дѣлу, указалъ насколько тяжелы проступки, въ которыхъ обвиняется бар. Ферзенъ. Базируя свою рѣчь на пунктахъ обвинительнаго акта тов. прок. Панченко настаивалъ на примѣненіи въ полной мѣрѣ кары, каковая установлена закономъ за совершеніе подобнаго рода преступленій.

Защитникомъ подсудимаго былъ прис. пов. Соколовъ (изъ Петрограда), тотъ самый Соколовъ, который въ свое время защищалъ обвинявшихся въ совершеніи погромовъ помѣщичьихъ усадебъ въ 1905—6 гг.

Очевидно, по „волѣ судебъ“, прис. пов. Соколовъ нынѣ очутился въ лагерѣ защитниковъ противной (по сравн. съ 1905—6 гг.) стороны.

Однако, выступленіе петроградской „витіи“ не спасло бар. Ферзена отъ обвиненія по 1 ч. 341 ст. Ул. о Нак.

Бар. Ферзенъ былъ признанъ виновнымъ въ преступленіи по вышеупомянутой ст. закона и приговоренъ на 1 годъ къ заключенію въ крѣпость.

На разбирательствѣ дѣла присутствовало много публики, представителей печати.

Среди свидѣтелей фигурировали представители мѣстнаго дворянскаго сословіи гг. бароны: Майдель, Стакельбергъ, фонъ Денъ и др.

(Ревельскій Вѣстникъ 30-го Сентября).

Баронское дѣло. Баронъ Отто Федоровичъ Гойнингенъ-Гюне ревельскимъ окружнымъ судомъ обвинялся въ томъ, что, состоя въ должности завѣдующаго 15 Лехтскимъ военно-конскимъ участкомъ Вейсенштейнскаго уѣзда, во-первыхъ 19 іюля 1914 г. при пріемѣ имъ отъ населенія лошадей, подлежащихъ поставкѣ въ

войска вопреки правиламъ утвержденной инструкціи, не произвелъ требуемой жеребьевки лошадей и самовольно освободилъ значительную часть представленныхъ на сгонный пунктъ хорошаго качества и вполнѣ годныхъ лошадей частныхъ владѣльцевъ барона Федора Гойнингенъ-Гюне, барона Карла Деллингсгаузена, крестьянина Отто Лане, Акселя фонъ-Фока и Оттомара Нерлинга отъ поставки на сдаточный пунктъ, какъ якобы неподходящихъ подъ требованія, предъявляемыя къ лошадямъ, принимаемымъ въ войска. Этотъ поступокъ барона привелъ къ недобору лошадей на 15 Лехтскомъ пунктѣ. Затѣмъ онъ обвинялся въ томъ, что 30 августа 1914 года представилъ въ присутствіе по воинской повинности списокъ для годныхъ лошадей, въ каковой вѣдомо ложно включилъ, какъ оставшихся послѣ пріемки болѣе годныхъ лошадей, 12 лошадей разныхъ владѣльцевъ, въ дѣйствительности значительно превосходящихъ своими качествами тѣхъ, которые влючены были въ списокъ для вполнѣ годныхъ лошадей, намѣренно скрывъ при этомъ истинное число лошадей, оставшихся у владѣльцевъ. Кромѣ того ему было предъявлено обвиненіе въ томъ, что 3 августа 1914 года онъ составилъ и представилъ въ присутствіе рапортъ, въ коемъ завѣдомо ложно донесъ, что имъ при первоначальномъ осмотрѣ лошадей на сгонномъ пунктѣ отобрано было, какъ годныхъ, 62 головы, тогда какъ въ дѣйствительности на сгонномъ пунктѣ отобрано было имъ всего лишь 50 лошадей, изъ числа коихъ исключено было затѣмъ 11 лошадей владѣльцевъ-крестьянъ, а остальныя 12 лошадей помѣщиковъ—бароновъ Федора Гюне, Карла Деллингсгаузена и Отто Гюне—были отпущены имъ какъ якобы неподходящія къ требованіямъ.

Гойнингенъ-Гюне приговоренъ на одинъ годъ и 4 мѣсяца крѣпости, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ.

(Новое Вр. 24 Октября).

Отъѣздъ фонъ-деръ-Деккена. „Рижск. Вѣстникъ", со словъ „Л. М." сообщаетъ, что главный и фактическій руководитель мѣстной нѣмецкой газеты „Lib. Zeit." К. фонъ-деръ-Деккенъ оставляетъ Либаву и переселяется во внутреннія губерніи. Г. фонъ-деръ-Деккенъ только незадолго передъ войной вступилъ въ русское подданство, ранѣе же состоялъ лейтенантомъ прусской арміи. За послѣднее время Деккенъ игралъ значительную роль въ городской общественной жизни Либавы и былъ душой бывшаго нѣмецкаго театра.

Утаиваніе лошадей. По словамъ „Лидумсъ", мезотенскіе крестьяне подали жалобу высшему военному начальству на разныя допущенныя, при конской мобилизаціи, неправильности. На дняхъ изъ Петрограда сюда прибылъ чиновникъ и нашелъ всѣ жалобы крестьянъ обоснованными. Въ связи съ этимъ у мезотенскаго помѣщика князя Ливена отобраны 41 лошадь, признанныя при прежнихъ мобилизаціяхъ негодными.

(Новое Время).

На дняхъ въ газетахъ было помѣщена замѣтка о томъ, что изъ Прибалтійскаго края высланы, на время военныхъ дѣйствій, два барона (или баронъ и графъ) за то, что ихъ дѣти сражаются въ дѣйствующей противъ Россіи нѣмецкой арміи. Не откажите, пожалуста, разъяснить, что это значитъ, тутъ что-то неясно. Какъ я понимаю, дѣло въ томъ, что двое русскихъ подданныхъ, владѣя въ предѣлахъ Россіи, навѣрно, крупными имѣніями, воспитали своихъ дѣтей въ Германіи, гдѣ имъ, разумѣется, привили ненависть къ Россіи, и, по объявленіи войны, эти дѣти русскихъ подданныхъ добровольно вступили въ сражающуюся противъ насъ армію.

Внѣ сомнѣнія, эти двое юношей воспитывались на деньги, полученныя ихъ отцами съ имѣній, и предъ войной чадолюбивые родители снабдили ихъ достаточными суммами, необходимыми для пропитанія и обмундированія. Пожалуй, и теперь, предъ самой высылкой, родители усиленно выбивали съ арендаторовъ имѣнія деньги и посылали ихъ своимъ дѣтямъ.

Эти соображенія заставляютъ меня просить васъ разъяснить мнѣ чрезъ вашу уважаемую газету: неужели начальство, отдавая приказъ о выселеніи двухъ Нѣмцевъ на время военныхъ дѣйствій, считало ихъ русскими подданными, лишь вредными для данной мѣстности.

Вѣдь эти два „русскихъ патріота", хоть и выселены, но не лишены возможности извлекать доходы съ своихъ имѣній, значитъ, не лишены возможности посылать своимъ дѣтямъ матеріальную помощь въ Германію (ходы найдутъ), а по окончаніи войны бароны вновь возвратятся домой и вновь будутъ работать „на славу и честь Россіи". Я рисую картину и далѣе. Имѣнія честныхъ бароновъ, послѣ ихъ смерти, перейдутъ къ дѣтямъ (если они уцѣлѣютъ), и тѣ, въ свою очередь, на русскія деньги будутъ воспитывать такъ же честно и своихъ дѣтей, и т. д., и т. д.

А такихъ честныхъ бароновъ въ Прибалтійскомъ краѣ непочатый уголъ.

Право, отъ такихъ мыслей сердце кровью обливается.

(Веч. Вр., 1-го Ноября).

На чьи деньги былъ построенъ первый цеппелинъ?

Графъ Цеппелинъ женился въ Россіи на баронессѣ Вольфъ, владѣлицѣ крупныхъ имѣній въ Прибалтійскомъ краѣ. Одно изъ имѣній баронессы Вольфъ было заложено за 600 тысячъ рублей, которые, какъ говорятъ свѣдущіе люди, были истрачены на постройку перваго воздушнаго цеппелина.

Печать обратила вниманіе на разныя нѣмецкія общества,—школьныя и другія,—дѣйствовавшія у насъ въ Россіи въ чисто германскомъ духѣ. Среди лицъ, знакомыхъ съ земельными дѣлами Прибалтійскаго края, приходится слышать, что тамъ самую энергичную политику въ смыслѣ удержанія земель въ нѣмецкихъ рукахъ проводитъ „нѣмецкое дворянское общество для покупки недвижимости", во главѣ котораго состоитъ камеръ-юнкеръ Жозе Вольфъ. Продажа земель въ не нѣмецкія руки—русскія, польскія или латышскія—безпощадно преслѣдуется, такъ напр. баронъ Фрейтагъ, купившій имѣніе Майеранъ и перепродавшій его Поляку Слабошевичу, рискуетъ исключеніемъ изъ дворянства, о чемъ, какъ говорятъ, поднятъ вопросъ.

Два года тому назадъ продавалось имѣніе Пюркельнъ Вольмарскаго уѣзда, Лифляндской губерніи, принадлежащее баронессѣ Штакельбергъ и барону Эльзенъ. Мѣстное латышское общество предлагало за это имѣніе 700 тысячъ рублей, но счастливымъ соперникомъ Латышей оказался германскій подданный Цизе, купившій имѣніе за 500 тысячъ. Покупка была совершена на имя сына Цизе, принявшаго русское подданство. Съ объявленіемъ войны, Цизе младшій покинулъ русскіе предѣлы и храбро сражается въ рядахъ германской арміи противъ Россіи, подданство которой онъ принялъ. Интересно было бы знать мнѣніе юристовъ, какъ называется поступокъ Цизе и въ какомъ положеніи его имѣніе.

(Нов. Вр., 1-го Сент. І. Никаноровъ).

„Лояльность". Съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія приходится отмѣтить тотъ отрадный фактъ, что пребывавшія слишкомъ долгое время въ потемкахъ прибалтійскія „дѣла" по-

пали, наконецъ-то, подъ ослѣпительные лучи прожекторовъ русской печати, дающей единодушную и весьма суровую оцѣнку создавшагося на этой русской окраинѣ — окраинѣ у вратъ столицы—невозможнаго положенія. Не далѣе какъ всего нѣсколько дней тому назадъ, членъ Государственной Думы отъ гор. Риги, князь С. П. Мансыревъ, съ каѳедры, публично, въ лекціи на тему: „Прибалтійское помѣстное нѣмецкое дворянство, его происхожденіе, развитіе, настоящее положеніе и отношеніе мѣстнаго населенія къ послѣднимъ событіямъ“, прочтенной въ Москвѣ, заявилъ о такихъ дѣяніяхъ „лояльныхъ“ остзейскихъ бароновъ, которыя вопіютъ къ—*прокурору*. Упомянутый нами баронъ Куртъ Ферзенъ-Кегель смошенничалъ не одинъ во время мобилизаціи лошадей, онъ только одинъ изъ „стаи славной“... Рижскій депутатъ назвалъ поименно цѣлый рядъ курляндскихъ феодаловъ: князя Ливена, графа Палена, барона Клопмана, барона Фиркса, барона фонъ-Клейста и т. д., у которыхъ изъ 50—70—100 и болѣе лошадей взяты 2—3, а остальные *за негодностью* оставлены, между тѣмъ какъ у крестьянъ взяты буквально—*всѣ*. А Гробинскій уѣздный предводитель дворянства, знаменитый баронъ Карлъ фонъ-Мантейфель,—кстати уже арестованный и высланный по распоряженію коменданта Двинской крѣпости въ Томскую губернію... А десятки членовъ нѣмецкихъ дворянскихъ семействъ Прибалтійскаго края, сражающихся въ рядахъ нашихъ враговъ! Такъ не стыдно ли, *если имъ еще можетъ быть стыдно,*—говорить о какой-то миѳической *лояльности,* опровергать неопровержимые факты и дѣлать все это тогда, когда завѣса упала и „лояльность“ оказалась чернымъ предательствомъ.

Что писали и говорили,—объяснялось національной враждой, классовой борьбой, гдѣ всѣ средства хороши. Но какъ нѣтъ дыма безъ огня, правда всегда чувствовалась.

Вотъ передъ нами лежитъ небольшая брошюра въ желтенькой обложкѣ, такая скромненькая съ виду, озаглавленная: „Wir Balten. Keine unzeitgemässen Betrachtungen über das Deutschtum in der Ostseeprovinzen“, изданная Эгономъ Фр. Кирштейномъ и Валеріаномъ Торніусъ, въ Лейпцигѣ еще въ 1906 году (Leipzig, Friedrich Rothbarth). Книжонка эта „Мы, Балты!“ прелюбопытна—по своей наивной, или лучше ужъ называть вещи ихъ настоящими именами, *нахальной* откровенности. Возьмемъ, на удачу, статейку изъ нея: „Der baltische Adel“ (стр. 21—33), *Балтійское дворянство,* написанную господиномъ Эгономъ Ф. Кирштейномъ (E. F. K.)

и, ознакомившись съ ней, мы придемъ къ заключенiю, что обвинять господъ Балтовъ въ чемъ-либо предосудительномъ мы совсѣмъ не должны. Объ этомъ уже позаботился г-нъ Э. Ф. К., обвиняющiй русско-подданныхъ нѣмецкихъ дворянъ Прибалтiйскаго края—въ *слишкомъ усердной лойяльности по отношенiю къ Россiи* и забывающихъ о своемъ „Heimat'ѣ“ по ту сторону русскихъ пограничныхъ столбовъ! Вотъ что говорится, между прочимъ, въ этой статьѣ:

„Балтiйское дворянство—дворянство германское. За исключенiемъ нѣсколькихъ фамилiй шведскаго происхожденiя, давно впрочемъ растаявшихъ въ балтiйскомъ нѣметчествѣ — оно въ подавляющей своей массѣ—имперско-германскаго происхожденiя. Колыбелью *курляндскаго* дворянства можно назвать Вестфалiю. Всѣ эти Гольтеи, Кайзерлингки, Реке, Фитингофы, осѣдлые уже нѣсколько вѣковъ въ Курляндiи, являются прямыми потомками родовъ и семействъ, еще понынѣ владѣющихъ родовыми помѣстьями въ Вестфалiи“...

Установивъ, такимъ образомъ, кровныя узы, соединяющiя русско-подданныхъ бароновъ и графовъ съ ихъ тезками за Вержболовомъ и Александровомъ, нашъ авторъ указываетъ на то, что прибалтiйскiе феодалы являются потомками именно тѣхъ германскихъ рыцарей, которые по зову папы римскаго Иннокентiя III отправились въ „Остмаркъ“, т. е. Прибалтiйскiй край, съ цѣлью положить основанiе въ послѣднемъ германскому господству и защитить церковь Христову отъ язычниковъ... (Tempora mutantur—теперь христiанамъ всей Европы приходится защищать Божьи храмы и святыни отъ кощунственнаго разрушенiя ихъ—германскими войсками, ошибочно думающими, что они также христiане). „Курляндское дворянство“, продолжаетъ свое повѣствованiе нашъ авторъ, „можетъ гордиться тѣмъ фактомъ, что оно является прямымъ наслѣдникомъ тѣхъ гордыхъ героевъ, изъ среды которыхъ вышла курляндская герцогская династiя Кетлеровъ“...

„Иначе обстоитъ дѣло въ Лифляндiи и Эстляндiи. Изъ ста лифляндскихъ и эстляндскихъ дворянскихъ фамилiй едва 20 имѣютъ право считать себя прямыми потомками *первыхъ культиваторовъ края*. Продолжительныя и частыя войны, бушевавшiя именно въ Лифляндiи и Эстляндiи—смели *старое* дворянство. Кромѣ того, нужно еще принять во вниманiе и эмиграцiю. Но послѣдняя всегда была значительной и въ Курляндiи. Маленькая страна не дала средствъ *соотвѣтствующаго рангу* существованiя

всѣмъ членамъ дворянства, а потому балтійское дворянство всегда отдавало излишекъ своихъ силъ другимъ странамъ. Уже во времена герцогства мы видимъ сыновей курляндскихъ дворянъ на голландской, австрійской и польской службѣ"... Да, какъ видно, уже тогда послѣдніе шли въ—*ландскнехты,* скажемъ мы.

Отмѣтивъ далѣе, что „впослѣдствіи эмиграція направлялась главнымъ образомъ въ Россію", г-нъ Кирштейнъ удостовѣряетъ, что „къ сожалѣнію, благодаря этому, прибалтійское дворянство потеряло для нѣметчины (Deutschtum) много своихъ вѣтвей". Оказывается, что старыя дворянскія фамиліи, уже совершенно не встрѣчающіяся въ Курляндіи, встрѣчаются на каждомъ шагу въ Польшѣ и Украйнѣ (Малороссіи). „Съ теченіемъ времени послѣднія совершенно или ополячились, или обрусѣли, сами уже ничего не зная о своемъ происхожденіи",—скорбитъ г. К.

„Особенно *губительнымъ* для *нашихъ* (!?) провинцій я считаю то обстоятельство, что многіе члены балтійскихъ дворянскихъ фамилій видѣли свое честолюбіе въ занятіи высшихъ административныхъ и военныхъ должностей на службѣ—*у русскаго правительства*"...

Договорившись, такъ сказать *до точки,*—что *лояльность прибалтійскаго нѣмецкаго дворянства является преступленіемъ,* авторъ цитируемой нами, исчерпывающей вопросъ о прибалтійскихъ дворянахъ-тевтонахъ, статьи — тщетно старается собрать вылитую воду, плача надъ разбитымъ корытомъ.

„Если бы мы держались болѣе устойчиваго національнаго „Rückgrat", грудью встрѣтили бы опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ *заблаговременно сошлись* съ латышскимъ и эстонскимъ народами, пробудивъ въ нихъ *сознаніе общности интересовъ,* мы съ теченіемъ времени достигли бы большаго, чѣмъ посредствомъ всяческихъ проявленій лояльности.

Что прибавить еще къ этому политическому самоопредѣленію „прибалтійскаго помѣстнаго дворянства"?

Обновленной Россіи, какъ фениксъ изъ пепла воскресшей послѣ Цусимы, нынѣ побѣдоносно шагающей на привычныхъ путяхъ боевыхъ успѣховъ, совершенно болѣе не нужны феодальные рыцари печальнаго образа вродѣ кацдангенскаго сюверена барона Мантейфеля и К⁰. Да и правду говоря, эта накипь намъ не нужна была никогда.

(Русскій Инвалидъ, 28 Окт. Г. Нелюбинъ).

Нѣмецкія прокламаціи. Въ фабричныхъ районахъ Риги разновременно были разбросаны прокламаціи на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Долой войну!“ Судя по тексту, нельзя было сомнѣваться, что прокламаціи нерусскаго происхожденія. Прокламаціи находили около фабрикъ, на улицахъ, во дворахъ и даже въ почтовыхъ ящикахъ у дверей. Рабочими и обывателями прокламаціи эти были встрѣчены повсюду враждебно. Мѣрами полиціи,—сообщаетъ „Рижск. В.“,—агитаторы задержаны. Постовой городовой въ районѣ 3-го Московскаго участка замѣтилъ подозрительнаго человѣка, который былъ арестованъ и препровожденъ въ участокъ. При арестованномъ нашли 170 прокламацій. Арестованный оказался по національности Нѣмцемъ Жаномъ Б. Въ его квартирѣ по Маріинской ул. № 117 полиція задержала еще двухъ агитаторовъ Эйжена и Карла Б., тоже Нѣмцевъ по происхожденію, прибывшихъ изъ Ковны. У нихъ было найдено нѣсколько пакетовъ прокламацій. Всѣ арестованные Нѣмцы переданы въ распоряженіе губернской жандармеріи.

(Новое Время, 20 Авг.).

Въ Ригѣ. Въ связи съ мѣропріятіями правительства по отношенію къ частновладѣльческимъ и дворянскимъ телефоннымъ линіямъ въ Эстляндской и Лифляндской губерніяхъ, по словамъ „Риж. В.“, предприняты нѣкоторыя мѣры охраны рижскаго телефона и надзора за нимъ. Между прочимъ, телефоны военнаго вѣдомства и полиціи сгруппированы на центральной телефонной станціи въ одномъ особомъ столѣ, обслуживаемомъ телефонистками русской національности. Столъ охраняется, чтобы телефонистки изъ-за любопытства не могли подслушать разговоры.

(Новое Время, 16 Окт.).

Веселые Балты. Военный корреспондентъ „Berliner Tageblatt“, описывая жизнь въ лагерѣ русскихъ плѣнныхъ, замѣчаетъ, что Нѣмцы изъ Прибалтійскаго края очень довольны своимъ плѣномъ, избавившимъ ихъ отъ необходимости сражаться. „У нихъ особенно сіяющія лица (vergnügte Gesichter) и они надѣются найти для себя подходящія занятія въ Германіи“.

Ну, а „патріотизмъ“? А „лояльность“? Да, господа, никто, какъ свой... Имя вашего предателя: Paul Lindenberg, Kriegsberichterstatter.

(10 Ноября, Веч. Вр.).

Ледъ тронулся... Сегодня изъ Либавы получено сенсаціонное для Прибалтійскаго края извѣстіе: баронъ Карлъ Мантейфель изъ Кацдангена по приказу начальника Двинскаго военнаго округа высланъ изъ своихъ громадныхъ помѣстій въ гор. Томскъ. Злая иронія судьбы. Еще недавно по одному телеграфному требованію Мантейфеля закрывались латышскія газеты, а редакторы заключались въ тюрьмы (г-жа Люби ред. „Голоса Либавы"). Его именемъ запугивали не только маленькихъ ребятъ, но и взрослую администрацію, а сейчасъ, высылаютъ въ Томскъ. За Карломъ Мантейфелемъ рядъ „громадныхъ заслугъ". Мантейфель колонизировалъ Курляндскую губ., выписывалъ нѣмцевъ изъ Самарской губ., а изъ Берлина управляющихъ, отдававшихъ приказанія передъ войною въ формѣ германскихъ резервистовъ, и лѣсниковъ, которые носятъ германскую форму съ одноглавымъ орломъ. Этотъ Мантейфель объѣзжалъ со своимъ „штабомъ" Курляндію; сами вооруженныя съ головы до ногъ, они отбирали отъ крестьянъ старыя охотничьи ружья. Баронъ Мантейфель— рыцарь ордена Іоаннитовъ, его перу принадлежитъ Wacht im Ost. Мантейфель передъ реквизиціей раздаривалъ свой молочный скотъ, только чтобы онъ не попалъ въ армію. И наконецъ, это Карлъ Мантейфель изъ Кацдангена чеканилъ у себя въ своемъ феодальномъ замкѣ серебряныя медали съ прусскимъ орломъ для своихъ колонистовъ, открывая новую эру Курлядскаго герцогства въ Балтѣ. И вдругъ единое слово начальника Двинскаго военнаго округа сдунуло всесильнаго временщика.

Хорошо то дворянство, у котораго такой предводитель.

(Русск. Инв. 2-го Ноября, Ар. Тупинъ).

Въ Прибалтійскомъ Краѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайное значеніе получаютъ тѣ статьи нѣмецкихъ ученыхъ, проживающихъ въ Германіи, которыя касаются какъ разъ вопроса о русскихъ прибалтійскихъ нѣмцахъ и о русской Прибалтикѣ.

Пользующійся среди нѣмцевъ огромнымъ авторитетомъ философъ Вильгельмъ Вундтъ раскрываетъ карты и откровенно говоритъ объ истинно нѣмецкихъ вожделѣніяхъ. „Балтійскіе нѣмцы должны быть вновь возвращены нѣмецкой родинѣ, которой лучшіе изъ нихъ всегда оставались въ сердцѣ своемъ вѣрны".

Такъ думаетъ, такъ агитируетъ нѣмецъ, оставшійся въ Германіи. А какъ думаютъ, чѣмъ одушевлены нѣмцы, натурализовавшіеся въ Россіи, получившіе дворянство и титулы, крупные

земельные собственники,—объ этомъ свидѣтельствуетъ не только дѣло барона Ферзена, завѣдывавшаго военно-конскимъ участкомъ въ Прибалтикѣ, но еще болѣе—духовное завѣщаніе лифляндскаго дворянина, владѣльца имѣнія „Феллинъ“, по словамъ „Риж. В.“, недавно утвержденное рижскимъ окружнымъ судомъ. Въ этомъ завѣщаніи „русскій“ дворянинъ пишетъ:

„При воспоминаніи объ отцѣ, не забывай никогда, что онъ тебѣ приказываетъ: оставайся истиннымъ сыномъ своей нѣмецкой родины!“

(„Bleib ein erntshafter Sohn deiner Deutschen Heimat“).

При наличности такого настроенія, при одухотворенности идеей оставаться одновременно въ русскомъ подданствѣ, пользуясь всѣми привиллегіями „русскаго“ дворянина,—оставаться и „истиннымъ сыномъ своей нѣмецкой родины“, будетъ понятенъ тотъ фактъ, что особо интенсивный характеръ нѣмецкое шпіонство проявило въ районѣ прибалтійскихъ и остзейскихъ бароновъ.

Этотъ фактъ станетъ еще болѣе понятнымъ, если принять во вниманіе обиліе въ этомъ краю должностныхъ лицъ нѣмецкаго происхожденія. Наличность ихъ безспорно усложняетъ борьбу и съ сигнализаціей нѣмецкому флоту и передачами по телефону неподлежащихъ оглашенію строго секретныхъ свѣдѣній о движеніи русскаго флота.

И это уже не предположеніе.

Дѣйствительно, лишь только въ эстонскихъ газетахъ появились сообщенія о нѣмецкихъ звѣрствахъ надъ русскими, застигнутыми войной въ германскихъ и австрійскихъ курортахъ, нѣмецкія газеты стали указывать власти, что въ этихъ статьяхъ полная наличность криминала—„возбужденія одной части населенія противъ другой“.

Близъ Нейбада лѣсничій фонъ-Мольтрехъ возбудилъ дѣло о привлеченіи къ отвѣтственности группы крестьянъ, якобы ворвавшихся въ заповѣдный районъ лѣсовъ баронессы Пистолькорсъ, за непосѣщеніемъ которыхъ мызными лѣсниками былъ учрежденъ самый строгій надзоръ. Дѣло это, по словамъ рижскихъ газетъ, возбуждено послѣ того, какъ крестьяне донесли властямъ, что вдоль взморья самыя высокія деревья снабжены лѣстницами, при чемъ на верхушкахъ этихъ деревьевъ устроены особыя сидѣнья съ прикрѣпленными къ нимъ шестами. Эти деревья, дѣйствительно, при провѣркѣ обнаружены, но лѣсничій фонъ-М. объ-

ясняетъ, что означенныя приспособленія служатъ для наблюденія за птицами.

И нѣмцы въ Прибалтикѣ, дѣйствительно, зажимаютъ рты непріятнымъ имъ лицамъ. Достаточно вспомнить, что нѣмецъ-полицеймейстеръ Шнее сумѣлъ запретить опубликованіе патріотической рѣчи, произнесенной въ Государственной Думѣ членомъ ея, т. е. не простому смертному, такъ какъ въ ней говорилось о необходимости войны до конца съ нѣмцами, а это, по мнѣнію полицеймейстера-нѣмца, можетъ вызвать національную вражду въ Прибалтикѣ.

И нѣмецкій шпіонажъ, въ пользу кайзера Вильгельма въ Прибалтикѣ принялъ наиболѣе интенсивный характеръ, какъ удостовѣряютъ это приказы и военныхъ и гражданскихъ властей.

Свободная Англія не побоялась выселить натурализовавшихся нѣмцевъ, великобританскихъ подданныхъ, изъ ближайшихъ къ морскому побережью мѣстностей, а въ Прибалтійскомъ краѣ „русскій" баронъ Ферзенъ, поставлявшій во время войны въ русскую армію завѣдомо негодныхъ лошадей, и осужденный за это, продолжаетъ пользоваться и дворянствомъ и баронскимъ титуломъ.

(Утро Россіи).

Deutscher Verein. Есть въ Рижскомъ краѣ одно учрежденіе, которое чрезвычайно волнуетъ и тревожитъ мѣстное населеніе, именно потому, что оно, это населеніе, рѣшительно не хочетъ стать „германскимъ наслѣдіемъ," а учрежденіе это именно эту цѣль и имѣетъ предъ собою.

Это—„Deutscher Verein".

Какія бы цѣли на словахъ ни давали этому ферейну его руководители, цѣли эти ясны изъ всей дѣятельности ферейна, и всѣ въ краѣ знаютъ ихъ. Эти цѣли—возвращеніе Прибалтійскаго края „германскому отечеству." А. Гейзеръ, вдохновитель „Всенѣмецкаго союза," въ брошюрѣ, изданной, конечно, не въ Ригѣ, а въ Мюнхенѣ, опредѣляетъ цѣли эти такъ: „Пришло время, когда „балтъ" не значитъ ничего, но все значитъ—„Нѣмецъ." И Deutscher Verein" именно по этой формулѣ и дѣйствуетъ. Онъ имѣетъ отдѣленія по всему Прибалтійскому краю, при нихъ имѣетъ свои школы, обыкновенно въ „собственныхъ домахъ"; едва ли не всѣ пасторы, которые здѣсь назначаются „патронами" приходовъ, помѣщиками, состоятъ членами его и пропагандистами. Конечно,

все это было бы еще ничего, пусть культурной силѣ противостанетъ сила культарная же, но мѣстному населенію видна и иная, чисто практическая работа этого ферейна, которая и чувствуется имъ, какъ прямое покушеніе на свободу и благосостояніе каждаго въ краѣ не-Нѣмца. Объ этомъ уже не разъ говорилось и въ печати. Черезъ этотъ ферейнъ въ край ежедневно проникаютъ новые и новые спеціально приготовленные германизаторы его, т. е. захватчики.

Помѣщикамъ-балтамъ ферейнъ поставляетъ изъ Германіи всѣхъ нужныхъ имъ служащихъ—и мелкихъ, и крупныхъ, и простыхъ лѣсниковъ, и директоровъ заводовъ, все это по большей части резервисты германской арміи. И если бы вы знали, сколько въ здѣшнемъ краѣ набралось этихъ людей!

Здѣшній губернаторъ Н. А. Звегинцевъ говорилъ мнѣ:

— Попробуйте войти въ положеніе администраціи передъ этимъ вопросомъ. Какъ ихъ всѣхъ высылать? Нельзя же прекращать въ городѣ дѣйствіе электричества, останавливать газовый заводъ, водоснабженіе... Главные техники въ нихъ — германскіе подданные.

Городской голова г. Бульмерингъ говорилъ то же:

— Главный садовникъ города—германскій подданный, но ему уже за 50 лѣтъ, онъ давно здѣсь и великій спеціалистъ. Его оставили. Но вотъ по водоснабженію главный директоръ, тому около сорока, онъ долженъ быть высланъ, но какъ мы управимся съ водоснабженіемъ, которое у насъ устроено по совершенно новой системѣ—въ тоненляхъ?..

Вотъ какая безпомощность! И знаете, какого города?! Рига—одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Россіи, а, пожалуй, даже и Европы. Ему принадлежитъ до ста тысячъ десятинъ въ имѣніяхъ и лѣсахъ, дающихъ ему добавочнаго дохода до 400 тысячъ въ годъ. Столько же даетъ ему чистаго дохода городской учетный банкъ, а у этого бѣднаго города все нѣтъ своихъ техниковъ и спеціалистовъ, нѣтъ и догадки на эти добавочные доходы завести для края хорошій политехникумъ, если ужъ такъ беззащитенъ онъ противъ натиска германскихъ мастеровъ индустріи!

Сколько по имѣніямъ въ краѣ находится ставленниковъ „Deutscher Verein'a"—это видно особенно теперь по волнѣ ихъ, которая потекла изъ края съ начала минувшаго іюля. Въ Курляндіи лѣсничіе и лѣсники въ имѣніяхъ до сихъ поръ лишь за небольшими исключеніями были выписаны изъ Германіи. До чего

это стало установившимся порядкомъ въ краѣ, видно изъ того, что не такъ давно одинъ изъ лѣсниковъ явился давать показанія въ формѣ германскаго резервиста!

Тѣхъ или иныхъ ставленниковъ ферейна мѣстное населеніе привыкло видѣть ежедневно—въ формѣ странствующихъ инженеровъ, переѣзжающихъ изъ усадьбы въ усадьбу, спеціалистовъ по рыбоводству, проводящихъ дни и недѣли на морѣ удя рыбу, а по мнѣнію населенія, измѣряя глубины и пр. Легко понять мѣстное населеніе, когда оно всю эту „культурную" дѣятельность ощущаетъ, какъ — шпіонскую; таковы ужъ общія условія края! И балтамъ, навязывающимъ краю свой языкъ и свою власть, надо было бы быть и въ этомъ случаѣ очень осторожными, но обыкновенно они по своему обычаю грубо вызывающи. Вотъ повѣствованіе, которое привожу, какъ типъ. Подобныхъ исторій съ точными именами имѣній и лицъ у меня записано не мало.

Въ приграничной мѣстности появился инженеръ и сталъ снимать глубокую лощину, явно интересную въ стратегическомъ отношеніи—глубиной нѣсколько саженъ, шириной съ полверсты и длиной въ полтора десятка верстъ. Снималъ онъ на землѣ помѣщика, а затѣмъ самовольно перешелъ и на землю крестьянъ. Оттуда однако Латышка-крестьянка прямо выгнала его.

Крестьяне спрашивали въ усадьбѣ—кто это такой?

— А это — „нашъ инженеръ!" — и только.

Было это 18 іюля, а 19 „нашъ инженеръ" уже исчезъ.

Можетъ быть онъ поѣхалъ въ Ригу къ призыву запасныхъ, но кто кромѣ самихъ помѣщиковъ-Нѣмцевъ виноватъ въ томъ, что мѣстное населеніе думаетъ объ этомъ совсѣмъ иначе?!

Оно рѣшительно не желаетъ стать „германскимъ наслѣдіемъ", и балты сами вызываютъ въ немъ подозрѣнія и враждебность къ себѣ!

(Нов. Вр. 29-го Августа, А. Суворинъ).

Ферейнъ. Мѣстное населеніе состоитъ въ незначительной части изъ нѣмцевъ, представителями ихъ являются „верхи", т.-е. помѣщики, пасторы, интеллигенты, купцы, очень рѣдко—ремесленники. По численности нѣмцы составляютъ не больше 7% всего населенія; остальная масса—въ громадномъ большинствѣ латыши и эстонцы, не склонные принимать нѣмецкую культуру и онѣмечиваться. У нѣмецкихъ „верховъ" не хватало „низовъ", прочнаго фундамента. Чтобы создать „свои" низы, предприняли колонизацію прусскихъ резервистовъ.

Поставить низы, массы колонистовъ въ ближайшее культурное единеніе съ верхами, сдѣлать первыхъ опорой послѣднимъ— являлось задачей нѣмецкаго ферейна, выполняемой имъ открытіемъ учебныхъ заведеній, съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ и въ нѣмецкомъ духѣ, организаціей курсовъ, лекцій, библіотекъ, бюро труда, кассъ взаимопомощи и т. д.

Нѣмокъ объединялъ фрауэнбундъ, которому давалось даже разрѣшеніе администраціей края—продавать „розовый цвѣтокъ", между тѣмъ какъ латышскому комитету помощи раненымъ продажу національныхъ флаговъ—„жертвамъ войны"—не разрѣшили.

Нѣмецкій ферейнъ возникъ во время революціи 1905 г. въ Прибалтійскомъ краѣ, когда выступила наружу вражда между латышами и помѣщиками-баронами, которые въ дни карательныхъ экспедицій свели счеты съ мѣстнымъ населеніемъ.

Каждый „истинный" нѣмецъ есть и членъ ферейна, помѣщики—всѣ безъ исключенія. При наличности большихъ денежныхъ средствъ, нѣмецкій ферейнъ въ одной Курляндіи въ 1910 и 1911 гг. объединялъ 7,168 лицъ. Составъ общества исключительно нѣмецкій.

При такомъ положеніи вещей, благодаря поддержкѣ администраціи, протекціямъ и связямъ въ Петроградѣ, при непосредственномъ, документально установленномъ участіи нѣмецкаго ферейна въ колонизаціи Прибалтійскаго края нѣмцами съ Поволжья и Германіи, вытѣсняющими мѣстное населеніе,—на мѣстѣ здѣсь создались кадры лицъ, преданныхъ нѣмецкому духу и „культурѣ". Вѣдь „просвѣтительную" дѣятельность школъ нѣмецкаго ферейна, низшихъ и среднихъ, нельзя не дооцѣнивать.

Не будемъ-же тогда удивляться, что Прибалтійскій край считался германской „провинціей", и полагали, что стоитъ возникнуть войнѣ между Россіей и Германіей, чтобы край склонилъ свою голову передъ Вильгельмомъ. Думающіе такъ исходили изъ невѣрнаго положенія, что край „нѣмецкій" населенъ одними нѣмцами. Забыли, что латыши и эсты уже есть сила, съ которой нѣмцамъ приходится очень и очень считаться, и что симпатіи ихъ всецѣло на сторонѣ Россіи, хотя до сихъ поръ думали наоборотъ.

Что дѣятельность нѣмецкаго ферейна вовсе не носитъ такой безобидный и невинный характеръ, какъ утверждалъ Фелькерзамъ, наконецъ, учтено правительствомъ, которое закрыло содержимыя на его средства школы въ краѣ. Но это не мѣшаетъ гг. Булме-

рингу и Тизенгаузену: одному—быть городскимъ головой г. Риги, а второму — управляющимъ казенной палатой и т. д. „Верхи“ пока остаются „нѣмецкими“.

(Утро Россіи, Октябрь, X. Г.).

Культурная реформація. Истинныя цѣли учрежденія и смыслъ существованія въ Прибалтійскомъ краѣ пресловутаго „Дейчерферейна“, легализованнаго въ свое время по какому-то недоразумѣнію, дѣятельность котораго была направлена, главнымъ образомъ, къ германизаціи этой нашей окраины при помощи густой сѣти низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, — теперь частью уже раскрыта и освѣщена какъ въ мѣстной, такъ и въ столичной печати. Закрытый сейчасъ и, надо надѣяться, *навсегда*, нѣмецкій „шульферейнъ“ былъ передовымъ отрядомъ извѣстнаго германскаго „общества нѣмецкихъ школъ за границей“, а для чего эти „школы“ учреждались въ нейтральныхъ и „дружественныхъ“ странахъ видно, ну хотя-бы изъ того факта, что знаменитая „Deutsche Schule“ въ Брюсселѣ, оказалась штабъ-квартирой германскихъ шпіоновъ, устроившихъ въ ней *безпроволочный телеграфъ*. Какъ уже извѣстно изъ газетныхъ сообщеній, на дняхъ (28-го сентября) въ гор. Ригѣ состоялось послѣднее собраніе делегатовъ „дейчерферейна въ Лифляндіи“, на которомъ подтвердился фактъ закрытія ферейна при единодушной, однако, резолюціи, что ферейнъ „за восьмилѣтнее существованіе свое ничего не сдѣлалъ, чѣмъ бы можно оправдать недовѣріе къ нему“... Особая коммисія обѣщалась произвести ликвидацію дѣлъ общества, „принимая во вниманіе пожеланія, выраженныя правленіемъ и отдѣльными мѣстными группами“. Эти любопытныя *„пожеланія“* пока составляютъ секретъ заправилъ закрытаго правительственною властью „ферейна“, который теперь цѣликомъ уйдетъ — въ подполье, т. е. мѣсто, откуда онъ выплылъ на свѣтъ Божій благодаря—повторяемъ это,—только явному недоразумѣнію.

Предпринятыя прибалтійскими „патріотами“ тевтонскаго племени, выдвинувшими изъ своей среды такихъ *лояльныхъ* гражданъ, какъ знаменитый отнынѣ баронъ Куртъ Ферзенъ-Кегель, попавшій въ тюрьму за подлоги во время мобилизаціи,—шаги для отмѣны прекраснаго распоряженія Л. А. Кассо, — какъ извѣстно, потерпѣли полную неудачу.

Намъ хочется сейчасъ указать еще на одну, до сихъ поръ не отмѣченную сторону вреднѣйшей для государства дѣятельности „нѣмецкихъ обществъ“ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Не удовольствуясь захватомъ въ свои руки начальнаго и средняго образованія „Дейчерферейнъ“ протягивалъ руки и къ русскимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, стараясь вліять на молодое поколѣніе и по оставленіи таковымъ гостепріимныхъ стѣнъ своихъ „школъ“. Вліяніе „Дейчерферейна“ было огромнымъ и въ дальнѣйшей, университетской, жизни балтійской молодежи, такъ какъ этотъ антигосударственный ферейнъ всѣми силами поддерживалъ феодальныя наклонности и традиціи нѣмецкихъ студенческихъ корпорацій не только въ русскомъ Юрьевскомъ университетѣ, но и далеко за предѣлами Прибалтійскаго края, воспитывая для *будущаго* надежныхъ носителей и стойкихъ борцовъ за „великую“ пангерманскую идею.

Въ „Ежегодникахъ“ ферейна заключается богатый матеріалъ для познанія скрытой, такъ сказать подпольной, сущности его цѣлей. Жаль только, что эти „Ежегодники“ не легко доступны всѣмъ русскимъ, такъ какъ распространяются они весьма конспиративно.

Редакторомъ этихъ „Еженедѣльниковъ“ состоялъ бывшій главный редакторъ печальной памяти рижской „Düna Zeitung“ д-ръ Эрнстъ Серафимъ (Dr. Ernst Seraphim), ярый пангерманистъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей „Дейчерферейна“. Въ „Kalender'ѣ“ на текущій, 1914 годъ, мы находимъ его статью: „*Наша академическая молодежь и запросы времени*“, заслуживающую самаго полнаго вниманія съ нашей стороны.

Для господина Серафима, кстати претендующаго на званіе „извѣстнаго знатока исторіи прибалтійскаго края“, — ясно безъ дальнихъ словъ, что какъ среднее, такъ и начальное образованіе въ Прибалтійскомъ краѣ должно быть исключительно германскимъ, т. е. нѣмецкимъ. Констатируя, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, что эта задача нѣмцевъ Прибалтики разрѣшена, онъ высказываетъ свое искреннее сожалѣніе, что у послѣднихъ въ Россіи нѣтъ и своего собственнаго, германскаго, университета. Планъ учрежденія послѣдняго, оказывается, существовалъ впрочемъ всегда, только теперь-де онъ не выполнимъ за отсутствіемъ средствъ и подходящихъ людей, почему большинству нѣмецко-балтійскаго юношества не остается ничего другого, какъ поступить въ университеты русскіе.

„Можетъ быть было бы лучше игнорировать эти послѣдніе и поступать въ германскіе“?—задаетъ вопросъ Э. Серафимъ, — поясняя при этомъ, что въ началѣ XIX вѣка предки нынѣшнихъ

балтійскихъ нѣмцевъ такъ и дѣлали и дѣлали даже послѣ основанія *нѣмецкаго дерптскаго* университета, нынѣ преобразованнаго въ *русскій, юрьевскій*. Отвѣтъ на вопросъ г-нъ С. даетъ—отрицательный. Это, видите-ли—*непрактично*: необходимо выдержать двойные экзамены; первый за границею, для полученія фатерландскаго „докторскаго" титула, безъ котораго возвращаться неудобно,—а затѣмъ еще и русскія государственныя испытанія. Противъ этого говорятъ еще и другія причины и немаловажныя соображенія и, между прочимъ, боязнь отвыкнуть отъ балтійскаго политическаго общественнаго уклада жизни, который потомъ можетъ показаться—*узкимъ*.

Обращаясь къ русскому юрьевскому университету г. С. высказываетъ убѣжденіе, что „Дерптскій" университетъ для прибалтійскихъ нѣмцевъ стоитъ несомнѣнно на первомъ планѣ, несмотря на то, что изъ числа русскихъ университетовъ — Петроградъ, Москва, и Харьковъ заслуживали бы предпочтенія. А это потому, что „кто идетъ туда (въ петроградскій, московскій и т. д.), тотъ въ большинствѣ случаевъ *становится чужимъ балтійской нѣметчинѣ* (baltischen Deutschtum) *и ея задачамъ*, за исключеніемъ развѣ только лицъ, обладающихъ чрезвычайной твердостью характера. „Широкая русская жизнь, любезность тамошняго общества, весь жизненный строй, разнящійся отъ нашего (т. е. нѣмецкаго), какъ небо отъ земли,—все это",—сокрушается, неистовый пангерманистъ—„вліяетъ неотразимымъ образомъ на неуравновѣшенныхъ молодыхъ людей". Особенно сильно это вліяніе потому, что „нѣмцы вообще склонны къ восхищенію и преувеличенной оцѣнкѣ чужихъ народностей. Немногіе нѣмцы—профессора, гдѣ таковые имѣются, нѣмецкія семьи сами сильно подверженныя денаціонализаціи и даже нѣмецкія студенческія корпораціи, за исключеніемъ развѣ петроградской „Nevania", *сохранившей традиціи и вліяніе* (кстати, любопытно было бы знать, существуетъ ли *сейчасъ* этотъ оплотъ германцевъ на берегахъ рѣки Невы?)—не могутъ служить этому, (т. е. *обрусѣнію*) достаточнымъ противовѣсомъ"... „Можетъ быть",—продолжаетъ г. С.—„въ Петроградѣ и отсутствуетъ непосредственная опасность обрусѣнія, но и сдвигъ въ сторону космополитизма и подчеркиваніе узости балтійскаго положенія вещей, — здѣсь находятъ благодарную почву. Подобныя тенденціи таятъ въ себѣ величайшую опасность", замѣчаетъ нашъ авторъ, придя къ окончательному выводу, что спасеніе, и то относительное, лишь въ „Dorpat'ѣ внѣ сферы вред-

наго, съ точки зрѣнія господина Серафима, и ему подобныхъ русскаго вліянія, гдѣ опасность обрусѣнія не такъ ужъ велика. „Для студентовъ нѣмцевъ благопріятна, кромѣ того, Рига, такъ какъ тутъ множество профессоровъ нѣмцевъ и такой сонмъ культурныхъ факторовъ, каковой можно найти *лишь въ коренномъ нѣмецкомъ городѣ*“ (sic)!

Однако, какъ повѣствуетъ далѣе г. д-ръ Э. Серафимъ, нерѣдко въ нѣмецкихъ семьяхъ, посылающихъ своихъ сыновей въ университеты, приходится сталкиваться съ мнѣніемъ, что „дерптскія“ корпораціи „впрочемъ уже двадцать и болѣе лѣтъ потерявшія свое вліяніе *на общую массу студенчества*“, не являются достаточнымъ противовѣсомъ относительной малоцѣнности „Дерптскаго“ университета въ научномъ отношеніи. Студенты—нѣмцы образовываютъ де корпораціи по германскимъ (reichsdeutschen) образцамъ и предаются попойкамъ, уже отжившимъ свой вѣкъ, а для жгучихъ вопросовъ современности въ нихъ яко-бы нѣтъ мѣста“. Г-нъ Серафимъ немедленно беретъ подъ свою защиту юрьевскіе „Corps'ы“, указывая на ошибочность такого обобщенія, но признается, что даже если это и такъ, то вотъ какія сему причины.

Русскій университетъ въ маленькомъ городкѣ (Kleinstadt), гдѣ численность нѣмецкаго населенія значительно уменьшилась... студентамъ негдѣ пріобщиться къ *германско-культурнымъ интересамъ*. Пусть профессора будутъ превосходными знатоками своихъ спеціальностей, все же студенчеству (нѣмецкому)—*чужіе* по языку, интересамъ и быту. А если припомнить времена Ширрена, Эттингена, Энгельгардта, Валя, Эрдмана, Гаусмана и др.! Сократилось и число „филистеровъ“ и вліяніе ими на студенчество оказываемое. Нѣтъ уже болѣе самоуправляющейся высшей школы съ ея судомъ чести, „буршенгерихтомъ“ и кругъ дѣятельности корпораціи сузился до того, что былое съ настоящимъ и сравнивать трудно“...

„Уничтоженъ цѣнный факторъ „стараго Дерпта“, возстановить каковой въ нашей власти. Мы также не въ силахъ воскресить нѣмецкихъ профессоровъ и богатѣйшую нѣмецкую общественную жизнь (въ Юрьевѣ), печально восклицаетъ г-нъ Серафимъ—указывая, какимъ путемъ можно, до извѣстной степени,—помочь этому нѣмецкому горю. „Должно стать правиломъ, чтобы посѣщеніе „Дерпта“ было *дополнено и закончено* посѣщеніемъ заграничныхъ, германскихъ, университетовъ. Это можно сдѣлать

во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, соединяя посѣщеніе лекцій съ поѣздками (по Германіи), расширяющими кругозоръ и укрѣпляющими духовную связь (съ той же—„Deutschland"). Тоже самое достигается и лекціями заграничныхъ (германскихъ) профессоровъ у насъ, какъ это доказывается *блестящимъ опытомъ* поздней осени 1913 г., когда на рижскомъ штрандѣ *былъ организованъ циклъ такихъ лекцій*. Можно, наконецъ, рекомендовать и болѣе продолжительныя студіи въ Германіи послѣ „дерптскихъ годовъ". *Это не безполезное средство, не потерянные мѣсяца и годы*", подчеркиваетъ нашъ авторъ.

Далѣе г. С. рекомендуетъ планомѣрное осуществленіе этой мысли, для чего, кромѣ существующихъ стипендій, должны быть созданы новыя. „Это первѣйшая задача нашихъ корпорацій", продолжаетъ онъ, „которыя благодаря этому получатъ новыя силы". Балтійскому студенчеству рекомендуется принять участіе въ этой *„культурной реформаціи* (sic), которая должна явиться новымъ источникомъ жизненныхъ силъ, призывая его слѣдовать словамъ Фихте: „Handeln, handeln! das ist, wozu wir da sind"! (Дѣйствовать, дѣйствовать, это то, для чего мы тутъ!).

Нельзя, конечно, отрицать полной цѣлесообразности серафимовскаго рецепта воспитанія прибалтійскаго русско-подданнаго юношества—съ германской (reichsdeutsch) точки зрѣнія. Такое воспитаніе несомнѣнно дастъ борцовъ за идею—присоединенія къ „великому фатерланду" и за не менѣе великія идеи пангерманизма. Будетъ, такимъ образомъ, избѣгнута опасность обрусѣнія и между русско-подданными нѣмецкаго, resp. германскаго племени и русскимъ народомъ воздвигнута достаточно высокая стѣна.

Антигосударственныя тенденціи упраздненнаго нынѣ, Слава Богу, „Дейчерферейна", и его духовныхъ руководителей, не могутъ быть терпимы въ великомъ и нераздѣльномъ русскомъ государствѣ. Не могутъ быть — еще и потому, что есть нѣмцы, благословляющіе наше министерство народнаго просвѣщенія за закрытіе ферейновскихъ школъ: это нѣмцы — родители, признававшіеся, что „только скрѣпя сердце и подъ давленіемъ главарей нѣмечества" отдавали дѣтей въ послѣднія. Коверкать души своихъ дѣтей ихъ заставляли, главнымъ образомъ, соображенія экономическаго характера.

(Русскій Инв. 19 Октябрь, Г. Н.).

„Das Deutschtum"—„нѣмечество"—что это: „культурная идея или боевой лозунгъ „желѣза и крови"... на которомъ должна

быть воздвигнута деспотическая гегемонія Германіи надъ поверженной во прахъ Европой? До войны тутъ еще могли быть разномыслія. Но послѣ того какъ германскій императоръ бросилъ на вѣсы свой мечъ, насчетъ истинной сущности всенѣмецкой культуры исчезли всѣ сомнѣнія. Да если-бы онѣ еще и и оставались, то недавнія коллективныя выступленія наиболѣе выдающихся представителей германскаго ученаго и литературнаго міра окончательно стерли послѣднюю грань между „пушечнымъ королемъ“ Артуромъ Круппомъ — нынѣ „почетнымъ докторомъ“ Бонскаго университета—и Гергардомъ Гауптманомъ—достойнымъ защитникомъ варварскаго разрушенія Лувена и Реймскаго собора. Вотъ, что такое „всенѣмечество“ и „нѣмецкая культура“, при которой знаменитый профессоръ Бетвальдъ считаетъ необходимымъ сдѣлать нѣчто въ родѣ вакцины для принудительной прививки другимъ городамъ Европы нѣмецкаго происхожденія? Было бы, конечно, черезчуръ наивно воображать, что это инквизиціонное нѣмецкое „культуртрегерство“ обезвреживается, выходя за предѣлы двухъ нѣмецкихъ монархій. Боевые культуртрегеры давно уже предусмотрѣли эту опасность и предупредили ее организаціей секціальнаго ферейна для упроченія нѣмечества за границей, въ которомъ наше прибалтійское нѣмечество—надо отдать ему должное—играетъ руководящую роль, благодаря тому, что оно имѣетъ большинство голосовъ на общемъ собраніи этого „Всенѣмецкаго союза“. Итакъ прежде всего слѣдуетъ совершенно отказаться отъ опасной тенденціи преуменьшать политическое значеніе „всенѣмецкихъ“ организацій въ Россіи (въ частности, Дейчерферейна, который, кстати, хотя офиціально и закрытъ, но неизвѣстно, прекратилась ли фактически его дѣятельность.

А затѣмъ нужно правильно оцѣнить и смыслъ непосредственной связи этихъ организацій съ Берлиномъ, который вѣдь не даромъ же возлагалъ такія надежды на внутреннія русскія неурядицы, отвлекавшія вниманіе отъ подготовки германскаго натиска на Россію. А насколько учитывались эти неурядицы, легко судить по слѣдующему мѣсту отчета „Deutscher Verein’a“ за 1906 г. („Das Deutschtum im Auslande“).

„Въ особенности утѣшительны свѣдѣнія относительно Россіи,— гласитъ отчетъ за этотъ революціонный годъ. Подъ вліяніемъ революціи русское правительство издало два закона, особенно благопріятные для нѣмечества въ Россіи: временныя правила о союзахъ, обществахъ и собраніяхъ 4 марта 1906 г. и Высочайше

утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 19 апрѣля 1906 г. относительно введенія мѣстныхъ языковъ въ качествѣ преподавательскаго языка въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ балтійскаго края. „На основаніи вышеупомянутыхъ правилъ 4 марта 1906 г.,—продолжаетъ отчетъ ферейна,—образовались въ Россіи къ настоящему времени (т.-е. къ іюлю 1906 г.) 19 нѣмецкихъ союзовъ: въ балтійскихъ провинціяхъ—3, въ Лодзи—4, въ Одессѣ—2, въ Петроградѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Саратовѣ, въ Варшавѣ, въ Александровскѣ и въ Тифлисѣ по одному“. Перечисливъ затѣмъ количество членовъ союза и его учрежденій, отчетъ заключаетъ: „Развитіе нѣмечества въ остзейскихъ провинціяхъ въ короткое время полутора лѣтъ, безъ сомнѣнія, преисполнитъ каждаго Нѣмца гордостью и радостью“.

Итакъ наши прибалтійскіе Нѣмцы удостоились самаго лестнаго отзыва изъ Берлина. Въ pendant къ этому такъ сказать офиціальному одобренію авторъ распространенной въ Прибалтійскомъ краѣ брошюрѣ „Русская революція и балтійскіе Нѣмцы“ г. Гейзеръ признаетъ, что послѣдніе въ своей борьбѣ за всенѣмецкіе идеалы превзошли даже самихъ Пруссаковъ, а благодаря умѣлой школьной политикѣ „предохранили и до сего дня, хотя и не безъ жертвъ, своихъ дѣтей отъ *зачумленія* (Verseuchung) ихъ всепроникающимъ духомъ обрусенія“.

Немудрено, что преисполненная „гордостью и радостью“ „Düna Zeitung“, въ отвѣтъ на приглашенія прибалтійскаго барона Штакельберга въ его брошюрѣ „Nationale Verbande“ идти дальше по тому же пути, восторженно восклицала: „Намъ предстоитъ дѣйствовать, пока еще свѣтло! Кто бранитъ насъ за наши увѣщанія и подбадриванія, тотъ не подозрѣваетъ, что мы поставили ставкою въ игрѣ все!“

Къ чему же „подбадриваютъ“ столь крупной цѣной прибалтійскихъ Нѣмцевъ его мѣстные и зарубежные вожди? Разумѣется, если бы цѣлью этихъ „подбадриваній“ оставалось только охраненіе нѣмецкой національности отъ „зачумленія“ русской культурой, то съ этимъ должно было бы еще примириться. Но эта задача при отсутствіи у русской власти стремленій къ насильственной руссификаціи Нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ не претендующихъ на русскіе административные посты, вовсе и не требуетъ какихъ-либо азартныхъ ставокъ со стороны гг. прибалтійскихъ бароновъ.

Но прибалтійскимъ нѣмечествомъ дѣйствительно поставлена крупная азартная ставка „на все“.

Эта ставка—Германія.

Приходится только поражаться и негодовать, что вплоть до послѣдняго момента, когда уже разразилась міровая война, русское правительство давало себя убаюкивать фиктивной баронской „лояльностью“ несмотря на то, что Германія еще задолго до войны перешагнула русскую границу и прочно обосновалась въ Прибалтійскомъ краѣ и по всей Россіи, въ оплачиваемыхъ ея правительствомъ отдѣлахъ пангерманскаго „Schulverein'a“ и „Deutscher-Verein'a“.

Да развѣ прибалтійскіе бароны, увѣренные въ своихъ могущественныхъ связяхъ въ Петроградѣ, не дѣлали изъ этого секрета? „Rigasche Rundschau“ (1908 г. № 122), описывая констанцскій съѣздъ отдѣловъ всенѣмецкаго союза „Das Deutschtum im Auslande“, совершенно опредѣленно говоритъ о финансированіи германскимъ правительствомъ всенѣмецкихъ организацій, находящихся „внѣ черно-красныхъ пограничныхъ столбовъ.“ Правительствомъ асигнуется на дѣло нѣмецкой школы и преподаванія за границею 850.000 марокъ. Правительство этимъ доказываетъ, насколько оно заботится о поддерживаніи нѣмечества за границею“. Здѣсь любопытно не только сообщеніе о финансированіи Германіей нашихъ „лояльныхъ“ Нѣмцевъ, но и самая форма изложенія, въ которомъ *издающаяся въ Россіи для русскихъ подданныхъ* газета обходится вовсе безъ обозначенія, что „правительство“, о которомъ она упоминаетъ есть „германское правительство“, какъ будто рѣчь идетъ о своемъ, а не чужомъ государствѣ!

Еще характернѣе разсужденіе той же рижской газеты о цѣляхъ всенѣмецкаго союза, которому прибалтійскіе Нѣмцы, въ лицѣ своего представителя, на констанцскомъ съѣздѣ предложили дать новое наименованіе сообразно его расширившимся цѣлямъ. „Въ данномъ случаѣ, заявляется „Rig. R.“, ни одно общество не имѣетъ столько правъ на историческое названіе „Національный союзъ“, какъ этотъ союзъ. Старый національный союзъ прекратилъ свою дѣятельность, когда онъ почувствовалъ, что наладилось образованіе германскаго государства, съ Пруссіей во главѣ. Намъ нужны новые идеалы. Новая высокая цѣль нѣмецкихъ національныхъ стремленій лежитъ въ упроченіи великой (новой) Германіи (sic!). Не въ смыслѣ политики крови и желѣза—спѣшитъ оговориться тутъ рижская газета.—Здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о націо-

нальной культурной и экономическо-политической дѣятельности, которая должна находиться въ тѣсной связи между собой и быть направлена къ наивящшему усиленію государственной мощи Германіи (!!)“.

Болѣе откровеннаго изложенія задушевныхъ мыслей прибалтійскаго нѣмечества о новой великой Германіи и возвеличеніи ея государственной мощи—трудно и требовать отъ газеты, издающейся по сю сторону „черно-бѣло-красныхъ пограничныхъ столбовъ.“ Сдѣланный ради приличія наивный отводъ въ сторону смягченія политики „желѣза и крови“ только подчеркиваетъ убогій декорумъ внѣшней „лояльности“ нашего прибалтійскаго нѣмечества.

(Новое Вр. Октябрь, Я. П—овъ.

Дейчеръ-ферейнъ и кружки обученія. Значеніе великихъ перемѣнъ внезапно совершающихся, не всѣмъ становится сразу яснымъ. Слишкомъ велика привычка къ прежнимъ обстоятельствамъ, чтобы возможно было сразу отрѣшиться отъ вытекавшихъ изъ нихъ воззрѣній и стремленій при отсутствіи достаточнаго навыка къ болѣе глубокому проникновенію въ сущность такихъ чрезвычайныхъ явленій. Неудивительно поэтому, что многіе не могутъ еще вполнѣ разобраться въ томъ новомъ положеніи, которое создано и для нашего края вступленіемъ германизма на путь неистовой борьбы съ Россіей и славянствомъ. Только именно недостаточнымъ пониманіемъ всего значенія этого грандіознаго событія можно себѣ объяснить попытки разсматривать мѣстные вопросы, находящіеся въ непосредственной связи съ означенною навязанною намъ рѣшительною борьбою, съ прежнихъ точекъ зрѣнія. Между тѣмъ болѣе чѣмъ очевидно, что эти, такъ сказать, мирныя точки зрѣнія совершенно упразднены навязанною намъ германизмомъ борьбою, поставившею насъ въ необходимость самымъ энергичнымъ образомъ защищаться отъ всѣхъ его покушеній на проникновеніе въ нашу жизнь. Мы не вызывали этой борьбы, напротивъ, проявляли миролюбіе, нерѣдко граничившее съ принесеніемъ въ жертву нашихъ національныхъ и государственныхъ интересовъ; но послѣ того, какъ все это не помогло и, несмотря на всю нашу терпимость и снисходительность, тевтонство обрушилось на насъ съ свойственною ему яростью, о какихъ-либо уступкахъ съ нашей стороны въ его пользу не можетъ быть уже рѣчи не только во внѣшнихъ на-

шихъ сношеніяхъ, но и во внутреннемъ обиходѣ. Тамъ, гдѣ пульсъ страны бьется съ особенною силою, это сразу было почувствовано и сознано и нашло себѣ выраженіе даже въ переименованіи столицы, явившемся своего рода національнымъ лозунгомъ новаго періода въ нашей жизни, созданнаго тевтонскимъ нападеніемъ на насъ. Съ этимъ повелительнымъ лозунгомъ, созданнымъ неотразимою силою внезапно обрушившихся на насъ событій, необходимо сообразоваться и при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся нашего края. И потому многіе изъ нихъ должны предстать предъ нами въ совершенно новомъ освѣщеніи, и въ такомъ освѣщеніи многое изъ того, что прежде считалось возможнымъ и терпимымъ, теперь должно уже представляться подлежащимъ упраздненію. Такъ, напримѣръ, могли быть еще терпимы въ прежнее время дѣйствія здѣсь „Дейчеръ-Ферейновъ", занимавшихся насажденіемъ нѣмечества, но въ новомъ періодѣ они оказались настолько неумѣстными, что это поняли даже нѣкоторые ихъ руководители, рѣшившіеся закрыть эти учрежденія. Это особенно выпуклый примѣръ, но даже такихъ выпуклыхъ примѣровъ можно бы привести не мало, не говоря уже о менѣе бросающихся въ глаза. Но нѣкоторыми мѣстными кругами все это не вполнѣ еще понято и они еще никакъ не могутъ освоиться съ новымъ положеніемъ и, видимо, все еще находятся подъ вліяніемъ прежнихъ взглядовъ и представленій. Такъ, напримѣръ, иные не хотятъ еще отказаться даже отъ надежды возстановить дѣятельность „Дейчеръ-Ферейна" въ какомъ-либо менѣе рѣжущемъ глаза видѣ, преобразовавъ, напримѣръ, учебныя заведенія его въ „кружки обученія", какъ будто отъ этого переименованія измѣнятся цѣли и характеръ дѣятельности подобнаго рода учрежденій. Дѣло тутъ не въ формѣ, а въ сущности ея, которая заключается въ стремленіи такъ или иначе насаждать въ краѣ тевтонскія начала, вводя ихъ въ нѣдра нашей внутренней жизни. Какъ намъ сообщаютъ изъ Петрограда, эта попытка отклонена, и это вполнѣ понятно, такъ какъ допущеніе ея находилось бы въ явномъ противорѣчіи съ тѣми задачами, которыя выдвинуты на очередь новымъ періодомъ нашей исторіи, созданнымъ открытою ожесточенною борьбою тевтонства противъ русскаго государства и народа. Задачи эти и заключаются именно въ освобожденіи отъ тевтонскаго ига не только внѣшняго, но и внутренняго, создавшагося путемъ систематическаго проведенія въ народный организмъ нѣмецкихъ началъ и вліяній. (Рижская Мысль, 15 Сентября).

Главныя нѣмецкія общества Либавы, Риги и Митавы.

Либава:

Нѣмецкій ферейнъ въ Курляндіи. Нѣмецкій женскій союзъ. Нѣмецкій ферейнъ дѣвицъ. Нѣмецкій театральный ферейнъ. Филармонія. Лидертафель. Муссе. Ферейнъ велосипедистовъ. Гребной и парусный клубъ „Сѣверъ". Вольно-пожарное общество. Ферейнъ для оказаніи помощи германскимъ подданнымъ. Ремесленный ферейнъ. Охотничій ферейнъ. Турнферейнъ. Нѣмецкій конституціонно-либеральный ферейнъ.

Митава:

Женскій ферейнъ. Нѣмецкій ферейнъ въ Курляндіи. Вольнопожарное общество. Охотничій ферейнъ. Стрѣлковый ферейнъ. Лидертафель. Гребной клубъ. Клубъ велосипедистовъ. Велосипедный ферейнъ...

Рига:

Нѣмецкій ферейнъ Лифляндіи. Женскій союзъ. Ферейнъ дѣвицъ. Домферейнъ. Ферейнъ для оказанія помощи германскимъ подданнымъ. Нѣмецкій либеральный клубъ. Ферейнъ писателей. Балтійскій спортивный ферейнъ. Велосипедный ферейнъ. Балтійскій автомобильный клубъ. Марсъ-велосипедный ферейнъ. Верховой ферейнъ. Гоночный ферейнъ. Гребной клубъ. Парусный союзъ. Яхтъ-клубъ. Охотничій ферейнъ. Спортивный ферейнъ. Стрѣлковый ферейнъ. Охотничье общество. Турнферейнъ. Атлетическій клубъ. Второй атлетическій клубъ. Спортивный ферейнъ Кайзервальда. Рижскій спортивный ферейнъ...

И множество, множество другихъ просвѣтительныхъ и въ особенности „спортивныхъ" ферейновъ, столь необходимыхъ для Россіи на границѣ съ Германіей...

(Нов. Вр. А. Ренниковъ).

Подъ знакомъ меченосцевъ. Сколько крови пролито русскою ратью подъ древнимъ Юрьевомъ. Сколько ея соединилось съ ждущей отмщенія кровью литовскихъ и польскихъ дружинъ.

Была пролита та кровь въ жестокихъ сѣчахъ съ закованнымъ въ желѣзо тевтонскимъ рыцаремъ, пролита напрасно, принесена въ жертву жестокому богу войны. На ту землю пришелъ потомъ Тевтонецъ, пришелъ какъ купецъ, мастеръ, ловкій конюхъ, военный наймитъ, лекарь и вообще какъ „Нѣмецъ", человѣкъ нужный для той мелкой и хитрой работы, до которой не охочъ русскій человѣкъ съ его широкой, вольной натурой.

И, затаивши воинственный пылъ тевтонскихъ гроссмейстеровъ въ своихъ мѣщанскихъ спальняхъ и мастерскихъ, служили сначала Полякамъ, а потомъ Русскимъ эти пришельцы. Служили разно: и хорошо, и худо.

Хорошо—если судить о милостяхъ, которыми осыпала ихъ Россія при Екатеринѣ Великой, Аннѣ Іоанновнѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ; худо—такъ какъ могущественные князья Радзивиллы не разъ выселяли Нѣмцевъ изъ своихъ помѣстій, доходящихъ до Балтійскаго побережья.

Внуки и правнуки замиренныхъ тевтонскихъ рыцарей и ихъ оруженосцевъ, псарей и конюховъ, вспомнили предковъ до того, конечно, гибельнаго для нихъ дня, когда въ долинѣ Грюнвальда „вся земля была покрыта, словно снѣгомъ, бѣлыми плащами меченосцевъ, а на нихъ смотрѣли, тяжело дыша послѣ кровавой жатвы, литовскія, русскія и смоленскія дружины“.

Вспомнивъ, они подняли голову и принялись за старое.

Сплотившись, основали пресловутый „Дейчеръ-Ферейнъ“.

Этотъ „ферейнъ“ открылъ школы, откуда былъ изгнанъ русскій языкъ и гдѣ русской исторіи удѣлялось ничтожное вниманіе. Изъ русскихъ наукъ изучали лишь географію Россіи. Вѣдь нужно же было знать, куда направлять германскую колонизацію и инспектирующихъ мѣстные „ферейны“ и въ Польшѣ, и на Волыни съ Подольемъ, и на югѣ Россіи, и на дальней русской Волгѣ прусско-королевскихъ унтеръ-офицеровъ и фельфебелей! Германскіе купцы и германскіе шпіоны также нуждались въ точныхъ картахъ и справкахъ...

У „Дейчеръ-Ферейна“, которому, по странному недоразумѣнію, такъ покровительствовали, были и *другія цѣли*.

Едва ли кому-нибудь удастся опровергнуть это утвержденіе.

Въ распоряженіе нашей редакціи предоставлены любопытные документы. Это—открытыя письма съ различными „высокопатріотическими стихотвореніями“, свободно распространявшіяся въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Передавать ихъ содержаніе—я не могу. Въ эти грозные дни, когда тысячи людей гибнутъ на войнѣ, взлелѣянной въ Берлинѣ, когда германскія войска убиваютъ и истязуютъ женщинъ и дѣтей, когда подняли они святотатственную руку свою на святыни христіанскаго человѣчества—не слѣдуетъ переводить эти гнусныя писанія потомковъ прежнихъ тевтонскихъ палачей.

Общій смыслъ, общій призывъ этихъ стоновъ—„Die Wacht im Ost!"

И эти воинственныя, грубыя, *неблагодарныя пѣсни* съ напоминаніемъ о родичахъ и прежнихъ доблестяхъ предковъ, о возрожденіи курлянскаго герцогства и о его роли среди варваровъ—Русскихъ и Латышей—такъ понятны намъ! Мы знаемъ, кто и гдѣ вдохновилъ плохихъ стихокропателей, и знаемъ, кто радовался, слыша эти слова, эти напѣвы!

Открытыя письма снабжены гербами: одинъ крестъ или мечъ и крестъ на щитѣ.

Первый гербъ—это знакъ „Дейчеръ-Ферейна", этой германской „стражи на востокѣ", *знакъ ордена меченосцевъ.*

Красный же мечъ съ краснымъ крестомъ надъ рукояткой рыцарскаго двуручнаго меча, помѣщенные на щитѣ, по изслѣдованіямъ Леонтовича и Нарбута, были хорошо знакомы въ XII—XIV вѣкахъ нашимъ предкамъ. Этимъ знакомъ мѣтились „вити", разбрасываемыя въ литовскихъ и зарубежныхъ русскихъ деревняхъ, которыя готовились съ дубьемъ и топорами встрѣчать желѣзныхъ рыцарей, жестокія дѣянія которыхъ повторены теперь, черезъ восемь вѣковъ, въ Лувенѣ, Реймсѣ и Термондѣ...

Вскормленные русскимъ хлѣбомъ, выросшіе на русской землѣ, Нѣмцы, потомки меченосцевъ и ихъ челяди, зовутъ своихъ товарищей (Brüder wacht auf!) открыто и тайкомъ на бой съ Россіей...

Довольно! Щитъ съ мечомъ и крестомъ на немъ, принадлежавшій гросмейстеру Гюне-фонъ-Гревенингу, разлетѣлся въ щепы подъ ударомъ славянской сѣкиры на славномъ полѣ Грюнвальда. И не мѣсто этимъ жалкимъ обломкамъ въ Россіи...

У насъ свои щиты, знакомые Царьграду и Берлину, щиты, знающіе лишь честный, открытый бой, и мечи, никогда не поднимавшіеся на тѣхъ, кто сдѣлалъ намъ добро.

(Веч. Вр. 27 сентября. Маркъ Чертванъ).

Шульферейнъ. Связь поддерживается другой серіей германскихъ учрежденій, вполнѣ открыто существующихъ въ видѣ „частныхъ" обществъ, а именно: „Allgemeiner deutsche Schulverein", „Alldeutscher Verband", „Deutsche Sprachverein", „Ewangelischer Bund" и т. д. Назначеніе всѣхъ этихъ учрежденій—поддерживать нравственную и политическую связь нѣмцевъ всего міра съ Германіей, насаждать германизмъ вездѣ, гдѣ только

„die deutsche Zunge klingt“, какъ говоритъ нѣмецкій поэтъ Арндтъ. Съ этою цѣлью разсылаются по нѣмецкимъ колоніямъ портреты Вильгельма и Бисмарка, которые красуются у всѣхъ нашихъ колонистовъ, (разныя брошюры пангерманскаго содержанія, открываются и субсидируются нѣмецкія школы, даются (пасторамъ и учителямъ) крупныя суммы на „лютеранское миссіонерство“, то-есть на пропаганду штунды и германизма и т. д.

Особеннаго вниманія, по своему могуществу и своей дѣятельности, заслуживаетъ первое изъ перечисленныхъ учрежденій— „Allgemeiner deutsche Schulverein“, то-есть „Всеобщій нѣмецкій школьный союзъ“. Имущество его составляетъ милліонъ слишкомъ марокъ, изъ которыхъ въ полмилліона марокъ оцѣнивается принадлежащая ему земля. За 29 лѣтъ своего существованія, съ 1881 года, „Schulverein“ истратилъ на преслѣдуемыя имъ цѣли свыше четырехъ милліоновъ марокъ. Число членовъ его достигаетъ 50,000 человѣкъ. Изъ этого видно, какой это могущественный дѣятель“. Въ чемъ же заключается его дѣятельность? Уставъ его гласитъ: „Всеобщій нѣмецкій школьный союзъ“ имѣетъ цѣлью: „охранять нѣмецкую народность внѣ предѣловъ Германской имперіи и по мѣрѣ силъ оказывать нѣмцамъ помощь въ ихъ стремленіи оставаться нѣмцами, или снова стать ими“ (§ 1-й). Далѣе: „свою цѣль союзъ осуществляетъ поддержаніемъ и учрежденіемъ нѣмецкихъ школъ и библіотекъ, снабженіемъ ихъ нѣмецкими книгами, распространеніемъ подходящихъ сочиненій, выдачей пособій нѣмецкимъ учителямъ и другими подобными средствами. Съ тѣхъ поръ, какъ возникла нѣмецкая имперія, не одинъ нѣмецъ, живущій на чужбинѣ, да ни будетъ въ правѣ сказать, что онъ презрительно забытъ и покинутъ братьями“ (§ 2-ой).

Такимъ образомъ цѣль „Schulverein'а“—насажденіе и поддержаніе германизма внѣ Германіи. Гдѣ же, однако, именно?

Какъ видно изъ устава, вездѣ, гдѣ только „die deutsche „Zunge klingt“, т. е. вездѣ, гдѣ поселились и живутъ нѣмцы. Двѣ страны, однако, признаются имъ особенно „опасными для нѣмцевъ“ и потому особенно требующими „обезопасенія“ ихъ путемъ германизаціи. Это—Австрія и Россія. Но въ Австріи (въ Вѣнѣ) существуетъ съ 1880 года свой собственный „Deutscher Schulverein“, по типу котораго созданъ, (черезъ годъ) и самъ

берлинскій „Allgemeiner Deutscher Schulverein". Насколько энергично дѣйствуетъ вѣнскій „Schulverein", видно изъ того, что онъ имѣетъ свыше 150,000 членовъ и расходуетъ на цѣли германизма до полумилліона гульденовъ въ годъ.

На долю берлинскаго „Schulverein'a" остается, слѣдовательно, Россія, гдѣ онъ и раскинулъ широко свои сѣти. Повидимому, у насъ даже существуютъ—конечно, негласно—его отдѣлы. На насажденіе же и поддержаніе у насъ германизма вполнѣ гласно раздаются пособія школамъ, учителямъ, пасторамъ и т. д., свѣдѣнія о чемъ (конечно, не всѣ) имѣются въ каждомъ годовомъ отчетѣ „Schulverein'a". По заявленію его предсѣдателя, въ одномъ изъ годовыхъ собраній „Schulverein'a" „германское единство въ предѣлахъ, созданнныхъ въ 1870 году, далеко еще нельзя считать законченнымъ. Для восполненія его необходимо, чтобы всѣ уголки, гдѣ существуютъ люди германской расы или нѣмцы по происхожденію (отъ смѣшанныхъ съ другими національностями браковъ), были соединены подъ однимъ скипетромъ... Мы не можемъ считать себя удовлетворенными до тѣхъ поръ, пока померанскіе гренадеры не пройдутъ побѣдителями по всѣмъ территоріямъ населеннымъ нѣмцами. Единственно лишь этимъ побѣдоноснымъ путемъ мы можемъ возвратить всѣхъ нѣмцевъ своей матери—отчизнѣ". Что касается собственно Россіи, то война съ нею неизбѣжна, „она не замедлитъ вспыхнуть по тѣмъ же самымъ причинамъ, которыя побудили взяться за оружіе въ 1870 году, а именно—изъ-за необходимости „диверсій", чтобы отвлечь отъ внутреннихъ дѣлъ всѣ недовольные элементы. Въ теченіи вѣковъ мы потеряли Швейцарію, Голландію, Курляндію, Ливадію, Эльзасъ-Лотарингію. Но затѣмъ стали отбирать свои старыя владѣнія съ Шлезвига и продолжая Эльзасомъ и Лотарингіей. Теперь очередь за Курляндіей и Ливоніей (т. е. нашимъ Балтійскимъ краемъ), которыя мы не замедлимъ вскорѣ присоединить къ ихъ германскому отечеству. А затѣмъ серія земельныхъ присоединеній будетъ съ нашей стороны продолжаться безостановочно".

Вотъ какія цѣли преслѣдуются „всеобщимъ нѣмецкимъ школьнымъ союзомъ", оперирующимъ и у насъ подъ видомъ поддержки нѣмецкихъ школъ.

Цѣли эти конечно были извѣстны каждому члену, каждому участнику означеннаго ферейна и ими принимались и прини-

маются мѣры для неуклоннаго проведенія ихъ въ жизнь. Спрашивается—можно-ли нашихъ Прибалтійскихъ членовъ этого ферейна считать въ тоже время „лойяльными" по отношенію къ Россіи? Очевидно что нѣтъ; а если нѣтъ, то во 1) какъ ихъ назвать? во 2) извѣстны-ли всѣ Прибалтійскіе члены этого ферейна? и 3) что предпринято противъ этого злокачественнаго рака?

(„Приб. Край" 9 Окт.).

Что такое нѣмецкій шульферейнъ? Въ виду того интереса, который пріобрѣтаетъ вопросъ о нѣмецкомъ шульферейнѣ, позволяю себѣ, въ дополненіе къ уже появившимся въ печати даннымъ, привести нѣсколько свѣдѣній о томъ, какіе именно принципы положены въ основаніе этого учрежденія. Что именно должны проповѣдовать школы, находящіяся подъ верховнымъ и часто совершенно неуловимымъ надзоромъ этой зловредной тевтонской выдумки?

Предо мной лежитъ первое изданіе руководства (хандбуха), выпущеннаго шульферейномъ еще въ 1904 году, т.-е. въ такой моментъ, когда онъ только начиналъ свою интенсивную дѣятельность. Не знаю, появились ли въ свѣтъ послѣдующія изданія этой книги; не могу также сказать,—если они появились,—продаются ли они теперь непосвященнымъ людямъ. Во всякомъ случаѣ, думаю, что „Введеніе" къ указанному хандбуху (Берлинъ, 1904 году), введеніе, напечатанное, какъ profession de foi представляетъ собой важный документъ для характеристики шульферейна. Отмѣчу въ скобкахъ, что авторъ его является,—ни много, ни мало,—самъ профессоръ Фридрихъ Паульсенъ, т.-е. не какой-нибудь случайный, неизвѣстный писака, а такой человѣкъ, который, ставя свою фамилію, очевидно, взвѣшивалъ каждое написанное имъ слово.

Воззваніе проф. Паульсена начинается съ цитаты, имѣющей цѣлью охарактеризовать положеніе германизма въ міровой исторіи.

Ему (т.-е. Нѣмцу) предопредѣлено высшее. Онъ живетъ въ самой серединѣ Европы и, соотвѣтственно этому, онъ представляетъ собой сердцевину (Kern) человѣчества. Онъ избранъ божествомъ для того, чтобы работать надъ извѣчнымъ совершенствованіемъ человѣчества. Потому онъ (все тотъ же Нѣмецъ!) долгое время впивалъ въ себя чужеземные элементы. Все, что было цѣннаго во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, впиталось въ

него; всѣ эти богатства вѣковъ онъ сохранилъ въ себѣ, ничего не растративъ. Каждый народъ имѣетъ свой предопредѣленный часъ въ исторіи; Нѣмцы же пожнутъ жатву всѣхъ временъ.

Ну что: какъ вамъ нравится этакое вступленьице? Подождите. Это еще только цвѣточки. Дальше начинается уже совершенное безстыдство.

Германія, въ культурномъ отношеніи, есть средоточіе Европы. Она была посредникомъ между западомъ и востокомъ, между сѣверомъ и югомъ. Эту роль, уготованную ей природой, она исполняетъ и въ настоящее время, въ области личныхъ и экономическихъ отношеній, съ интенсивностью, постоянно возрастающей... Поэтому служить германизму значитъ служить человѣчеству. Ибо германская культура есть культура всего человѣчества.

Итакъ, германская культура есть культура всего человѣчества. Это надо понимать буквально: у каждаго народа есть что-нибудь хорошее, и это хорошее уже впитано въ себя, отъ каждой націи, германизмомъ. Германская культура есть, такъ сказать, окончательный букетъ, который сложенъ былъ изъ цвѣточковъ, отдѣльныхъ скромныхъ гвоздичекъ, принесенныхъ каждымъ нетевтонскимъ государствомъ. Насколько букетъ лучше отдѣльнаго растеньица, настолько германская культура выше того, что выработали другіе народы. Въ этомъ именно смыслѣ германизмъ и даетъ міру *культуру человѣчества*, т.-е. такое законченное, совершенное цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части не могутъ идти ни въ какое сравненіе.

Разъ германскій народъ въ неизмѣримомъ количествѣ воспринялъ духовныя блага всѣхъ остальныхъ націй,—то совершенно естественно, что онъ долженъ былъ превратиться въ государство, экспортирующее образованность; со времени Эллады ни одна другая нація не находилась и не находится въ такомъ привилегированномъ положеніи. Экспортъ образованности изъ Германіи прежде всего шелъ на востокъ... Жители всѣхъ обширныхъ пространствъ, лежащихъ къ востоку отъ Германіи, пріобщены были къ европейской культурѣ исключительно черезъ посредство нѣмецкой образованости. На всемъ протяженіи XVII, XVIII и XIX вѣковъ цѣлыя толпы военныхъ, государственныхъ дѣятелей, техниковъ, ремесленниковъ, ученыхъ, учителей и воспитателей выселялись на востокъ и клали своимъ трудомъ основаніе для развитія нѣмецкой науки, нѣмецкаго образованія и нѣ-

мецкихъ искусствъ. Благодаря этому на востокѣ—какъ бы тамъ ни презирали нѣмецкій языкъ—языкъ этотъ является единственнымъ (unentbehrlich) средствомъ для серьезнаго умственнаго оборота.

Надо полагать, что къ востоку отъ благословенной Германской имперіи лежитъ *Русское* государство. Значитъ, по мнѣнію проф. Паульсена, опубликованному имъ въ 1904 году, въ Россійской имперіи единственнымъ средствомъ для культурнаго обихода, сколько-нибудь превышающаго обыденщину нашей несчастной варварской жизни,—является нѣмецкій языкъ!.. Безъ нѣмецкаго языка мы, вообще, не могли бы выразить ни одной изъ тѣхъ возвышенныхъ идей, которыми гордятся право, философія и религія въ началѣ XX вѣка. Ибо только нѣмецкій языкъ можетъ выразить все: самое глубокое, самое поверхностное, духовное, душевное: именно поэтому нѣмецкій языкъ будетъ владѣть міромъ.

Благодаря этому невѣроятному превосходству нѣмецкаго языка надъ всѣми остальными діалектами земного шара, стоитъ особенно высоко и нѣмецкая наука. Такъ высоко стоитъ, что ни одна наука другого государства не можетъ имѣть иного значенія, кромѣ служебнаго.

Языки и литературы всѣхъ народовъ въ такой мѣрѣ изслѣдованы Нѣмцами, что изученіе этихъ языковъ и литературъ, даже въ ихъ родныхъ государствахъ, представляется лишь слабымъ отраженіемъ германской науки. Исторія всѣхъ народовъ въ такой мѣрѣ изучена Нѣмцами, что сами эти народы признаютъ нѣмецкія изслѣдованія—образцами недосягаемаго.

...Фу! противно выписывать! Ей Богу противно писать своимъ перомъ фразы, полныя подобной наглости! И повторяю: ихъ писалъ не сумашедшій, одержимый маніей величія, и не невѣдомый, начинающій пангерманистъ, старающійся выслужиться передъ начальствомъ особо подчеркнутыми преувеличеніями; ихъ писалъ проф. Фридрихъ Паульсенъ, т.-е. человѣкъ съ законченнымъ міросозерцаніемъ и совершенно независимымъ положеніемъ.

Вдумайтесь въ эти самовосхваленія, стоящія на той границѣ, гдѣ кончается нахальство и гдѣ начинается что-то другое, для славянской психики совершенно непонятное. Представьте себѣ, что цитированныя фразы изображаютъ собой міросозерцаніе мирнаго кабинетнаго ученаго. Если вы представите себѣ это,—то вамъ, какъ вспышкой молніи, вдругъ освѣтятся тайники

прусскихъ лейтенантскихъ душъ: вы поймете, въ какія ужасающія формы могутъ переродиться теоріи, проповѣдуемыя проф. Паульсеномъ,—въ убогомъ мозгу юнкера, пресмыкавшагося до войны въ тинѣ „маленькаго гарнизона" и получившаго послѣ войны, внезапно, право жизни и смерти надъ всѣми нетевтонами.

Недавно нѣмецкая газета „Petersburger Zeitung", по поводу той кампаніи, которую я стараюсь вести съ германизмомъ, напечатала: „пусть проф. Пиленку будетъ стыдно".

Клянусь всѣмъ, что есть у меня святого, что мнѣ не стыдно. Моя славянская душа—самоуничиженію и каждой скромности самооцѣнки открытая—стыдится только по поводу того, что въ Европѣ есть народъ, могущій произвести на свѣтъ проф. Паульсена и его воззваніе. Когда я борюсь съ національной наглостью и со всѣмъ тѣмъ, что эта наглость можетъ породить—мнѣ не стыдно.

Нѣтъ, мнѣ не стыдно исполнять мой долгъ.

(Нов. Вр., Ал. Пиленко).

Закрытіе школъ „Дейчеръ-Ферейна". Распоряженіе о закрытіи школъ „Дейчеръ-Ферейна" повидимому предусматриваетъ лишь тѣ изъ нихъ, содержателемъ которыхъ является названное общество. Такимъ образомъ въ Эстляндской губерніи, напримѣръ, подлежатъ закрытію лишь двѣ школы, въ утвержденныхъ уставахъ которыхъ значится, что онѣ содержатся эстляндскимъ нѣмецкимъ школьнымъ обществомъ. Это—ревельскія: женское училище I разряда (т. наз. Генріэттинское) и мужское II разряда (Ганзейское).

Но кромѣ указанныхъ школъ какъ въ Ревелѣ, такъ и въ уѣздахъ, находятся еще 10 нѣмецкихъ училищъ, по своему строю, духу и направленію совершенно тожественныхъ съ ферейнскими школами, являющихся тѣми же разсадниками германизма и государственной отчужденности и всемѣрно стремящихся привлекать въ свои стѣны учащихся не-нѣмецкаго происхожденія.

Школы эти находятся подъ особымъ попеченіемъ ферейна, ставящаго своею цѣлью, какъ видно изъ ежегодныхъ календарей-отчетовъ общества, поддерживать ихъ интересы и направлять ихъ дѣятельность.

Заботливый ферейнъ широко субсидируетъ упомянутыя школы, формально содержимыя церковными попечительствами или частными лицами. Пособія, выдаваемыя ферейномъ этимъ

школамъ, есть главнѣйшій источникъ ихъ существованія; такъ, напр., незначительная третьеразрядная школа г-жи Гофманъ въ гор. Гапсалѣ въ истекшемъ году, при 605 р. сбора за ученье, получила въ пособіе—500 р. отъ эстляндскаго школьнаго общества и 1,275 р. отъ его гапсальскаго отдѣленія, помѣщаясь при этомъ въ принадлежащемъ ферейну домѣ. Вейсенштейнское училище, содержимое подъ флагомъ попечительства церкви Св. Креста, занимая спеціально выстроенное обществомъ помѣщеніе, получаетъ субсидію 4,500 р. въ годъ. Ревельское училище III разряда, по уставу содержимое конвентомъ церкви Св. Николая, занимаетъ принадлежащій обществу домъ и получаетъ субсидію 3,200 рублей. Остальныя училища субсидируются ферейномъ суммами отъ 300 до 2,300 рублей ежегодно.

Всѣ эти школы, въ уставахъ которыхъ не значится содержателемъ дейчеръ-ферейнъ, по точному смыслу распоряженія какъ бы не подлежатъ закрытію; между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ онѣ по существу своему школы ферейнскія.

Мы убѣждены, что въ распоряженіи, касающемся закрытія школъ дейчеръ-ферейна, заключается недомолвка, что подъ именемъ содержимыхъ ферейномъ школъ поразумѣваются и школы, имъ субсидируемыя, и что въ этомъ направленіи въ скорѣйшемъ времени послѣдуетъ соотвѣтственное разъясненіе.

Нельзя мириться съ существованіемъ на прибалтійской окраинѣ, обильно политой кровью и усѣянной костьми доблестныхъ сыновъ нашей великой родины, сѣти этихъ германскихъ загражденій, сооружаемой столь упорно и предусмотрительно, и ощущительно затрудняющей въ краѣ дѣло государственнаго строительства.

Равнымъ образомъ, было бы вполнѣ послѣдовательно и своевременно закрытіе и сословныхъ нѣмецкихъ учебныхъ заведеній въ краѣ. Существованіе всѣхъ этихъ разсадниковъ государственной очужденности, является недопустимымъ послабленіемъ воинствующему германизму и рѣзко противорѣчитъ задачамъ русской государственности на прибалтійской окраинѣ.

(Нов. Вр. 30 Авг.).

Ревельскія впечатлѣнія. Достаточно хоть на день окунуться въ жизнь сѣдого Ревеля, чтобы развести руками въ полномъ изумленіи передъ царящими тамъ порядками и настроеніемъ.

Особенно странно то, что все это никого не удивляетъ, точно

такъ и должно быть—эти вывѣски, бесѣды и тупое безразличное къ общему дѣлу настроеніе, нависшее надъ Ревелемъ.

Однако вотъ нѣсколько исторій, показывающихъ, что безразличіе это иногда прорывается, что въ нѣмецко-балтійской тинѣ иногда тяжело шевелится мысль и проявляется иниціатива...

Примѣры, конечно, пустячные, не стоящіе вниманія... Кому интересно, что популярный учитель нѣмецкаго языка въ правительственной гимназіи начинаетъ издѣваться надъ русскими учениками, бранится и толкается? Когда этого патріота къ счастью убрали, велико было удивленіе и возмущеніе нѣмецкихъ круговъ... Или напримѣръ взрослый ученикъ домонстративно не снимаетъ шапки передъ Царскимъ портретомъ. Русскіе товарищи возмущены, но опять на сцену выходитъ удивленіе нѣмцевъ. Что же въ этомъ такого? и проч. и проч. Такихъ примѣровъ сколько угодно.

Рыцарско-нѣмецкое учебное заведеніе домъ-шулле продолжаетъ преспокойно развивать германскую культуру. Единственная уступка русскому мнѣнію, что заставили учениковъ снять прусскія шапочки. И только.

Знаменитый „дейчеръ-ферейнъ", какъ извѣстно, закрытъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ и школы, имъ содержимыя. Еще 14 сентября „Новое Время" сообщало, что губернаторомъ Коростовцемъ закрыты и школы, нѣмецкимъ обществомъ субсидируемыя.

Ничуть не бывало. Конечно, субсидіи эти школы уже не получаютъ, но свою „плодотворную дѣятельность" въ прежнемъ направленіи продолжаютъ. Напримѣръ: школы конвента церкви св. Николая, конвента церкви св. Олая, г-жи Панграцъ и др. въ Ревелѣ, училище г-жи Чернай въ Везенбергѣ, училище попечительства церкви св. Креста въ Вейсенштейнѣ, училище г-жи Гофманъ въ Гапсалѣ и рядъ школъ въ различныхъ мѣстахъ въ Эстляндіи. Кажется, это обстоятельство не нуждается въ поясненіи.

(Веч. Вр. 22 окт.).

Нѣмецкое засилье въ Прибалтійскомъ краѣ. Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія встрѣчено въ Прибалтійскомъ краѣ распоряженіе министра народнаго просвѣщенія о закрытіи, такъ называемаго, нѣмецкаго „шульферейна" и содержимыхъ имъ учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія, служившихъ разсадникомъ пангерманизма въ Россіи. Въ какомъ непріязнен-

номъ русской государственности направленіи велись въ этихъ нѣмецкихъ школахъ преподаваніе и воспитаніе, можно судить по случаю возмутительныхъ безобразій, открытыхъ путемъ ревизіи бывшаго попечителя рижскаго (впослѣдствіи петроградскаго) учебнаго округа камергера С. М. Прутченко, извѣстной рыцарской гимназіи въ городѣ Митавѣ (Курляндской губ.), содержимой на средства дворянства Прибалтійскаго края и предназначенной для обученія дѣтей и юношей этого дворянства. Въ разсмотрѣнныхъ попечителемъ С. М. Прутченкомъ учебникахъ исторіи оказались столь демонстративно-наглыя и дерзкія, сдѣланныя учениками, выходки противоправительственнаго характера, что г. Прутченко вынужденъ былъ въ изданномъ имъ по сему поводу циркулярѣ въ самыхъ рѣзкихъ и строгихъ выраженіяхъ высказать свое неудовольствіе и порицаніе. Но въ то время нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ были въ такой силѣ, что въ русскомъ обществѣ стали говорить, что это даромъ не пройдетъ г. Прутченку. Вспоминали при этомъ, какъ всесильные нѣмцы заставили уйти изъ Прибалтійскаго края другого русскаго дѣятеля, положившаго всѣ свои силы и здоровье для пользы русскаго дѣла, извѣстнаго борца съ нѣмецкимъ засильемъ,—бывшаго ректора Юрьевскаго университета—А. С. Будиловича. Дай Богъ, чтобы распоряженіе министра народнаго просвѣщенія относительно школъ съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія, въ которыхъ къ сожалѣнію обучаются и дѣти многихъ русскихъ родителей, было проведено въ дѣйствіе безъ всякихъ послабленій!

Городское управленіе въ Прибалтійскомъ краѣ въ рукахъ нѣмцевъ: большинство гласныхъ городской думы составляютъ, за рѣдкими исключеніями, нѣмцы; а русскіе люди почти совершенно устранены отъ участія въ городскихъ дѣлахъ. Русскіе жители города Риги не имѣютъ до сихъ поръ своего представителя въ Г. Думѣ, хотя не разъ объ этомъ ходатайствовали.

(Нов. Вр.).

Центральныя власти предписываютъ, закрывать учрежденія „дейчеръ-ферейна“, систематически и открыто занимавшагося германизаціей населенія, а здѣшніе Нѣмцы преспокойно, по прежнему продолжаютъ налаженное дѣло. Такъ, по агентскимъ телеграммамъ и по газетнымъ кореспонденціямъ, нѣмецкій „ферейнъ“ какъ будто и закрытъ, между тѣмъ въ дѣйствительности, онъ сдѣлался только тайнымъ, иначе врядъ ли стали бы собираться

на засѣданія, какъ было на этихъ дняхъ, члены юрьевскаго отдѣленія этого „ферейна" или разсылать по прежнему безъ всякаго стѣсненія и теперь по почтѣ печатные конверты за номерами и бланки съ эмблемами ферейна своимъ сочленамъ съ разными извѣщеніями.

Недавно выстроенный на средства „дейчеръ-ферейна" въ Юрьевѣ домъ, теперь записанъ до поры до времени на имя его предсѣдателя Тидебеля.

Насколько извѣстно, мѣстныя власти не поинтересовались даже, повидимому, узнать, кто состоялъ членами этого ферейна. Оказывается, что этому ферейну принадлежали помимо представителей различныхъ слоевъ мѣстнаго нѣмецкаго общества еще немало лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, какъ, напримѣръ, профессора Юрьевскаго университета, изъ оставленныхъ на сверхсрочной русской службѣ и въ то же время награжденныхъ Вильгельмомъ за какія-то невѣдомыя заслуги прусскими орденами Короны разныхъ степеней, а германскими университетами—почетными докторами безъ ученыхъ заслугъ.

(Нов. Вр. 24 Сент.).

Къ пріѣзду депутаціи изъ Прибалтійскаго края. Въ Петроградъ пріѣхала депутація отъ прибалтійскихъ бароновъ. Одной изъ задачъ этой депутаціи является возстановленіе закрытаго шульферейна, просвѣтительнаго отдѣла при дейчеръ-ферейнѣ.

Вредъ этого союза призналo и правительство, закрывъ его въ самомъ началѣ войны. На дняхъ, подробно просматривая календари дейчеръ-ферейна съ перваго выпуска за 1907 г. вплоть до 1914 г., мы сдѣлали необычайное открытіе, послѣ котораго существованіе этого пресловутаго союза въ Россіи окончено на всѣ времена.

Передъ нами первый выпускъ календаря дейчеръ-ферейна за 1907 г., изданный въ гор. Ригѣ (книгоизд. Іонкъ-Поліевскій). Послѣ обыкновенныхъ календарныхъ вступленій начинается глава: „Die Europäischen Fürstenhäuser"; вся глава посвящена подробному перечисленію царствующаго дома императора Вильгельма и всѣхъ королей, герцоговъ и принцевъ съ ихъ многочисленными семьями изъ мелкихъ германскихъ владѣній. Подробно перечислены дни ихъ рожденій и именинъ. Въ отдѣлѣ главныхъ историческихъ событій за каждый мѣсяцъ упомянуты всѣ германскія

побѣды, всѣ памятныя событія германской исторіи, рожденіе германскихъ полководцевъ, поэтовъ и художниковъ.

Но гдѣ же Россійскій царствующій домъ? Внизу маленькая рубрика въ 16 строчекъ: „Ausserdeutsche Staaten". Между прочими державами одна краткая скромная строчка:

Russland: Kaiser Nicolaus II, geb. 19 Mai 1868.

Указано даже по новому стилю. За весь 1907 годъ упомянуты только три событія русской исторіи: Ляоянъ, Цусима и паденіе Портъ-Артура.

(Нов. Вр. 3 Ноября, А. Тупинъ).

„Рыцарское гнѣздо". Исторія съ „Эстляндскимъ рыцарскимъ домскимъ училищемъ" не представляла бы особеннаго интереса. Мало ли по Россіи раскидано подобныхъ нѣмецкихъ гнѣздъ! Притаившись въ тѣни, они безшумно дѣлаютъ свою работу „мирной колонизаціи"...

Но разъ предводитель эстляндскаго баронства баронъ Делингсгаузенъ не согласился съ замѣткой „Вечерняго Времени" о томъ, что умѣстно и тактично было бы хоть теперь, во время войны, выгнать изъ „рыцарскихъ училищъ" нѣмецкій языкъ преподаванія, и прислалъ „опроверженіе", то необходимо обратить на подобныя училища вниманіе болѣе широкихъ круговъ общества.

Почтенный баронъ, къ счастью, не пытался утверждать, что училище это блещетъ русскимъ направленіемъ и чуждо германофильской тенденціи. Но и въ тѣхъ данныхъ, которыя онъ привелъ, стараясь доказать, что „въ учебномъ персоналѣ не всѣ Нѣмцы", и что хоть въ старшихъ классахъ ученики слышатъ русскую рѣчь, содержатся не только неточности, но и ясныя недомолвки.

Можемъ довести до свѣдѣнія барона Делингсгаузена списокъ преподавателей ревельскаго рыцарскаго училища.

Директоръ-пасторъ баронъ Штромбергъ, инспекторъ—г. Блесфельдъ, затѣмъ: Фридрихъ Вольдемаровичъ Кентманъ, Карлъ Федоровичъ Зейвангъ, Альфредъ Карловичъ Юкумъ, Эрнестъ Вильгельмовичъ Петерсенъ, Конрадъ Антоновичъ Зандкюллеръ, Отто Людвиговичъ Черне, гг. Эгерсъ, Тюрнпу, Шнерингъ, Марія Іогановна фонъ-Хузенъ, Магда Лютеръ, Берта Шнерингъ, Элленъ Кентманъ, Марта Трейеръ, Елизавета фонъ-Курсель, Эльфрида Веберъ и врачъ Эрвинъ Германовичъ Томсонъ.

Пять человѣкъ русскихъ преподавателей, о которыхъ пи-

шетъ баронъ, преподаютъ православный законъ Божій, который неудобно было поручить лютеранину, русскій языкъ, который только по особому счастью избѣгъ участи французскаго, порученнаго „Французу“ г. Конраду Зандкюллеру, и математику въ старшихъ классахъ, чтобы подучить выпускныхъ учениковъ русскимъ математическимъ терминамъ.

Впрочемъ, приглашеніе русскихъ учителей—уступка, скрѣпя сердце, духу времени, такъ какъ по уставу требуется производство выпускныхъ экзаменовъ на русскомъ языкѣ“.

„Домшульцы“, какъ ихъ зовутъ въ Ревелѣ, съ малыхъ лѣтъ тренируются въ нѣмецкомъ направленіи и обучаются всѣмъ предметамъ на нѣмецкомъ языкѣ. Естественно, что къ старшимъ классамъ они по-русски фразы связать не умѣютъ и неизбѣжно садятся на экзаменахъ. Такъ бывало прежде, когда еще Нѣмцы упорствовали. Жизнь взяла свое, и для тренировки къ выпускнымъ экзаменамъ въ послѣдніе годы были приглашены преподаватели съ русскими фамиліями...

Очень мало удовольствія входить въ полемику съ русскимъ предводителемъ дворянства, не понимающимъ всей безтактности существованія теперь подобныхъ „рыцарскихъ“ гнѣздъ и притягивающимъ за волосы оправдательные аргументы.

Но пять русскихъ учителей при 18 „Вольдемаровичахъ“, „Альфредовичахъ“ и проч. еще не доказательство русскаго духа школы...

Видъ милыхъ юношей тевтонскаго типа въ прусскихъ шапочкахъ и ихъ высокомѣрно-нѣмецкія замашки также знакомы ревельскимъ жителямъ.

Можно было бы только искренно пожелать, чтобы подобныя училища были на равныхъ условіяхъ съ казенными подчинены соотвѣтствующимъ властямъ безъ всякой протекціи...

Тогда бы можетъ быть исчезли обстоятельства, оскорбляющія русское чувство на пограничной окраинѣ, и баронамъ Делингсгаузенамъ не пришлось бы опровергать.

(Веч. Вр. 9 Сент. Н. Р.).

Германскія корпораціи. Прошло уже около двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ И. Д. Деляновъ, установилъ особую *форменную* одежду для студентовъ рижскаго политехническаго училища („Политехникумъ“).

Такое распоряженіе министра было несочувственно принято начальствомъ и преподавателями училища, избранными совѣтомъ онаго, состоящимъ изъ преподавателей нѣмецкихъ сословій (дворянства, гильдіи и бюргеровъ); недовольно было также и большинство студентовъ училища, у которыхъ съ введеніемъ *русской* формы схожей съ формою другихъ техническихъ институтовъ во внутренней Россіи, очевидно, прекращалось право ношенія разноцвѣтныхъ шапокъ и лентъ нѣмецкаго образца. Между тѣмъ этимъ шапкамъ и лентамъ (Farben) они придавали значеніе особаго отличія, присваиваемаго лишь однимъ студентамъ-корпорантамъ и притомъ заслуженнымъ (Boomste-Häupter и Brandfüchse), т.-е. тѣмъ изъ нихъ, которые уже достаточно были онѣмечены въ корпораціяхъ и опытны въ устройствѣ скандаловъ, въ попойкахъ и буйствахъ, въ такъ называемыхъ „комершахъ" и вообще въ подражаніи безобразіямъ германскихъ студентовъ.

Пріобрѣсти право ношенія „корпораціонныхъ цвѣтовъ" (т. е. шапокъ и лентъ), какъ особой чести, естественно стремились всѣ поступавшіе въ политехническое училище молодые люди; но достигнуть этой цѣли могли лишь студенты, вступившіе въ одну изъ корпорацій, принятіе въ которую допускалось не иначе, какъ при условіи не только „клятвы" въ вѣрности Германіи, но даже обязанности слѣдовать германскимъ нравамъ. (Die deutschen Sitten aufrecht zu erhalten).

Иначе говоря, вступающему студенту предлагалась одна изъ двухъ альтернативъ: или онѣмечивайся, весело проводя время въ безобразіяхъ и пьянствѣ, но зато будешь въ „чести" у другихъ студентовъ,—или оставайся скромнымъ студентомъ, но ужъ на достойное положеніе среди нихъ не претендуй.

Понятно, что для устраненія русской форменной одежды, столь явно затрагивающей нѣмецкіе интересы, были тотчасъ же возбуждены самыя энергическія ходатайства, чтобы вынудить почтеннаго гр. Делянова на всевозможныя уступки и исключенія. Дружныя усилія Нѣмцевъ достигли своей цѣли и престарѣлый министръ хотя и не отмѣнилъ формы, но согласился допустить изъятіе изъ нея всѣхъ корпорантовъ, т.-е. сдѣлалъ какъ разъ то, что только и было нужно Нѣмцамъ.

Допущенное исключеніе повело къ слѣдующему положенію: всѣ студенты мѣстныхъ дворянъ и городскихъ сословій (бюргеровъ) поступили, разумѣется, въ различныя корпораціи, а потому, какъ корпоранты, отъ ношенія „русской" форменной одежды были осво-

бождены и стали сначала носить статскую одежду съ особыми не цвѣтными шапочками, установленными для неопытныхъ, молодыхъ корпорантовъ, именуемыхъ фуксами (Füchse), а затѣмъ при условіи заслугъ, о которыхъ говорено выше, „корпораціонные цвѣта", т.-е. нѣмецкія цвѣтныя шапки и ленты. Ношеніе же установленной правительственной властью форменной одежды оказалось распространеннымъ лишь на студентовъ, такъ сказать второго, низшаго, сорта, т.-е. Русскихъ и вообще не Нѣмцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самая форма стала признакомъ чего-то если не позорнаго, то во всякомъ случаѣ не заслуживающаго уваженія среди студентовъ и професоровъ; корпораціонныя же шапки и ленты свидѣтельствовали еще съ большею противъ прежняго силою о принадлежности носившихъ ихъ лицъ къ высшему слою студенчества.

Оставленіе такого положенія едва ли возможно въ настоящее время. Оно не только оскорбительно для русскаго національнаго чувства, но и крайне вредно вліяетъ на молодыхъ людей изъ не-Нѣмцевъ, побуждая и соблазняя ихъ путемъ „отличій" измѣнить свое направленіе въ интересахъ германизаціи. Въ сущности, корпораціи съ ихъ „цвѣтами" достигаютъ тѣхъ же цѣлей, что и недавно закрытые „Schul-Verein'ы", вредъ которыхъ уже признанъ министромъ народнаго просвѣщенія. Послѣдовательно было бы закрыть и корпораціи съ отмѣною права ношенія нѣмецкихъ шапокъ и лентъ, какъ это уже давно сдѣлано въ Юрьевскомъ университетѣ. Принятіе такихъ мѣръ не слѣдовало бы откладывать. Прежде всего необходимо отмѣнить корпораціонныя шапки и ленты и, запретивъ ихъ ношеніе, распространить общую форму на всѣхъ студентовъ, а затѣмъ ликвидировать и самыя корпораціи.

(Нов. Вр.).

„Сдвиги". Въ „Berliner Tageblatt" (№ 527) рижскій кореспондентъ сообщаетъ между прочимъ слѣдующія, не лишенныя для насъ интереса свѣдѣнія: „Имперско-германскій ферейнъ въ Ригѣ поступилъ умно и самъ себя упразднилъ, чтобы такимъ образомъ спасти свой капиталъ, который и переданъ съ надлежащими указаніями американскому консулу... Существуютъ опасенія, что въ одинъ прекрасный день имущество германскихъ и австрійскихъ подданныхъ будетъ конфисковано, поэтому заблаговременно уже совершаются многочисленные имущественные „сдвиги" (Geschäftsverschiebungen).

Любопытно, что по поводу этихъ „сдвиговъ", совершающихся на его глазахъ и лишающихъ русскую казну немалыхъ доходовъ, скажетъ въ своемъ очередномъ опроверженіи г. лифляндскій губенаторъ? Вѣдь на этотъ разъ придется опровергать не русскую, а германскую газету.

(Веч. Вр. 28 Окт.).

Адельсфербандъ. У насъ Нѣмцы, подражая кайзеру Вильгельму, основали здѣсь свой дѣйствующій второй годъ Адельсфербандъ, назначенный для поддержки територіальныхъ владѣній въ нѣмецкихъ рукахъ въ здѣшнихъ губерніяхъ, въ Прибалтійскомъ краѣ. На подобіе того, что кайзеръ дѣлалъ въ Познани, гдѣ онъ основалъ капиталистическое общество для скупки имѣній у Поляковъ для перепродажи ихъ Нѣмцамъ, здѣшніе помѣщики основали свое общество для того, чтобы они не смѣли продавать своихъ латифундій лицамъ иной національности и, если кто изъ нихъ находится въ такой нуждѣ, что не можетъ держать своего имѣнія въ виду задолженности такового, то долженъ былъ искать покупщиковъ изъ Нѣмцевъ или въ худшемъ случаѣ продать имѣніе Адельсфербанду. Этотъ фербандъ скупилъ уже много имѣній, перепродалъ таковыя Нѣмцамъ и такимъ образомъ поддерживаетъ несостоятельное нѣмецкое землевладѣніе въ здѣшнемъ краѣ. Помѣщики постановили исключать всякаго ослушника, кто осмѣлится продать свое имѣніе не Нѣмцу, изъ своей среды и перестаютъ подавать руки такимъ Нѣмцамъ. Такого рода угрозами добиваются существованія этого противозаконнаго Адельфербанда.

(Нов. Вр. 29-го Сент.).

Уѣхавшій въ Петроградъ попечитель рижскаго округа Щербаковъ привезъ министру народнаго просвѣщенія подробную записку о положеніи школьнаго дѣла въ краѣ. Попечитель рѣшительно высказывается противъ возстановленія учебныхъ заведеній „Дейчъ-ферейна". Въ запискѣ изложена подробная программа національной школьной политики въ краѣ.

(Нов. Вр.).

Любопытный документъ. Намъ доставленъ любопытный документъ. На конвертѣ по-русски: „Въ городское училище. Балтійскій портъ. № 5000. Отъ Канцеляріи Эстляндскаго дворянства". А самая бумага „Zirkular" сплошь на нѣмецкомъ языкѣ, начиная

съ бланковаго штемпеля и кончая подписями: „Vice-Präses“ и „Geschäftsführer.

Бумага исходитъ отъ „Landes-Telephon-Amt“, т.-е. телефонной организаціи эстляндскаго дворянства и изъ того, что она „циркулярная“, можно видѣть, что эстляндское дворянство не чинится съ своими абонентами, хотя бы они были и государственными учрежденіями.

До какихъ же поръ будетъ терпимъ этотъ бойкотъ государственнаго языка?

(Нов. Время).

Домогательства лифляндскаго дворянства. Какъ мы слышали, лифляндскій губернскій предводитель дворянства бар. Пилларъ фонъ-Пильхау возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи образовать частные нѣмецкіе кружки для обученія дѣтей изъ закрытыхъ нынѣ школъ Deutscher Verein'a. Не удовольствовавшись отказомъ попечителя рижскаго округа, бар. Пилларъ пріѣзжалъ въ Петроградъ, но и здѣсь, по понятнымъ причинамъ, встрѣтилъ самый рѣшительный отказъ со стороны министра народнаго просвѣщенія.

(Нов. Время).

Школы Дейчеръ-Ферейна закрыты, но, какъ видно изъ слѣдующаго сообщенія „Рижскаго Вѣстн.“, содержимыя прибалтійскимъ дворянствомъ нѣмецкія среднія учебныя заведенія возобновили свои занятія на нѣмецкомъ языкѣ. О замѣнѣ нѣмецкаго языка русскимъ не слышно. На вопросъ нашего сотрудника, не послѣдуютъ ли нѣмецкія дворянскія гимназіи примѣру петроградскихъ нѣмецкихъ училищъ, получился отъ „компетентнаго“ лица, близко стоящаго къ нѣмецкимъ школамъ, такой отвѣтъ: „Sint ut sunt, aut non sint!“.

(Новое Время).

Новое названіе, старый уставъ. По сообщенію „Lib Zeit.“, курляндское нѣмецкое женское общество („Deutscher Frauenbund in Kurland“) переименовано въ „Курляндское Александровское женское общество, взаимопомощи!! Уставъ общества, за исключеніемъ статьи, трактующей о названіи общества, остается безъ измѣненій. („Рев. Изв.“).

Прибалтiйская политика.

Въ Рижскомъ краѣ. Вездѣ и повсюду въ канцеляріяхъ и управленіяхъ Рижскаго края царствующій нѣмецкій языкъ прямо озадачиваетъ.

Въ моихъ глазахъ нѣмецкій языкъ и нѣмецкая фамилія конечно еще не дѣлаютъ человѣка Нѣмцемъ, какъ русскій языкъ не дѣлаетъ русскимъ, однако, есть мѣра всему. Бываешь въ здѣшнихъ комисіяхъ, канцеляріяхъ, въ пріемныхъ ихъ слышишь объясненія съ публикой – общій государственный языкъ здѣсь нѣмецкій. Русскаго не слышно, а между тѣмъ Нѣмцевъ на весь Прибалтійскій край всего сотня тысячъ, а всю массу населенія составляютъ Латыши, Русскіе, Литовцы и др.! Какъ же сталось то, что сотня тысячъ людей навязала милліонамъ ихъ свой языкъ и главное —держится это даже и до сихъ поръ?!.

— Но какой вредъ отъ этого?—скажутъ.

Но спросите мѣстное населеніе — есть ли отъ этого вредъ общему развитію и порядкамъ въ краѣ, и оно скажетъ:

— Нѣмецкимъ языкомъ край теперь обособленъ, приглушенъ и въ тысячахъ мелочей высасывается въ пользу германизма. Здѣсь каждый Нѣмецъ имѣетъ въ своемъ языкѣ привилегію на начальническія мѣста, на лучшіе оклады, на лучшее обращеніе съ собою, чѣмъ можетъ разсчитывать Латышъ или Русскій.

Недавно съ этимъ здѣсь мирились, подчиняясь привычкѣ, но теперь несообразность этого ясна всѣмъ, однако взявшіе верхъ балты не умѣютъ остановиться даже и въ эти времена общей войны всѣхъ Славянъ противъ Нѣмцевъ.

Для Латышей эта война патріотическая, истинно національная. Они понимаютъ, что съ побѣдой Нѣмцевъ они будутъ обращены въ рабочій скотъ побѣдителей, а побѣда Русскихъ освободитъ ихъ навсегда отъ гнета нѣметчины надъ ними!

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курляндской губерніи мобилизація фактически совершилась даже нѣсколькими часами ранѣе ея объявленія: призывные собрались по одному только слуху о ней.

Реквизиціонныя комисіи работали безупречно, что касается

самого населенія: лошади, скотъ, припасы, все предъявлялось точно и открыто, хотя годъ тяжелый—весна была два мѣсяца безъ дождя.

И вездѣ—въ здѣшнихъ временныхъ комисіяхъ, которыя забирали людей и оцѣнивали припасы, лошадей и скотъ для войны съ Нѣмцами, вездѣ со стороны штатской невоенной части начальства объясненія спрашивались и давались, спрашиваются и даются до сихъ поръ—на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ одной курляндской комисіи Латышъ-крестьянинъ даже спросилъ:

— Да, скажите, для какой арміи берутъ моихъ лошадей—русской или прусской?

Слишкомъ понятно, что, когда населеніе отдаетъ дѣтей своихъ на войну съ Нѣмцами, то вѣдь дѣтей своихъ оно отдаетъ и больно оскорбляется самой тѣнью подозрѣнія, что жизнь ихъ можетъ быть потеряна безъ полной пользы отчизнѣ.

Очень часто властвующій нѣмецкій языкъ сопровождается пренебрежительной грубостью. Въ комисіи выдачи пособій семьямъ запасныхъ женщины, жены и дочери русскихъ солдатъ слышатъ слова, которыя тотъ же служащій не позволитъ себѣ по отношенію къ женщинѣ, обратившейся къ нему на нѣмецкомъ языкѣ. Все это прискорбные факты административной неспособности гг. балтовъ. Они дѣйствуютъ только палкой—а палка не управленіе для сколько-нибудь культурнаго населенія. Мѣстное же населеніе очень культурное: два милліона Латышей имѣютъ газеты, съ тиражомъ по 50 и 70,000 экз., одинъ этотъ фактъ говоритъ достаточно.

Злоупотребленіе правомъ „сегодняшней силы" и безцеремонное пристрастіе со стороны Нѣмцевъ идутъ и въ чисто дѣловыя отношенія и условія края.

Фактически ими захваченъ былъ до сихъ поръ для себя весь государственный кредитъ въ краѣ. Учетный комитетъ при здѣшнемъ отдѣленіи Государственнаго банка—нынѣшній управляющій его только что назначенъ—состоялъ сплошь изъ Нѣмцевъ. Сколько-нибудь видныхъ Русскихъ, Латышей и др. въ немъ не было и нѣтъ ни одного, но *германскіе* подданные, и очень вліятельные, въ немъ есть!! Результатъ: нѣмецкія кредитныя учрежденія—банки, кредитныя общества и пр.—при балансѣ въ 5 мил. имѣютъ кредитъ въ Гос. банкѣ въ 500—600,000 руб., а латышскія общества, при балансѣ въ 3.500,000 руб.—всего 25,000 р.

Взаимная кредитная прочность этихъ учрежденій сказалась очень ясно во дни недавней паники при объявленіи войны Германіей: нѣмецкія общества осадили Гос. банкъ просьбами о помощи: деньги въ нихъ были разомъ выхватаны ихъ вкладчиками. Латышскія же обошлись почти исключительно своими средствами, имѣя личный авторитетъ на своихъ вкладчиковъ, успокаивая ихъ и убѣждая каждаго брать наличныхъ денегъ дѣйствительно минимумъ, ему нужный.

И все-таки почти весь кредитъ, который давалъ на Ригу Государственный банкъ, шелъ до сихъ поръ на нѣмецкія предпріятія!!

(Нов. Вр. А. Суворинъ).

Въ Прибалтикѣ. Я говорилъ съ мѣстнымъ виднымъ администраторомъ о томъ, что напр. въ Курляндской губ. всѣ чины, соотвѣтствующіе земскимъ начальникамъ, исправникамъ и приставамъ русскихъ губерній—поголовно Нѣмцы. Онъ возразилъ:

— Это, конечно, вѣрно, что въ здѣшнемъ управленіи множество Нѣмцевъ. Самъ я считаю это недостаткомъ и въ своихъ назначеніяхъ стараюсь проводить Русскихъ. Но у Нѣмцевъ есть безспорная способность къ управленію! Они умѣютъ управлять! У нихъ есть авторитетность!..

Митаво-рижскій край, гдѣ этотъ администраторъ администрируетъ,—прямое опроверженіе этой басни о какой-то особенной способности Нѣмцевъ къ управленію.

Двѣсти лѣтъ край находится подъ управленіемъ Нѣмцевъ по довѣренности отъ Петрограда, и они такъ его приготовили къ важнѣйшей войнѣ, которую могла имѣть Россія, что крикъ „долой Нѣмцевъ!" принимается въ Ригѣ и Митавѣ за потрясеніе нѣкихъ основъ, и безшабашный буянъ высылается во внутреннія губерніи удивлять русскихъ людей, за что онъ былъ изъ Митавы высланъ?

Одновременно однако, когда въ Баускѣ докторъ Нѣмецъ на подобный же крикъ Латыша отвѣтилъ пощечиной—ему, доктору, никто, сколько знаю, не внушилъ что его поведеніе тоже безшабашное.

Это послѣ двухсотъ лѣтъ „умѣлаго" управленія! Судите сами—оправдано ли довѣріе?!

Положеніе русской и латышской печати въ краѣ вообще достойно сочувствія и вниманія.

Это очень серьезная часть нынѣшней жизни края.

Виндавская газета „Вентспилсъ Апскатсъ“ помѣстила подробное описаніе патріотической демонстраціи, бывшей 25 іюля въ Виндавѣ.

Прочтите строка за строкою эту антигосударственную статью:

„Грандіозная манифестація состоялась вчера. Уже около половины одиннадцатаго у лютеранской церкви собралась большая толпа народа. По окончаніи богослуженія въ церкви началось шествіе манифестантовъ до православной церкви; впереди шествія шли мѣстный уѣздный начальникъ и представители латышской національности, которые несли портреты нашего Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича и флаги русской, англійской и французской національностей; за ними слѣдовало безчисленное количество манифестантовъ... Въ манифестаціи участвовало большинство Латышей, затѣмъ Русскіе; Нѣмцы и Евреи только съ любопытствомъ смотрѣли на шествіе. Дойдя до сборнаго пункта, гдѣ проживаетъ воинскій начальникъ, шествіе манифестантовъ остановилось, провозгласивъ Русскому Монарху, русской арміи и флоту, какъ равно и русскимъ союзникамъ, многія лѣта и наилучшія пожеланія. Съ сочувствіемъ манифестанты поздравили собравшихся призывныхъ ратниковъ. Оттуда шествіе направилось къ англійскому консулу по Ротгофской улицѣ, провозгласили Англіи и ея войскамъ многія лѣта и пропѣли троекратно русскій гимнъ. Оттуда шествіе направилось къ городской управѣ, гдѣ у оконъ показывались нѣкоторыя кислыя нѣмецкія лица... Во время шествія по городу манифестанты безпрерывно и съ чувствомъ пѣли „Боже, Царя храни!“. Во время шествія были слышны возгласы: „Да здравствуетъ Россія, да здравствуетъ русскіе армія и флотъ!“, „Да здравствуютъ Англія и Франція, да здравствуютъ наши союзники!“ Но были и часто слышны „Долой Германію, долой Пруссію!“ „Да здравствуетъ Сербія!“ Около часу манифестанты спокойно разошлись по городу, провозгласивъ „многія лѣта мѣстному уѣздному полицейскому и воинскому начальникамъ!“

Такова была дѣйствительно крупная и одушевленная патріотическая манифестація въ захолустной Виндавѣ. Но въ ея описаніи было упомянуто о „кислыхъ нѣмецкихъ лицахъ“, и редакторъ газеты былъ арестованъ ни много, ни мало, какъ на три мѣсяца, т. е. едва ли не на всю войну! За подобную же „ошибку“ газета „Латвіа“ была закрыта на три мѣсяца, т. е. наказаны и вдругъ оставлены безъ извѣстій о войнѣ десятки тысячъ ея чита-

телей. Люди несутъ жертвы и собственными дѣтьми и имуществомъ, и лишены возможности знать о войнѣ, ибо... ибо Нѣмцы-помѣщики въ краѣ и слывутъ и сами себя желаютъ называть Нѣмцами. Чѣмъ читатели газетъ виноваты? Пусть даже редакторъ и подлежитъ скорпіонамъ, нельзя-же забывать о самихъ жителяхъ-то, какъ будто они вовсе и не существуютъ и газета имъ не нужна и не составляетъ ихъ духовной потребности, особенно въ это время.

И „кислыя нѣмецкія лица“ вовсе не составляли выдумки газеты.

Въ городской управѣ сначала отказались выдать манифестантамъ портретъ Наслѣдника, и онъ былъ выданъ лишь лично однимъ изъ членовъ управы, Якобсономъ. Городской же голова послѣ манифестаціи подтвердилъ, что портретъ выдавать не слѣдовало, назвавъ манифестацію „глупостью“ („Solche Dummheiten“). Вотъ подите, какъ уменъ виндавскій городской голова, а редакторъ все-таки попалъ подъ арестъ за „кислыя нѣмецкія физіономіи“, хотя онъ и не выдумалъ ихъ!..

Ему слѣдовало выдумать, что ихъ не было, тогда онъ не былъ бы подъ арестомъ!

Латыши говорятъ:

— Мы просимъ объ одномъ: дайте намъ русскую власть, но чтобы она была дѣйствительно русская!

Просить, чтобы краю дали общерусское земство, они не рѣшаются: помѣщики-Нѣмцы сейчасъ же пошлютъ въ Петроградъ депутацію внушать:

— Мы говорили! Вы видите, какіе они революціонеры! Это они все подъ насъ подкапываются. Вы понимаете—не можемъ же мы сидѣть въ земствѣ рядомъ съ этимъ мужичьемъ!!

И этотъ „баронскій“ гоноръ считается для Прибалтики какою-то святой традиціей. А онъ—просто зловредный и нелѣпый пережитокъ.

Конечно мѣстное хозяйство въ краѣ необходимо передать мѣстнымъ силамъ. Теперь оно ведется по причудамъ пріѣзжихъ администраторовъ и совсѣмъ неважно ведется: какъ чувствуетъ его на своей спинѣ мѣстное трудовое населеніе—вотъ примѣръ: въ Курляндской губ. въ послѣдніе годы особенно налегается на дорожную повинность и нынче весною по жалобѣ въ Петроградъ была снята съ поселка въ 18 дворовъ возложенная на него починка дорогъ, для исполненія которой эти 18 дворовъ должны

были бы сдѣлать на своихъ лошадяхъ за гравіемъ—400.000 верстъ!!
Четыреста тысячъ верстъ,—это не опечатка!

При какомъ земствѣ возможно такое мѣстное хозяйство?!

(Нов. Вр. А. Суворинъ).

Произнесенная курляндскимъ депутатомъ Я. Ю. Гольдманомъ въ истерическомъ засѣданіи Гос. Думы 26 іюля рѣчь была признана всѣми безъ исключенія какъ искреннее изліяніе глубокихъ патріотическихъ чувствъ латышскаго народа къ Великой Россіи. Рѣчь эта удостоилась шумныхъ овацій даже со стороны министровъ. Но митавскій полиціймейстеръ фонъ-Шнее призналъ эту рѣчь враждебной Нѣмцамъ и воспретилъ митавскимъ латышскимъ газетамъ воспроизвести ее даже въ передачѣ петроградскаго телеграфнаго агентства! Вотъ яркій примѣръ того, что мѣстные Нѣмцы находятъ „враждебными выходками по своему адресу“. Чтобы болѣе или менѣе безпристрастно судить объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Курляндской губерніи, надо имѣть въ виду, что изъ 10 уѣздовъ этой губерніи 7 подчинены Нѣмцамъ, занимающимъ должности уѣздныхъ начальниковъ; изъ 8 должностей старшихъ помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ 6 занимаютъ Нѣмцы; изъ 18 должностнй младшихъ помощниковъ—15 занимаютъ Нѣмцы; изъ 10 должностей комисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ—7 занимаютъ Нѣмцы; предводители дворянства всѣ безъ исключенія Нѣмцы; въ губернскомъ правленіи, въ канцеляріи губернатора, въ воинскихъ присутствіяхъ и въ разнаго рода пріемныхъ и реквизиціонныхъ комисіяхъ—всюду слышится только нѣмецкая рѣчь, такъ какъ во главѣ ихъ находятся почти исключительно Нѣмцы. И послѣдствія такого положенія, и самые тяжелыя, сказываются чуть ли не ежедневно: за простое констатированіе въ статьѣ, дышащей глубокимъ патріотизмомъ, голаго, безусловно достовѣрнаго факта, что Нѣмцы относятся враждебно къ патріотическимъ манифестаціямъ, курляндскій губернаторъ закрылъ на все время войны либавскую русскую газету „Голосъ Либавы“, все время печатавшую горячія патріотическія статьи и поддерживавшую въ мѣстномъ населеніи высокій духъ патріотизма, столь необходимый въ эту тяжкую годину ниспосланныхъ намъ испытаній, а редактора газеты Теклю Ивановну Люби посадилъ въ тюрьму на три мѣсяца. Либавская латышская газета „Leepajas Atbalss“ закрыта только потому, что издавалась тѣми же кругами, которыми издавался „Голосъ Либавы“. Въ Виндавѣ за-

крыта клерикально-консервативная газета „Wentspils Apskats“ и редакторъ ея В. Грубе арестованъ на три мѣсяца только за то, что въ описаніи состоявшейся въ Виндавѣ патріотической манифестаціи было констатировано, что участвовали въ манифестаціи только Латыши и Русскіе, „а Нѣмцы и Евреи только съ любопытствомъ смотрѣли на шествіе“. Въ Митавѣ закрыта латышская газета „Tehwija“, въ теченіе многолѣтняго своего существованія не подвергавшаяся ни одной карѣ. Нѣмецкая же печать, систематически замалчивающая все то, что говоритъ противъ Нѣмцевъ, и подвергающая сомнѣнію сообщенія о нашихъ и нашихъ созниковъ побѣдахъ и о чинимыхъ Нѣмцами звѣрствахъ и варварствахъ—эта печать у насъ чувствуетъ себя совершенно, какъ въ Пруссіи.

Здѣшніе Нѣмцы считаютъ высокой для себя честью украшать свою грудь прусскимъ рыцарскимъ орденомъ іоанитовъ, даже теперь, послѣ того, какъ *германскій кайзеръ* Вильгельмъ публично оскорбилъ знаки отличія союзной намъ Англіи. Изъ такихъ почетныхъ прусскихъ рыцарей можно назвать предводителя дворянства Газенпотскаго уѣзда почетнаго мирового судьи газенпотъ-гробинскаго судебно-мирового округа, предсѣдателя газенпотскаго по воинской повинности присутствія, владѣльца крупнаго имѣнія Кацдангенъ, сплошь заселеннаго нѣмецкими колонистами, барона фонъ-Мантейфеля, автора извѣстнаго нѣмецкаго гимна „Die Wacht im Ost“.

Неужели же это будетъ такъ продолжаться? Когда будетъ этому конецъ?

(Нов. Вр. 23-го Авг.).

Въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Газета „Ревельскія Извѣстія“ печатаетъ, одно за другимъ, два примѣчательныхъ сообщенія. Первое гласитъ, что, по ходатайству архіепископа Іоанна, досрочно освобожденъ изъ тюрьмы приговоренный къ трехмѣсячному аресту волостной учитель Маршанъ. Второе гласитъ, что въ Виндавѣ досрочно освобожденъ, повидимому, по приказу изъ столицы, редакторъ мѣстной газеты Грубе, приговоренный губернаторомъ Набоковымъ тоже къ трехмѣсячному заключенію.

Оба указанныя лица совершили очень тяжкія преступленія: тяжкія—по мнѣнію мѣстной администраціи. Первый изъ нихъ, услыхавъ, что помощникъ уѣзднаго начальника, бар. Фитингофъ (т. е. должностное лицо) говоритъ съ начальникомъ станціи (т. е.

тоже съ должностнымъ лицомъ) по-нѣмецки, замѣтилъ: „вы хоть теперь, послѣ объявленія войны, говорили бы по-русски". Второй совершилъ еще болѣе ужасную вещь. Въ своей газетѣ онъ напечаталъ описаніе патріотической манифестаціи, причемъ упомянулъ, что при прохожденіи этой манифестаціи мимо зданія городского управленія (т. е. присутственнаго мѣста), „изъ оконъ управленія выглядывали кислыя нѣмецкія физіономіи".

Мы уже указывали, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ и, въ частности, въ Ревелѣ, дѣло обстоитъ совершенно неладно. Мѣстные административные органы, повидимому, растерялись и не сумѣли занять, по отношенію къ воинствующему германизму, той позиціи, которая могла бы быть признана и достойной, и приличествующей совершающимся событіямъ. Если заключаютъ въ тюрьму человѣка, который совершенно правильно указалъ, что государственнымъ языкомъ въ Россіи является не нѣмецкій, а русскій,—то дальше въ низкопоклонствѣ по адресу нѣмецкихъ бароновъ идти некуда.

Особенно много сомнѣній возбуждаетъ въ насъ предоставленное мѣстнымъ губернаторамъ право единоличнымъ постановленіемъ принимать или не принимать въ русское подданство тѣхъ Тевтоновъ, которые вдругъ сдѣлались русскими патріотами. Мы думаемъ, что принципъ единоличной безконтрольной власти, въ такомъ серьезномъ и щекотливомъ дѣлѣ, совершенно непримѣнимъ. Еще ревизія Заіончковскаго выяснила, что у г. Звегинцева, человѣка, какъ извѣстно, весьма немолодого, дѣла въ губернскихъ учрежденіяхъ находятся вовсе не въ блестящемъ порядкѣ. И это было въ мирное время. Чего же можно ожидать отъ губернатора, на котораго, сверхъ текущихъ обязанностей и экстренней работы, военнымъ временемъ вызванной—возложено еще громадное дополнительное бремя по разсмотрѣнію ходатайствъ о принятіи въ подданство и по выясненію истинныхъ національныхъ достоинствъ каждаго отдѣльнаго просителя? Мы думаемъ, что назначеніе особой комиссіи, которая помогала бы губернаторамъ—являлось бы мѣрой весьма полезной. Кромѣ того, желательно, чтобы дѣла этого рода не производились въ секретѣ. О каждомъ Нѣмцѣ, принятомъ въ русское подданство, слѣдовало бы опубликовать во всеобщее свѣдѣніе; только этимъ путемъ можно будетъ успокоить общественное мнѣніе.

Вообще текущая война заставитъ произвести переоцѣнку очень многихъ политическихъ цѣнностей. Насъ интересовалъ бы,

напримѣръ, такой вопросъ: исполняется ли Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы мелкіе административные органы назначались въ прибалтійскихъ губерніяхъ преимущественно изъ лицъ русскаго происхожденія? Какъ извѣстно, это Высочайшее повелѣніе имѣетъ чрезвычайно странную исторію. Когда оно было (при покойномъ П. А. Столыпинѣ) сообщено въ прибалтійскія губерніи, то г. Меллеръ-Закомельскій, въ офиціальной бумагѣ, сталъ доказывать, что назначать русскихъ подданныхъ уѣздными начальниками въ прибалтійскихъ губерніяхъ невозможно, такъ какъ, молъ, русскіе люди не обладаютъ для этого достаточной культурностью. Покойному премьеру пришлось, офиціально опять-таки, отвѣчать, что Высочайшее повелѣніе не было послано на заключеніе мѣстныхъ властей, а препровождено было для исполненія.

Насколько намъ извѣстно, эстонское населеніе еще недавно присылало депутацію, которая просила, чтобы уѣздными начальниками назначались русскіе люди или Эстонцы, но только не Нѣмцы. Интересно было бы опубликовать статистику прибалтійской администраціи съ отдѣленіемъ Тевтоновъ отъ Русскихъ...

Повторяемъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ дѣло не обстоитъ благополучно.

(Нов. Вр. 27 Авг.).

Въ сѣтяхъ непріятеля. Не страшно за тѣ мѣстности, куда уже проникли вражескіе разъѣзды, а за ними войско, артилерія, обозы и тиранствующая власть пьяныхъ виномъ и кровью комендантовъ. Земли эти, уже освященныя кровью мучениковъ, очистятся гнѣвною силой побѣдъ, ихъ несокрушимымъ напоромъ. Все вражеское оттуда сметется начисто, и зацвѣтутъ освобожденныя земли новою, свѣжею, послѣгрозовой жизнью. Есть другія земли, другія мѣста, къ которымъ врагъ приросъ, какъ чужеядное растеніе, надъ которыми онъ властвуетъ не мощью безполезнаго оружія, но гибкою сѣтью создавшихся и признанныхъ отношеній, лѣнивымъ, подчасъ корыстнымъ потворствомъ русской власти, лицемѣрнымъ, когда нужно, проявленіемъ преданности и древнимъ, преемственнымъ, не свергнутымъ господствомъ надъ мѣстнымъ населеніемъ,—забитымъ, бѣднымъ и малообразованнымъ.

Совсѣмъ недавно, по поводу одной изъ моихъ статей о Прибалтійскомъ краѣ, ко мнѣ заѣхалъ одинъ изъ мѣстныхъ аристократовъ, носящій по исключенію древне-русскій титулъ и фамилію. заступаясь за своихъ сосѣдей,—потомковъ германскихъ рыцарей,

8

онъ мнѣ показалъ постановленіе дворянъ о сборѣ на нужды войны, указалъ на значительные размѣры пожертвованій въ пользу раненыхъ и, наконецъ, съ большою искренностью убѣжденія сталъ свидѣтельствовать о томъ, что большинство этихъ бароновъ являются храбрыми изъ храбрыхъ, честными изъ честныхъ и вѣрными подданными Царя и родины.

На это я ему отвѣтилъ, что ничего новаго онъ мнѣ не сообщаетъ: я не изъ тѣхъ, кто съ подозрѣніемъ относятся къ доблестнѣйшимъ изъ русскихъ генераловъ, потому что они носятъ нѣмецкія фамиліи, я не изъ тѣхъ, для кого кличка „остзейскій баронъ" является синонимомъ чего-то враждебнаго и опаснаго, хотя бы уже потому, что одна изъ этихъ баронессъ —Мейендорфъ родная сестра моей матери, а ея сыновья, мои двоюродные братья, не мало за честь и за совѣсть послужили Россіи. А все-таки, и тѣмъ болѣе я нахожу недопустимымъ, чтобы въ нашей нѣмецкой окраинѣ открыто творились дѣла предательства и измѣны, чтобы онѣ кишѣли непріятельскими шпіонами, чтобы существовали каналы, черезъ которые германская государственная власть могла влiять и мощно направлять важнѣйшія отрасли жизни нашихъ провинцій, руководить, напримѣръ, ихъ школьною и земельною политикой.

Я вернулся къ этому вопросу отчасти, чтобы отразить пріемъ возраженія недобросовѣстныхъ противниковъ, думающихъ легко справиться съ нашими доводами указаніемъ на политическую окраску „Новаго Времени", ими же вымышленную. Достаточно, по ихъ мнѣнію, снабдить цитату изъ нашей газеты словечкомъ въ родѣ: „нововременскій націонализмъ", да прибавить еще къ этому: „зоологическій", чтобы избавить себя отъ смущенія передъ слишкомъ яркимъ свѣтомъ правды, направленнымъ на извивающуюся ложь. Даже польскій вопросъ, такъ настойчиво и давно вводимый нами въ примирительное общеславянское русло, если бы вѣрить нашимъ противникамъ, нами своекорыстно и зоологически искажался. Но... это къ слову,—важнѣе гораздо другое, важнѣе спокойно и безстрастно обсудить, какъ должна поступить русская государственная власть, чтобы, не творя несправедливостей, не нарушая права и правды, избавить наше балтійское прибережье отъ слишкомъ явнаго, слишкомъ развязнаго и безцеремоннаго хозяйничанія германскаго авангарда. Кажущеюся трудностью является отборъ пшеницы отъ плевелъ, распознаваніе людей съ русскою совѣстью и нѣмецкимъ именемъ отъ людей,

злобно скрывающихъ враждебную совѣсть. Но трудность эта призрачная, потому что при твердомъ, открытомъ и настойчивомъ проведеніи мѣръ, необходимыхъ въ минуту государственной опасности, вѣрные граждане имъ охотно будутъ подчиняться, какъ бы онѣ ни являлись стѣснительными, а тѣ, кто будетъ противиться этимъ мѣрамъ, покажутъ своими дѣйствіями, на чьей сторонѣ ихъ сочувствіе. И первое, на чемъ нужно настоять со всею непрекаемостью народнаго требованія, это на уничтоженіи такой непристойности, какъ господство въ военное время непріятельскаго языка въ офиціальныхъ присутствіяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ.

Наши раненые не заслуживаютъ того, чтобы въ рижскомъ госпиталѣ Краснаго Креста надъ ихъ изголовьями висѣли по нѣмецки написанные температурные листки. Наши здоровые воины не заслуживаютъ того, чтобы въ воинскихъ присутствіяхъ слушать нѣмецкую рѣчь.

Въ моемъ распоряженіи имѣется любопытный документъ: переписка рижскаго военнаго госпиталя съ общиной Краснаго Креста въ Ригѣ. Военный госпиталь, приготовленный для двухъ тысячъ раненыхъ, имѣетъ лишь четырехъ сестеръ милосердія. Красный Крестъ, развернутый на двѣсти пятьдесятъ кроватей, имѣетъ шестядесятъ пять сестеръ. Военный врачъ проситъ откомандировать къ нему 16 сестеръ, но предсѣдательница общины, баронеса Пиларъ, отказываетъ, находя условія недостаточно „пріятными". Находятся женщины, согласныя безплатно служить въ военномъ госпиталѣ, но община не соглашается экзаменовать ихъ и даже *женщинѣ-врачу* отказываетъ въ дипломѣ сестры, предлагая ей атестатъ на званіе сидѣлки. Зато плѣннымъ Германцамъ, по разсказамъ рижанъ, первый почетъ, хотя послѣдній фактъ не установленъ: командированному изъ военнаго госпиталя студенту Латышу этихъ плѣнныхъ не показали.

Школьный нѣмецкій ферейнъ закрытъ, но женскій школьный ферейнъ, допускающій къ обученію только нѣмецкихъ дѣтей и только по нѣмецкимъ программамъ, существуетъ открыто и благополучно: у Берлина все-таки, несмотря на военное время, сохранился каналъ для направленія въ желательномъ духѣ дѣтскаго воспитанія. Неужели это нельзя пресѣчь. Неужели нельзя на время войны устранить съ мелкихъ и большихъ административныхъ должностей Нѣмцевъ и замѣнить ихъ Сидоровыми и Петровыми? Смотрите, что выходитъ: германскіе подданные, подлежащіе вы-

сылкѣ заявились больными, имъ дали отсрочку и свидѣтельствуютъ ихъ въ губернскомъ присутствіи не доктора, а чины управы. Но какъ свидѣтельствуютъ? Передъ моими глазами рапортъ начальнику гарнизона начальника военнаго госпиталя. Онъ пишетъ:

„Свидѣтельствуются эти лица по 1, 2 и 3 человѣка въ день. Въ праздничные дни не свидѣтельствуются. Донося объ этомъ на ваше усмотрѣніе, считаю нужнымъ прибавить, что если бы освидѣтельствованіе этихъ лицъ было передано вами военному госпиталю, то онъ могъ бы завершить работу по освидѣтельствованію всѣхъ ихъ быстро и, имѣя спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ медицины, компетентно".

Все это хорошо, но все-таки непонятно, что это въ Ригѣ за германофильскій губернаторъ, противъ котораго военнымъ властямъ нужно прибѣгать къ дѣйствіямъ оборонительнымъ и наступательнымъ?

(Нов. Вр. А. Столыпинъ).

Деп. Госуд. Думы князь Мансыревъ о Прибалт. краѣ. Извѣстно, что на почвѣ экономическихъ, соціальныхъ и національныхъ различій между главными народностями, населяющими Прибалтійскій край,—нѣмцами съ одной стороны, и латышами и эстонцами—съ другой,—съ давнихъ поръ замѣчается глубокій антагонизмъ. Съ особенною силою онъ проявился въ 1905—1906 гг., когда мѣстная рознь, подъ вліяніемъ общегосударственныхъ событій, приняла политическую окраску и выразилась въ рядѣ насильственныхъ дѣйствій съ той и другой стороны.

Съ того времени постоянное и неизмѣнное покровительство нѣмецкимъ помѣщичьимъ кругамъ со стороны администраціи пріобрѣтаетъ еще болѣе яркій характеръ. Убѣжденіе въ лойяльности всѣхъ вообще нѣмцевъ становится общепризнанною аксіомой,—одновременно утверждается мнѣніе въ революціонности и сепаратистскихъ стремленіяхъ латышей и эстонцевъ, пребывающихъ всегда въ подозрѣніи. Это мнѣніе до такой степени укоренилось, что при возникновеніи войны съ Германіей очень яркое выраженіе патріотическихъ чувствъ со стороны латышско-эстонскаго населенія неизмѣнно встрѣчало холодное недовѣріе и разсматривалось, повидимому, какъ нежелательное.

Такъ, уже 27 іюля извѣстный консервативный латышскій дѣятель Ф. П. Гроссвальдъ обратился отъ имени всѣхъ латыш-

скихъ организацій съ просьбой о разрѣшеніи патріотическихъ манифестацій, при чемъ указалъ, что въ программу входитъ молебенъ, на который согласился мѣстный архіепископъ, и т. д. Но въ разрѣшеніи было отказано. Та же самая исторія повторилась и съ посылкой вѣрноподданническихъ телеграммъ, которыя были задержаны съ 22 іюля до 13 августа. Лишь по поступленіи соотвѣтствующихъ телеграммъ отъ нѣмецкихъ организацій, всѣ онѣ были посланы въ министерство внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ. Въ то же время по отношенію къ нѣмецкой части населенія наблюдались совершенно обратные факты. Въ Ригѣ 30-го августа по иниціативѣ генерала—отъ инфантеріи О. А. Бертельса организованъ былъ день флаговъ для сбора пожертвованій на нужды раненыхъ и запасныхъ. Въ результатѣ онъ далъ гораздо меньше, чѣмъ слѣдовало ожидать отъ такого большого города, какъ Рига, и это произошло исключительно отъ демонстративно отрицательнаго отношенія мѣстныхъ нѣмцевъ къ сбору. Многіе отказывались жертвовать наотрѣзъ, нѣмецкія дамы требовали германскихъ и австрійскихъ флаговъ.

Существующій въ Ригѣ мѣстный отдѣлъ „Краснаго Креста", въ которомъ товарищами предсѣдателя числятся баронъ Сталь фонъ-Гольштейнъ и баронесса Пиларъ фонъ-Пильхау, имѣетъ совершенно несвойственный этому учрежденію характеръ. Тамъ всѣ доктора, сестры милосердія, сидѣлки—исключительно изъ нѣмцевъ. Попытки русскихъ и латышей проникнуть въ это учрежденіе встрѣчались весьма сурово и неизмѣнно влекли за собою отказъ. Всѣ сестры и сидѣлки совершенно не владѣютъ русскимъ языкомъ. Для помѣщаемыхъ въ лазаретъ солдатъ онѣ являются совершенно чуждыми. Они другъ друга не понимаютъ. Неудивительно, что одинъ раненый солдатъ, доставленный въ лазаретъ въ безсознательномъ состояніи, придя въ себя и слыша кругомъ нѣмецкую рѣчь, вообразилъ себя въ плѣну и собирался бѣжать.

Благосклонное отношеніе обнаруживаетъ мѣстная администрація не только къ нѣмцамъ мѣстнымъ, но и къ иностраннымъ подданнымъ. Приказъ о выселеніи иностранцевъ призывного возраста во внутреннія губерніи нашелъ себѣ, повидимому, своеобразное примѣненіе въ Лифляндской губ. Такъ, признанъ былъ лицомъ вполнѣ благонадежнымъ и неподлежащимъ высылкѣ лѣсничій Гейслеръ, открыто призывавшій мѣстныхъ крестьянъ къ возстанію и сулившій имъ радужныя перспективы въ случаѣ занятія края германцами. Также признаны благонадежными и остав-

лены въ Ригѣ управляющій садовыми заведеніями г. Куфальдъ, у котораго найдена сфотографированная впослѣдствіи членская карточка общества германскаго флота, и управляющій рижскими городскими имѣніями Лефлеръ, запасный офицеръ германской арміи. Слѣдуетъ замѣтить что г. Лефлеръ по своей должности имѣетъ въ распоряженіи прекрасныя и подробныя карты рижскихъ городскихъ имѣній, занимающихъ большое пространство по побережью Рижскаго залива и вдоль прилегающихъ желѣзныхъ дорогъ—Риго-Орловской и Митавской. Онъ же устроилъ въ имѣніи Огеръ вышки, довольно значительной высоты, хотя никакихъ наблюденій съ нихъ не дѣлается.

Въ общемъ, число германскихъ подданныхъ, нынѣ благополучно пребывающихъ въ гор. Ригѣ, достигаетъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ; до трехсотъ изъ нихъ оставлены за непригодностью къ отправкѣ въ виду болѣзненнаго ихъ состоянія. Главный врачъ военнаго госпиталя заинтересовался такими поголовными заболѣваніями и началъ переписку о необходимости переосвидѣтельствовать ихъ въ госпиталѣ. За три недѣли прислано къ главному врачу для переосвидѣтельствованія цѣлыхъ... 40 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе половины врачами были признаны здоровыми. За послѣдніе дни присылка „больныхъ“ совсѣмъ прекратились.

Такого рода отношеніе ко всему нѣмецкому, естественно, съ одной стороны вселяетъ въ мѣстныхъ нѣмцахъ, въ особенности въ помѣщикахъ, полное убѣжденіе въ ихъ совершенной неприкосновенности и безотвѣтственности, а съ другой—побуждаетъ ихъ къ такимъ дѣяніямъ, которыя при иныхъ обстоятельствахъ ни въ коемъ случаѣ имѣть мѣста не могли бы. Вотъ вамъ примѣры.

Въ военно-конскомъ участкѣ Митавскаго уѣзда, завѣдующимъ коимъ состоитъ нѣкій Лиліенфельдъ, во время мобилизаціи взято лошадей: въ имѣніи Кауцельмюнде графа Палена изъ 70 лошадей—только 2, въ имѣніи Графенталь барона Клопмана изъ 50—ни одной, въ имѣніи Мезотенъ князя Ливена изъ 100—лишь 3, въ имѣніи Каупенговъ изъ 25—2. Въ то же время у мѣстныхъ латышей-домохозяевъ забраны почти всѣ лошади.

Какъ только стало извѣстно о реквизиціи скота для надобностей арміи, владѣлецъ имѣнія Капседенъ, онъ же предводитель дворянства Гробинскаго уѣзда, баронъ Мантейфель, отдалъ всѣхъ своихъ коровъ во временное пользованіе другихъ лицъ,

между прочимъ и чиновъ гробинской уѣздной полиціи. Такъ же поступили и другіе помѣщики: баронъ фонъ-Клейстъ, баронъ Фирксъ и др.

У владѣльца имѣнія Элей, Митавскаго уѣзда, графа Медема состояли въ должности лѣсничаго, его помощника и пивовара германскіе подданные; управляющимъ имѣніемъ состоялъ офицеръ запаса германской арміи. Наканунѣ объявленія войны они всѣ внезапно исчезли изъ имѣнія.

Въ первое время войны, когда въ районѣ Газенпотскаго и Гробинскаго уѣздовъ часто появлялись германскіе аэропланы, въ имѣніи Кацдангенъ барона К. фонъ-Мантейфеля по ночамъ производилась своеобразная сигнализація при помощи медленно сгорающихъ ракетъ. Эта сигнализація производилась изъ обширнаго, отгороженнаго высокою стѣною находящагося въ имѣніи парка, куда никто изъ мѣстныхъ жителей ни подъ какимъ видомъ не допускался.

Нѣмецкая колонизація производилась въ Прибалтійскомъ краѣ весьма ревностно многими помѣщиками, главнымъ образомъ, принадлежащими къ составу „нѣмецкаго общества". Въ этихъ цѣляхъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ латыши-арендаторы поголовно выселялись подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, увольнялись батраки и т. п.

За 3 года (1907—1910 гг.) въ трехъ уѣздахъ Курляндской губерніи нѣмецкимъ колонистамъ въ числѣ 5,360 человѣкъ было продано свыше 6,400 десятинъ земли.

Возвращусь къ „лойяльности" мѣстныхъ нѣмцевъ.

Въ началѣ августа на станціи Ремерсгофъ, Рижскаго уѣзда, младшій помощникъ начальника Фридрихштадскаго уѣзда бар. Фиттингофъ-Шель въ присутствіи многочисленной публики громко разговаривалъ съ знакомыми по-нѣмецки, восхваляя доблести германской арміи; многіе изъ присутствующихъ возмущались, а учитель Маршангъ позволилъ себѣ громко замѣтить полицейскому барону, что въ такое время онъ могъ бы воздержаться отъ подобныхъ разговоровъ. Въ результатѣ Маршангъ былъ подвергнутъ аресту на 3 мѣсяца „за оскорбленіе полицейскаго чина при исполненіи служебныхъ обязанностей".

Въ имѣніи Кауцемюнде былъ замѣченъ спускъ какого-то аэроплана. Мѣстный полицейскій урядникъ Яциловичъ приступилъ къ производству дознанія по этому поводу, но младшій помощ-

никъ митаво-баускаго уѣзднаго начальника фонъ-Браше распорядился производство дознанія прекратить.

Полеты аэроплановъ замѣчались и въ Лифляндской губерніи; такъ, мѣстные жители заявляли, что въ августѣ многократно они видѣли аэропланы по направленію подъѣздного желѣзнодорожнаго пути отъ станціи Штокмангофъ до имѣнія Альтъ Шваненбургъ, принадлежащаго баронессѣ Вольфъ, вышедшей замужъ за графа Цеппелина.

Около того же времени на станціи Штокмангофъ были изъ Риги получены два вагона бензина, неизвѣстно для какой цѣли, такъ какъ въ той мѣстности какихъ-либо промышленныхъ предпріятій, потребляющихъ бензинъ, нѣтъ. Спустя приблизительно недѣлю, мѣстные жители нашли аэропланъ на землѣ имѣнія Хинценбергъ, принадлежащаго барону Вольфу. Летчиковъ на аэропланѣ ни живыхъ, ни мертвыхъ не оказалось.

Другой аэропланъ приблизительно въ то же время былъ замѣченъ въ предѣлахъ имѣнія Царникау, Рижскаго уѣзда, и подстрѣленъ мѣстными жителями, которые захватили германскаго инженера и доставили его съ аппаратомъ въ Ригу.

Вотъ немногіе изъ весьма многочисленныхъ фактовъ, которые мнѣ удалось получить въ свое распоряженіе при посѣщеніи города Риги въ текущемъ сентябрѣ. Въ подтвержденіе каждаго изъ нихъ у меня имѣются свидѣтели, могущіе въ любой моментъ подтвердить справедливость всего мною сказаннаго.

(Утро Россіи, 12 Октября).

Изъ *гор. Митавы*: 15 октября кредитныя учрежденія гор. Митавы получили слѣдующія два офиціальныхъ сообщенія:

Митавскаго полиціймейстера отъ 14 октября за № 3204 слѣдующаго содержанія: „Въ виду телеграммы помощника главнаго начальника Двинскаго военнаго округа генерала Курлова отъ 11 сего октября сообщаю, что мною въ порядкѣ п. 18 ст. 19 военнаго положенія наложенъ арестъ на всѣ вклады, сдѣланные германскими и австрійскими подданными (какъ мужчинами, такъ и женщинами), вслѣдствіе чего прошу отнюдь не выдавать означеннымъ лицамъ ни полностью, ни частями сказанные вклады“.

Пристава 1 участка города Митавы отъ 15 октября за № 9500 слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе циркулярнаго предложенія г. курляндскаго губернатора отъ 11 октября за № 32654/32664,

прошу сообщить, какіе капиталы и денежные вклады имѣются въономъ банкѣ на имя австрійскихъ и германскихъ подданныхъ".

Сообщеніе полиціймейстера помѣчено: „экстренно", а сообщеніе пристава—„в. спѣшное".

Какъ видите, бумаги самаго обыкновеннаго офиціальнаго характера, написаны самымъ обыкновеннымъ канцелярскимъ языкомъ, и, какъ слѣдуетъ, занесены въ исходящій реестръ. Для пущей важности онѣ даже помѣчены „экстренно" и „весьма спѣшно". Все исполнено по канцелярскому и все въ порядкѣ вещей. Однако человѣку неканцелярскаго склада мыслей бросается въ глаза одно обстоятельство, могущее имѣть весьма ощутительныя послѣдствія. Какъ видно изъ приведенныхъ бумагъ, распоряженіе объ арестованіи капиталовъ австрійскихъ и германскихъ подданныхъ сдѣлано было 11 октября по телеграфу, стало быть высшія власти признавали это дѣло нетерпящимъ отлагательства, какъ говорится канцелярскимъ же языкомъ. Повидимому телеграмма была получена въ гор. Митавѣ 11 октября утромъ, потому что въ тотъ же день губернаторъ успѣлъ уже дать свой циркуляръ. Но несмотря на все это кредитныя учрежденія получили сообщенія о наложеніи ареста на вклады германскихъ и австрійскихъ подданныхъ лишь 15 октября. Городъ Митава маленькій, въ немъ лишь около 10 кредитныхъ учрежденій, которыя расположены не дальше полуверсты отъ канцеляріи губернатора и городскаго полицейскаго управленія и кромѣ того городъ имѣетъ густую телефонную сѣть, включающую между прочимъ и всѣ кредитныя учрежденія. Тутъ спрашивается, какіе пути должно было пройти офиціальное спѣшное распоряженіе высшаго начальства для того, чтобы попасть въ кредитныя учрежденія лишь на пятый день послѣ его полученія въ гор. Митавѣ?!. Что дѣлали германскіе и австрійскіе подданные, имѣющіе вклады въ кредитныхъ учрежденіяхъ за время съ 11 по 15 октября? Вѣдь для полученія вклада или перевода на другое имя требуется лишь нѣсколько минутъ времени. Было бы крайне интересно установить, сколько и какіе капиталы германскими подданными были взяты изъ кредитныхъ учрежденій, или переведены на имя другихъ лицъ за „льготное" время съ 11 по 15 октября. Эти свѣдѣнія безъ сомнѣнія должны быть прописаны въ книгахъ мѣстныхъ нѣмецкихъ кредитныхъ учрежденій, а доступны онѣ къ сожалѣнію, лишь офиціальнымъ ревизующимъ лицамъ.

(Нов. Вр., 19 Окт.).

„На канцелярскіе расходы“. Въ № 13863 „Нов. Вр.“, въ статьѣ „Въ странѣ чудесъ“, г. Ренниковъ упоминаетъ о „шпортельномъ“ сборѣ, взимаемомъ въ количествѣ двухъ рублей со всякаго заграничнаго паспорта, взятаго въ предѣлахъ Курляндской губ. Деньги эти поступаютъ въ непосредственное распоряженіе курляндскаго губернатора и его канцеляріи.

Авторъ статьи подчеркиваетъ, что только одинъ курляндскій губернаторъ сохранилъ право на этотъ древній „шпортельный“ сборъ.

Это невѣрно.

Хотя въ Лифляндской губ. не существуетъ „шпортельнаго“ сбора, но при выдачѣ свидѣтельства на право выѣзда за границу, безъ котораго нельзя получить заграничнаго паспорта изъ канцеляріи лифляндскаго губернатора, рижское полицейское управленіе за выдачу таковаго свидѣтельства беретъ два рубля на „канцелярскіе“ расходы. Со мною лично былъ случай, когда я уклонился было отъ уплаты этихъ денегъ, тогда чиновникъ, завѣдующій этимъ сборомъ, отказался выдать мнѣ свидѣтельство, ссылаясь на то обстоятельство, что этотъ сборъ даже сама казенная палата признаетъ. Противъ такого вѣскаго аргумента возражать не приходилось: я внесъ два рубля и получилъ свидѣтельство на безпрепятственный выѣздъ въ чужіе края.

Итакъ, „шпортельный“ сборъ существуетъ не въ одной Курляндской губ., онъ пріютился и въ сосѣдней, Лифляндской, въ которой по моимъ соображеніямъ выбирается заграничныхъ паспортовъ куда больше, чѣмъ въ Курляндской, такъ какъ въ одной только Ригѣ 500.000 жителей, но въ Лифляндіи сборъ этотъ процвѣтаетъ подъ скромнымъ наименованіемъ: „на канцелярскіе расходы“.

(Новое Время, 23 Окт. А. Г.).

Возраженіе Лифляндскаго губернатора. На основаніи п. II ст. 114 устава о цензурѣ и печати, прошу редакцію напечатать слѣдующее опроверженіе:

Въ № 869 газеты „Вечернее Время“ отъ 6 сентября напечатана статья подъ заглавіемъ „Нѣмецкіе лѣсничіе въ Лифляндіи“ слѣдующаго содержанія:

„Крестьянинъ Нейгаузенской вол. Верроскаго уѣзда Лифляндской губерніи Густавъ Хирвъ угодилъ на мѣсяцъ въ тюрьму по слѣдующему дѣлу.

Трое крестьянъ названной волости передали ему, что когда они ремонтировали мостъ въ имѣніи Нейгаузенъ, принадлежащемъ фонъ-Липгардту, къ нимъ подошелъ главный лѣсничій названнаго имѣнія Гейслеръ и началъ разговоръ о войнѣ. Гейслеръ доказывалъ, что лучше, если побѣдитъ Германія, такъ какъ тамъ законы совершеннѣе, чѣмъ въ Россіи. Далѣе онъ совѣтовалъ крестьянамъ организовать бунтъ въ краѣ по примѣру 1905 года.

Видя, однако, что крестьяне отнеслись враждебно къ его совѣту, Гейслеръ этотъ разговоръ прекратилъ.

Густавъ Хирвъ, состоя между прочимъ полицейскимъ десятскимъ въ волости, какъ должностное лицо, сообщилъ о фактѣ жандармскому управленію. Крестьяне были допрошены и они все подтвердили.

Гейслера арестовали, но вскорѣ выпустили. А полицейскій десятскій Густавъ Хирвъ за яко бы ложный доносъ подвергнутъ лифляндскимъ губернаторомъ аресту на одинъ мѣсяцъ.

Хирвъ въ величайшемъ отчаяніи. Онъ исполнилъ то, что лежало на его обязанности, какъ полицейскаго десятскаго. Крестьяне свой разговоръ съ Гейслеромъ подтверждаютъ, и вдругъ... ложный доносъ".

Сообщеніе это не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Обстоятельства дѣла сводятся къ слѣдующему:

24 іюля с. г. полицейскій десятскій Хирвъ подалъ заявленіе жандармскому унтеръ-офицеру, что лѣсничій имѣнія Нейгаузенъ Августъ Гейслеръ подговаривалъ мѣстныхъ крестьянъ будто бы взорвать желѣзнодорожный мостъ, съ какой цѣлью будто бы предлагалъ имъ бомбы, а также будто бы тотъ же Гейслеръ возбуждалъ народъ противъ государства.

Получивъ это заявленіе, жандармскій унтеръ-офицеръ препроводилъ его по командѣ помощнику начальника губернскаго жандармскаго управленія по Юрьевскому уѣзду, который постановилъ произвести разслѣдованіе въ порядкѣ ст. 23 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ состоящими на военномъ положеніи, а Гейслеръ былъ заключенъ подъ стражу.

4 августа начальникъ жандармскаго управленія препроводилъ мнѣ переписку, которую онъ полагалъ прекратить, такъ какъ обвиненіе Гейслера не подтвердилось.

При разсмотрѣніи этой переписки мною было обращено вниманіе на то, что Гейслеромъ было возбуждено 42 дѣла про-

тивъ крестьянъ по обвиненію ихъ въ самовольныхъ порубкахъ лѣса и охотѣ. Всего же по показанію Гейслера возбуждается въ годъ до 200 такихъ дѣлъ, изъ которыхъ большинство прекращается миромъ, при чемъ крестьяне добровольно уплачиваютъ имѣнію деньги въ видѣ штрафа.

Полицейскій десятскій Густавъ Хирвъ, сдѣлавшій первоначальное заявленіе, и тѣмъ давшій ходъ всему дѣлу, имѣлъ столкновеніе съ лѣсничимъ Гейслеромъ, уплативъ ему 10 рублей за самовольную рубку деревьевъ.

Изъ числа 42 дѣлъ, разсматривавшихся у мирового судьи, 15 возбуждено противъ лицъ, носящихъ фамилію Хирвъ, частью родственниковъ заявителя.

Все это вмѣстѣ взятое не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что все заявленіе построено на почвѣ мести изъ-за личныхъ интересовъ.

Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что Гейслеръ лицо вполнѣ благонадежное, Густавъ Хирвъ былъ мною подвергнутъ мѣсячному аресту за распространеніе ложныхъ слуховъ.

Губернаторъ, гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества Звегинцевъ.

По поводу возраженія лифляндскаго губернатора. Напечатанная у насъ замѣтка „Нѣмецкіе лѣсничіе въ Лифляндіи“ вызвала возраженіе со стороны лифляндскаго губернатора г. Звегинцова. При внимательномъ чтеніи „возраженія“ легко убѣдиться, что оно построено на голословномъ отрицаніи фактовъ и ничего не опровергаетъ. Хирвъ, полицейскій десятникъ, сообщившій о бесѣдѣ германскаго подданнаго Гейслера съ тремя крестьянами относительно войны, опирался на показанія этихъ послѣднихъ. Лифляндскій губернаторъ говоритъ, что обвиненіе Гейслера въ возмутительныхъ рѣчахъ не подтвердилось, но чѣмъ и кѣмъ оно было разбито—объ этомъ нѣтъ ни слова. Единственнымъ аргументомъ противъ Хирва могъ явиться отказъ трехъ крестьянъ отъ первоначальнаго показанія или заявленіе, что десятскій выдумалъ всю исторію. Но крестьяне и не думали отказываться, потому что бесѣда съ Гейслеромъ происходила и Гейслеръ высказывалъ именно то, въ чемъ его обвиняетъ Хирвъ.

Не имѣя фактическихъ данныхъ противъ Хирва, лифляндскій губернаторъ стремится опорочить его достовѣрность косвеннымъ путемъ. По характеристикѣ губернатора, Хирвъ человѣкъ не надежный и кромѣ того находится въ личныхъ натянутыхъ отно-

шеніяхъ съ Гейслеромъ, привлекшимъ его къ суду за порубку лѣса. Тутъ въ возраженіи лифляндскаго губернатора мы находимъ попутное указаніе еще на пятнадцать Хирвовъ, „частью родственниковъ заявителя". Такъ какъ фамилій трехъ крестьянъ, бесѣдовавшихъ съ Гейслеромъ въ бумагѣ г. Звегинцовъ не приводится, то естественно возникаетъ подозрѣніе, что они принадлежатъ къ многочисленнымъ Хирвамъ, состоятъ съ десятскимъ въ родственно-пріятельскихъ отношеніяхъ и одинаково настроены противъ Гейслера изъ-за порубочныхъ дѣлъ. Къ этому выводу и клонится все возраженіе въ своемъ логическомъ развитіи. Въ подобныхъ пріемахъ есть, пожалуй, извѣстная доля находчивости и ловкости, зато совершенно отсутствуетъ убѣдительность.

Признать должностное лицо (хотя и весьма маленькое) ложнымъ доносчикомъ и посадить подъ арестъ на цѣлый мѣсяцъ нельзя безъ достаточныхъ, безспорныхъ доказательствъ. Гдѣ же они въ этомъ дѣлѣ? Почему лифляндскій губернаторъ, высчитывая многочисленныхъ однофамильцевъ Хирва, не привелъ фамилій трехъ крестьянъ? Станетъ ясно почему, когда мы ихъ назовемъ. Вотъ онѣ: Кристьянъ Меттусъ, Іоганъ Рунталь и Андре Милькъ. Какъ видите, ни одного Хирва нѣтъ, всѣ свидѣтели люди Хирву чужіе и даже не однофамильцы. Отъ своихъ словъ они не отказываются. Тѣмъ не менѣе этимъ нисколько не заинтересованнымъ свидѣтелямъ не вѣрятъ, а германскому подданному Гейслеру вѣрятъ—*чтобы другимъ неповадно было*, чтобы помнили эти Хирвы, какъ они ничтожны и безсильны передъ баронскими лѣсничими, не говоря уже о баронахъ—всемогущихъ Зевесахъ.

Если Хирвы слишкомъ разстараются, пожалуй не только станетъ похуже Гейслерамъ, но и потѣснѣе баронамъ. Чего добиваются бароны, за что они ратуютъ изо всѣхъ силъ—давно и въ точности извѣстно. Но трудно мириться съ отношеніемъ къ нѣмецкому засилью высшихъ представителей административной власти въ краѣ. Хирвы мелкія сошки, но изъ мелкихъ сошекъ образуется народъ. Къ дѣлу Хирва губернаторъ отнесся холодно и формально, и за этимъ формализмомъ, скрылась правда жизни. Но это не значитъ, что она исчезла окончательно и не выплыла бы на свѣтъ Божій. Въ концѣ концовъ всѣхъ Гейслеровъ „защитить" не удастся.

Ред.

* * *

Съ своей стороны авторъ замѣтки о лифляндскихъ лѣсничихъ пишетъ намъ.

„Что означаетъ въ возраженіи губернатора самовольная порубка лѣса? То-ли, что крестьяне тайно рубятъ помѣщичій лѣсъ, или лѣсничему показалось, что крестьянинъ вырубилъ больше топлива или много матеріала, чѣмъ было разрѣшено? Разница большая: въ первомъ случаѣ—уголовщина, во второмъ—можетъ быть просто придирка „господина лѣсничаго". Крестьяне въ Прибалтійскихъ губерніяхъ не имѣютъ права охоты и если кто застрѣлитъ птицу на своей собственной землѣ, то и это называется самовольной охотой.

Въ совершенно ясный вопросъ объ арестѣ полицейскаго десятскаго Хирва не слѣдовало вносить неопредѣленнаго понятія о самовольныхъ порубкахъ лѣса и охотѣ. Въ краѣ, гдѣ ходатайство о закрытіи помѣщичьей корчмы называется „тайной политической пропагандой" (рѣчь бар. Пилара-фонъ-Пильхау въ Г. Совѣтѣ), нужно осторожно судить о такихъ вопросахъ".

(„Вечер. Время", сентябрь. А.).

Въ сѣтяхъ непріятеля. Нѣсколько лѣтъ назадъ было Высочайше указано назначить на служебныя должности въ Прибалтійскомъ краѣ русскихъ чиновниковъ. По этому поводу припоминается даже нелишенная остроты исторія о перепискѣ генералъ-губернатора Меллеръ-Закомельскаго, находившаго, что русскіе люди недостаточно культурны, и что Нѣмцевъ въ крайнемъ случаѣ можно замѣнять развѣ что Поляками. Это вызвало отповѣдь министра внутреннихъ дѣлъ, напомнившаго генералу о томъ, что Высочайшія повелѣнія сообщаются ему не для критики, а для исполненія.

Между тѣмъ время прошло, пассивное сопротивленіе, вліянія связи и всякія житейскія соображенія взяли свое, и неотмѣненное Высочайшее повелѣніе не проводится въ жизнь. Не только предводители дворянства, но и всѣ другія должности, которыя въ этомъ краѣ замѣщаются не по выборамъ, а по назначенію, въ громадномъ процентномъ отношеніи заняты Нѣмцами. И было бы большою ошибкою думать, что проведеніе русскихъ началъ въ той степени неуклонной суровости, какая необходима въ военное время, такъ немыслимо фактически, что въ распоряженіи власти нѣтъ реальной силы для выполненія ея требованій. Счастливымъ примѣромъ и показателемъ, что все это возможно, служитъ Эстляндская губернія, гдѣ генералъ Коростовецъ, нисколько не смущаясь, спокойно проводитъ тѣ мѣры, которыя представляются

столь невыполнимыми его административнымъ сосѣдямъ. Коростовецъ не только закрылъ школы, содержимыя Deutscher-Verein'омъ, но и субсидируемыя имъ. Затѣмъ онъ закрылъ и самый ферейнъ, тогда какъ губернаторы лифляндскій и курляндскій истолковали въ пользу Нѣмцевъ неточность министерскаго распоряженія о закрытіи „Schulverein'овъ". Между тѣмъ отдѣльнаго учрежденія „шульферейновъ" и не существуетъ: такъ въ общежитіи именуется иногда „Deutscher Verein". Коростовецъ не постѣснился закрыть старѣйшую и вліятельнѣйшую газету „Revalsche Zeitung", продолжавшую во время войны руссофобскую агитацію на дворянскія субсидіи. Коростовецъ нисколько не удовлетворялся тѣмъ, когда мѣстные помѣщики вмѣсто 94 лошадей поставили 11 самыхъ худшихъ, но производилъ самыя строгія разслѣдованія и доводилъ дѣло до суда. Его не пугали ни доносы, ни происки обиженныхъ имъ Нѣмцевъ среди вліятельной столичной родни. Значитъ, можно исполнять долгъ даже при самой неблагопріятной обстановкѣ, да, въ сущности, только трудныя условія и являются тѣмъ мѣриломъ, которое обнаруживаетъ стойкость и гражданское мужество.

(Нов. Вр. 13 Сент. А. Столыпинъ).

Секвестръ Германскихъ и Австрійскихъ фирмъ. Правительствомъ секвестрованы слѣдующія предпріятія германскихъ и австрійскихъ подданныхъ: патронный и пистонный заводъ „Селеніе Белло", машиностроительный заводъ Шмидтъ, компанія пивоваренный заводъ Шиндлера, фабрика анилиновыхъ красокъ Кассела, замочная фабрика Гермингаузенъ, фабрика подъ фирмой „Рижская проволочная промышленность" и другія. Снятъ арестъ съ хранящихся въ банкахъ капиталовъ и вкладовъ германскихъ подданныхъ.

(Новое Время).

Юрьевъ. По дорогѣ въ Юрьевъ я взялся за чтеніе „Лифляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей". Газета эта давно привлекала мое вниманіе своимъ удивительно интереснымъ содержаніемъ. Тутъ нерѣдко вы встрѣтите любопытное объявленіе о томъ, что „утеряно свидѣтельство на двадцать винтовокъ, выданное барону К.", или, что „утерянное свидѣтельство на десять револьверовъ системы „Смитъ и Вессонъ", выданное графу М., просятъ считать недѣйствительнымъ"... Номеръ же, который я взялъ съ собою въ дорогу, оказался совсѣмъ исключительнымъ. Развер-

нувъ его, я на второй страницѣ встѣтилъ такой художественный списокъ вновь назначенныхъ почетныхъ мировыхъ судей, что не могу не привести его цѣликомъ—на радость читателямъ:

„Почетные мировые судьи Венденъ-Валкскаго уѣзда:

А. фонъ-Брюммеръ, баронъ Э. Вольфъ, баронъ Э. Майдель, Р. фонъ-Панцеръ, В. фонъ-Сиверсъ, Г. фонъ-Стрикъ, В. фонъ-Транзе, баронъ А. Фитингофъ-Шель.

Судьи Рижско-Вольмарскаго уѣзда:

Б. Гойнигенъ-Гюне, М. фонъ-Гаффнеръ, К. Болто, фонъ-Гогенбахъ, В. фонъ-Клотъ, баронъ Э. Крюденеръ, баронъ Г. Лаудонъ, Ф. фонъ-деръ-Паленъ, Г. фонъ-Фегезакъ.

Перново-Феллинскаго округа: Баронъ А. Пиларъ фонъ-Пильхау. Юрьево-Веросскаго округа: А. Гартманъ, Ф. фонъ-Моллеръ, Куртъ фонъ-Ратлевъ, Бруно фонъ-Самсонъ, Г. фонъ-Самсонъ Гиммельстьерна, Александръ Эйзеншмидтъ. Эзельскаго округа: Гаральдъ фонъ-Гельмерсенъ...“. Изъ 24 человѣкъ 24 Нѣмца!

(Нов. Вр. 30 окт. А. Ренниковъ).

Разные нѣмецкіе курьезы. Мнѣ стоило написать одну статью противъ нѣмецкаго засилья—какъ на меня буквально посыпались письма, телефонныя сообщенія и визиты. Просто невѣроятно: сколько на свѣтѣ есть россіянъ, которые вопятъ по поводу нѣмецкаго засилья! Нѣкоторыя изъ сообщеній требуютъ дополнительной провѣрки, и потому я вернусь къ нимъ позднѣе. Сегодня отмѣчу, въ отрывочномъ видѣ, нѣсколько наиболѣе удивительныхъ фактовъ.

Вырѣзка изъ нѣмецкой газеты. „Въ Митавѣ курляндскимъ губернаторомъ приговорены пять человѣкъ, каждый къ аресту на два мѣсяца, за то, что они кричали на улицѣ „долой нѣмцевъ!“; это было 23 іюля“.

Такимъ образомъ, оказывается, что въ Митавѣ пять русскихъ подданныхъ сидѣли подъ арестомъ за то, что черезъ четыре дня послѣ объявленія войны они позволили себѣ присоединиться къ кличу, единодушной волной разливающемуся по всей Россіи. Ихъ посадили въ тюрьму, а можетъ быть ихъ сыновья или братья сражаются съ нѣмцами. Хорошая форма поддержки для семей запасныхъ!..

Въ одной изъ здѣшнихъ нѣмецкихъ школъ преподаваніе географіи, въ томъ числѣ и русской, происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ, причемъ учебникомъ служитъ „Leitfaden" нѣкоего Фридриха-Вильгельма Кельнера. Мнѣ удалось получить—не безъ труда—экземпляръ этого удивительнаго произведенія германской премудрости. Описанію Россіи посвящено десять небольшихъ страничекъ. Изъ этихъ десяти страничекъ болѣе трехъ страницъ (*ровно треть*) посвящено обозрѣнію прибалтійскаго края. Подробности въ описаніи прибалтійскихъ губерній настолько велики, что перечислены города, о которыхъ — положа руку на сердце — я узналъ изъ учебника впервые: Иллюкстъ, Раппинъ, Цинтергофъ, Баускъ, Пильтенъ и очень еще много столь же примѣчательныхъ мѣстностей. Зато пропущены: Муромъ, Угличъ, Ростовъ, Елисаветградъ, Переяславль и еще безконечное количество большихъ русскихъ городовъ.

Но это еще не все. Меня нѣсколько удивило, что поверхность Европейской Россіи, судя по даннымъ Лейтфадена, оказалась какой-то необычайно маленькой. Долго я никакъ не могъ понять, въ чемъ дѣло; и потомъ, совершенно случайно, я вдругъ сообразилъ, что г. Кельнеръ пропустилъ весь Кавказъ, включая и его предгорья. Послѣ долгихъ новыхъ розысковъ я обнаружилъ, что Кавказъ помѣщенъ тамъ, гдѣ его меньше всего можно ожидать: имѣется въ Лейтфаденѣ параграфъ 74, который называется „Die Staaten Asiens", т. е. *государства* Азіи. Въ числѣ этихъ азіатскихъ государствъ на первомъ мѣстѣ поставленъ Kaukasien, т. е. Кавказъ! Такимъ образомъ, дѣвочки, обучающіяся въ указанной школѣ, зазубриваютъ, что Ставрополь, Екатеринодаръ и Владикавказъ находятся въ Азіи. Это, конечно, очень удобно для пангерманистовъ, старающихся доказать, что Россія является государствомъ, центръ тяжести котораго находитя въ Азіи, но совершенно не соотвѣтствуетъ административному дѣленію. Ибо иначе пришлось бы сказать, что граница Азіи начинается въ десяти верстахъ къ югу отъ Ростова-на-Дону.

О заграничныхъ государствахъ я ужъ не буду подробно говорить. На удачу открылъ городъ Прагу. О немъ въ Лейтфаденѣ сказано кратко: „Въ этомъ городѣ находится старѣйшій нѣмецкій университетъ". И все...

———

Другая вырѣзка изъ нѣмецкой газеты. Она содержитъ переводъ опроверженія, присланнаго лифляндскимъ губернаторомъ въ газету „Latwija“. Опроверженіе гласитъ такъ:

„Въ № 171 газеты „Latwija“ отъ 29 іюля помѣщена была корреспонденція изъ Валка, озаглавленная „Манифестація“. Въ этой корреспонденціи было указано, между прочимъ, что съ манифестантами встрѣтился баронъ фонъ-М., владѣлецъ Вигансхофа, который не снялъ шапки при звукахъ національнаго гимна. За это толпа нѣсколько его потрепала. Такой же случай произошелъ съ барономъ С., владѣльцемъ Педдельна. Оба эти сообщенія совершенно неправильны. Лифляндскій губернаторъ, гофмейстеръ Звегинцевъ сообщаетъ, что подобнаго случая не произошло ни съ владѣльцемъ Вигансхофа, ни съ собственникомъ Педдельна“.

Въ этомъ опроверженіи каждое слово — драгоцѣнность. Опроверженія пишутся, согласно уставу цензуры, для того, чтобы исправлять фактическія свѣдѣнія, сообщенныя въ газетахъ о такихъ государственныхъ учрежденіяхъ и установленіяхъ, дѣятельность которыхъ интересуетъ правительство. Никогда рязанскому губернатору не придетъ въ голову тратить время на разслѣдованіе случая о томъ, снялъ ли помѣщикъ Запихайло шапку, или нѣтъ, и толкали ли его на улицѣ – или цѣловали. Если лифляндскій губернаторъ считаетъ нужнымъ тратить время на подобнаго рода частныя дѣла мѣстныхъ бароновъ,—то по одному этому можно сказать, что тамъ дѣло обстоитъ неладно...

(Нов. Вр. 23 Авг. А. Пиленко).

Невозможное положеніе. Помимо того, что попадаетъ въ печать о поведеніи прибалтійскихъ нѣмцевъ, приходится изъ разсказовъ и частной переписки убѣждаться, что положеніе тамъ создалось совершенно невозможное и нестерпимое. Пора положить этому конецъ. Возмутительнѣе всего, конечно, снисходительное и покровительственное отношеніе нашей администраціи. Прочныя связи нѣмцевъ съ нашими вліятельными кругами объясняютъ отчасти положеніе, но не только его не оправдываетъ, а, наоборотъ, служатъ указаніемъ на опасные размѣры этого зла. Въ часъ борьбы народовъ за жизнь и цѣлость половины человѣчества не время шутки шутить да миндальничать. Тѣ господа губернаторы, которые стѣсняются нарушать удобства нѣмцевъ, презирающихъ нашъ языкъ и культуру, должны бы про-

являть свои административныя способности гдѣ-нибудь подальше, или, вообще, воспользоваться заслуженнымъ отдыхомъ. Ихъ мирныя стремленія теперь не ко времени.

(Нов. Вр. 30 Авг. А. Столыпинъ).

„Русскій“ чиновникъ. „Рижскій Вѣстникъ“ передаетъ, что въ Ригѣ состоялось экстренное засѣданіе совѣта лифляндской контрольной палаты, на которомъ обсуждались дѣйствія чиновника палаты, помощника ревизора Франка. Означенный чиновникъ государственной службы, Нѣмецъ по происхожденію, съ самаго начала войны критически относился къ дѣйствіямъ русскихъ войскъ, а 9 октября, когда ревизоръ той же палаты С. громко прочелъ полученную телеграмму о русскихъ побѣдахъ подъ Варшавой и Ивангородомъ, заявилъ, что „Русскіе все-таки будутъ побѣждены и жить будутъ въ Сибири“. О подобномъ поведеніи Франка было доложено управляющему палатой Драгневичу, который, пригласивъ къ себѣ Франка, предложилъ ему подать въ отставку. Но послѣдній имѣлъ еще дерзость заявить, что онъ не желаетъ подавать въ отставку. Въ результатѣ собрался совѣтъ палаты. Совѣтъ, разобравъ дѣло, постановилъ Франка со службы исключить.

И только... А сколько подобныхъ Нѣмцевъ-чиновниковъ состоитъ еще на русской службѣ?..

(Нов. Вр. 14 Окт.).

Характерный для нравовъ Прибалтійскаго края фактъ. Запасной, явившійся въ мѣстное учрежденіе по воинской повинности и услыша сплошную нѣмецкую рѣчь, спросилъ, недоумѣвая присутствующихъ—куда собственно его призываютъ—въ германскую или русскую армію.

Подобнаго рода явленіе, ясно характеризуя общую картину настроенія этого края, можетъ, однако, имѣть еще нѣкоторое оправданіе, во-первыхъ, какъ разговоръ вообще, а во-вторыхъ и потому, что вслѣдствіе незнанія нѣкоторыми мѣстными жителями русскаго языка, въ силу необходимости, приходится въ подобныхъ случаяхъ говорить по-нѣмецки.

Но позвольте привести другой случай, который не можетъ уже быть объясненъ необходимостью и является лишь результатомъ общаго онѣмеченія большинства прибалтійской администраціи.

Съ объявленіемъ войны мѣстное общество города Виндавы (Курляндской губерніи) выразило желаніе устроить 30 іюля спектакль въ пользу бѣдныхъ семействъ виндавскихъ запасныхъ. Каково же было удивленіе всего ненѣмецкаго населенія города, когда вдругъ явились расклеенными по всему городу громадныхъ размѣровъ программы, напечатанныя на ряду съ русскимъ, на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ было крупно прописано, что первымъ номеромъ программы пойдетъ вещь на нѣмецкомъ языкѣ.

И невольно опять зарождался тотъ же наболѣвшій вопросъ,— въ пользу какихъ же запасныхъ, нѣмецкихъ или русскихъ устраивался этотъ вечеръ?

(Вечернее Время).

Славянскій обѣдъ. На 136 славянскомъ обѣдѣ участвовало почти до 300 человѣкъ, сколько могъ вмѣстить залъ. Латышскій журналистъ изъ Либавы, въ горячей рѣчи, произведшей сильное впечатлѣніе, повѣдалъ о внутреннемъ насиліи Нѣмцевъ въ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ. Нѣмецкіе бароны, которые проливаютъ кровь свою за родину, въ Прибалтійскомъ краѣ составляютъ исключеніе.

Ораторъ привелъ множество фактовъ о ненадежности нѣмецкаго бюргерства, у котораго и деньги, и всѣ интересы въ родственной Германіи, и однако мѣстная администрація преслѣдуетъ всѣхъ, кто говоритъ противъ Нѣмцевъ. Рѣчь Латыша г. Гольдмана въ Г. Думѣ, которой аплодировали русскіе министры, запрещена была къ печатанію въ латышскихъ газетахъ. Рѣчь оратора вызвала живой обмѣнъ мнѣній и постановлено выработать резолюцію, въ которой надо обратиться къ національнымъ чувствамъ Совѣта Министровъ и просить о ревизіи Курляндской и Лифляндской губерній.

Въ исполненіе постановленія участниковъ 136 славянскаго обѣда комитетомъ его отправлена статсъ-секретарю И. Л. Горемыкину слѣдующая телеграмма:

Его высокопревосходительству господину предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Участники 136 славянской трапезы, числомъ свыше 250 членовъ славянскихъ обществъ Петрограда, и ихъ гости, получивъ отъ представителей латышскаго населенія Курляндской и Лифляндской губерній свѣдѣнія, что русская мѣстная административная власть не только не поддерживаетъ на надлежащей вы-

сотѣ престижъ русской государственности, что теперь является особенно важнымъ въ мѣстностяхъ хотя съ малочисленнымъ, но вліятельныхъ нѣмецкимъ населеніемъ, а, напротивъ, допускаетъ значительное умаленіе и иногда даже униженіе ея, потворствуя проявленію грубаго, враждебнаго Россіи со стороны нѣкоторой части нѣмецкаго населенія шовинизма и, преслѣдуя въ угоду ему лояльную часть коренного мѣстнаго населенія—Латышей и Эстонцевъ—находятъ неотложнымъ въ видахъ государственной безопасности обратиться къ вашему высокопревосходительству съ патріотической просьбой—не найдете ли вы возможность обратить самое серьезное вниманіе на создавшееся нежелательное направленіе дѣятельности администраціи въ вышеуказанныхъ губерніяхъ и возбудить вопросъ о своевременности въ нихъ сенаторской ревизіи.

Предсѣдатель трапезы Борисъ Глинскій. Секретарь Петръ Лавровъ.

(Новое Вр. 13 Сент.).

Сегодня у насъ напечатанъ приказъ вице-адмирала Герасимова о реквизиціи для вооруженныхъ силъ телефонной сѣти, пролегающей по владѣніямъ нѣмецкихъ прибалтійскихъ помѣщиковъ.

Основаніемъ для этой реквизаціи послужило неоднократно установленное военными властями тайное „предупрежденіе“ по этому телефону частныхъ лицъ объ отдаваемыхъ по войскамъ распоряженіяхъ, передававшихся по той же сѣти.

Изданіе этого приказа можно только привѣтствовать.

(Новое Время).

Приказъ коменданта морской крѣпости императора Петра Великаго 12 октября 1914 г. № 567. Предписываю, согласно п. 14 ст. 19 правилъ о мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи, прекратить издаваемую въ городѣ Юрьевѣ газету „Тагеберихтенъ фюръ Нордлифляндъ“ на все время военнаго положенія.

№ 569. Соглашаясь съ заключеніемъ прокурора крѣпостного суда по дѣлу барона Гозвина Менгдена, обвиняемаго въ разбрасываніи въ Огерской волости Венденскаго уѣзда противоправительственныхъ прокламацій, предписываю дѣло это, согласно п. 6 ст. 19 правилъ о мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи, изъять изъ общей подсудности. Дознаніе по сему дѣлу передать военно-морскому слѣдователю крѣпостного суда для производства

отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, согласно ст.ст. 1351 и 1434 XIV раздѣла военно-судебнаго устава.

(Нов. Вр. 17 Окт.).

„Лифляндскій губернаторъ издалъ объявленіе объ отмѣнѣ обязательныхъ постановленій о распорядкѣ на рижскихъ рынкахъ въ части, касающейся сборовъ съ крестьянъ, привозящихъ на городскіе рынки для продажи сельскохозяйственные продукты. Сборы эти въ Ригѣ взимались въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ вопреки буквальнаго смысла закона".

Такимъ образомъ, чтобы отмѣнить это незаконное постановленіе, созданное исключительно въ интересахъ нѣмецкаго рижскаго городского управленія, потребовались событія столь чрезвычайной важности. Та же газета передаетъ, что въ Петроградъ вновь выѣзжала депутація мѣстныхъ пивоваренныхъ заводчиковъ для исходатайствованія разрѣшенія торговли пивомъ во время войны. Къ сожалѣнію о результатахъ этой поѣздки депутаціи газета не говоритъ пока ни слова. Но лицо, освѣдомленное въ дѣлахъ нѣмецкихъ пивоваренныхъ заводчиковъ Прибалтійскаго края, сообщаетъ любопытныя данныя о составѣ синдиката рижскихъ пивоваровъ.

„Крупнѣйшій изъ нихъ бывшій владѣлецъ завода „Вальдшлеесхенъ" фонъ-Бюнгнеръ, наживъ здѣсь миліоны, купилъ на послѣдніе замокъ въ Силезіи и выбылъ, сколько мнѣ извѣстно изъ русскаго подданства. Теперешній лидеръ сказаннаго благороднаго промысла д-ръ Бахъ, учредитель рижскаго синдиката пивоваренъ, германскій подданный понынѣ".

Кстати сказать, рижская городская дума 18 августа, постановивъ о закрытіи на время войны на территоріи Риги торговли водкой, торговлю пивомъ оставила въ полной неприкосновенности.

(Нов. Вр. 30 Августа).

Казен. Заводы и герм. под. Изъ Риги пишутъ о мѣстномъ отдѣленіи русскаго, якобы, общества „Всеобщая компанія электричества". Какое же, спрашиваютъ, это русское общество, если рижское отдѣленіе управляется приказами исключительно изъ Берлина. Оттуда для контроля пріѣзжали изъ Берлина геры Роосъ и Герачъ, а къ самому старшему, къ геръ Іордану рижскіе директора должны были ѣздить въ Берлинъ, безъ чего ни одинъ изъ нихъ не получалъ утвержденія въ своей должности.

Вся переписка въ этомъ „русскомъ“ дѣлѣ ведется, конечно, исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, и съ началомъ войны изъ этого рижскаго отдѣленія было выселено 150 человѣкъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ изъ числа младшихъ служащихъ. Старшіе же остались въ полной неприкосновенности.

Всѣмъ выселеннымъ были прощены всѣ числящіяся на нихъ ссуды, недоимки и выдано двухмѣсячное жалованье. Мѣста оставлены за ними, а у кого семьи остались, то онѣ получаютъ отъ общества пособія.

Въ то же самое время русскіе служащіе общества были призваны въ дѣйствующую армію и съ нихъ высчитали всѣ ссуды, а жалованье выдали по 1 августа, т. е. за 8—10 дней.

А вѣдь это общество исполняетъ большіе военные заказы.

Теперь это рижское отдѣленіе подчинено петроградскому отдѣленію, но распоряженія, получаемыя изъ Петрограда относительно хода казенныхъ работъ, не всегда исполняются. Одинъ изъ рижскихъ директоровъ, геръ Рейнеке, русскій Нѣмецъ назначенный вмѣсто нѣмецкаго Нѣмца, выразился даже такъ: окончится война и петроградскому отдѣленію здорово влетитъ изъ Берлина за его русофильство.

Недавно одинъ изъ заправилъ уѣхалъ въ Германію—должно быть съ докладомъ, какъ медленно и небрежно исполняютъ теперь эти казенные заказы.

Интересуются наши кореспонденты еще и такимъ вопросомъ: на многихъ заводахъ оставлены мастеровые, подлежавшіе призыву въ дѣйствующую армію, для работъ по выполненію военныхъ заказовъ. Заводы указывали, что безъ этихъ мастеровыхъ они обойтись не могутъ. Число такихъ мастеровыхъ опредѣлялось самими заводами. Заводы же эти по преимуществу нѣмецкіе. Теперь же оказывается, что на казенныхъ работахъ занято всего лишь 10—15 процентовъ изъ числа этихъ мастеровыхъ и слѣдовательно вся почти ихъ масса оставлена зря. Не сдѣлано ли это Нѣмцами для уменьшенія численности нашихъ войскъ??

(Веч. Вр. 3-го Ноября).

Относительно русско-подданныхъ Нѣмцевъ тоже сообщаютъ. Нѣтъ еще и двухъ лѣтъ, какъ одинъ русскій подданный г. Цизе, крупный, къ тому же, русскій помѣщикъ, инженеръ, получилъ *подъ эти свои качества* крупный, многомилліонный казенный заказъ, для выполненія котораго построилъ заводъ въ Ригѣ. И что

же? Началась война; русскій подданный г. Цизе убѣжалъ и теперь состоитъ въ рядахъ нѣмецкой арміи; имѣніе было куплено передъ самымъ полученіемъ заказа у баронессы Штакельбергъ и барона Эльзена въ кредитъ, подъ ипотеки, за 500 тысячъ, въ то время какъ мѣстное латышское общество давало за него 700 тысячъ; но наши бароны не имѣютъ права продавать своихъ земель не Нѣмцамъ. Ихъ за это другіе бароны заклюютъ. Заводъ въ Ригѣ тоже оказался построеннымъ подъ ипотеки, и теперь всѣ эти ипотеки находятся въ рукахъ лицъ, которыя не представляютъ собою никакой гарантіи въ смыслѣ выполненія казеннаго заказа, ни имущественной, ни технической.

Вѣдь это же былъ, несомнѣнно, цѣлый заговоръ и русскихъ бароновъ и русско-подданнаго нѣмецкаго офицера съ цѣлью поставить наше правительство въ безвыходное положеніе. Заказъ-то вѣдь не будетъ выполненъ.

А у насъ все думаютъ, какъ поступить съ имуществами нѣмецкихъ подданныхъ, убѣжавшихъ въ Германію для службы въ войскахъ. И, кажется, придумали: взять ихъ подъ надзоръ казны и возвратить послѣ войны „законнымъ“ владѣльцамъ съ наросшими на нихъ доходами.

А кто же возвратитъ нашимъ подданнымъ ихъ разоренныя и уничтоженныя Нѣмцами имущества?

(Веч. Вр. Scout).

К. Цейссъ въ Ригѣ. Намъ передаютъ совершенно невѣроятную исторію о нѣмецкомъ оптическомъ заводѣ К. Цейсса въ Ригѣ. Этотъ заводъ представляетъ филіальное отдѣленіе оптическаго завода Карла Цейсса въ Іенѣ (Германія), организація котораго лишь на половину комерческая и который находится въ весьма близкихъ, хотя и не вполнѣ ясныхъ отношеніяхъ къ военному и морскому министерсту Германской имперіи. Заводъ Цейсса давно пытается твердо устроиться въ Россіи (во Францію его наши союзники не пустили) и для этого раньше всего основалъ въ Петроградѣ контору, затѣмъ оборудовалъ въ Ригѣ заводъ и построилъ для него на берегу Двины спеціальное зданіе съ плоской крышей, съ которой можно взглядомъ охватить всю Ригу; весь высшій персоналъ, комерческій и техническій, составляли, конечно, германскіе подданные, вывезенные изъ Іены. Далѣе по классическимъ образцамъ Цейссъ рѣшилъ превратить свое предпріятіе въ „русское общество“, а если возможно, то и втереться

въ казенный Обуховскій заводъ, которому К. Цейссъ любезно предложилъ свое техническое содѣйствіе. Послѣднее къ счастью не удалось, но для превращенія въ „русское общество“ никакихъ препятствій не встрѣтилось. Уставъ былъ утвержденъ, но по какимъ-то высшимъ соображеніямъ общество къ установленному сроку своихъ содѣйствій не открыло. Послѣдній срокъ учрежденія истекалъ въ августѣ, т.-е. уже послѣ начала войны. Несмотря на это, германское предпріятіе „Карлъ Цейссъ“ имѣло смѣлость уже *послѣ начала военныхъ дѣйствій* хлопотать о продленіи ему срока на учрежденіе русскаго общества на полгода, т.-е. до февраля 1915 года. Къ величайшему удивленію всѣхъ, такое *разрѣшеніе ему дано*.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ наши войска сражались за честь и достоинство родины съ сородичами германскаго Карла Цейсса, у насъ въ Россіи этому германскому „Карлу Цейссу“ офиціально помогаютъ создать себѣ фиговый листокъ „русскаго общества“. Снятая изъ предосторожности надъ правленіемъ на Казанской ул. вывѣска „Karl Zeiss“, вѣроятно, въ скоромъ будущемъ будетъ замѣнена новой вывѣской: „Русское общество Карлъ Цейссъ“.

(Веч. Вр. 29 Окт.).

Германскій офицеръ запаса. „Рижск. Вѣстн.“ со словъ эстонскихъ газетъ передаетъ, что въ Аренсбургѣ свободно проживаетъ германскій подданный, офицеръ запаса германской арміи, который, за неимѣніемъ опредѣленныхъ занятій, проводитъ время въ прогулкахъ по окрестностямъ города. Его считаютъ умалишеннымъ, однако, лица, ближе знающія его, сомнѣваются въ основательности этого предположенія.

Укрывательство германскихъ подданныхъ. По словамъ „Рижск. Вѣстн.“, феллинскій мировой судья приговорилъ арендатора имѣнія Нѣмца Вюнера къ 50 руб. штрафа за то, что онъ не представилъ полиціи свѣдѣній о германскихъ подданныхъ, работающихъ въ имѣніи.

(Новое Время).

Тевтонское засиліе. Прибалтійскій край лишь слегка почищенъ отъ швабовъ, съ которыми мѣстные бароны тѣсно связаны и ходатайства ихъ являются весьма вліятельными. Попрежнему

лѣсничіе и управляющіе у бароновъ Австрійцы и Пруссаки, попрежнему пасторы, ставленники бароновъ, проповѣдуютъ германизмъ и грозятъ мѣстному населенію нашествіемъ Тевтоновъ, обѣщая запречь Эстонцевъ въ плуги. Обидно русскому человѣку все это видѣть и быть безсильнымъ и Эстонцу чувствовать этотъ гнетъ, Эстонцу, который все отдалъ, отдаетъ и отдастъ на защиту интересовъ Россіи, которой беззавѣтно онъ преданъ.

(Вечер. Время).

Земское хозяйство въ краѣ.

Неотложная реформа. Предпринятыя въ Прибалтійскомъ краѣ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія послѣ сенаторской ревизіи Манасеина реформы дали краю русскій судъ, русскую школу, русскую полицію, и комисаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, хотя, по правдѣ сказать, уже далеко не Русскихъ, а большею частью изъ тѣхъ же прибалтійскихъ Нѣмцевъ. Мѣстное самоуправленіе осталось реформой незатронутымъ. Функціи мелкой земской единицы тамъ до сихъ поръ исполняются крестьянскими волостями; между волостями, какъ низшимъ земскимъ органомъ, и губернскими учрежденіями — ландтагами стоятъ приходы, выросшіе изъ церковныхъ учрежденій. Такъ какъ роль губернскихъ учрежденій, губернскихъ присутствій и казенныхъ палатъ, сводится лишь къ надзору за дополнительными земскими сборами, имѣющими опредѣленное узкое назначеніе,—на устройство и содержаніе мировыхъ учрежденій, то главная роль въ земской жизни края выпадаетъ на долю дворянскихъ учрежденій, носящихъ общее названіе: „дворянство и земство". По своду мѣстныхъ узаконеній, первая несообразность, которая бросается въ глаза при взглядѣ на прибалтійскіе ландтаги, заключается уже въ томъ, что Прибалтійскій край имѣетъ не три дворянско-земскихъ сословныхъ организаціи, какъ должно было быть по числу губерній края, а цѣлыхъ четыре: острову Эзелю въ силу какихъ-то особыхъ преимуществъ, хотя территоріально и административно входящему въ составъ Лифляндской губерніи, предоставлено право имѣть свой самостоятельный ландтагъ. Земскія учрежденія Курляндіи, съ другой стороны, существенно отличаются отъ земскихъ учрежденій Лифляндіи и Эстляндіи. Съ другой стороны, ландтаги Лифляндіи, Эстляндіи и Эзеля, весьма сходные между собой, очень во многомъ различаются въ мелочахъ. Но кромѣ ландтаговъ, собирающихся въ Лифляндіи, Эстляндіи и на островѣ Эзелѣ разъ въ три года, Прибалтійскій край имѣетъ еще второй земскій органъ съ громкимъ наименованіемъ — конвента. Конвентъ состоитъ изъ ландратской колегіи, предводителя дво-

рянства, по мѣстному, ландмаршала, и двѣнадцати (а на островѣ Эзелѣ 6) уѣздныхъ депутатовъ, избираемыхъ ландтагами по уѣздамъ. Исполнительными же органами ландтаговъ служатъ, такъ называемыя, ландратскія колегіи, члены которыхъ избираются пожизненно. „Первая обязанность ландратской колегіи, — гласитъ законъ,—есть бдительное отеческое попеченіе объ охраненіи правъ и преимуществъ учрежденій и постояннымъ обычаемъ установленныхъ правилъ дворянскаго общества". Уѣздныя собранія дворянства, существующія на бумагѣ, фактически сводятся лишь къ избранію уѣздныхъ депутатовъ ландтаговъ. По отдѣльнымъ отраслямъ земскаго хозяйства существуютъ еще спеціальные земско-дворянскіе органы. Такъ, высшій надзоръ за школьнымъ дѣломъ вѣдаетъ верховный комитетъ земскихъ школъ, состоящій изъ 4 главныхъ церковныхъ попечителей, генералъ суперинтендента и одного совѣтника. Всѣ эти лица, какъ полагается по прибалтійской „конституціи", выбираются, конечно, дворянствомъ и утвержденію со стороны русской администраціи не подлежатъ. Верховному школьному комитету подчинены уѣздные комитеты, въ которыхъ на ряду съ избираемыми ландтагами и рижскою лютеранскою консисторіей членами, въ видѣ исключенія, допущено и двое крестьянъ. Почтовое дѣло въ краѣ вѣдается директорами почтовыхъ станцій, избираемыми мѣстными помѣщиками; земскія дороги вѣдаются также дворянствомъ. „Все земско-хозяйственное управленіе въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ есть исключительно дворянское управленіе, состоящее изъ однихъ матрикулированныхъ дворянъ, которые въ союзѣ съ избранными имъ же лютеранскимъ духовенствомъ являются распорядителями судебъ страны, держащими въ своихъ рукахъ всю ея земскую жизнь",—такую характеристику далъ прибалтійскому земству неизвѣстный авторъ книги, вышедшей въ 1890 году — „Земское устройство прибалтійскихъ губерній". Единственнымъ исключеніемъ изъ общаго правила является лишь взиманіе въ Прибалтійскомъ краѣ дополнительнаго земскаго сбора на содержаніе мировыхъ судебныхъ учрежденій особыми присутствіями губернскихъ правленій.

Если пятьдесятъ лѣтъ назадъ подобныя земскія учрежденія въ краѣ находили себѣ въ чемъ-либо какое-нибудь оправданіе, то теперь они являются несомнѣнно печальнымъ историческимъ пережиткомъ. Судите сами: въ Прибалтійскомъ краѣ имѣется рядъ крупныхъ торгово-промышленныхъ городовъ, лишенныхъ

возможности принимать участіе въ земской жизни. Мѣстное крестьянство, Латыши и Эстонцы, поднялось экономически и развивалось духовно. Латышскія крестьянскія поля во многихъ отношеніяхъ являются образцами, опыто-показательными станціями и для нашего крестьянства. Край покрылся густой сѣтью сельскохозяйственныхъ и кредитныхъ обществъ, которыя съ успѣхомъ ведутся аборигенами края. Мѣстное населеніе достигло довольно высокаго уровня образованія и имѣетъ свою литературу и печать. Благодаря русскому вліянію, по преимуществу вліянію нашего духовенства, у коренныхъ жителей края выросло и развилось мѣстное національное чувство, которому претитъ нѣмецкое господство въ краѣ. Наконецъ, если 40—50 лѣтъ назадъ, мы, Русскіе, были въ глазахъ прибалтійскихъ Нѣмцевъ лишь незванными гостями, для которыхъ тамъ не было мѣста для работы и дѣятельности, теперь въ особенности, послѣ городской реформы, мы прочно стоимъ тамъ на ногахъ. Принимая участіе въ управленіи городовъ Прибалтійскаго края, мы лишены, однако, возможности вліять на земскую его жизнь. Реформы 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія отдали въ наши руки прибалтійскую школу, прибалтійскій судъ и дали намъ нѣкоторую возможность вліять на ходъ городской жизни въ краѣ. Этими реформами вліяніе Нѣмцевъ въ мѣстной жизни было поколеблено, но не уничтожено окончательно. Потерявъ часть своего вліянія въ городахъ, въ судѣ и въ школѣ, они лишь сильнѣе еще укрѣпились на землѣ, въ деревнѣ, въ своихъ замкахъ. Какъ ни печально для нашей государственности, но мы должны сознаться, что эксцессы, бывшіе въ Прибалтійскомъ краѣ въ 1905—1906 годахъ, вызваны не чѣмъ инымъ, какъ нѣмецкимъ господствомъ въ жизни мѣстнаго самоуправленія. Въ Высочайшемъ указѣ отъ 29 ноября 1905 года объ учрежденіи временнаго прибалтійскаго генералъ-губернаторства прямо отмѣчены „вопросы мѣстной жизни, оставленіе коихъ безъ удовлетворительнаго разрѣшенія содѣйствуетъ распространенію смутъ“.

(Нов. Вр. 20 Окт).

Въ „Рев. Вѣстн.“ напечатано письмо секретаря эстляндскаго дворянства, въ которомъ онъ возражаетъ на появившіяся въ „Рев. Изв.“ замѣчанія относительно дѣятельности мѣстнаго дворянско-земскаго самоуправленія по участію въ организаціи помощи раненымъ и семьямъ запасныхъ. Даже секретарь дворянства вынужденъ признать, что сдѣланное въ этой области эстляндскимъ

дворянско-земскимъ самоуправленіемъ выражается въ „скромныхъ цифрахъ"; но пытается оправдать это соображеніями, которыя едва ли могутъ быть признаны основательными. Онъ говоритъ, что дворянскій комитетъ не считалъ возможнымъ дѣлать пожертвованія изъ суммъ „земской кассы", „образующихся изъ взносовъ плательщиковъ всѣхъ категорій, такъ какъ, въ виду крайне тяжелаго экономическаго положенія вслѣдствіе неурожая, имѣющихся средствъ, повидимому, не хватитъ даже на покрытіе текущихъ и экстренныхъ вызванныхъ войною, а равно и неурожаемъ, расходовъ на мѣстныя нужды. Обложеніе же земель въ уѣздахъ новыми сборами для полученія нужныхъ средствъ легло бы слишкомъ тяжелымъ бременемъ въ особенности на землевладѣльцевъ-крестьянъ, участвующихъ уже въ покрытіи сильно возрастающихъ расходовъ волостныхъ кассъ". Эта внезапно проявившаяся дворянская заботливость о землевладѣльцахъ-крестьянахъ находится, однако, въ полномъ противорѣчіи съ образомъ дѣйствій самихъ крестьянъ, такъ какъ извѣстно, что волостныя общества нашего края не остановились предъ значительными жертвами на нужды войны. Эти общества сумѣли понять, что въ настоящее чрезвычайное время необходимы и чрезвычайныя жертвы на пользу Отечества, и что теперь не время для обыденной экономіи. И эта разница въ отношеніи къ дѣлу весьма характерна. Въ сущности, именно въ ней и заключается вся суть обсуждаемаго вопроса. Въ такое время, когда дѣло идетъ о безопасности Отечества, горячо преданные ему граждане чувствуютъ сердечную потребность стать на его защиту, „не щадя живота", какъ говорилось въ старину, т. е. отложивъ въ сторону обыденные личные и имущественные разсчеты. А все возраженіе секретаря эстляндскаго дворянства построено именно на такихъ разсчетахъ. „Дворянскій комитетъ, опредѣляя размѣры пожертвованій изъ кассъ дворянства и крупнаго землевладѣнія, пишетъ онъ, долженъ былъ считаться съ имѣющимися средствами". А затѣмъ слѣдуютъ ссылки на „серьезное экономическое положеніе", на „неблагопріятныя условія сбыта и почвы" и даже на „климатъ". Но какъ бы чувствуя, что всѣ эти ссылки все же недостаточны, секретарь дворянства говоритъ: „Кромѣ того, дворянство разсчитывало, что общественныя и сословныя организаціи и отдѣльныя лица по мѣрѣ возможности добровольными пожертвованіями пополнятъ пробѣлъ, обусловленный отсутствіемъ земской организаціи, обнимающей города и уѣзды". Да, вѣдь, по такому соображенію, и всѣ могутъ счи-

тать себя свободными отъ обязанности къ болѣе значительнымъ жертвамъ на томъ основанiи, что пожертвованiя другихъ „пополнятъ пробѣлъ“, если только общее настроенiе допускаетъ возможность такого рода соображенiй. Этимъ настроенiемъ, въ сущности, все и опредѣляется. Въ этомъ смыслѣ можно принять во вниманiе и „климатъ“, который, очевидно, не благопрiятствуетъ развитiю въ нѣкоторыхъ эстляндскихъ слояхъ такого настроенiя, которое могло бы заставить отказаться въ настоящiй чрезвычайный моментъ отъ тѣхъ надуманныхъ соображенiй, которыя дворянскiй секретарь приводитъ въ оправданiе „скромности“ того, что сдѣлано дворянско-земскимъ самоуправленiемъ для удовлетворенiя военныхъ нуждъ.

(Рижск. мысль 27 сентября).

Проклятый вопросъ. Въ послѣднее время упорно говорятъ о ликвидацiи въ Россiи нѣмецкаго землевладѣнiя и предугадываютъ мѣры, которыя для этого будутъ приняты. Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданiй Совѣта Министровъ этотъ вопросъ будетъ снова подвергнутъ обсужденiю. Но почти всякiй разъ, когда приходится касаться послѣдняго вопроса и при этомъ хотя бы отдаленнымъ образомъ подходить къ опредѣленiю общеизвѣстнаго понятiя о нѣмецкомъ колонистѣ, многiе впадаютъ въ грубую ошибку.

Дѣло въ томъ, что съ колонистомъ прежде всего связываютъ представленiе объ иностранномъ подданствѣ. Часть общества полагаетъ, что нѣмецкими колонистами слѣдуетъ также считать перешедшихъ въ русское подданство изъ австрiйскаго или германскаго и конечно это понятiе уже гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ предыдущее. Но все же и оно не вполнѣ отвѣчаетъ дѣлу. Трагизмъ положенiя заключается въ томъ, что громадная часть нѣмецкихъ колонистовъ, говорящихъ и думающихъ только по-нѣмецки, развѣшивающихъ у себя въ домахъ портреты Вильгельма и презирающихъ русскiй народъ, среди котораго они живутъ и богатѣютъ, не только состоитъ въ русскомъ подданствѣ, но и родилась въ немъ, иногда даже отъ русско-подданныхъ родителей.

Нѣмцы сами не скрываютъ болѣе, что колонисты въ Россiи считаются ими и германскими подданными. Лучшее доказательство этому—статья берлинскаго офицiоза „Lokal-Anzeiger“. Этотъ органъ, возражая нашей газетѣ, прямо заявляетъ, что „колонисты—

это піонеры нѣмецкой культуры и цивилизаціи, что они раньше были Нѣмцами, чѣмъ русскими поданными, и слѣдовательно не могутъ дѣйствовать во вредъ своему *природному отечеству* и что они наконецъ *состоятъ равно же и въ германскомъ подданствѣ*"...

Кто виноватъ въ томъ, что создалось подобное положеніе? Виноваты конечно всѣ, исключая крестьянскаго сословія, которое болѣе всего терпѣло и терпитъ отъ Нѣмцевъ, забирающихъ лучшую землю и никогда уже болѣе не отдающихъ ее въ русскія руки, непомѣрно вздувающихъ покупныя и арендныя цѣны, всегда располагающихъ изъ неизвѣстнаго источника огромнымъ капиталомъ для покупки земли на наличныя деньги и захватывающихъ въ свои цѣпкія руки земское самоуправленіе.

Правда, для попустительства Нѣмцамъ былъ большой соблазнъ. Слишкомъ ужъ большую платежную силу представляютъ они для всякой мѣстности, въ которой водворяются, и чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ, лучше всего привести слова офиціальнаго документа, которыя заслуживаютъ того, чтобы вникнуть въ ихъ значеніе.

Вотъ что говоритъ проектъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Макарова о нѣмецкихъ колонистахъ Волынской губерніи, внесенный въ Г. Думу въ декабрѣ 1912 года.

„Вскорѣ послѣ изданія правилъ 14 марта 1892 года (представлявшихъ слабую попытку хотя бы на будущее время остановить ростъ нѣмецкаго землевладѣнія въ Волынской губерніи и уничтожить нѣмецкую аренду), правительство обратило вниманіе на возникавшія при примѣненіи ихъ существенныя затрудненія и недоразумѣнія, выражавшіяся въ томъ, что большинство иностранныхъ поселенцевъ, принявшихъ русское подданство и укоренившихся въ краѣ, подлежало, за невозможностью для нихъ возобновить арендные договоры, выселенію изъ предѣловъ губерніи. Между тѣмъ устраненіе значительнаго числа иностранныхъ поселенцевъ, при отсутствіи на мѣстѣ другихъ съемщиковъ земель, крайне неблагопріятно отразилось бы на интересахъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ виду сего въ январѣ 1895 года комитетъ министровъ, войдя въ разсмотрѣніе вопроса о возможныхъ экономическихъ затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ немедленнымъ устраненіемъ отъ аренды земельныхъ угодій значительнаго числа иностранныхъ поселенцевъ, призналъ необходимымъ безотлагательно упорядочить условія землевладѣнія въ Волынской губерніи путемъ отмѣны установленныхъ закономъ 14

марта 1892 года ограниченій въ отношеніи иностранныхъ поселенцевъ, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ".

Приведенныя слова не нуждаются въ разъясненіяхъ. Конечно волынскіе помѣщики не сознавали, что въ каждомъ повышеніи цѣнности ихъ земель, въ каждомъ рублѣ, уплаченномъ ихъ нѣмецкими арендаторами, заключалась цѣна неуловимой частички вреда, наносимаго Русскому государству и русскому мужику, который не могъ соперничать и состязаться съ Нѣмцемъ и его таинственными денежными покровителями изъ за границы. Помѣщики не могли знать, что они участвуютъ въ дешевой продажѣ русскаго суверенитета и той крови русскаго солдата, которая такъ щедро льется теперь на земляхъ, заселенныхъ нѣмецкими колонистами. Но мы то теперь уже это хорошо знаемъ, какъ знаемъ и то, что исторіи 1895 года не можетъ болѣе повториться...

Говорятъ,—пока громъ не грянулъ, мужикъ не перекрестится. Громъ грянулъ, но перекреститься должны общество и власть. Будемъ надѣяться на то, что они найдутъ довольно силы, чтобы раздѣлаться съ нѣмецкимъ вопросомъ въ Россіи такъ же, какъ раздѣлываются съ нимъ у себя наши западные союзники. Ибо, если этого не будетъ, то останется заключить, что мы дѣйствительно представляемъ собою то удобреніе, на которомъ должны распускаться нѣмецкіе махровые цвѣты.

(Нов. Вр. 13 Окт.).

Феодальное земство. Никогда, туземное населеніе Прибалтійскаго края,—латыши и эстонцы,—не чувствовало такой нужды въ земскихъ учрежденіяхъ, какъ именно въ настоящій моментъ. Война въ связи съ неурожаемъ выдвинула рядъ неотложныхъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ всюду органами мѣстнаго самоуправленія. Здѣсь же земскія функціи, поскольку онѣ неизбѣжны даже при отсутствіи земства, находятся въ рукахъ нѣмецкаго дворянства, которое и не думаетъ утруждать себя разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, и они до сихъ поръ висятъ въ воздухѣ. Вотъ почему появившіеся въ печати слухи о предположеніяхъ касательно земской реформы въ Прибалтійскихъ губерніяхъ такъ взволновали у насъ всѣхъ.

Остзейское дворянство отличается отъ общерусскаго своей замкнутостью. Принятіе въ дворянскія общества зависитъ всецѣло отъ согласія $^3/_4$ ихъ членовъ, и этотъ законъ отрѣзываетъ

латышамъ и эстонцамъ всякую возможность въ нихъ попасть. Между тѣмъ отчасти благодаря неясностямъ закона, отчасти вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ условій, существующія земскія функціи перешли цѣликомъ къ этимъ обществамъ, представляющимъ въ значительной степени архаическій пережитокъ феодальныхъ временъ. Дворянство является юридическимъ владѣльцемъ большинства земель; однако законъ, предоставляя мѣстному дворянству, какъ собственнику земли, дѣлать раскладку земскихъ повинностей по имѣніямъ, ни слова не упоминаетъ о томъ, кто же опредѣляетъ *размѣры* этихъ повинностей. Центральные органы правительства не разъ пытались себѣ уяснить эти раскладки и требовали отчетовъ въ расходованіи получающихся суммъ, но всѣ эти попытки кончались ничѣмъ.

Соціальный вопросъ здѣсь переплелся неразрывными нитями съ національнымъ. Если не полное устраненіе, то во всякомъ случаѣ смягченіе остроты въ мѣстныхъ національныхъ отношеніяхъ возможно лишь при предоставленіи каждой народности свободы самоопредѣленія, что достигается между прочимъ раціональной организаціей мѣстнаго самоуправленія. Въ № 226-мъ „Русск. Вѣд.“, въ статьѣ Лео Аболина, мы прочитали знаменательныя слова: „Дайте каждому народу свободу его собственной жизни и мысли. Вѣрьте, повысится культура нашей общей родины“. Осуществленіе этого призыва породило бы не только великую культуру, но и великую любовь.

(Русск. Вѣд. 10 Окт.).

Земское хозяйство въ Прибалтійскомъ краѣ. Земская реформа 1864 года совершенно не коснулась губерній прибалтійскихъ. И въ области мѣстнаго самоуправленія этотъ богатый край до сихъ поръ продолжаетъ жить особенной, отличной отъ остальныхъ губерній Европейской Россіи, жизнью. Здѣсь, рядомъ съ совершенно безсистемными старыми сословными и церковными организаціями, дѣйствуютъ учрежденія, аналогичныя тѣмъ, которыя до 1911 года мы видѣли въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ. Въ Курляндской губерніи земское дѣло сосредоточено въ рукахъ чиновниковъ; въ губерніяхъ Лифляндской и Эстляндской имъ продолжаютъ завѣдывать дворянскія сословныя учрежденія. Лишь въ 1882 году вскорѣ послѣ введенія въ Прибалтійскомъ краѣ судебной реформы, въ сословномъ мѣстномъ управленіи двухъ губерній была пробита маленькая брешь,

выражающаяся лишь только въ томъ, что дополнительные земскіе сборы, взимаемые на содержаніе мировыхъ учрежденій губерній, были изъяты изъ рукъ дворянскихъ учрежденій и переданы въ руки особаго присутствія губернскаго правленія и казенныхъ палатъ. Въ Прибалтійскомъ краѣ имѣется не три дворянскихъ учрежденія, вѣдающихъ земское дѣло, какъ бы слѣдовало по числу губерній, а четыре,—островъ Эзель имѣетъ свое самостоятельное „дворянство и земство". Во главѣ дворянскихъ учрежденій Лифляндіи, Эстляндіи и Эзеля стоятъ ландтаги, собирающіеся обыкновенно разъ въ три года. На ландтаги подъ угрозою штрафа обязаны являться всѣ записанные въ мѣстную матрикулу дворяне отъ 21 года до 60 лѣтъ, владѣющіе дворянскими вотчинами. Могутъ являться на ландтаги и матрикулированные дворяне, не владѣющіе вотчинами, а въ Лифляндіи и на островѣ Эзелѣ и нематрикулированные дворяне и мѣщане, владѣющіе вотчинами, однако, безъ права голоса. Въ то время, какъ вся дѣятельность нашихъ общерусскихъ земскихъ учрежденій проходитъ открыто предъ глазами общества и подъ контролемъ власти, здѣсь, въ ландтагахъ, все дѣлается въ строжайшей тайнѣ: тайна собраній ревностно охраняется, участники собраній обязаны хранить полное молчаніе о всемъ томъ, что происходитъ на засѣданіяхъ ландтага. Кромѣ ландтаговъ, существуетъ еще второй распорядительный органъ, именуемый конвентомъ, а въ Эстляндіи—комитетомъ. Онъ состоитъ изъ ландратской коллегіи, предводителя дворянства и уѣздныхъ депутатовъ, избираемыхъ ландтагами по уѣздамъ. Ландратскія коллегіи, служащіи исполнительными органами ландтага, состоятъ въ Лифляндіи и Эстляндіи изъ 12 ландратовъ, а на островѣ Эзелѣ изъ 4-хъ. Всѣ ландраты избираются пожизненно. Уѣздныя собранія дворянства, хотя и существуютъ по закону, но никакого значенія не имѣютъ. Ихъ дѣятельность сводится къ избранію уѣздныхъ депутатовъ. По отдѣльнымъ отраслямъ земскаго хозяйства существуютъ спеціальные органы. Такъ высшій надзоръ за школьнымъ дѣломъ имѣетъ верховный комитетъ (въ Эстляндіи и Курляндіи—комиссіи земскихъ школъ, состоящій изъ четырехъ главныхъ церковныхъ попечителей, генералъ-суперинтендента и одного совѣтника, которые всѣ избираются дворянствомъ. Ему въ Лифляндіи подчинены уѣздные комитеты земскихъ школъ, въ которыхъ на ряду съ избираемыми ландтагами и евангелическо-лютеранскою консисторіей, членами участвуютъ и по два представителя отъ крестьянъ.

По почтовой части существуютъ особые органы въ лицѣ директоровъ почтовыхъ станцій, избираемыхъ мѣстными помѣщиками изъ своей среды и утверждаемыхъ очереднымъ ландратомъ. На обязанности ландмаршала и одного изъ ландратовъ лежитъ ежегодная ревизія почтовыхъ станцій. Особые органы въ Эстляндіи существуютъ и по дорожной части.

Таковы основныя черты земско-хозяйственнаго управленія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, которое справедливо однимъ изъ изслѣдователей его характеризуется, какъ—исключительно дворянское управленіе, состоящее изъ однихъ матрикулированныхъ дворянъ, которые, въ союзѣ съ избираемымъ ими же лютеранскимъ духовенствомъ, являются распорядителями судебъ края, держащими въ своихъ рукахъ всю земскую жизнь.

(Рев. Вѣстн. 16-го Сент. А. К-въ).

Реформа земства въ Прибалтійскомъ краѣ. Война съ Германіей выдвигаетъ на первую очередь вопросъ о земскомъ преобразованіи нашего Прибалтійскаго края, всѣмъ строемъ своей хозяйственной жизни отторгнутаго до сихъ поръ отъ Имперіи. Дальнѣйшее обособленіе края безусловно не можетъ быть дальше терпимо.

Въ Курляндской губерніи земско-хозяйственное устройство характеризуется недостатками сосредоточенія завѣдыванія земскими повинностями въ губернскомъ распорядительномъ комитетѣ съ устраненіемъ общественныхъ силъ отъ участія въ земской жизни.

Въ Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ земское устройство, напротивъ, сводится къ освобожденію общественныхъ органовъ земско-хозяйственнаго управленія отъ всякаго контроля правительственной власти; но эти органы являются мѣстными дворянскими учрежденіями, допускающими въ свой составъ лицъ недворянскихъ сословій (и то лишь въ отношеніи ландтаговъ) только владѣльцевъ дворянскихъ вотчинъ. Такой порядокъ управленія осложняется еще тѣмъ, что онъ не подчиненъ Общему Уставу о земскихъ повинностяхъ и терпитъ какъ полное смѣшеніе земскихъ сборовъ съ дворянскими складами, такъ и чрезмѣрную неуравнительность въ распредѣленіи повинностнаго бремени между равными видами обложеній и группами плательщиковъ, что происходитъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе особенности оцѣнокъ и податныхъ системъ, не распространяющихся на

неземельныя недвижимыя имущества, а въ Лифляндской губерніи, сверхъ того, и на всѣ мѣстныя и пасторскія, т. е. наиболѣе доходныя земли. Первый шагъ къ измѣненію строя мѣстной земской жизни уже сдѣланъ: въ Лифляндской губерніи уже окончены и, согласно Высочайше утвержденному 23 іюня 1912 года закону съ 1 января 1913 года принимаются для обложенія, а въ Эстляндской губерніи и уже начаты новыя оцѣнки недвижимыхъ имуществъ примѣнительно къ правиламъ объ оцѣнкахъ, дѣйствующихъ въ нашихъ земскихъ губерніяхъ.

Дальнѣйшими шагами къ устраненію общепризнанныхъ недостатковъ мѣстнаго строя будетъ введеніе въ краѣ земскаго самоуправленія по типу дѣйствующаго въ прочихъ частяхъ Имперіи и распространеніе на него правилъ Устава о земскихъ повинностяхъ для земскихъ губерній.

(Рев. Вѣстн. 16 Сент.).

Прибалтійское земство. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до Высочайшаго указа отъ 29 ноября 1905 года лифляндское дворянство, учитывая общественное настроеніе и само видимо сознавая всѣ изъяны мѣстнаго самоуправленія, выступило съ проектомъ земской реформы. Создавая земство, какъ новую организацію, проектъ лифляндскаго дворянства въ то же время сохранялъ всѣ земскія привилегіи и за старыми сословными дворянскими учрежденіями. Единая доселѣ дворянско-земская организація по проекту расчленялась какъ бы на двѣ, совершенно одинаковыхъ по характеру, организаціи. „Такимъ образомъ, пишетъ неизвѣстный авторъ брошюры „Земское хозяйство Прибалтійскаго края“, получились бы земскія учрежденія, на самомъ дѣлѣ неимѣющія почти никакихъ существенныхъ земскихъ дѣлъ, и дворянскія учрежденія сохранили бы и впредь всѣ свои преимущества“. Дворянство прилагало при этомъ всѣ старанія, чтобы этотъ проектъ провести еще до созыва Государственной Думы. Но это не удалось. Въ 1907 году особое совѣщаніе при временномъ прибалтійскомъ генералъ-губернаторствѣ закончило свои раборы о земской реформѣ въ краѣ. Съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ семь лѣтъ. Земскія учрежденія введены въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ, въ губерніяхъ юго-востока Россіи—Оренбургской, Астраханской и Ставропольской. Мы находимся наканунѣ земской реформы въ Сибири и даже на Дальнемъ Востокѣ. Лишь благодаря противодѣйствію Гос. Совѣта, земскихъ учрежденій не увидѣлъ нашъ

крайній сѣверъ—Архангельская губернія. Словомъ, вышло наоборотъ: земская реформа Прибалтійскаго края, девять-десять лѣтъ назадъ считавшаяся самой неотложной реформой, до сихъ поръ не осуществлена, а реформы, десять лѣтъ назадъ имѣвшія второстепенное и третьестепенное значеніе, давно уже облеклись плотью и кровью.

Въ Прибалтійскомъ краѣ мы видимъ три господствующихъ группы населенія—Русскихъ, Нѣмцевъ и аборигеновъ края, принадлежащихъ къ финскому и литовско-латышскому племенамъ, Эстовъ и Латышей. Первое мѣсто по численности принадлежитъ Эстамъ и Латышамъ, которыхъ въ Курляндской губерніи насчитывается около 78%, въ Лифляндской около 84% и въ Эстляндской около 88%. За ними идутъ Германцы: 7,6% въ Курляндской губ., 7,7% въ Лифляндской и 5,4% въ Эстляндской губерніи. Наконецъ, въ хвостѣ стоитъ русское населеніе, колеблющееся по каждой губерніи въ предѣлахъ отъ 5,1 до 5,7%. Въ рукахъ Нѣмцевъ въ краѣ находится земля; имъ же по преимуществу принадлежатъ и всѣ крупныя торгово-промышленныя предпріятія. Аборигены края, несмотря на свое численное превосходство, владѣютъ земельной собственностью въ лишь очень ограниченныхъ размѣрахъ и на три четверти составляютъ безземельныя пролетаріатъ: являются лишь батраками и рабочими крупныхъ нѣмецкихъ имѣній, да ихъ арендаторами. Русскій элементъ является служилымъ элементомъ, а въ городахъ, кромѣ того, занятъ торговлей и промыслами. Среди землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ коренныхъ русскихъ жителей въ краѣ почти нѣтъ. Создавая при этомъ соотношеніи національныхъ силъ въ Прибалтійскомъ краѣ проектъ земской реформы, мы невольно отдаемъ мѣстное самоуправленіе въ краѣ въ руки или Нѣмцевъ, или Эстовъ и Латышей. Такъ случилось и съ послѣднимъ проектомъ земской реформы. Учитывая психологическій моментъ, создавшійся въ Прибалтійскомъ краѣ послѣ 1905 года, прибалтійское нѣмецкое дворянство наложило на проектъ свой отпечатокъ. Вся система выборовъ по проекту разсчитана на то, чтобы дать руководящую роль въ будущемъ земствѣ крупному исключительно нѣмецкому землевладѣнію. По проекту избиратели раздѣляются на три класса. Въ первомъ участвуютъ только владѣльцы дворянскихъ вотчинъ и земельныхъ участковъ съ площадью не менѣе 200 десят., оцѣненныхъ не ниже 15,000 руб. Ко второму разряду избирателей отнесены владѣльцы прочихъ недвижимостей, оцѣненныхъ не ниже 750 руб., и владѣльцы

торгово-промышленныхъ предпріятій первыхъ пяти разрядовъ. Къ третьему классу избирателей принадлежатъ собственники недвижимости, не имѣющіе права голоса по первому разряду, и арендаторы не выдѣленныхъ крестьянскихъ усадебъ. Такимъ образомъ, три четверти мѣстнаго населенія—безземельные Латыши и Эсты — отъ земской жизни проектомъ устраняются. Первому классу избирателей дается такое же число голосовъ, какъ и третьему классу. Но такъ какъ торговыя и промышленныя заведенія въ сельскихъ мѣстностяхъ хотя и не принадлежатъ Нѣмцамъ, но стоятъ на арендованной у Нѣмцевъ землѣ, то превосходство въ земскомъ самоуправленіи Нѣмцевъ видно само собой. Если еще прибавить, что по проекту губернское земское собраніе должно созываться лишь одинъ разъ въ три года, а въ промежутокъ все земское дѣло будетъ вѣдаться земскимъ комитетомъ, ясно, что земство будетъ не чѣмъ инымъ, какъ увеличенной копіей стараго допотопнаго ландтага. Разница между ландтагомъ и земствомъ будетъ лишь въ томъ, что ландтагъ, потерявъ свой узко-сословный нѣмецкій характеръ, пріобрѣтетъ широкое національное нѣмецкое обличье. Сословныя рамки въ немъ лишь расширятся до рамокъ національныхъ. На ряду съ Нѣмцами русско-подданными въ будущемъ земствѣ по второму разряду избирателей будутъ принимать участіе и Нѣмцы, подданные германскаго императора. Реформированное земство явится не организаціей, пекущейся о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, а пангерманской организаціей, насаждающей въ краѣ пангерманскую культуру. Если и отдѣльные прибалтійскіе дворяне въ послѣднія семь-восемь лѣтъ обнаруживали стремленіе къ германизаціи края, выражающейся въ открытіи нѣмецкими ферейнами бюро для снабженія работодателей-Нѣмцевъ нѣмецкими рабочими силами, въ открытіи въ городахъ и имѣніяхъ школъ съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія,—то гдѣ и какая гарантія въ томъ, что этого, не только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, не будетъ продѣлывать и реформированное прибалтійское земство.

Противники нѣмецкаго земства говорятъ: „если хотите парализовать нѣмецкое вліяніе въ жизни мѣстнаго самоуправленія края, дайте въ будущемъ земствѣ перевѣсъ Эстамъ и Латышамъ. Мѣстное коренное населеніе найдетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы противостоять волнамъ германизаціи, вливающимся въ Прибалтійскій край изъ-за Нѣмана“. Въ этомъ утвержденіи несомнѣнно есть большая доля истины.

(Нов. Вр. 25-го Сент.).

Больной вопросъ. Одинъ изъ самыхъ больныхъ мѣстныхъ вопросовъ есть вопросъ о самоуправленіи. Въ Прибалтійскомъ краѣ зачатки самоуправленія появляются почти непосредственно послѣ завоеванія края тевтонскими рыцарями. Необходимость принятія однородныхъ мѣръ по отношенію къ незамиреннымъ туземцамъ, совершенная неопредѣленность границъ земельныхъ владѣній, отсутствіе судебнаго законодательства, — все это побуждало завоевателей, получившихъ въ ленъ отъ рижскихъ епископовъ и ордена значительные земельные участки, собираться на совѣщанія, сначала не имѣвшія ни опредѣленнаго состава, ни точно обозначеннаго круга дѣлъ. Такія совѣщанія, *ландтаги*, постепенно становятся ежегодными, пріобрѣтаютъ опредѣленную компетенцію и, съ ослабленіемъ епископской власти, къ XVI вѣку становятся постоянными учрежденіями, имѣющими большое значеніе во всѣхъ областяхъ мѣстной жизни. Широкое развитіе самоуправленія способствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ превращенію отдѣльныхъ землевладѣльцевъ въ сословіе съ крѣпкою корпоративною связью и однородными интересами отдѣльныхъ его членовъ. При шведскомъ правительствѣ, въ XVII вѣкѣ самоуправленіе получаетъ дальнѣйшее развитіе. Дѣятельность ландтаговъ регулируется законодательствомъ, создается исполнительный ихъ органъ, — *ландратскія коллегіи*, устанавливается право самообложенія, и вновь развивающіяся культурныя учрежденія (церковь, школа, почты и т. д.) поручаются попеченію тѣхъ же органовъ самоуправленія, въ которыхъ сосредоточивается завѣдываніе всѣми отраслями мѣстной жизни въ областяхъ судебной, административной и хозяйственно-культурной. Законодательство XVII вѣка, завершающее собою развитіе мѣстнаго самоуправленія, остается въ основныхъ чертахъ неизмѣненнымъ до сихъ поръ. Все, что сдѣлано по данному вопросу русскимъ правительствомъ, ограничивается или кодификаціонною передѣлкою существующаго закона (какъ Положеніе о ландтагахъ 1827 г.), или изъятіемъ изъ круга дѣятельности сословныхъ органовъ такихъ чисто государственныхъ сторонъ жизни, какъ судъ, полиція, крестьянскія учрежденія (въ 1887—1889 гг.). Съ другой стороны, именно за послѣдніе два вѣка начало узко-сословное стало усиленно проводиться и закрѣпляться въ самоуправляющихся органахъ. Русское правительство отчасти по незнанію мѣстныхъ отношеній шло по пути предоставленія особыхъ привилегій дворянской корпораціи, которая, въ его глазахъ, олицетворяла собою интересы всего мѣстнаго населенія

края. Весь XVIII и начало XIX вѣка изобилуютъ отдѣльными законоположеніями, сосредоточивающими въ рукахъ дворянства право покупки имѣній, аренды казенныхъ земель и устраняющими другія сословія отъ землепользованія во всѣхъ его видахъ, а, слѣдовательно, и отъ участія въ самоуправленіи. Кульминаціоннымъ пунктомъ въ этомъ направленіи служатъ правила о *матрикулахъ*, обнародованныя въ 1747 г., благодаря которымъ отъ прямого участія въ самоуправленіи устраняются даже и дворяне, именно тѣ, которые не принадлежатъ къ особо привилегированнымъ фамиліямъ, съ давнихъ поръ владѣющимъ земельными имуществами въ краѣ и внесеннымъ въ матрикулы. Указъ 1809 г. сосредоточилъ въ рукахъ этой горсти привилегированныхъ лицъ исключительное право землевладѣнія.

Начиная съ 30-хъ годовъ XIX вѣка, землевладѣніе дѣлается доступнымъ и для нематрикулированныхъ, но, благодаря давней корпоративной связи и экономической мощи дворянства, случаи перехода имѣній въ другія руки являются очень рѣдкими. Такъ, въ Лифляндіи еще въ 1900 г. $^6/_7$ всѣхъ дворянскихъ вотчинъ принадлежало матрикулированнымъ дворянамъ, которые и удерживаютъ въ своихъ рукахъ полноту власти въ дѣлахъ самоуправленія. Исключительно имъ принадлежитъ рѣшающій голосъ во всѣхъ постановленіяхъ ландтаговъ, а также пассивное и активное избирательное право во всѣ выборныя должности. Владѣльцы дворянскихъ вотчинъ, непринадлежащіе къ матрикулированному дворянству, хотя и допускаются къ участію въ ландтагахъ, но лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса; всѣ же прочія жители края рѣшительно никакого участія въ самоуправленіи принимать не могутъ.

Итакъ самоуправленіе находится всецѣло въ рукахъ у небольшой кучки лицъ, находящихся въ непримиримомъ экономическомъ и соціальномъ антагонизмѣ со всѣмъ прочимъ населеніемъ, отъ большинства котораго ихъ отдѣляетъ и разница національности и языка. Но этой кучкѣ принадлежитъ право направлять всю хозяйственную жизнь края, и надобно отдать справедливость этимъ взысканнымъ судьбою счастливцамъ, что они широко пользуются этимъ правомъ: почта, телеграфъ, врачебная и агрономическая помощь, всѣ культурныя предпріятія существуютъ какъ бы только для помѣщиковъ; распредѣленіе сборовъ и повинностей поражаетъ своею исключительною неравно-

мѣрностью; насущнѣйшія для края реформы въ области аграрной и соціальной политики тормазятся десятилѣтіями и вѣками...

Законодательство представляетъ ландтагамъ совершенно исключительный для Россіи просторъ сужденій по мѣстнымъ вопросамъ. Ст. 83 и 227 т. II Св. мѣст. узак. гласитъ, что „все, что касается правъ пользы и учрежденій дворянскаго общества или блага края, можетъ быть предметомъ совѣщанія ландтага". Ст. 563-я первою обязанностью ландратскихъ коллегій ставитъ „бдительное отеческое попеченіе объ охраненіи правъ, преимуществъ и постояннымъ обычаемъ установленныхъ правилъ дворянскаго общества". Къ этимъ статьямъ толкованій не нужно: на-ряду съ безграничною областью сужденій по мѣстнымъ дѣламъ онѣ вполнѣ опредѣленно указываютъ то направленіе, въ которомъ эти сужденія должны идти: для дворянства—все, для населенія—ничего!

Такъ оно въ теченіе двухъ вѣковъ и было.

(Русск. Вѣд. 4 Ноября. Чл. Госуд. Думы князь С. Мансыревъ).

Земская реформа. „Въ Прибалтійскомъ краѣ необходимы реформы", это—общепризнанное положеніе. Противъ реформъ здѣсь только одни нѣмецкіе бароны. Въ русскихъ чиновныхъ кругахъ теперь тоже высказываются за необходимость реформъ. Какъ чиновная среда представляетъ себѣ необходимыя для края преобразованія, это, конечно, другой вопросъ. Передовыя позиціи въ борьбѣ за преобразованія въ краѣ занимаютъ латыши и эсты. Это—быстро прогрессирующія національности. Латыши и эсты—коренные жители края; ихъ болѣе 80%. Это демократическіе элементы, и ихъ національные интересы тѣсно связаны съ проведеніемъ демократическихъ реформъ. Поскольку, слѣдовательно, латышское и эстонское національное движеніе заключаетъ въ себѣ демократическія стремленія, оно является прогрессивнымъ движеніемъ, несущимъ краю болѣе справедливыя соціальныя и правовыя отношенія. Есть въ ихъ средѣ и узко-националистическія теченія, которыя чужды какой-либо культурной миссіи.

Въ ряду реформъ выдвигается прежде всего земская реформа. Это и понятно, если принять во вниманіе, въ какомъ положеніи находится мѣстное самоуправленіе въ краѣ. Правящимъ классомъ въ Прибалтійскомъ краѣ является мѣстное дворянство, иначе нѣмцы. И дворянскія, и земскія дѣла здѣсь вѣдаются одними и тѣми-же органами,—дворянскимъ ландтагомъ, дворянскимъ конвентомъ, дворянскими ландратными коллегіями,

участниками которыхъ являются дворяне, занесенные въ дворянскіе матрикулы,—а на мѣстахъ все въ рукахъ барона-помѣщика. Существуютъ приходскіе конвенты, въ которыхъ съ помѣщиками засѣдаютъ крестьяне-старшины, но эти послѣдніе—вполнѣ зависимый отъ помѣщиковъ элементъ. Если эти дворянскіе органы считать вмѣстѣ съ тѣмъ и земскими, то ясно, что такое „феодальное земство" представляетъ полнѣйшій анахронизмъ, такъ какъ отъ участія въ земскомъ самоуправленіи устранены всѣ классы, кромѣ помѣщиковъ, всѣ сословія, кромѣ дворянства, всѣ національности, кромѣ нѣмцевъ. Изъ такого порядка вещей вытекаютъ своеобразныя отношенія. Противъ преобладанія помѣщиковъ и дворянства, естественно, выступаютъ другіе классы и сословія. Эти послѣдніе являются носителями иныхъ правовыхъ идеаловъ. Въ прибалтійскомъ краѣ представители противоположныхъ классовъ являются одновременно и представителями различныхъ національностей, и здѣсь классовая борьба осложняется борьбой національной. Справедливо поэтому мнѣніе, здѣсь часто высказывающееся, что съ проведеніемъ земской реформы исчезнетъ острота въ національныхъ отношеніяхъ.

Но „реформы" могутъ быть разныя. Извѣстно, что существуетъ предположеніе ввести въ Прибалтійскомъ краѣ земство съ національными куріями по типу западнаго столыпинскаго земства. Эту мысль горячо защищаетъ „Новое Время". Говорить по существу о неудовлетворительности куріальнаго земства нѣтъ надобности,—объ этомъ такъ много писалось и говорилось,—мы отмѣтимъ только, какъ мало предположеніе это соотвѣтствуетъ ожиданіямъ мѣстнаго населенія, между тѣмъ „національныя куріи", несомнѣнно, разсчитаны на уловленіе сердецъ, и это самое большее, на что могутъ пойти наши націоналисты. Мѣстная пресса уже откликнулась на проектъ введенія національныхъ курій. Отношеніе къ нимъ вполнѣ отрицательное. Такое мнѣніе высказано, напримѣръ, въ очень распространенной и умѣренной латышской газетѣ „Dsimtenes Wehstnesis". Тотъ же вопросъ затронутъ въ трудѣ извѣстнаго латышскаго публициста г. Скуенека („Національный вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ"). Г. Скуенекъ съ цифрами въ рукахъ указываетъ на невозможность организовать въ краѣ національныя куріи, если только желаютъ хотя до извѣстной степени соблюсти справедливое пропорціональное отношеніе представительства въ куріяхъ къ численности представляемыхъ національностей. Въ десяти уѣздахъ Прибалтійскаго края русскіе

не составляли даже $1/2\%$ всего населенія этихъ уѣздовъ, въ двухъ уѣздахъ — немного меньше 1%, и только въ двухъ другихъ уѣздахъ ихъ нѣсколько больше 1%. То же слѣдуетъ сказать и относительно нѣмцевъ. Если въ городахъ Прибалтики нѣмецкое населеніе достигаетъ иногда даже 40%, то въ сельскихъ мѣстностяхъ количество нѣмцевъ колеблется отъ 1 до 5%.

При пропорціональномъ представительствѣ въ двухъ—трехъ уѣздахъ русскіе могли бы имѣть по одному гласному, въ другихъ же уѣздахъ они не могли бы выбрать ни одного депутата.

Приблизительно въ такомъ же положеніи оказались бы и нѣмцы. Отсюда ясно, что если „національныя куріи" все-же защищаются, то ихъ сторонники имѣютъ въ виду построить ихъ искусственно съ нарушеніемъ принципа пропорціональности. Говорятъ, существуетъ мысль даже уравнять представительство по куріямъ. Это, разумѣется, приведетъ къ вопіющему нарушенію равноправія, при которомъ избиратели нѣкоторыхъ національностей будутъ пользоваться во много разъ большими избирательными правами, чѣмъ представители другихъ національностей. Если существующее „феодальное земство" представляетъ аномалію, то и уготованное краю русскими націоналистами „куріальное земство" тоже далеко отъ правильныхъ началъ, которыя должны лежать въ основѣ всякаго самоуправленія. При такой организаціи земское хозяйство также не будетъ находиться въ рукахъ кореннаго населенія края, которому всего ближе его потребности и нужды. Это населеніе давно культурное выросло, чтобы умѣло повести земское дѣло.

Культурная дѣятельность въ краѣ, въ видѣ многочисленныхъ сельско-хозяйственныхъ Обществъ, кооперативовъ, просвѣтительныхъ начинаній, показываетъ, что въ краѣ нѣтъ недостатка въ общественныхъ силахъ, которыя только ищутъ для себя приложенія. Не взирая на всѣ путы и преграды, которыя существуютъ доселѣ, стремленія къ общественной дѣятельности находятъ все-же себѣ выходъ, самодѣятельность развивается, и надо открыть этимъ стремленіямъ надлежащій просторъ. Это—въ интересахъ края. На этомъ пути можетъ быть найденъ и выходъ для національныхъ стремленій. Препятствія этому идутъ съ двухъ сторонъ: со стороны реакціоннаго нѣмецкаго баронства, желающаго сохранить свое привилегированное и властное положеніе въ краѣ, и со стороны русскихъ націоналистовъ, которые теперь пытаются заключить противоестественный союзъ съ демократиче-

скими „народческими" элементами края, усиливая націоналистическую рознь и разжигая националистическія страсти.

(Русск. Вѣд. 6 Нояб. Н. Іорданскій).

Прибалтійскіе ландтаги. Земства въ краѣ нѣтъ. Его замѣняютъ ландтаги—собранія мѣстнаго нѣмецкаго дворянства, дѣйствующія на отличномъ отъ остальной Россіи основаніи и вѣдающія между прочимъ дѣла мѣстнаго самоуправленія. Историческое начало ландтаговъ восходятъ еще ко временамъ владычества епископовъ и ордена. Претерпѣвъ въ теченіе вѣковъ много измѣненій, они дошли до насъ въ организаціи 1766—1759 годовъ; послѣдующіе немногочисленные акты и даже кодификація не затронули ихъ существа. Ландтаговъ и ландратскихъ комитетовъ, исполнительныхъ органовъ по числу сословій коренного дворянства остзейскихъ губерній, четыре: эстляндское, лифляндское, курляндское и эзельское. Правомочія означенныхъ дворянскихъ организацій необъятныя („Все, что касается правъ, пользъ и учрежденій общества, или блага всего края, можетъ быть предметомъ совѣщаній ландтага"—ст.: 83, 190, 227, ч. II св. мѣстн. узак. губ. остзейск.), отчета они давать не должны, контроля за ними никакого („въ губерніяхъ остзейскихъ, губернскіе прокуроры не присутствуютъ въ собраніяхъ дворянства" ст. 4-а). Власть ихъ чисто законодательная, ибо постановленія ихъ или даже органовъ ихъ никакой правительственной санкціи не подлежатъ. Только раскладки земскихъ расходовъ публикуютъ въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ".

Участвуютъ въ собраніяхъ и осуществленіи власти только владѣльцы рыцарскихъ имѣній, съ расширеніемъ права участвовать въ собраніяхъ и потомственнымъ матрикулированнымъ дворянамъ.

Таковы тѣ организаціи, на которыя возложены функціи мѣстнаго земскаго самоуправленія.

Всѣ мы видимъ, какъ энергично работаетъ общеземская организація, а немногія земства, оставшіяся внѣ союза, проявляютъ не меньше дѣятельности (курское, ассигновавшее на нужды военнаго времени 1 милiонъ рублей).

Что же дѣлаютъ прибалтійскіе ландтаги эти уголки средневѣковаго нѣмецкаго оплота? Они также откликнулись на происходящія событія. Въ Лифляндіи ассигновано 10,000 рублей въ кассу общедворянской организаціи, въ Эстляндіи и Курляндіи туда же по столько же, а на Эзелѣ—3,000 на ту же цѣль, при-

чемъ всѣ передаютъ туда же остатки отъ капиталовъ японской войны. Самостоятельная дѣятельность выражается: въ Курляндіи въ устройствѣ лазарета въ домѣ нѣмецкаго общества на 100 кроватей и содержаніе 50 кроватей въ больницѣ діаконисъ; въ Эстляндіи—отдачѣ клуба и училища акушерокъ подъ больницу и отпускѣ на оборудованіе ея 2,650 рублей, и единовременнаго пособія въ 5,000 рублей. Сверхъ того, положено избрать комисію для заботъ о семьяхъ запасныхъ и отпустить на это деньги (состоялись ли выборы и сколько открыто кредита—газеты не сообщаютъ). Эзельская ландратская колегія сверхъ того отдаетъ подъ раненыхъ половину земской больницы, часть помѣщеній въ замкѣ и 500 рублей Красному Кресту.

Итакъ нѣмецкія „земства“ и дворянства трехъ богатыхъ губерній ассигновали на нужды военнаго времени какую-то ничтожную сумму въ 33,000 рублей и приняли нѣкоторое участіе въ судьбѣ раненыхъ. О семьяхъ защитниковъ отечества вспомнили только эстляндское дворянство, и не будь казеннаго пайка, крестьянскаго самоуправленія, плохо бы пришлось хозяйствамъ призванныхъ: волости и частная благотворительность стараются восполнить отсутствіе общественной организаціи. Особенно жестокимъ оказалось лифляндское баронство, оно не подумало даже о раненыхъ.

Ясно, что правящій прибалтійскимъ земскимъ дѣломъ организмъ оказался не на должной высотѣ. Гдѣ причина: въ руководящихъ ли людяхъ, ихъ пониманіи, или непониманіи, или же кроется язва въ органическомъ недостаткѣ земско-нѣмецкаго самоуправленія, это все равно, выводъ остается одинъ и тотъ же: нѣмецкіе ландтаги да ландратскіе комитеты и коллегіи не оказались въ часъ испытанія соотвѣтствующими своимъ высокимъ задачамъ.

А потому слѣдуетъ взвѣсить, не настала ли пора изъять дѣло земскаго самоуправленія изъ исключительнаго вѣдѣнія мѣстнаго нѣмецкаго дворянства и ввести въ краѣ общеземское положеніе. По нашему мнѣнію, отвѣтъ можетъ быть только утвердительный. Сохраненіе нѣмецкой обособленности и гегемоніи не можетъ входить въ задачи русской государственности.

(Нов. Вр.).

Конецъ нѣмецкому засилью. Шагъ за шагомъ съ неизмѣнной послѣдовательностью Россія освобождается отъ вѣкового нѣмецкаго засилія.

Одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди, былъ вопросъ о ликвидаціи нѣмецкаго засилья въ сельскомъ хозяйствѣ.

Нѣмцы захватили громадныя площади русской земли въ Поволжьѣ, на югѣ и особенно въ западномъ краѣ. Такое „мирное завоеваніе" грозило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полнымъ „онѣмеченіемъ". Нѣмцы прибѣгали къ самымъ сложнымъ пріемамъ, что бы захватить въ свои руки землевладѣніе. Снимали у раззорившихся помѣщиковъ имѣнія въ долгосрочную аренду, скупали земли на имя подставныхъ лицъ. Выдавали себя за управляющихъ купленныхъ имѣній. При чемъ всегда покупка земли связывалась съ „нѣмецкой колонизаціей". Нѣмецъ-помѣщикъ привозилъ изъ Германіи рабочихъ и начиналъ насаждать свою „нѣмецкую культуру"?

И вотъ этому засилью пришелъ конецъ:

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вносится на разсмотрѣніе совѣта министровъ законопроектъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія.

Нѣмцамъ и австрійцамъ будетъ воспрещено владѣть землей внѣ городовъ. Причемъ не будетъ сдѣлано исключенія для имущества, пріобрѣтеннаго послѣ 1-го іюня 1870 года, когда Германія издала законъ о двойномъ подданствѣ. Запрещено будетъ такъ же арендовывать имѣнія и управлять ими.

Россію можно поздравить съ новой побѣдой: освобожденіемъ земли отъ нѣмецкаго ига!

(Маленькая газ. 13 Окт.).

Трудная минута показала, какая разница между нашимъ земствомъ и такими узко-сословными организаціями, какъ прибалтійскіе ландтаги. Помѣщаемая ниже кореспонденція изъ Риги (см. „Внутр. изв.") разъясняетъ, что эти нѣмецкія самоуправленія, которыя остзейское дворянство при помощи своихъ связей сумѣло отстоять, несмотря на ихъ анахронизмъ, въ достаточной мѣрѣ равнодушно относятся въ затрудненіяхъ, переживаемыхъ Россіей, и весьма туги на помощь защитникамъ отечества и ихъ семьямъ. Мы думаемъ, что ненормальность отчужденія Прибалтійскаго края отъ остальной Россіи выяснилась теперь вполнѣ и насталъ моментъ ввести въ этомъ краѣ общерусскія земскія учрежденія съ обезпеченіемъ въ нихъ участія мѣстныхъ русскихъ людей.

(Нов. Вр.).

Изъ Риги: Здѣсь 27 октября состоялось собраніе организаторовъ казенныхъ имѣній Прибалтійскаго края для организаціи помощи пострадавшимъ воинамъ и для изысканія мѣропріятій для поддержанія этихъ хозяйствъ. Всѣхъ арендаторовъ казенныхъ имѣній наберется не менѣе 350, но на собраніе явилось лишь 98 человѣкъ. Многія казенныя имѣнія находятся въ арендномъ содержаніи у мѣстныхъ бароновъ, но ни одинъ изъ нихъ не нашелъ нужнымъ участвовать въ разборѣ вопросовъ объ оказаніи помощи героямъ.

(Нов. Вр. 5-го Ноября).

Земство. Въ вопросѣ о введеніи земства въ Прибалтійскомъ краѣ для меня важенъ не только самый фактъ, а и то обстоятельство, что онъ явился результатомъ новой точки зрѣнія на нашъ окраинный вопросъ. Какъ фактъ, введеніе земства въ Прибалтійскомъ краѣ послѣдуетъ не раньше, чѣмъ законопроектъ о земствѣ пройдетъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Со стороны вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ ускореніе вопроса о Прибалтійскомъ земствѣ будетъ заключаться лишь во внесеніи законопроекта въ возможно непродолжительномъ времени, тѣмъ болѣе, что законопроектъ этотъ со стороны правительства теперь имѣетъ особенно много сторонниковъ. Но въ вопросѣ объ ускореніи введенія земства въ Прибалтійскомъ краѣ есть нѣчто большее—это то, что тронулся ледъ надъ реформами въ нашемъ краѣ. То обстоятельство, что хотятъ начать реформы съ наиболѣе популярной—именно съ введенія земства, желаемаго массой населенія края, какъ бы подчеркиваетъ, что у правительства нѣтъ мѣста для классовой политики. Несомнѣнно, за этой реформой послѣдуютъ и другія, удовлетворяющія широкую массу населенія. Правда, нѣкоторымъ реформы, быть можетъ, будутъ и не по вкусу, но, вѣдь, всѣмъ и не угодишь. Земство, по примѣру земствъ нашихъ центральныхъ губерній, будетъ обслуживать все земледѣльческое населеніе и, понятно, въ массѣ пользы, которую оно принесетъ, утонутъ недовольные голоса отдѣльныхъ лицъ и привилегированныхъ круговъ.

(Риж. Вѣстникъ. Ивинъ).

Изъ-за дорожной повинности. Какъ неоднократно уже указывалось, въ Курляндіи все бремя дорожной повинности возложено на крестьянство, и многіе дворохозяева не въ состояніи справиться съ этой повинностью. Весной сего года во многихъ

волостяхъ полиція стала описывать имущество дворохозяевъ, во-время не выполнившихъ предписаній по дорожной части. Недавно предстояла аукціонная продажа описаннаго помощникомъ уѣзднаго начальника фонъ Браше имущества крестьянъ Цераукстенской и Рундаленской волостей. Какъ сообщаетъ „Латвія", эта аукціонная продажа была отмѣнена по телеграфному распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшему вслѣдствіе ходатайства курляндскаго депутата Гольдмана.

(Риж. Вѣстн.).

Нѣмецкое землевладѣніе. Образованное подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи статсъ-секретаря Щегловитова особое совѣщаніе для разсмотрѣнія законопроекта министерства внутреннихъ дѣлъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія на этихъ дняхъ закончило свои занятія.

Въ послѣднихъ засѣданіяхъ совѣщаніемъ подвергнутъ окончательному обсужденію вопросъ о правѣ пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ въ Россіи акціонерными обществами и компаніями, учрежденными на основаніи германскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ законовъ. Большинство членовъ совѣщанія высказалось въ томъ смыслѣ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ предполагается настоящимъ законопроектомъ произвести принудительное отчужденіе земель, принадлежащихъ лицамъ нѣмецкаго происхожденія, пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ названными акціонерными обществами и компаніями должно быть совершенно воспрещено; что же касается пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи, то оно можетъ быть разрѣшаемо указаннымъ обществамъ и компаніямъ лишь при условіи отсутствія въ составѣ своего управленія германскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ подданныхъ.

Далѣе совѣщаніе признало желательнымъ пополнить законопроектъ указаніемъ, что постановленія, содержащіяся въ немъ, распространяются на всѣ вещныя права лицъ нѣмецкаго происхожденія недвижимымъ имуществамъ.

(Новое Вр. 24 Окт.).

Преобразованіе земскаго устройства въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Какъ мы слышали, въ правительственныхъ кругахъ, въ связи съ событіями послѣдняго времени, выдвинутъ на очередь вопросъ о внесеніи существенныхъ поправокъ въ устройство общественныхъ учрежденій Прибалтійскаго края, вѣдающихъ

дѣлами земскаго хозяйства. Признано цѣлесообразнымъ перестроить эти учрежденія по общему для земскихъ губерній типу земствъ и распространить на Прибалтійскій край въ полномъ объемѣ дѣйствіе общаго устава о земскихъ повинностяхъ.

(Нов. Вр.).

Нѣмецкій ферейнъ и колонизація. До сихъ поръ всѣ обвиненія въ двусмысленной политикѣ, предъявляемыя нѣмецкому ферейну въ Прибалтійскомъ краѣ,—все равно, съ высоты ли думской трибуны, депутатомъ ли г. Риги кн. С. Мансыревымъ, А. Шингаревымъ при обсужденіи въ бюджетной комиссіи смѣты департамента земельныхъ имуществъ 25 ноября 1913 г. или латышской прессой,—нѣмцами категорически отвергались, какъ инсинуація, лишенная фактическаго основанія.

Въ своей извѣстной рѣчи баронъ Фелькерзамъ, оправдывая нѣмецкій ферейнъ, отрицалъ, что ферейнъ занимается ввозомъ колонистовъ изъ Германіи, преимущественно изъ Пруссіи. По его словамъ, ферейнъ не имѣетъ ярко выраженнаго и націоналистическаго характера, вопреки заявленію С. Мансырева. Въ заключеніе Фелькерзамъ заявилъ, что нѣмцы, отъ имени которыхъ онъ говорилъ, не исключая колонистовъ,—самые вѣрные и лойяльные граждане Россіи.

Выступившимъ съ рѣчами баронамъ Мейендорфу и Фелькерзаму не могло быть неизвѣстнымъ, что въ февралѣ 1907 г. всѣмъ помѣщикамъ Лифляндіи и Курляндіи изъ Берлина прислали такое воззваніе:

Берлинъ.

„Высокорожденнымъ балтійскимъ помѣщикамъ.

Ваше высокородіе, надѣюсь, знаетъ, что въ согласіи съ *нѣмецкимъ ферейномъ* въ Лифляндіи и курляндскимъ экономическимъ союзомъ съ прошлаго года здѣсь, въ Берлинѣ, учреждено комиссіонное бюро Freija, назначеніе котораго, между прочимъ, снабжать помѣщиковъ Прибалтійскаго края вѣрными нѣмецкими управляющими, лѣсничими, охотниками, кучерами, короче—всѣми необходимыми въ имѣніи лицами и служащими. Выбираются почти безъ исключенія *отбывшіе повинности солдаты* съ хорошими атестатами. Просимъ сообщить количество требуемыхъ рабочихъ рукъ. Авансы, возвращаемые послѣ черезъ балтійское бюро, выдаетъ берлинская контора. Просимъ во всякомъ случаѣ отвѣтить на наше предложеніе.

Съ почтеніемъ за бюро „Freija“—*фонъ-Коцебу*“.

Чтобы сокрыть болѣе или менѣе политическую окраску, на простыя полевыя работы приглашались нѣмецкіе колонисты изъ южно-русскихъ губерній. Присматривать за ними назначались исключительно навербованные черезъ бюро „Freija“ нѣмецкіе резервисты изъ Германіи.

Привожу [цифры, показывающія колонизаціонное движеніе изъ Пруссіи въ Курляндію за четыре года. Въ Гольдингенскомъ уѣздѣ укрѣплено за нѣмецкими колонистами въ 1908 г. 1018 дес., въ 1909 г.—820 дес.; въ 1910 г.—1,415 дес. За четыре года въ 12-ти имѣніяхъ колонистами пріобрѣтено 3,933 дес. земли, освободившейся отъ искусственнаго (путемъ поднятія арендной платы и т. д.) выселенія латышей-арендаторовъ.

За тотъ же четырехлѣтній періодъ времени въ Газенпотскомъ уѣздѣ колонистами пріобрѣтено въ 8 имѣніяхъ 933 дес., въ Тальсенскомъ—381 дес. изъ одного имѣнія. Владѣльцами всѣхъ этихъ имѣній состоятъ члены нѣмецкаго ферейна, изъ которыхъ нѣкоторые несутъ по ферейну активныя обязанности.

Всего до 1911 г. включительно въ трехъ уѣздахъ Курляндской губерніи поселилось на 5,147 дес. земли 1,019 семействъ нѣмецкихъ колонистовъ въ составѣ 5,314 человѣкъ. Данныхъ за послѣдніе два года не имѣется, но, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, число колонистовъ во всемъ Прибалтійскомъ краѣ въ 1913 г., при 75—80% безземельныхъ латышей и эстонцевъ, достигаетъ уже цифры—18,000 человѣкъ.

Къ этимъ колонистамъ въ собственномъ смыслѣ надо причислить еще „лейбъ-гвардію“ бароновъ, которая набиралась изъ числа присылаемыхъ бюро „Freija“ резервистовъ. О „вѣрноподданническихъ“ чувствахъ этой, довольно многочисленной баронской лейбъ-гвардіи не приходится и говорить.

Колонистамъ, давшимъ присягу защищать фатерландъ и уже стоявшимъ въ рядахъ его защитниковъ, само собою разумѣется, надлежитъ говорить своему подрастающему поколѣнію, что *наша* родина тамъ, откуда несутся звуки высоко патріотической пѣсни: „Deutschland, Deutschland, über alles“! И рижане до войны, идя по улицѣ и слыша возгласы по адресу выставленныхъ въ витринахъ портретовъ германскаго кайзера и кронпринца „*Unser* Kaiser, *unser* Kronprinz“—нисколько этому не удивлялись. Латыши угрюмо молчали.

(Утро Россіи 27 Авг.).

Колонизація Курляндіи, Баронъ Шредерсъ... Очень скромный по средствамъ баронъ, не имѣвшій ни особенныхъ денегъ, ни американскаго дядюшки, ни тетки, успѣшно играющей въ рулетку въ Монте-Карло... И вдругъ этотъ самый баронъ Шредерсъ покупаетъ имѣніе, стоимостью въ 310,000 тысячъ рублей, и бодро даетъ задатокъ настоящими пр... русскими деньгами!

Вотъ другой, не менѣе счастливый человѣкъ, которому ворожитъ не то бабушка, не то Deutscher Bank: полицейскій чиновникъ въ Курляндской губерніи г. Сильвіо Бредерихъ. Г. Сильвіо до 1907 г., какъ разъ до учрежденія „общества для скупки земли“, былъ извѣстенъ только какъ гольдингенскій уѣздный начальникъ съ жалованіемъ въ 180 руб. въ мѣс. и 15 руб. квартирныхъ. И вдругъ этотъ скромный чиновникъ безъ казеннаго отопленія и освѣщенія, вдругъ этотъ Сильвіо покупаетъ имѣнія:

Гросъ-Зантенъ. Клейнъ-Зантенъ.

Оба—въ Тальсенскомъ уѣздѣ. Дѣлитъ имѣнія на 44 части и отдаетъ ихъ какимъ то, неизвѣстно откуда появившимся, нѣмцамъ, очевидно сразу родившимся взрослыми у какого-нибудь сосѣдняго оригинала-барона. И будучи всегда добрымъ человѣкомъ, какъ большинство уѣздныхъ начальниковъ-Нѣмцевъ, Сильвіо Бредерихъ рѣшается на крупный актъ самоотреченія. Въ то время, какъ окружающіе крестьяне-сосѣди покупаютъ десятину за 250, а то и за 300 руб., онъ продаетъ свои 44 хозяйства въ расцѣнкѣ по 60 и 72 рубля за десятину.

Но, о, удивленіе! Послѣ этого самоотреченія не только не умираетъ съ голоду и не подпоясывается бечевой, но, наоборотъ, становится веселѣе, округляется, пріобрѣтаетъ румянецъ и одѣвается настоящимъ фрейгерромъ. Очевидно добрый геній, который въ послѣднее время сопровождаетъ императора Вильгельма, появился Бредериху какъ-нибудь ночью въ 1907 г. и сказалъ, протягивая ему слитокъ золота:

— Сильвіо! Ты роздалъ земли Гроссъ-Зантена и Клейнъ-Зантена за безцѣнокъ нѣмецкимъ колонистамъ. Твой поступокъ, Сильвіо, оцѣненъ небомъ. Вотъ тебѣ награда за безкорыстіе. На эти деньги купи имѣніе Оксельнъ въ Гольдингенскомъ уѣздѣ и живи тамъ беззаботно и радостно.

Растроганный Сильвіо, какъ говорятъ, принялъ даръ отъ ангела-хранителя Вильгельма II, но поступилъ опять по-своему. Вмѣсто того, чтобы отдаться радостямъ жизни въ имѣніи Оксельнъ, онъ разбиваетъ имѣніе на участки и продаетъ за безцѣнокъ но-

вымъ колонистамъ, давъ фермамъ ихъ такія названія: Шиллерсгофъ, Баровслигофъ, Велькенсгофъ, Лемкегофъ, Гинцгофъ, Идлергофъ, Екгаусгофъ, Зигельгофъ, Крюгерсгофъ, Клапштейнгофъ и много, много другихъ...

Раздѣливъ Оксельнъ, Бредерихъ ждетъ, какъ будетъ реагировать на его поступокъ благосклонное небо. И не ошибается въ расчетахъ. Съ запада опять летитъ ангелъ съ новымъ слиткомъ золота, завернутымъ въ бланкъ Deutscher Bank'a, со слиткомъ значительно крупнѣе прежняго. И въ результатѣ Бредерихъ опять пріобрѣтаетъ и дѣлитъ имѣнія: Озельсгофъ, Фельдгофъ, Курмаленъ, Декстендъ, Лимбуженъ, Недренъ... И нигдѣ изъ этихъ имѣній онъ не живетъ самъ, предоставляя всѣ земли нѣмецкимъ колонистамъ.

Вмѣстѣ съ Бредерихомъ на колонизаторскомъ поприщѣ работали, впрочемъ, и другіе подвижники. За безцѣнокъ продавали колонистамъ земли и баронъ Мантейфель и Фирксъ, и прочіе члены „общества для скупки земель". И хотя на каждой десятинѣ „общество" теряло по крайней мѣрѣ 150 рублей, тѣмъ не менѣе продажа шла не уменьшаясь до 1912 года, а дѣла общества не только не ухудшались, а, наоборотъ, процвѣтали... Въ Ригѣ была открыта контора по привлеченію въ край колонистовъ. Появились сберегательныя кассы, для нихъ же Deutscher Verein въ честь колонистовъ началъ открывать новыя школы, въ которыхъ процвѣталъ настоящій непровѣтренный „Deutscher Geist". И изъ Германіи, съ Волыни, съ Волги потянулись сюда чудесные, полные силъ и энергіи Нѣмцы, для которыхъ былъ пріуготованъ земной рай въ Курляндіи и южной Лифляндіи.

Вотъ какое крупное дѣло, въ концѣ концовъ вышло изъ Мантейфелевскаго „общества для скупки земель" съ капиталомъ въ 4,500 руб.! 10 тысячъ колонистовъ, каждый съ семьею по крайней мѣрѣ въ пять человѣкъ... Это народъ съ горизонтомъ въ будущее, это люди, которые будутъ во всѣхъ поколѣніяхъ твердо стоятъ на своей священной Wacht im Ost!

Что администрація Курляндіи и Лифляндіи очень просто относится къ внутренней колонизаціи края, въ этомъ никто не сомнѣвается. Колонисты даже пользуются особенной симпатіей уѣздныхъ начальниковъ-Нѣмцевъ. Имъ, по распоряженію губернской власти, охотно выдаются разрѣшенія на винтовки, маузеры, револьверы. Стоитъ только какому-нибудь барону захотѣть и, безъ запроса о благонадежности, имѣнію, кишащему колонистами,

выдается сразу свидѣтельство на двадцать ружей, на тридцать револьверовъ. Это не то, что Латыши или Русскіе. Попробуйте, напримѣръ, будучи русскимъ рижаниномъ, получить разрѣшеніе на браунингъ! Къ вамъ будутъ сначала ходить сыщики, затѣмъ околоточные, послѣ заглянетъ приставъ, потомъ будутъ наводить справки о томъ, не принадлежали ли вы когда нибудь къ партіи кадетовъ... И наконецъ въ канцеляріи вамъ заявятъ мѣсяца черезъ три:

— Herr Gubernator erlaubt nicht.

А помѣщикъ, у котораго управляющіе германскіе подданные, лѣсники тоже, а батраки и сосѣди — Нѣмцы-колонисты съ „отечествомъ Россіей и матерью Германіей" — помѣщикъ встрѣчаетъ у губернской власти самое дружеское расположеніе и имѣетъ возможность снабдить кого угодно изъ Нѣмцевъ оружіемъ, чтобы сдѣлать ихъ готовыми на случай всякой... случайности. Латыши увѣряютъ меня, что колонисты даже учатся при помощи разрѣшенныхъ губернаторами винтовокъ стрѣлять въ дикихъ утокъ. Для этой цѣли они образуютъ группы человѣкъ въ тридцать, пятьдесятъ и стройными рядами идутъ на охоту. Когда утка близко, охотничій оберъ-лейтенантъ командуетъ по-нѣмецки:

— Готовсь!

И когда ружья взяты на прицѣлъ, ряды вздвоены и строй выравненъ, а утка, видя, что ей пора подниматься, улетаетъ, — оберъ-лейтенантъ отдаетъ нѣмецкую команду:

— Пли!

Конечно, если семьи у колонистовъ многочисленны, и сыновья ихъ становятся бодрыми, полными силъ юношами, то ружей нужно для утокъ, все больше и больше. И ружья находятся.

Стрѣльба у колонистовъ идетъ великолѣпно, и оружіе всегда въ полной исправности... Въ связи съ колонизаціей края можно упомянуть и о паралельномъ явленіи—объ открытіи приспособленныхъ для Нѣмцевъ лѣсныхъ и общихъ школъ, въ которыхъ дѣти колонистовъ находятъ духовную пищу согласно рецепту бароновъ. Такъ, въ Оксельнѣ устроена школа, которой завѣдуетъ г-жа Леокадія Бредерихъ. А недалеко отъ Митавы у одного барона есть спеціальная лѣсная школа, гдѣ дѣти колонистовъ учатся слѣдить съ вышекъ за пожарами, сообщать по телефону объ искрахъ, показывающихся на лѣсномъ горизонтѣ, и устраивать просѣки, рвы, канавы и все, что полагается знать хорошему германскому лѣснику...

Вы видите, какъ стройно и планомѣрно идетъ на Востокъ великій германскій Drang. Помѣщичьихъ земель до колонизаціи 1907 и послѣдующихъ годовъ на границѣ съ Германіей было гораздо больше половины... Что дѣлалось въ замкахъ этихъ номѣній—неизвѣстно. Теперь къ латифундіямъ присоединяется новый нѣмецкій элементъ съ разрѣшеннымъ оружіемъ и мѣткимъ непопаданіемъ въ утокъ... Латыши, которые изъ одной только непріязни къ Нѣмцамъ, могли бы служить намъ великолѣпнымъ оплотомъ противъ германизма, переселяются въ Америку — въ Канаду, въ Соединенные Штаты, въ Аргентину, и даже въ Африку—въ Капштадтъ. Черезъ Либаву, какъ я уже писалъ, выселяются ежегодно въ чужіе далекіе края десятки тысячъ любящихъ Россію людей, а взамѣнъ нихъ появляются новые Нѣмцы, которые всегда относились къ Россіи съ презрѣніемъ, любить ея не могутъ и въ лучшемъ случаѣ, по словамъ Врангеля, относятся къ ней хорошо „на основаніи разума". Вотъ что допустили администраторы края своими невинными душами, своей любовью или къ охотѣ, или къ собиранію рѣдкихъ монетъ. До послѣдняго времени Нѣмцевъ было здѣсь, у Балтійскаго моря не болѣе 6%. И они не увеличивались численно, а наоборотъ, вымирали. Когда въ давнее время представители Прибалтійскаго края просили Бисмарка присоединить ихъ родину къ Пруссіи, Бисмаркъ разумно отвѣтилъ:

— Zeuget Kinder... Производите дѣтей!

(Нов. Вр. 26 Окт. А. Ренниковъ).

Нѣмецкіе колонисты въ Прибалтійскомъ краѣ. „Извѣстны ли вѣдомству случаи поселенія изъ Германіи крестьянъ-колонистовъ на земляхъ бывшихъ владѣльцевъ?"—съ такимъ вопросомъ обратился депутатъ Шингаревъ къ представителю главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, при разсмотрѣніи смѣты вѣдомства въ бюджетной комисіи весной нынѣшняго года. Оказывается, депутатъ Шингаревъ лично ознакомился съ хуторскими поселеніями нѣмецкихъ колонистовъ и пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ отношеніи „со стороны Германіи опасность имѣется чрезвычайно большая и серьезная". Тогда къ указанію Шингарева на необходимость бороться съ нашествіемъ Нѣмцевъ въ Прибалтику присоединился и мѣстный депутатъ кн. Мансыревъ. Онъ между прочимъ, заявилъ, что „германская колонизація въ краѣ приняла *грозные* размѣры". „Я знаю,—замѣтилъ Мансыревъ,

—что въ двухъ уѣздахъ нѣсколько тысячъ десятинъ проданы нѣмецкимъ колонистамъ и вовсе не русскимъ колонистамъ Самарской или Саратовской губерній, а Нѣмцамъ заграничнымъ. Члены нѣмецкаго общества Deutscher Verein", имѣющаго своею цѣлью политическія задачи, тщательно съ 1906 г. выискиваютъ всякіе пути для выписыванія нѣмецкихъ колонистовъ изъ-за границы и водворяютъ ихъ въ краѣ".

Нѣмецкіе колонисты дѣйствительно осѣли преимущественно въ Газенпотскомъ и Гольдингенскомъ уѣздахъ Курляндской губ., ближе къ морю, къ портамъ, къ границѣ Пруссіи. Нѣмецкая колонизація въ Газенпотскомъ уѣздѣ грозила превратить весь уѣздъ въ сплошную нѣмецкую колонію. Въ одномъ Нейгаузенскомъ приходѣ къ 1 января 1913 г. числилось уже 1,500 душъ. Въ имѣніяхъ Пуненъ, Кудбарнъ и Дрогенъ устроены школы для дѣтей колонистовъ. Нѣмцы всѣ мѣры принимали, чтобы скрыть отъ глазъ русскаго правительства это нашествіе: они клялись въ своей лояльности, и появленіе германскихъ выходцевъ объяснили исключительно недостаткомъ рабочихъ рукъ.

Когда Нѣмцамъ стало извѣстно выступленіе кн. Мансырева по поводу колонизаціи Прибалтійскаго края, то они жестоко обрушились на своего депутата. Выступленіе это было оцѣнено нѣмецкими газетами, какъ измѣна данному имъ слову при выборахъ.

Интересно было бы знать, выселены ли въ настоящее время *всѣ* эти колонисты въ Германію или во внутреннія губерніи и конфискованы ли въ настоящее время тѣ огромныя земли, которыя чрезъ подставныхъ лицъ пріобрѣтены нѣмецкими подданными въ собственность, вопреки 830 ст. (прилож. I) тома IX св. зак., запрещающей пріобрѣтать иностраннымъ подданнымъ недвижимыя имущества внѣ портовыхъ и городскихъ поселеній. Открыть секретъ нѣмецкаго „сидѣнія" въ краѣ путемъ колонизаціи, можетъ быть, даже для помощи нашимъ врагамъ, мечтающимъ о скоромъ захватѣ Прибалтики, скорѣе всего можно черезъ генеральное обревизованіе крѣпостныхъ книгъ при крѣпостныхъ отдѣленіяхъ мировыхъ съѣздовъ и провѣркой тѣхъ, кто сидитъ на земляхъ.

(Веч. Вр. 25-го Окт.).

Нѣмецкая колонизація. Въ непосредственной связи нашихъ нѣмецкихъ колоній съ Германіей—все значеніе колонизаціи. Въ чемъ же эта связь? Во всемъ.

Прежде всего въ самой постановкѣ колонизаціи, для направленія и матеріальнаго обезпеченія которой въ Берлинѣ возникъ съ шестидесятыхъ годовъ цѣлый рядъ различныхъ колонизаціонныхъ учрежденій и банковъ, существующихъ и дѣйствующихъ посейчасъ, а именно: „Deutsche Kolonial-Gesellschaft", Deutscher Kolonial-Verein", „Deutscher Export-Bank", „Central-Verein für Handels-Geographie" и др.

Назначеніе всѣхъ этихъ учрежденій—поддерживать Drang nach Osten, оказывать германскимъ эмигрантамъ матеріальную помощь и устраивать ихъ у насъ. То-есть, назначеніе то же, что и „Познанской колонизаціонной ком."; разница въ томъ только, что послѣдняя оперируетъ въ предѣлахъ самой Германіи, перечисленныя же учрежденія—въ предѣлахъ Россіи и другихъ странъ мирно оккупируемыхъ Германіей.

Недавно въ Америкѣ былъ поднятъ вопросъ объ ограниченіи германской колонизаціи, которая противорѣчитъ доктринѣ Монроэ: „колонисты, какъ указывалось въ американской печати, поселяются на средства германскаго правительства и являются политическимъ авангардомъ, готовымъ принять военные и морскіе контингенты Германіи въ любое время съ открытыми объятіями.

Если подобнаго рода опасенія находили себѣ мѣсто даже въ Америкѣ, отдѣленной отъ Германіи тридевятью морями и землями, то что же сказать о Россіи—непосредственной сосѣдкѣ Германіи? Если даже въ Америкѣ нѣмецкіе колонисты поселяются на средства германскаго правительства, то нужно ли доискиваться, на какія средства поселяются они въ Россіи, т. е. откуда питаются средствами вышеперечисленныя берлинскія колонизаціонныя учрежденія и банки? Во всякомъ случаѣ, субсидированіе послѣдними эмигрантовъ, естественно, создаетъ матеріальную связь нашихъ колоній съ Германіей и зависимость ихъ отъ нея.

(Приб. Край 9 Окт.).

Нѣмецкая колонизація Курляндіи. Въ мои руки случайно попала небольшая брошюра „Казенныя земли въ Курляндской губерніи", какъ видно по обложкѣ, годъ назадъ напечатанная въ типолитографіи штаба виленскаго военнаго округа. Въ этой брошюрѣ приведены любопытныя данныя о нѣмецкой колонизаціи въ Курляндской губерніи. Въ цѣляхъ борьбы съ недостаткомъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, курляндскій дейчеръ-ферейнъ,

начиная съ 1907 года, усиленно пропагандировалъ ввозъ въ Курляндію сельскохозяйственныхъ рабочихъ изъ Нѣмцевъ-колонистовъ Волынской, Саратовской, Люблинской, Плоцкой, Петроковской, Радомской, Калишской, Кіевской, Воронежской, Варшавской и Екатеринославской губерній. За время съ 1907 по 1912 годъ въ Курляндію ввезено около 5,200 человѣкъ нѣмецкихъ рабочихъ. Въ цѣляхъ привлеченія Нѣмцевъ-рабочихъ въ Курляндскую губернію, особые агенты курляндскаго дейчеръ-ферейна колесили по юго-востоку, югу и югозападу Россіи, предлагая младшимъ сыновьямъ мѣстныхъ колонистовъ ѣхать въ новую землю обѣтованную, обѣщая имъ тамъ дешевую аренду и покупку земли или же выгодныя условія работы въ качествѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ и батраковъ. Въ брошюрѣ говорится: „нѣмецкіе колонисты осѣли преимущественно въ Газенпотскомъ и Гольдингенскомъ уѣздахъ, ближе къ морю и портамъ; а также къ прусской границѣ“.

Слѣдуетъ думать, что въ дальнѣйшемъ этой своеобразной колонизаціи района Прибалтійскаго края, пограничнаго съ Пруссіей, будетъ положенъ конецъ.

(Нов. Вр.).

Нѣмецкіе землевладѣльцы въ Россіи. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, какъ извѣстно, вносятся въ спѣшномъ порядкѣ, для проведенія въ порядкѣ ст. 87 основ. госуд. законовъ въ Совѣтъ Министровъ законопроектъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія въ Россіи.

Чрезвычайно интересны данныя, приложенныя министерствомъ въ объяснительной запискѣ.

Въ одномъ Юго-Западномъ краѣ къ началу 1882 г. находилось 88,000 нѣмецкихъ поселенцевъ, владѣвшихъ 400,000 десят. земли. Правительство, на основаніи наблюденій, пришло къ заключенію, что иностранные поселенцы, несмотря на многолѣтнее пребываніе въ русскихъ предѣлахъ, въ громадномъ количествѣ не только не обнаруживали стремленія къ сліянію съ окружающимъ населеніемъ, но упорно сохраняютъ свою обособленность, относясь свысока и враждебно къ русскому населенію.

Нѣмецкіе поселенцы въ политическомъ отношеніи были абсолютно нелояльны. Въ 1906 г. отъ военной службы уклонилось 13%, въ 1907 г.—19%, въ 1908 г.—21% и въ 1909 г.—22%, причемъ уклоняющіеся охотно отбывали повинность въ своихъ государствахъ.

Въ 1880 году Германія стала пользоваться нѣмецкими поселенцами въ Россіи для облегченія своей будущей задачи, и нѣмецкое землевладѣніе должно было всячески содѣйствовать подготовкѣ германскаго нашествія на наши предѣлы: такъ оно сосредоточилось вдоль военно-транзитной дороги Житоміръ — Новгородъ Волынскій-Корецъ, а затѣмъ Кіевъ — Брестъ. Въ 1912 году Нѣмцы занялись осушеніемъ болотъ въ долинѣ р. Бобра, а въ 1913 г. стало извѣстно о покупкѣ всей западной части о. Даго. По имѣющимся свѣдѣніямъ, проживающіе въ пограничной полосѣ нѣмецкіе колонисты, обязаны въ случаѣ наступленія германской арміи, поставлять въ ея распоряженіе квартиры и фуражъ, а при русскихъ требованіяхъ—жечь.

Внесенію законопроекта о современной ликвидаціи нѣмецкой собственности въ Россіи приданъ весьма спѣшный характеръ.

(Нов. Вр. 17 Октября).

Города, ихъ самоуправленіе и выборы.

„Deutscher Ceist“. Въ Ригѣ, въ Либавѣ, въ Митавѣ, въ Виндавѣ и даже въ маленькихъ городахъ, въ родѣ Бауска или Шлока,—городское самоуправленіе находится всецѣло въ рукахъ Нѣмцевъ. Не достигая нигдѣ по количеству даже 10% населенія, Нѣмцы руководятъ, однако, всей жизнью городовъ, насаждая повсюду „deutscher Geist“, заводя свои школы, гимназіи, поддерживая нѣмецкія корпораціи въ политехникумѣ, соединяясь въ различные бундты и ферейны, начиная отъ Deutscher Verein'а и кончая стрѣлковыми обществами.

Пользуясь устарѣвшимъ закономъ о совладѣніи, благодаря которому каждый крупный собственникъ всегда можетъ безъ риска для себя отдѣлить фиктивно для временнаго совладѣльца какую-нибудь тысячную часть недвижимости, Нѣмцы умѣло добиваются ценза для городского представительства. Благодаря огромной солидарности и сильно развитому національному сознанію, у нихъ никогда не наблюдается абсентеизма во время выборовъ. Наоборотъ изъ далекихъ имѣній, изъ-за границы, изъ Германіи, Австріи, съ Ривьеры и даже изъ Каира они спѣшатъ сюда, когди имъ нужно своимъ голосомъ поддержать священное національное дѣло... И всякими способами, знакомствами, связями, выдвигая впередъ то свою „лояльность“, то „культурное превосходство“, забираютъ въ руки вмѣстѣ съ городскими дѣлами всѣ дѣла края, играютъ первую роль какъ въ административной, такъ и въ промышленной, торговой и культурно-просвѣтительной жизни страны.

Въ ихъ рукахъ биржа, банки, торгово-промышленныя предпріятія. Въ ихъ рукахъ лучшіе театры, музеи. Въ Ригѣ нѣмецкій театръ самое внушительное зданіе города: приземистый русскій театръ передъ нимъ какой-то карликъ на короткихъ ногахъ. То же самое можно видѣть въ Либавѣ. Въ Ригѣ городской музей отведенъ почти исключительно подъ ихъ національныхъ „геніевъ“. Тутъ рѣдко встрѣтишь картины русскихъ и латышскихъ художковъ; но половина германскихъ авторовъ, о которыхъ въ Россіи

почему-то никто не имѣетъ никакого представленія,—красуются на первомъ мѣстѣ. Для выставокъ „постороннихъ“ музей предоставляется очень рѣдко. Зато способныя нѣмецкія барышни, рисующія цвѣточки, nature morte или нѣжныхъ мамашъ съ херувимами-дѣтьми, изъ которыхъ впослѣдствіи выходятъ бравые лейтенанты прусской арміи — эти барышни пользуются въ музеѣ широкимъ гостепріимствомъ.

(Нов. Вр. 17 Окт. А. Ренниковъ).

Члены рижской городской думы. Однимъ изъ любопытныхъ вопросовъ Прибалтійскаго края является несомнѣнно составъ городского самоуправленія города Риги. Рига не только главный центръ края; она и помѣщикъ — обладательница великолѣпныхъ лѣсовъ, торфяныхъ площадей, чуть ли не лучшихъ въ Россіи, и всякихъ угодій. И если въ Ригѣ проживаетъ почти треть нѣмецкаго населенія края, то и треть вниманія къ Нѣмцамъ должна быть по крайней мѣрѣ посвящена этому городу.

Скучно имѣть дѣло съ цифрами. Но не всегда. Иногда цифры за собою скрываютъ великолѣпный ландшафтъ, несутъ удивительное по захватывающему интересу содержаніе. Нужно только во время снять эти лѣса и грандіозное культурное зданіе сразу выростаетъ за ними.

Въ рижской городской думѣ 80 гласныхъ. Изъ нихъ 44 Нѣмца, 22 Латыша и 14 Русскихъ. Въ составѣ населенія Риги около 80 тысячъ Русскихъ, 250 тысячъ Латышей и 120 тысячъ Нѣмцевъ.

Просматривая метаариѳметическій списокъ гласныхъ думы съ одной стороны, и списокъ членовъ комисій Deutsher Verein'a съ другой—я набрелъ на новое чудо: и тамъ и тутъ сплошь и рядомъ не только одинаковыя фамиліи, но и одинаковыя имена!

Я не боюсь разбирать вопросъ объ этихъ двойникахъ однофамильцахъ и тезкахъ. Но въ Ригѣ говорятъ, будто въ члены думы обыкновенно выбираютъ бывшихъ корпорантовъ рижской корпораціи Fraternitas Baltica и юрьевской Fraternitas Rigensis. Оттуда многіе поступаютъ и въ Deutscher Verein. И быть можетъ двойники, упомянутые раньше, вовсе не двойники, а просто на просто одни и тѣ же бывшіе корпоранты.

Исключительный составъ рижской гор. думы ведетъ, конечно, и къ исключительному составу служащихъ всѣхъ город-

скихъ предпріятій. Нужно сказать, что рижскіе городскіе служащіе имѣютъ оклады по большей части средніе между министерскими и товарище-министерскими.

Подсчитайте, сколько у города Риги секретарей. Тринадцать! Не считая нѣкоторыхъ помощниковъ. Шесть изъ нихъ сидятъ въ одной канцеляріи городской управы. Управскіе секретари получаютъ всѣ вмѣстѣ 26,664 рубля; а всѣ секретари, вмѣстѣ взятые, гораздо болѣе—50 тысячъ!

Я не знаю, были ли бы всѣ эти оклады такъ хороши, если бы въ фамиліяхъ директоровъ, предсѣдателей и секретарей произошли какія-нибудь существенныя перемѣны. Но сейчасъ служащимъ городскихъ предпріятій Риги живется великолѣпно. Лѣсничій Лефлеръ, германскій подданный, имѣетъ отъ города чудесную дачу въ Огерѣ; въ городскихъ банкахъ на хорошихъ окладахъ сидятъ два германскихъ подданныхъ; на водопроводѣ главный инженеръ—германско-подданный; директоръ городскихъ садовъ, тоже германскій подданный, Куфальтъ, до послѣдняго времени беззаботно сажалъ въ городскомъ питомникѣ „яблони императора Вильгельма II“ и самъ городской голова Бульмерингъ не разъ ходилъ къ директору въ гости вкушать плодовъ отъ этого рижскаго древа познанія добра и зла.

(Новое Время, 9 Окт. А. Ренниковъ).

—

Гогъ рижской биржи. Когда вы возьмете списокъ рижскаго биржевого комитета, то васъ прямо поразитъ полное отсутствіе въ его составѣ лицъ русскаго или латышскаго происхожденія, но зато составъ этотъ изобилуетъ иностранными подданными.

Биржевой комитетъ состоитъ изъ 15 членовъ, изъ коихъ три германскихъ (г. Керганъ, г. Мюллеръ и К. Дриссгаузъ), и два шведскихъ подданныхъ (Анд. Ларсонъ и А. Гернмаркъ), а остальные изъ мѣстныхъ, но только нѣмецкихъ фамилій, тоже большею частью рьяныхъ германофиловъ, что достаточно ярко выступаетъ изъ самаго допущенія такого громаднаго процента иностранныхъ подданныхъ въ составъ комитета.

Выбирается биржевой комитетъ биржевымъ обществомъ изъ числа своихъ членовъ. Но въ сущности всѣми выборами завѣдуетъ и творитъ свою волю небольшая кучка во главѣ съ предсѣдателемъ Керковіусомъ и германскимъ подданнымъ Дриссгаузомъ. Для этого установлена строгая фильтровка нежелательныхъ элементовъ при допущеніи въ члены биржевого общества.

§ 4 устава рижской биржи гласитъ: „Лица, торгующія по свидѣтельствамъ 1 и 2 гильдіи при рижской биржѣ, составляютъ особое общество, именуемое рижскимъ биржевымъ обществомъ“.

Но на практикѣ, неизвѣстно кѣмъ въ нарушеніе устава санкціонированной, происходитъ нѣчто совсѣмъ иное.

Во-первыхъ, учреждена баллотировка для допущенія въ члены биржевого общества, чего уставомъ вовсе не требуется.

Во-вторыхъ, по смыслу устава всякій купецъ 1 и 2 гильдіи имѣетъ право сдѣлаться членомъ биржевого общества, разъ онъ не опороченъ. Но въ дѣйствительности въ число членовъ рижскаго биржевого общества принимаютъ только купцовъ 1 гильдіи, да изъ нихъ пропускаютъ только пріятныхъ извѣстной кучкѣ нѣмецкихъ дѣльцовъ.

Путемъ такого подбора членовъ биржевого общества небольшая клика нѣмецкихъ фирмъ наслѣдственно властвуетъ въ широкомъ хозяйствѣ рижскаго комитета, не давая ни одного мѣста не только русскому, но даже латышскому купечеству.

А вѣдь Латыши составляютъ 75 проц. населенія Риги и при первыхъ же раскатахъ настоящей войны показали себя твердыми сторонниками русской государственности, что прямо дико было бы говорить о гг. Дриссгаузахъ и Керганахъ, подданныхъ германскихъ!

Каждый биржевой комитетъ имѣетъ для своего района огромное значеніе, но рижскій долженъ быть поставленъ въ этомъ отношеніи едва ли не на первое мѣсто среди прочихъ по разнообразію правъ, средствъ и силъ, сосредоточенныхъ въ его рукахъ.

Какъ видно изъ перечня различныхъ комисій и управленій, состоящихъ при биржевомъ комитетѣ и выбираемыхъ изъ числа его членовъ и въ рѣдкихъ случаяхъ дополняемыхъ изъ числа членовъ всего биржевого общества, почти нѣтъ такой стороны въ жизни гор. Риги, гдѣ бы биржевой комитетъ прямо или косвенно не принималъ участія.

Во-первыхъ, въ вѣдѣніи комитета находится биржевой банкъ. Этотъ банкъ принадлежитъ биржевому обществу и располагаетъ въ настоящее время капиталомъ въ нѣсколько милліоновъ рублей, и весь къ услугамъ почти исключительно нѣмецкихъ фирмъ. И эти фирмы все непримиримые поборники германизаціи края. А зато они и пользуются у биржевого банка совершенно небывалыми льготами: была фирма Браунъ, которому помощь банка

такъ далеко заходила, что дважды, когда дѣла его приходили въ упадокъ, банкъ ему просто списывалъ его долгъ. Едва ли что-либо подобное банкъ сдѣлаетъ фирмамъ другихъ національностей!

Попутно должно замѣтить, что и городской учетный банкъ по своей дѣятельности и по направленію очень малымъ отличается отъ биржевого.

Въ городскомъ учетномъ даже директоры — нѣмецкіе подданные и оба: и г. Андерсъ и г. Мейеръ ради пользы города и края продолжаютъ свое спокойное пребываніе въ гор. Ригѣ и теперь во время войны съ Германіей! Можно ли ожидать, чтобы кенигсбергскій городской банкъ во время войны съ Россіей управлялся директорами—русскими подданными?!

Далѣе рижскій биржевой комитетъ вѣдаетъ:

огромными имуществами и суммами биржевого общества,

вновь строящимся амбарами въ экспортной гавани представляющими десятимиліонное сооруженіе,

плавучимъ докомъ,

ледоколомъ „Петръ Великій“,

грузовыми кранами,

устройствомъ гавани,

комерческимъ училищемъ,

мореходной школой,

школой для машинистовъ,

биржевой артелью,

и массой другихъ предпріятій.

Всего при биржевомъ комитетѣ состоитъ *пятьдесятъ* комисій и управленій, вѣдающихъ столько же различныхъ учрежденій, и всѣ они также заполонены или рижскими или открыто германскими Нѣмцами.

Вотъ каково участіе инстранныхъ подданныхъ въ комисіяхъ биржевого комитета:

Исполнительная комисія—изъ пяти членовъ, двое иностранцы.

Управленіе биржевымъ домомъ—изъ трехъ, двое иностранцы.

Управленіе биржевыхъ складовъ — изъ трехъ, двое иностранцы.

Постройка портовыхъ сооруженій и пр.—изъ четырехъ, трое иностранцы.

Обычаи биржи—изъ четырнадцати, шестеро иностранцы.

Яичная и молочная комисія — изъ четырехъ, двое иностранцы.

Ясно, кто распоряжается рижскимъ биржевымъ комитетомъ. Ясно и то, до чего этотъ порядокъ дикъ и вреденъ интересамъ русской торговли. На доходы съ земель и предпріятій рижскаго биржевого комитета, Нѣмцы Германіи и Австріи досслѣ продолжаютъ держать всю торговлю, всѣ промыслы рижскаго края въ своихъ рукахъ!

Весьма ярко все это проявилось въ засѣданіи биржевого общества недѣли черезъ двѣ послѣ объявленія войны.

Объявленіе войны вызвало среди вкадчиковъ страшную панику и вклады брались съ такою поспѣшностью, что чуть ли не черезъ два дня банки пріостановили выплату даже по текущимъ счетамъ. Рига около недѣли была совсѣмъ безъ денегъ. Богатые люди искали, гдѣ бы занять, такъ какъ у нѣкоторыхъ не осталось въ бумажникѣ даже на прожитіе, а изъ банковъ ни въ какомъ видѣ не удавалось получить. Такъ вотъ въ такое время министерство финансовъ ассигновало мѣстнымъ рижскимъ банкамъ: биржевому, городскому учетному и рижскому комерческому 10 мил., съ тѣмъ, чтобы они за общей отвѣтственностью представили на эту сумму обезпеченій (конечно, главнымъ образомъ векселей) и распредѣлили такимъ образомъ эту сумму между мѣстными фирмами. Въ этотъ моментъ полученіе банками такой суммы было для всей Риги единственнымъ выходомъ изъ тяжкаго положенія: цѣлая масса неразсчитанныхъ вслѣдствіе недостатка денегъ въ обращеніи рабочихъ и служащихъ бѣдствовала въ городѣ, голодая и волнуясь, переживая тяжелый и внезапный кризисъ.

Что же дѣлаетъ биржевой банкъ? Онъ очень спокойно поставилъ такія условія своего присоединенія къ консорціуму, которыя были равносильны отказу отъ даваемыхъ министерствомъ средствъ. Дѣло было перенесено изъ правленія банка въ биржевой комитетъ, и комитетъ восемью голосами противъ четырехъ, поддержалъ мнѣніе биржевого банка. Въ числѣ особенно ратовавшихъ противъ присоединенія биржевого банка къ консорціуму были: австрійскій консулъ Евгеній Шварцъ, торгующій подъ фирмой „Едгаръ Лиръ и К°“ и шведскій подданный А. Ларсонъ. Ихъ голосами Рига была обречена длительному кризису. Тогда, чтобы спасти Ригу отъ тяжелаго безденежья, часть комитета перенесла вопросъ на общее собраніе биржевого общества. И только здѣсь,

при помощи латышскихъ, русскихъ и безпартійныхъ нѣмецкихъ голосовъ, рѣшеніе биржевого банка было отмѣнено и предписано банку присоединиться къ консорціуму безъ всякихъ ограничивающихъ условій.

Банкъ прямо насильно заставили выйти изъ узкой роли благотворительнаго казначейства для двадцати „старыхъ" нѣмецкихъ фирмъ и поступить сообразно общимъ интересамъ рижской торговли.

Какъ въ биржевомъ комитетѣ, такъ и въ собраніи биржевого общества германскіе подданные отъ рѣшенія вопросовъ не были устранены. И это въ такой моментъ какъ война, и въ такомъ важномъ для всего края вопросѣ!!

Вотъ какіе цвѣты и красоты германофильства распускаются подъ самымъ носомъ рижской администраціи, а вѣдь въ § 12 устава рижской биржи прямо сказано: „Биржевой комитетъ подвѣдомственъ непосредственно начальнику Лифляндской губерніи".

Давно необходимо измѣненіе устава рижской биржи, введеніе въ составъ ея комитета Русскихъ и Латышей и разрушеніе въ ней этой нѣмецкой цитадели!

(Новое Вр. 25 Сент.).

Искусственные цензы. Въ Митавѣ, какъ и въ Ригѣ, Нѣмцы охотно прибѣгаютъ къ созданію искусственныхъ цензовъ для удержанія за собою власти въ городскомъ самоуправленіи. Я уже говорилъ, что въ митавской думѣ гласными состоятъ 3 Русскихъ, 5 Евреевъ, 15 Латышей и 38 Нѣмцевъ. Между тѣмъ народонаселеніе здѣсь уже въ 1897 году распредѣлялось по національностямъ такимъ образомъ: 4,200 Русскихъ 9,700 Евреевъ, 16 тысячъ Латышей и 3,100 Нѣмцевъ, каковую пропорцію, за неимѣніемъ новыхъ статистическихъ свѣдѣній, нужно приблизительно удержать и для настоящаго времени.

Вы видите что изъ главныхъ національностей города Нѣмцевъ меньше всѣхъ. И между тѣмъ они ворочаютъ всей думой, а въ управѣ всѣ должности исключительно въ ихъ рукахъ.

Секретъ такого успѣха Нѣмцевъ заключается не только въ умѣлой предвыборной агитаціи. И не въ томъ, что они являются наиболѣе богатой частью населенія города. Мнѣ разсказывали въ Митавѣ о нѣкоторыхъ любопытныхъ культурныхъ пріемахъ созданія ценза... Вотъ напримѣръ, у госпожи Вегенеръ господинъ фонъ-Менде покупаетъ передъ выборами лугъ съ постройками и

инвентаремъ. Господину фонъ-Менде весь лугъ, конечно не нуженъ. Пасти ему некого, хозяйствомъ заниматься онъ не думаетъ вовсе. Но у него заранѣе сложилась въ головѣ симпатичная идея:

— Одинъ клочекъ луга отдать брату. Второй—брату жены. Третій—мужу сестры брата жены. Четвертый—двоюродному брату жены двоюродной сестры. Пятый клочекъ — дядѣ двоюродной сестры кузена жены брата тетки сводной сестры... Шестой...

Ну словомъ, лугъ распредѣляется очень недурно, образуя порядочное число лужковъ, пространствомъ не меньше чѣмъ для хозяйства, состоящему изъ двухъ коровъ. Но оцѣнку подобныхъ луговъ городскіе оцѣнщики Нѣмцы дѣлаютъ достаточно высокой. И въ избирательныхъ спискахъ начинаютъ фигурировать владѣльцы луговъ, о существованіи которыхъ никто раньше не имѣлъ представленія.

Я привелъ одинъ примѣръ, такъ какъ всѣ случаи пріобрѣтенія ценза очень похожи другъ на друга.

Когда въ Митавѣ открылось отдѣленіе Государственнаго Крестьянскаго поземельнаго банка, который выпустилъ 6% бумаги, то нѣкоторыя крестьянскія волости захотѣли взять изъ „кредитнаго общества“ свои деньги, дающія тамъ только 4%, и перевести ихъ въ Крестьянскій банкъ. Но Нѣмцы-комисары по крестьянскимъ дѣламъ не допустили. И хорошее начинаніе Латышей въ пользу русскихъ общегосударственныхъ задачъ рѣшительно отклонили. Главный администраторъ губерніи, конечно, видитъ все это; но продолжая чистить свою охотничью двухстволку, онъ только улыбается, и въ отвѣтъ на негодованіе Русскихъ добродушно цитируетъ:

— Ich weiss nicht, was soll es bedeuten...

Вообще, что бросается въ глаза въ Прибалтійскомъ краѣ,— это отсутствіе контроля во многихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Нигдѣ въ остальной Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. Въ Митавѣ безотчетностью и безконтрольностью пользуется и дворянскій комитетъ и дворянское собраніе; въ Ригѣ отъ отчетности и контроля освобождены фактически „большая и малая“ гильдіи, вѣдающія торгово-промышленной жизнью города. А что дѣлается въ рижскомъ Ritterhaus'ѣ, гдѣ собираются на свои съѣзды дворяне, никто, конечно, никогда не можетъ сказать. Безъ всякой отчетности существуетъ здѣсь и „управленіе дворянскими имѣніями“ края, на любопытной организаціи котораго необходимо будетъ остановиться впослѣдствіи. Словомъ „конституція“ у при-

балтійскихъ Нѣмцевъ дѣйствительно дѣйствуетъ во всю. Нѣмцы дѣлаютъ здѣсь все, что хотятъ, собираютъ деньги, тратятъ ихъ куда угодно, закладываютъ по своему желанію общественныя имѣнія, покровительствуютъ своимъ, жмутъ и притѣсняютъ чужихъ...

Ну, развѣ не „балтійская конституція" это, въ самомъ дѣлѣ?

(Нов. Вр. 16 Окт. А. Ренниковъ).

Въ Либавѣ. По предложенію губернатора Либавская городская управа вноситъ въ ближайшее собраніе гласныхъ городской думы предложеніе о переименованіи ряда улицъ города Либавы, носящихъ названія, напоминающія имена германскихъ и австрійскихъ лицъ. Таковы названія улицъ: Вильгельмовская, Августинская, Людвиговская, Францевая, Фридриховская, Іосифовская, Генриховская и Вельгельминовская. Городская управа высказалась въ томъ смыслѣ, что для переименованія этихъ улицъ нѣтъ основаній, такъ какъ улицы эти не названы въ честь какихъ бы то ни было иностранныхъ владѣтельныхъ особъ. Однако губернское правленіе съ этимъ доводомъ не согласилось, и улицы эти будутъ переименованы.

(Нов. Вр. 26 Окт.).

(Предмѣстье „Царскій лѣсъ" близъ Риги). „Говорить излишне, что земельные участки здѣсь въ подавляющемъ большинствѣ перешли въ руки нѣмцевъ. Въ связи съ этимъ, нѣкоторыя центральныя предмѣстья города еще не снабжены водопроводами, не устроены мостовыя, нѣтъ водосточныхъ трубъ и т. д.,—здѣсь же есть все. Сюда проведена линія трамвая, устроены прекрасныя мостовыя, прилегающія къ этому поселку, есть канализація, электрическое освѣщеніе и т. д. Словомъ, въ угоду нѣмцамъ, на этотъ поселокъ истрачена не одна сотня тысячъ городскихъ денегъ. Пріѣзжающій сюда русскій можетъ подумать, что онъ попалъ въ нѣмецкій городъ. Къ Царскому лѣсу ведетъ главная Плеттенбергская улица, которая скрещивается съ Мейнгардской улицей и отсюда пріѣзжій попадаетъ на Самсонскую улицу (въ честь Самсонъ-Гиммельстьерна). У дома, въ которомъ помѣщается управленіе пригороднаго участка, этотъ новый „садъ городъ" дѣлится на двѣ части Кетлерской улицей (въ честь нѣмецкаго рыцаря). Правая сторона города пересѣкается улицами: Люсекской, Гамбургской, Стокгольмской и круговой улицей Вааза. Въ лѣвой сторонѣ этого города-сада идетъ Висбійскій проспектъ и эту часть

города пересѣкаютъ улицы: Штралзундская, Штеттинская, Данцигская, Бисмаркская и Кельнская.

Если къ этому прибавить, что, по обычаю германцевъ, надъ каждымъ домомъ здѣсь прибита доска съ какимъ либо девизомъ или названіемъ, и что всѣ эти таблицы написаны по-нѣмецки, какъ-то: „Waldfrieden“, „Morgenstunde“, „Der Abend“ и т. д., станетъ невольно обидно за русскихъ.... Что нѣмцы и въ данномъ случаѣ оставались вѣрны своей идеѣ германизаціи, подбирая нѣмецкія названія, убѣдительно подтверждается тѣмъ, что по сіе время, напр., въ Ригѣ нѣтъ Петровской улицы, по имени завоевателя города, Петра Великаго. Нѣтъ, понятно, и Шереметьевской, по имени главнокомандующаго русскими войсками при взятіи Риги“.

(„Утро Россіи“).

Нѣмцефилы. Намъ передаютъ, что извѣстная группа лицъ продолжаетъ по-прежнему ревностно защищать нѣмецкое засиліе, а также нѣмецкій разговорный языкъ.

Напримѣръ, 3-го сего октября, съ постройки дома за № 13 по Артиллерійской улицѣ упалъ съ высоты 3-го этажа каменщикъ Отто Вальтеръ и при паденіи получилъ тяжкія увѣчья всего тѣла.

Десятникъ (пулиръ) на постройкѣ Клепникъ по телефонному аппарату № 10552 сталъ вызывать карету скорой медицинской помощи для отправки потерпѣвшаго въ больницу. Клепникъ говорилъ по-русски и на его просьбу получилъ въ отвѣтъ „не понимаемъ“.

Сталъ говорить по телефону проживающій въ томъ-же домѣ Александръ Гнерикъ и повторилъ на русскомъ языкѣ просьбу о высылкѣ кареты, но ему отвѣтили, что карета занята и пусть потерпѣвшаго отправляютъ въ больницу на извозчикѣ.

Послѣ этого съ просьбой о высылкѣ кареты обратился на станцію скорой медицинской помощи нѣкій Петръ К., говорившій по-нѣмецки. На станціи скорой медицинской помощи, какъ заслышали нѣмецкій разговоръ, и отнеслись къ просьбѣ съ предупредительностью обѣщали немедленно выслать карету скорой медицинской помощи и дѣйствительно прислали таковую.

Лицамъ, власть имущимъ, слѣдовало-бы на это обратить вниманіе. Не говорящіе по-нѣмецки, какъ видно, не могутъ воспользоваться услугами скорой медицинской помощи.

(Приб. край 9 окт.).

Къ переименованію Ревеля. Изъ отчета о послѣднемъ засѣданіи ревельской городской думы видно, что нѣмецкіе гласные яростно отстаивали сохраненіе названія „Ревель“. Гласный Бенеке передаетъ „Рев. М.“, бія себя въ перси, взывалъ къ „лояльности“ думы, заявивъ, что ходатайство о переименованіи города (т.-е. о присвоеніи ему стариннаго русскаго названія. *Ред.*) есть превышеніе власти.

Другой гласный Ольдекопъ находилъ, что названіе „Колывань“ недостаточно русское.

Указывали еще на крупные (?) расходы, которые сопряжены съ переименованіемъ города.

Но несмотря на эти и тому подобныя, не выдерживающія никакой критики, возраженія эстонскіе и русскіе гласные взяли верхъ надъ Нѣмцами.

Послѣдніе однако ни за что не хотятъ сдаться и настаиваютъ на томъ, чтобы къ ходатайству приложено было и ихъ особое мнѣніе.

(Нов. Вр.).

Средневѣковыя нѣмецкія гильдіи. Изъ Ревеля обращаютъ вниманіе на средневѣковоя нѣмецкія гильдіи ремесленниковъ и купцовъ.

Хотя эти гильдіи и обладаютъ подчасъ крупными имуществами, но на общеполезныя цѣли изъ этихъ имуществъ ничего не назначается. Гильдіи очень щедро поддерживаютъ различныя нѣмецкія начинанія: помѣщеніями гильдій безплатно пользуются различные нѣмецкіе клубы, ферейны, библіотеки, сберегательныя кассы и тому подобныя учрежденія, отличающіяся характеромъ строгой нѣмецкой исключительности. Въ гильдіяхъ строго охраняется ихъ нѣмецкій характеръ: въ гильдіи не принимаются лица, не владѣющія нѣмецкимъ языкомъ, но, зато недавно, (а можетъ быть еще и теперь) въ гильдіи принимались германскіе подданные. Все дѣлопроизводство въ гильдіяхъ ведется конечно исключительно на нѣмецкомъ языкѣ и эта исключительность проводится такъ послѣдовательно, что даже свои офиціальныя бумаги гильдіи не переводятъ въ случаѣ надобности на государственный языкъ въ собственныхъ канцеляріяхъ, а прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ къ содѣйствію присяжныхъ переводчиковъ. Пріемъ въ гильдіи стѣсненъ, особенно въ послѣднее время, когда во всемъ Прибалтійскомъ краѣ сильно стало сказываться нѣмецкое засилье во

всѣхъ отрасляхъ общественнной жизни; поэтому по составу эти сословія крайне малочисленны. Не менѣе курьезно обстоитъ дѣло съ купеческими гильдіями. Въ купеческія гильдіи принимаются опять-таки исключительно Нѣмцы. Купцы другихъ національностей платятъ ежегодно казнѣ за купеческія сословныя свидѣтельства, но сословной организаціи не имѣютъ, такъ какъ купеческія гильдіи являются исключительно нѣмецкими учрежденіями.

(Нов. Вр. 17 Сент.).

Церковь въ Балтѣ и богословскій факультетъ.

Пасторы-германизаторы. Роль нѣмецкихъ пасторовъ въ дѣлѣ германизаціи Прибалтійскаго края освѣщена очень мало, а между тѣмъ роль ея громадна. Лютеранская церковь, одинъ изъ главнѣйшихъ рычаговъ государственности въ этомъ краѣ, какъ и вообще по всей Россіи, находится въ нѣмецкихъ рукахъ. Вся ненормальность этого обнаруживается особенно ярко въ настоящій моментъ. Что же такое лютеранская церковь въ Балтикѣ?

Въ Прибалтійскомъ краѣ, по даннымъ статистики, нѣмцевъ только 7 проц., остальное населеніе—латыши, эстонцы, русскіе...

Лютеранскіе приходы, или, какъ нѣмцы ихъ называютъ „Unsere Landeskirche", —чисто латышскіе и эстонскіе; нѣмцевъ въ деревнѣ почти нѣтъ. Несмотря на это, всѣ пасторы, за небольшимъ исключеніемъ, нѣмцы.

Засѣданія синода ведутся на нѣмецкомъ языкѣ. Когда одинъ изъ латышскихъ пасторовъ хотѣлъ привести очень важную выдержку изъ латышской газеты, генералъ-суперинтендентъ его остановилъ, пригласивъ изложить ее по-нѣмецки. Все дѣло производства консисторіи происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ, даже Высочайшіе указы печатаются по-нѣмецки (какъ-то странно читать въ заголовкѣ титула—Reussen (русскій), напоминающее варварское Preussen).

Консисторіи лютеранскія—учрежденія чисто нѣмецкія. Составъ консисторіи—свѣтскій, наполовину—церковный. Какъ ни странно, а глава церкви—генералъ-суперинтендентъ и члены консисторіи избираются дворянскими ландтагами. Если къ этому еще прибавить, что преподаваніе на Юрьевскомъ богословскомъ факультетѣ ведется на нѣмецкомъ языкѣ и въ чисто нѣмецкомъ духѣ, гдѣ всѣ преподаватели, за весьма малымъ исключеніемъ, нѣмцы, или совершенно онѣмеченные латыши, то открывается грандіозная картина нѣмецкой опеки надъ латышскимъ и эстонскимъ населеніемъ Прибалтійскаго края, начиная съ пасторовъ, консисторіи, синода и кончая богословскимъ факультетомъ. Заговорить по-латышски, и особенно по-русски, значитъ скомпроме-

тировать себя въ пасторской средѣ окончательно. Живя десятки лѣтъ среди латышей и эстовъ, нѣмцы-пасторы очень плохо владѣютъ этими языками. Они въ церкви читаютъ проповѣди съ листа и книги на скверномъ языкѣ. По этому поводу создалась даже цѣлая анекдотическая литература.

Когда ввели въ краѣ русскую реформу, (русскій языкъ въ присутственныхъ мѣстахъ и въ учебныхъ заведеніяхъ), то пасторъ Краузе и пасторъ Трей настолько увлеклись 14 сентября 1885 г., что было начато слѣдствіе, и они, вмѣстѣ съ Пильтенскимъ гор. головою, были подвергнуты административному заключенію. Рижскій городской голова Этингенъ былъ устраненъ. Оппозиція была общая, попались только черезчуръ зарвавшіеся, но народъ за ними не пошелъ.

Систематическая германизація балтійской церкви проводится и при подготовкѣ къ конфирмаціи. Такъ какъ коренныхъ нѣмцевъ мало, кромѣ того, они быстро вырождаются, то латышскія фамиліи переводятся на нѣмецкій языкъ и записываются въ офиціальныя книги, не исключая метрическихъ. Вотъ откуда у латышей такъ много нѣмецкихъ фамилій. Молодые латышскіе кандидаты онѣмечиваются на богословскомъ факультетѣ, гдѣ всѣ профессора состоятъ членами „Дейчъ-ферейна“. Русская Юрьевская профессура недавно по этому поводу высказала свое глубокое возмущеніе.

Но главнѣйшая германизація происходила въ закрытомъ „Дейчъ-ферейнѣ“. Съ 1905 г., когда былъ открытъ этотъ пресловутый союзъ, понадобились энергичные дѣятели.

Нѣмецкіе пасторы моментально предложили свои услуги, благо изъ семи дней недѣли у нихъ шесть свободныхъ. И вотъ нѣмецкіе пасторы, какъ предсѣдатели отдѣленій „Дейчъ-ферейна“, насаждали въ Прибалтійскомъ краѣ нѣмецкую политику. Край былъ окутанъ густою сѣтью отдѣленій этого ферейна, соединяя и укрѣпляя нѣмецкій элементъ. Началась усиленная германизація латышскихъ прихожанъ. Передо мною лежитъ сейчасъ популярная въ Прибалтикѣ книжка „Ein altes kurländisches Pastorat“ (Старый Курляндскій пасторатъ) г-жи Гермсенъ. Тамъ, на стр. 25, описывая идеальный типъ Прибалтійскаго пастора, она говоритъ: „Mit allen sprach der Vater deutsch, da er mit Leib und Seele fur die Germanisierung der Letten war“ (Со всѣми говорилъ отецъ по-нѣмецки, ибо былъ душою и тѣломъ за германизацію латышей). И этотъ пасторъ, какъ проповѣдникъ, дѣйствовалъ 60 лѣтъ. Еще недавно на па-

сторовъ, какъ ревизоровъ и ближайшихъ попечителей народныхъ школъ, ложилась задача германизаціи народа; въ послѣднее же время, когда въ пасторатахъ открывались школы „Дейчъ-ферейна", эта задача еще болѣе облегчалась. Пасторами не назначаютъ латышей потому, что пасторъ долженъ быть предсѣдателемъ „Дейчъ-ферейна", устроить у себя школу „Дейчъ-ферейна" и собирать деньги для нѣмецкой политики.

Календарь „Дейчъ-ферейна" показываетъ, что даже самъ генералъ-суперинтендентъ Гетгенсъ состоитъ членомъ этого союза. Когда въ прошлое лѣто долженъ былъ ѣхать делегатъ отъ Балтійскаго „Дейчъ-ферейна" на всегерманскій конгрессъ въ Кенигсбергѣ, то туда былъ посланъ пасторъ Викбергъ изъ Гробина.

Рѣчи съ церковной каѳедры свободны, а въ военное время это—единственная каѳедра безъ цензуры, и она въ рукахъ ярыхъ германизаторовъ. Это очень сильное орудіе въ нѣмецкихъ рукахъ. А сколько пользы въ настоящій моментъ могъ бы принести пасторъ своей великой Родинѣ. Въ Либавѣ одинъ изъ популярнѣйшихъ латышскихъ пасторовъ, послѣ чтенія Высочайшаго манифеста, горячей и страстною рѣчью увлекъ нѣсколько тысячъ народа; сыпались пожертвованія; латыши съ пѣснями и цвѣтами уходили на войну. Въ Либавѣ появился лучшій, богато обставленный лазаретъ. Нѣмецкіе пасторы въ это самое время мечтали о развитіи германской политики въ краѣ. Вальтеръ Гетгенсъ, сынъ генералъ-суперинтендента, какъ пишутъ русскія прибалтійскія газеты, состоитъ въ германскомъ подданствѣ, проживая въ Гамбургѣ, и сейчасъ сражается въ рядахъ германской арміи, а его отецъ съ консисторіей и синодомъ энергично пекутся о возстановленіи закрытаго „Дейчъ-ферейна".

(Колоколъ, Окт. А. Т—нъ).

Въ то время, какъ во всѣхъ лютеранскихъ странахъ и даже у нѣмцевъ-колонистовъ юга, юго-востока и юго-запада Россіи пастора выбираются приходомъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ большинствѣ приходовъ, право выбора пастора принадлежитъ патрону церкви—мѣстному помѣщику. Только онъ одинъ можетъ выбрать пастора.

Прибалтійская церковь совершенно порабощена и въ полномъ смыслѣ этого слова представляется орудіемъ въ рукахъ прибалтійскихъ нѣмецкихъ бароновъ, являясь однимъ изъ средствъ германизаціи края. Духовное управленіе сосредоточено въ рукахъ

духовной консисторіи. Послѣдняя состоитъ изъ трехъ свѣтскихъ лицъ, до сихъ поръ почти исключительно выбиравшихся изъ среды бароновъ, и трехъ духовныхъ лицъ по выбору тѣхъ же бароновъ. Должность епископа несетъ генералъ-суперинтендентъ, избираемый также помѣстными землевладѣльцами. Пасторомъ въ Прибалтійскомъ краѣ можетъ быть далеко не каждый теологъ, окончившій богословскій факультетъ юрьевскаго университета, а лишь лицо избранное. При занятіи должности пастора, а равно и въ консисторіи при экзаменѣ на полученіе права быть проповѣдникомъ, прежде всего, интересуются, каково отношеніе экзаменующагося къ нѣмцамъ, и каковы его взгляды на мѣстный національный вопросъ. Лишь тѣ молодые люди, которые въ достаточной мѣрѣ удовлетворяютъ этому требованію, могутъ разсчитывать на полученіе прихода въ Прибалтійскомъ краѣ. Тѣ же, которые не удовлетворяютъ ему, несмотря на свои знанія и на свои моральныя качества, могутъ уѣзжать, куда имъ угодно и искать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ, и они уѣзжаютъ. Среди эстовъ и латышей, несомнѣнно, было и теперь имѣется много лицъ, вполнѣ достойныхъ быть пасторами въ Прибалтійскомъ краѣ, но, что же мы видимъ? А вотъ что.

Включительно до 1905 года въ Эстляндіи, за исключеніемъ г. Ревеля, въ пастора не былъ избранъ ни одинъ эстонецъ. Лишь въ 1905 году нѣкоторымъ изъ эстонцевъ удалось получить пасторскія должности. Но затѣмъ пошло все по-сторому.

Теологическій факультетъ юрьевскаго университета при соисканіяхъ кафедръ отдаетъ предпочтеніе всегда и во всемъ нѣмцамъ. Исторія церкви въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и исторія православія въ немъ, одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ русской жизни.

Реформируя мѣстное самоуправленіе, нельзя, конечно, оставить въ рукахъ нѣмцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ и управленіе церковью. Правомъ выбора духовныхъ лицъ, пасторовъ, должно пользоваться все мѣстное населеніе—эсты и латыши.

Каждый латышскій или эстонскій крестьянинъ или арендаторъ чужой или казенной земли, разъ онъ живетъ на мѣстѣ, ведетъ хозяйство, несетъ церковныя повинности, долженъ быть призванъ къ выбору пастора наравнѣ съ мѣстнымъ нѣмецкимъ населеніемъ. Разъ изъ среды эстовъ и латышей мы имѣемъ достойныхъ іерарховъ и въ русской церкви, то болѣе чѣмъ странно

лишать коренное мѣстное двухъ съ половиной милліонное населеніе право выбора духовнаго пастыря изъ своей среды.

(Ревельскій Вѣстникъ).

Пасторы-германизаторы. Каковы же ягодки, созрѣвающія въ питомникахъ юрьевскаго богословскаго факультета? Отвѣтъ на этотъ вопросъ получить не трудно.

И въ латышской, и въ эстонской частяхъ края мнѣ приходилось слышать безконечное число жалобъ на пасторовъ, которые не только не призывали и не призываютъ запасныхъ къ борьбѣ съ Германіей но, наоборотъ, стараются представить Россію виновницей всего происходящаго, а Гермнію—невинной страдалицей. Приведу хотя бы небольшую часть примѣровъ, чтобы не быть голословнымъ. Такъ, въ приходѣ Маріи-Магдалины недалеко отъ Юрьева пасторъ говорилъ въ своей рѣчи, что если уже нужно воевать, то „необходимо держать сторону единовѣрцевъ". Пасторъ изъ Авинорма заявлялъ въ проповѣди, что „если Нѣмцы завоюютъ край, то будетъ лучше, такъ какъ Германія культурнѣе Россіи". Приблизительно такія же мысли высказывалъ паствѣ ампельскій пасторъ около Тапса. Въ Вейсенштейнѣ пасторъ Ралль даже не счель нужнымъ благословить уходившихъ на войну запасныхъ и довелъ паству до сильнаго возбужденія своимъ антипатріотическимъ настроеніемъ. Въ Трикатенскомъ приходѣ пасторъ, по словамъ латышскихъ газетъ, несочувственно отнесся къ просьбѣ Латышей помолиться за нашихъ воиновъ сражающихся съ Германіей. Женамъ запасныхъ онъ заявилъ: „Незачѣмъ молиться, когда пять волковъ раздираютъ одного ягненка". Въ Верроскомъ уѣздѣ, въ Канапэ, пасторъ фонъ-Фалькъ говорилъ, что Эстонцамъ нечего бояться Германцевъ, такъ какъ Германія не такъ притѣсняетъ инородцевъ, какъ Россія; и онъ замѣтилъ предсѣдателю музыкальнаго общества, что считаетъ излишнимъ воодушевлять народъ русскимъ гимномъ. Въ Ревельскомъ уѣздѣ пасторъ высказался такъ: „Господу Богу трудно рѣшить, кому даровать побѣду въ настоящей войнѣ, такъ какъ обѣ стороны молятся. Богъ даетъ побѣду тому, кто воюетъ за правду. Дай, Господи, чтобы каждый воинъ зналъ, за что онъ сражается и жертвуетъ свою душу!"

Въ Балтійскомъ портѣ, какъ я узналъ изъ достовѣрнаго источника, есть пасторъ Гершельманъ, который былъ сначала русскимъ подданнымъ, потомъ германскимъ, а затѣмъ снова при-

нялъ подданство русское. Настроеніе у него—холодное. Безучастность къ Россіи—полная... Три дочери его—германскія подданныя, почему—неизвѣстно.

Въ 40 верстахъ отъ Юрьева есть мѣстечко Рэнту, въ церкви котораго пасторомъ состоитъ нѣкій Ганзенъ, окончившій Юрьевскій университетъ. Не разъ г. Ганзенъ, по свидѣтельству крестьянъ, открыто заявлялъ свое негодованіе по адресу державъ, возставшихъ противъ всесильной Германіи, и называлъ высшей несправедливостью нападеніе всей Европы на высоко-культурную страну. Въ помѣщеніи волостного суда г. Ганзенъ критиковалъ отвѣтъ Россіи на объявленіе войны Германіей, говоря, что Германія не хотѣла войны, но была вынуждена къ тому, такъ какъ русскія войска перешли границу. Нейтралитетъ Бельгіи былъ нарушенъ не Германіей, а Франціей; Англія всегда была и будетъ корыстной, набивая себѣ карманъ. Въ Россіи въ скоромъ времени вспыхнетъ революція... Германскимъ военноплѣннымъ беззаконно не выдаютъ денегъ на пропитаніе... Все, что пишутъ русскія газеты по поводу германскихъ звѣрствъ,—ложь и травля противъ Германіи... И съ объявленія войны до послѣдняго времени г. Ганзенъ ни разу не отслужилъ въ церкви благодарственаго молебна, ни молебна о ниспосланіи побѣдъ. Десять крестьянъ готовы подтвердить все своими свидѣтельскими показаніями.

А вотъ тоже недурной штришокъ изъ жизни пасторовъ Эстляндской губерніи. Въ 1910 году въ административномъ порядкѣ были запрошены двадцать пасторовъ: почему въ табельные дни они не служатъ полагающіеся для всѣхъ церквей молебны; пасторы—Керигъ, Ней, Брунсъ, Брашо, Шмидтъ, Вильямъ, Маттей, Михельсонъ, Галлесъ, Массъ, Пецольдъ, Фельдманъ, Риппе, Нерлингъ, Галлеръ, Браше, Бушъ, Фрезе, Галлеръ и др. И каковъ же былъ отвѣтъ? „Мы не служимъ молебновъ—заявили они администраціи, — потому что народъ все равно не будетъ ходить“.

Я бы могъ привести еще не мало аналогичныхъ примѣровъ. Но достаточно. Настроеніе нѣмецкихъ питомцевъ юрьевскаго богословскаго факультета почти у всѣхъ одинаково. Германская закваска дѣлаетъ отлично свое дѣло. Молитвы „за братьевъ“, о которыхъ я уже упоминалъ, моленія о дарованіи побѣды „оружію“, неизвѣстно какому,—все это не единичные случаи, а общая, за рѣдкимъ исключеніемъ, система.

(Нов. Вр., Ноябрь. А. Ренниковъ).

„20 іюля с. г., когда стало извѣстно объявленіе Германіей войны Россіи, въ Канапэ, Верроскаго уѣзда Лифлянд. губ. Эстонцами была устроена патріотическая манифестація. На манифестацію въ садъ Канапэскаго музыкально-пѣвческаго общества прибылъ также мѣстный пасторъ І. фонъ-Фалькъ.

Когда манифестанты намѣрены были повторить гимнъ, фонъ-Фалькъ обратился къ предсѣдателю муз. общества К. Конго съ упрекомъ, сказавъ, что незачѣмъ воодушевлять народъ русскимъ народномъ гимномъ. Сейчасъ Россія имѣетъ дѣло не съ Японіей, а съ всесильной Германіей. Тутъ же фонъ-Фалькъ сталъ объяснять присутствующимъ, какія у Нѣмцевъ большія и хорошія орудія и какъ далеко они бьютъ. На возраженіе учителя Д. Роота фонъ-Фалькъ заявилъ, что Эстонцамъ нечего бояться Нѣмцевъ. Подъ Германіей Эстонцамъ будетъ несомнѣнно лучше, чѣмъ подъ Россіей, такъ какъ Германія не такъ притѣсняетъ инородцевъ, какъ Россія. Долго еще фонъ-Фалькъ расхваливалъ Нѣмцевъ, и манифестація на этотъ разъ такъ и разстроилась. О такого рода дѣятельности пастора фонъ-Фалька было дано знать мѣстной полиціи. Та, однако распорядилась арестовать главнаго свидѣтеля Конго и подъ конвоемъ стражниковъ отправила его въ гор. Верро. Здѣсь младшій помощникъ уѣзднаго начальника своею властью выдержалъ Конго подъ арестомъ сутки и освободилъ его съ угрозою, что онъ будетъ арестованъ губернаторомъ и преданъ военному суду, если не будетъ молчать.

Этимъ разслѣдованіе и кончилось. Пасторъ фонъ-Фалькъ продолжаетъ наставлять паству въ томъ же духѣ.

(Веч. Вр. 22 Окт.).

Позвольте обратиться къ самому недальновидному, самому несообразительному, изъ читателей съ слѣдующими вопросами.

Допускаетъ ли онъ, чтобы сейчасъ въ Германіи, въ Берлинѣ или гдѣ бы то ни было существовалъ при нѣмецкомъ университетѣ факультетъ, на которомъ всѣ лекціи и все дѣлопроизводство велось бы на русскомъ языкѣ; професорами состояли бы Русскіе, уличенные въ участіи въ организаціи, стремившейся подготовить завоеваніе Германіи Русскими, и потому закрытой; среди професоровъ находились бы русско-подданные; професора эти демонстративно презирали бы все нѣмецкое и открыто радовались бы побѣдамъ Русскихъ и огорчались бы ихъ пораженіями; не признавали бы никакихъ распоряженій правительства, хотя бы

самыхъ скромныхъ, направленныхъ къ прекращенію руссификаціи, и т. д., и т. д.?

Позвольте надѣяться, что *этому* никто бы не повѣрилъ. Но вотъ то, что немыслимо ни въ Германіи, ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ какомъ другомъ государствѣ, то существуетъ въ Россіи.

При Императорскомъ русскомъ юрьевскомъ университетѣ и сейчасъ продолжаетъ функціонировать *нѣмецкій теологическій факультетъ, на которомъ все преподаваніе* и все дѣлопроизводство ведется *исключительно на нѣмецкомъ языкѣ.* Професора всѣ Нѣмцы, самые главные дѣятели закрытаго гнѣзда пангерманизма „Deutscher Verein'а", среди нихъ имѣется даже одинъ австрійскій подданный. Професора - Нѣмцы откровенно восторгаются нѣмецкими побѣдами,—ихъ наглость доходитъ до того, что недавно, когда нѣмцы шли на Варшаву, одинъ „лояльный нѣмецъ" съ злорадствомъ спрашивалъ всѣхъ: „скажите, говорятъ, русскихъ уже выгнали изъ Петрикау (это онъ успѣлъ перекроить по нѣмецки Петроковъ)?" А во времена мирныя эти же „лояльные граждане" упорно не хотѣли признавать переименованія Дерпта въ Юрьевъ и не только въ частной жизни, но и въ офиціальныхъ обращеніяхъ продолжали называть его Dorpat. Обратите вниманіе на то, что эти господа готовятъ пасторовъ для всей Россіи, а каковы эти пасторы, показываетъ рядъ фактовъ, уже зарегистрированныхъ въ вашей газетѣ.

Самое же удивительное во всей этой невѣроятной исторіи то, *что во время войны Россіи съ Германіей* вашъ покорнѣйшій слуга, сообщая обо всѣхъ вышеписанныхъ безобразіяхъ, не рискуетъ все же подписаться своимъ настоящимъ именемъ, а предпочитаетъ безопасности ради скрыться подъ псевдонимомъ.

(Веч. Вр. 29 Окт.)

Высылка пастора. По словамъ газеты „Latwija", пасторъ лютеранской церкви Оскаръ Бидлеръ высланъ изъ Риги въ Тверскую губенію за распространеніе идей пангерманизма. Бидлеръ былъ законоучителемъ въ нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Риги. (Нов. Вр. 2-го Ноября).

Лояльный пасторъ. Какъ сообщаетъ „Latwija", къ отвѣтственности привлеченъ пасторъ Титтельбахъ, переставшій произносить на богослуженіяхъ молитву о Царствующемъ Домѣ.

(„Рижск. В.").

Реформа лютеранскаго прихода. По слухамъ министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило принять возможныя мѣры къ ускоренію прохожденія въ законодательныхъ учрежденіяхъ законопроекта о преобразованіи лютеранскихъ приходовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. При этомъ министерство имѣетъ въ виду поддерживать ту точку зрѣнія, что означенная реформа должна коснуться всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній, а не Лифляндской и Эстляндской, какъ то предполагалось первоначально. Соображенія, въ силу которыхъ предполагалось повременить съ преобразованіемъ сельскаго лютеранскаго прихода въ Курляндской губерніи, въ данное время уже не встрѣчаютъ сторонниковъ въ правительственныхъ кругахъ. Сущность этихъ соображеній сводилась къ слѣдующему. Дворянство Лифляндской и Эстляндской губерній признало, что главнымъ предметомъ недоразумѣній на религіозной почвѣ между населяющими Прибалтійскій край народностями является существующій порядокъ избранія проповѣдниковъ, составляющій въ силу патронатнаго права привилегію дворянства, и высказалось за отмѣну этого права, какъ несомнѣннаго пережитка феодализма; курляндское же дворянство наоборотъ, находило институтъ патроната чрезвычайно важнымъ и подлежащимъ сохраненію. Въ виду такихъ разногласій и возникла мысль отложить вопросъ о распространеніи на курляндскую губернію реформы сельскаго лютеранскаго прихода до пересмотра законоположеній, нормирующихъ дѣйствующій въ евангелическо-лютеранской церкви институтъ патроната.

Нынѣ ближайшее изученіе даннаго вопроса показало, что такая точка зрѣнія курляндскаго дворянства не имѣетъ достаточно вѣскихъ основаній и почти всецѣло покоится на желаніи мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ нѣмецкаго происхожденія держать въ своихъ рукахъ сельское населеніе.

(Нов. Вр.).

Не имѣется ни съ государственной точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія интересовъ лютеранскаго населенія Россіи никакихъ основаній для искусственнаго онѣмеченія кандидатовъ въ пасторы путемъ нѣмецкаго преподаванія въ высшей богословской школѣ, призванной подготовлять проповѣдниковъ для всѣхъ русскихъ лютеранъ, большинство которыхъ съ нѣмечествомъ не имѣетъ ничего общаго. Такое искусственное укрѣпленіе нѣмечества въ Россіи и въ прежнее время нельзя было признать соот-

вѣтствующимъ государственнымъ интересамъ [и справедливости по отношенію къ ненѣмецкимъ лютеранамъ, а въ настоящее время оно представляется тѣмъ болѣе нежелательнымъ. Такъ какъ невозможно создать для каждой національной группы лютеранъ отдѣльной богословской академіи, то единственнымъ цѣлесообразнымъ и справедливымъ выходомъ изъ затрудненія было бы веденіе преподаванія на государственномъ языкѣ съ тѣмъ, чтобы употребленіе мѣстныхъ языковъ, если въ томъ окажется практическая необходимость, допускалось по каѳедрамъ практическаго богословія. Нѣмцефилы, отстаивающіе сохраненіе нѣмецкаго богословскаго преподаванія, утверждаютъ, будто оно потому необходимо, что вся лютеранская богословская литература—нѣмецкая. Но это одна лишь отговорка: многіе лютеране внѣ Германіи превосходно обходятся при высшемъ преподаваніи богословія безъ нѣмецкаго языка; совершенно возможно обойтись безъ него и въ Россіи какъ то мы видимъ уже у насъ въ Финляндіи. Та литература, которая для этой цѣли понадобится, можетъ быть въ короткое время переведена на русскій языкъ. Знаніе государственнаго языка во всякомъ случаѣ и для лютеранскихъ проповѣдниковъ въ Россіи гораздо важнѣе и необходимѣе, чѣмъ знаніе нѣмецкаго, который большинству лютеранъ въ Россіи менѣе знакомъ, чѣмъ русскій даже въ настоящее время, когда необходимое для каждаго гражданина усвоеніе гос. языка у насъ не достигло еще той полноты, достиженіе которой должно быть признано обязательнымъ. Окончательно прошло уже то время, когда у насъ могло быть допускаемо употребленіе нѣмецкаго языка даже тамъ, гдѣ можетъ быть мѣсто только языку государственному.

(Рижская Мысль, 18 Сентября).

Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3 марта 1905 года были отмѣнены распоряженія о воспрещеніи миссіонерскихъ празднествъ и сборовъ въ евангелическо-лютеранскихъ приходахъ; отмѣна эта не коснулась сборовъ, предназначенныхъ на распространеніе протестантскихъ вѣроученій въ предѣлахъ Россіи, запрещеніе коихъ, опираясь на ст. 4 т. XI, ч. I св. законовъ, изд. 1896 года, оставалось въ силѣ.

Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ, признавъ необходимымъ, въ отмѣну указаннаго циркуляра, воспретить впредь до особаго распоряженія производство въ лютеранскихъ приходахъ какихъ бы то ни было сборовъ на потребности заграничныхъ миссій,

сообщилъ объ этомъ губернаторамъ для объявленія по принадлежности. Вмѣстѣ съ тѣмъ предложено установить тщательное наблюденіе за выполненіемъ означеннаго распоряженія и о случаяхъ неисполненія его немедленно доводить до свѣдѣнія. О томъ же распоряженіи поставлена въ извѣстность и генеральная консисторія.

(Новое Время).

Печать въ Прибалтійскомъ краѣ.

Прибалтійская нѣмецкая націоналистическая печать считаетъ своимъ долгомъ брать подъ свою защиту всѣхъ нѣмцевъ въ Россіи. Это уже выходитъ изъ круга прибалтійско-нѣмецкихъ домогательствъ и входитъ въ сферу всенѣмецкихъ вожделѣній, какъ извѣстно, направленныхъ къ возможно большему усиленію нѣмечества въ тѣхъ странахъ, которыя пангерманизмъ считаетъ наиболѣе подходящею почвою для осуществленія своихъ стремленій къ расширенію господства тевтонской расы. Если эти стремленія поддерживаются зарубежными пангерманскими органами печати, лозунгъ коихъ: „нѣмечество выше всего", то это вполнѣ понятно, но печать въ Россіи, ставящая себѣ подобную задачу, должна быть признана явленіемъ уродливымъ и неумѣстнымъ. Мы вправѣ потребовать отъ этой печати, чтобъ она перестала всячески пропагандировать нѣмечество въ Россіи и распинаться за его интересы, въ особенности послѣ того, какъ германизмъ началъ ожесточенную борьбу съ нашимъ Отечествомъ и со всею русско-славянскою стихіей и ведетъ ее самымъ звѣрскимъ образомъ. Если и при такихъ обстоятельствахъ нѣмецкая печать въ Россіи считаетъ вовможнымъ продолжать свое служеніе всенѣмецкому дѣлу, то этимъ самымъ она только обнаруживаетъ неумѣстность своего существованія. Подобнаго рода дѣятельность печати, очевидно, у насъ не можетъ быть терпима, такъ какъ противорѣчитъ главнѣйшей въ настоящее время задачѣ русскаго государства и народа, заключающейся въ преодолѣніи обрушившагося на насъ всѣми своими силами и со всею жестокостью тевтонства. Въ этомъ русскому государству и народу должны содѣйствовать и органы русской печати, на какихъ языкахъ они ни издавались бы. Если же находятся такіе органы печати, которые считаютъ возможнымъ поддерживать въ настоящее время нѣмечество въ Россіи, гдѣ бы оно ни свило себѣ гнѣздо, то они тѣмъ самымъ произносятъ надъ собою приговоръ. Въ настоящее время въ формѣ полемики съ русскою печатью нѣмецкія націоналистическія газеты выступаютъ въ защиту нѣ-

мецкаго землевладѣнія въ Россіи, противъ котораго правительство предполагаетъ принять требуемыя государственною безопасностью мѣры. Германскіе выходцы, осѣвшіе въ Россіи на землѣ, являются неизмѣнно предметомъ нѣжнаго попеченія нѣмецкой націоналистической печати, хотя совершенно ясно, что подобнаго рода землевладѣніе въ лучшемъ случаѣ вредно уже потому, что лишаетъ земельнаго простора коренное населеніе которое вынуждено искать свободныхъ земель въ Сибири и на Дальномъ Востокѣ, а въ худшемъ, вслѣдствіе ненадежности этого землевладѣльческаго элемента, тяготѣющаго къ Германіи, можетъ стать и опаснымъ для государства. Съ точки зрѣнія интересовъ русскаго государства и народа сохраненіе этого землевладѣнія, а тѣмъ болѣе его расширеніе ни въ коемъ случаѣ нельзя отстаивать; его можно защищать только съ точки зрѣнія даже не прибалтійско-нѣмецкихъ, а именно всенѣмецкихъ интересовъ, такъ какъ и для прибалтійскихъ нѣмцевъ, какъ таковыхъ, вопросъ объ этомъ землевладѣніи, въ сущности, безразличенъ. И потому, отстаивая его, прибалтійская печать, очевидно, стоитъ именно на всенѣмецкой точкѣ зрѣнія, служитъ всенѣмечеству, стремясь содѣйствовать усиленію нѣмецкаго элемента не только въ Прибалтійскомъ краѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. Съ этою цѣлью въ свое время пропагандировалось даже установленіе связи между всѣми очагами нѣмечества въ Россіи для совмѣстнаго отстаиванія его интересовъ. И въ мирное время подобнаго рода работа въ Россіи на пользу всенѣмечества представлялась, по меньшей мѣрѣ, странною, и только русское благодушіе могло относиться къ ней съ снисходительностью и терпимостью. Но весь образъ дѣйствій тевтоновъ по отношенію къ Россіи и русскому народу показалъ теперь съ достаточною наглядностью, насколько такое благодушное отношеніе къ ихъ проискамъ въ нашей странѣ было бы въ дальнѣйшемъ не только неблагоразумно, но прямотаки опасно для нашихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ. И потому всякаго рода всенѣмецкой пропагандѣ и дѣятельности въ Россіи надо положить рѣшительный конецъ.

(Рижская Мысль № 2157).

Изумительное упорство. Какъ извѣстно, болѣе двадцати лѣтъ назадъ послѣдовало Высочайше повелѣніе о переименованіи городовъ Дерпта и Динабурга въ Юрьевъ и Двинскъ. Мѣстной русской печати стоило немало труда убѣдить нѣмецкія газеты въ

краѣ въ неприличіи двадцатилѣтняго упорства, проявляемаго въ сохраненіи ими за названными городами Высочайше отмѣненныхъ названій. Только въ самое послѣднее время, подъ давленіемъ обстоятельствъ переживаемой нами эпохи, замѣчается въ этомъ отношеніи нѣкоторое улучшеніе.

Но,—говоритъ „Риж. В.“,—загляните все-таки въ „Rigaer Tageblatt“. Тамъ, въ самомъ началѣ каждаго нумера, вы неизмѣнно найдете и „Дорпатъ“ и „Динабургъ“.

Мало того. Только-что отвоеванный нами славянскій Львовъ этою газетою упорно называется „Лембергъ“.

(Новое Время).

Рига со своимъ нѣмецкимъ населеніемъ, явно сочувствующимъ наглымъ выступленіямъ Германіи и Австріи, представить себѣ не можетъ до какой степени патріотическаго воодушевленія доходятъ случайно собравшіяся толпы на улицахъ Петербурга.

У насъ въ Ригѣ господствующее настроеніе таково, какъ будто мы находимся въ центрѣ нѣмецкаго государства.

Достаточно пробѣжать мѣстные нѣмецкіе органы печати, чтобы составилось представленіе, что Россія виновата во всѣхъ недоразумѣніяхъ, имѣющихъ мѣсто на Балканахъ, что общественнаго мнѣнія въ Россіи вообще не существуетъ, что „политику“ дѣлаетъ кучка случайнаго сброда, что великій русскій народъ ничто иное, какъ сборище некультурныхъ дикарей. Нѣкоторыя нѣмецкія газеты даже слова: народъ и общественное мнѣніе употребляютъ не иначе, какъ въ кавычкахъ.

Вообще создается такое положеніе, какъ будто насъ, хозяевъ государства и положенія, держатъ въ Прибалтикѣ „на хлѣбахъ изъ милости“ и только ждутъ случая вышибить не сегодня-завтра изъ занятой нами позиціи. О воодушевленіи, которое царитъ повсемѣстно въ Россіи, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Здѣсь царитъ позиція пангерманизма и презрѣнія ко всему русскому.

Печально, но приходится сознаться.

(Риж. Вѣстн. 15 іюля)

Отношеніе латышей къ событіямъ дня. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ симпатичное отношеніе латышей къ нашимъ страждущимъ братьямъ—сербамъ. Латышская пресса заняла совершенно опредѣленную позицію въ происходящіе нынѣ тревожные дни, объявилъ себя вполнѣ солидарною съ русскою печатью и русскимъ обществомъ, и ни на минуту не колеблется.

Что касается эстонцевъ, то и они трезво смотрятъ на нарождающіяся событія, готовые исполнить долгъ свой предъ Великимъ Отечествомъ. Все это весьма отрадно.

(Рижскій Вѣстникъ № 164).

Оригинальное освѣщеніе. Мы обѣщали не касаться нѣкоторыхъ разсужденій здѣшней нѣмецкой прессы. Поэтому помѣщаемую ниже замѣтку „Rigaer Tageblatt" воспроизводимъ безо всякаго комментарія. Она посвящена воззванію Верховнаго главнокомандующаго къ полякамъ.

Вотъ что пишетъ здѣшняя нѣмецкая газета:

„Не прошло еще и двухъ недѣль съ объявленія Германіею войны Россіи и уже всѣ великія державы за исключеніемъ Италіи,— хотя рѣшающихъ военныхъ событій и не произошло,—вмѣшались въ борьбу, тогда какъ Турція и южно-балканскія государства, Голландія и скандинавскія государства пока-ли только, или окончательно, объ этомъ мы не будемъ говорить—еще остаются нейтральными. И въ противорѣчія, ради которыхъ сражаются, точно за ночь втиснуто рѣшеніе польскаго вопроса,—ибо воззваніе Верховнаго главнокомандующаго обѣщаетъ полякамъ не что иное, какъ объединеніе состоящихъ подъ верховною властью Пруссіи и Австріи поляковъ съ обитающими въ Россіи въ одно неразрывно связанное съ Россіею цѣлое. Совершенно очевидно, что эта программа, которая сулитъ осуществить общую славянскую мысль въ противовѣсъ „тевтонизму" (кавычки „Rig. Tagebl."), можетъ быть достигнута лишь при условіи разгрома нынѣшней Пруссіи и нынѣшней Австріи. Въ русской печати воззваніе встрѣчено со свѣтлымъ ликованіемъ".

(Риж. Вѣстн. 7 авг.).

Національность и вѣрноподданническій долгъ. „Rigaer Tageblatt" въ нашей передовой статьѣ отъ 15 іюля усматриваетъ чуть ли не обвиненіе нѣмцевъ въ измѣнѣ русской государственности и попутно заявляетъ, что въ случаѣ опасности извнѣ каждый русскій нѣмецъ поспѣшитъ исполнить свой долгъ вѣрноподданнаго. Странно было-бы, если бы это было иначе. Предполагается, что каждый русскій подданный, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, стоитъ выше подобныхъ подозрѣній и въ силу этого вопросъ о измѣнѣ русскому знамени отпадаетъ самъ собой, если только, конечно, измѣна не будетъ доказана. Русская исторія, къ счастью и гордости русскаго народа, знаетъ очень мало при-

мѣровъ, указывающихъ на такое отношенiе къ Великому Отечеству со стороны народовъ его населяющихъ.

Наша статья имѣла въ виду указать лишь на тотъ недопустимый иронический тонъ, которымъ поражаютъ статьи нѣмецкихъ газетъ въ вопросахъ, связанныхъ съ сербско-австрiйскимъ конфликтомъ, на ту шаткую и скользкую позицiю, занятую такими видными нѣмецкими органами какъ „Rig. Rundschau" и „Rig. Zeitung", которая наталкиваетъ на не совсѣмъ лестныя для нѣмцевъ мысли.

Статья 22 цензурнаго устава предлагаетъ обращать главнѣйшее вниманiе на духъ и направленiе написаннаго, не останавливаясь на словахъ и отдѣльныхъ выраженiяхъ.

А вотъ эти-то духъ и направленiе статей нѣмецкихъ газетъ и заставляетъ дѣлать выводы не въ пользу нѣмецкой прессы.

Обидное презрительное отношенiе ко всему русскому скользитъ въ каждой строкѣ нѣмецкихъ газетъ, особенно когда дѣло касается иностранной политики. Сочувствiе къ австро-германскимъ начинанiямъ въ силу чего-то, можетъ быть, въ силу нѣмецкаго склада мыслей пишущихъ, тоже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю и этого даже не нужно доказывать. Глухой и непонятной враждой къ сербскому народу, къ народу цареубiйцѣ, какъ называютъ его нѣмецкiя газеты, дышатъ почти всѣ статьи, въ которыхъ нѣмцы касаются назрѣвающаго положенiя.

А между тѣмъ, интересы этого народа далеко не безразличны для Великой Россiи и оказывать ему помощь она призвана своей исторической миссiей покровительницы славянскихъ нацiй.

„Rig. Zeitung" въ № отъ 12 iюля съ прискорбiемъ констатируетъ, что шовинистская русская печать и „общественное мнѣнiе" Россiи даже послѣ Сараевскаго происшествiя продолжаютъ пламенѣть къ Сербiи. Далѣе сейчасъ же находимъ не шовинистское въ русскомъ, но достаточно шовинистское въ нѣмецкомъ смыслѣ сожалѣнiе о томъ, что „все болѣе слѣпою становится ненависть къ Австрiи и Германiи со стороны шовинистской части печати и „общества" и что съ тѣхъ поръ, какъ стали поговаривать о возможности русско-нѣмецкой войны, эта ненависть еще болѣе возрастаетъ". Почтенной газетѣ, очевидно, было бы прiятнѣе, если бы русское „общественное мнѣнiе", которое она заключаетъ въ кавычки, воспылало къ вышепоименованнымъ державамъ пылкой любовью. Неизвѣстно какъ кому, а русскому обществу такая перспектива совсѣмъ не улыбается—ужъ слишкомъ мало причинъ

для любовныхъ изліяній. Такія-же точно мысли проводятся на протяженіи всей статьи. Здѣсь и сарказмъ по поводу русско-французской боевой „готовности“ (въ кавычкахъ), о которой неоднократно заявляло правительство, и ироническія замѣчанія по поводу того, что послѣ „спасенія“ Сербіи, пожалуй, потребуется и освобожденіе „братьевъ-галичанъ“; а затѣмъ и успокоеніе ненавистной Германіи, *этой якобы нарушительницы европейскаго мира.*

Точно съ такими-же тенденціями находимъ рядъ статей и въ „Rig. Rundschau“.

Конечно, здѣсь еще далеко до государственной измѣны, но самый тонъ подобныхъ статей едва-ли допустимъ для лойальныхъ русскихъ подданныхъ, какими выставляютъ себя руководители нѣмецкихъ газетъ, и цѣлью нашей статьи было констатировать моральное сочувствіе названныхъ газетъ по отношенію къ Австріи и Германіи и ихъ непонятную ненависть къ сербскому народу, о дарованіи побѣды оружію котораго въ данное время въ петроградскихъ церквахъ совершаются молебствія.

Высочайшій указъ о мобилизаціи русскихъ арміи и флота заставляетъ русскихъ подданныхъ безъ различія національностей приготовиться къ исполненію вѣрноподданническаго долга и мы увѣрены, что нѣмецкое общество, не задумываясь, выполнитъ свой долгъ по отношенію къ Россіи, о которомъ во вчерашнемъ номерѣ объяснилъ „Rigaer Tageblatt“.

Въ тотъ моментъ, когда русскія сердца трепещутъ отъ негодованія на наглыя и несправедливыя требованія Австріи, ни одна нѣмецкая газета не возмущается той дерзостью, той настойчивостью, съ которой Австрія отвергаетъ и представленіе Россіи о продленіи срока отвѣта на ноту, посланную Австріей Сербіи, и предложеніе сэра Эдуарда Грея передать споръ на рѣшеніе конференціи. По мнѣнію нѣмецкихъ газетъ, сербы-цареубійцы и ихъ осиное гнѣздо нужно, если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, разгромить.

Тѣ времена, когда за совершеніе преступленія однимъ лицомъ карались его потомки до седьмого колѣна и даже нація, породившая его—прошли безвозвратно. Культурные народы давно уже отрѣшились отъ подобныхъ взглядовъ и предоставили руководствоваться ими дикарямъ, у которыхъ кровавая месть успѣшно и процвѣтаетъ до сихъ поръ. Вѣдь только ненависть къ сербославянамъ можетъ диктовать рижской нѣмецкой прессѣ желаніе,

чтобы Австріи была предоставлена возможность раздѣлаться съ ненавистнымъ сербскимъ королевскомъ.

Иначе это не можетъ быть разсматриваемо, а потому враждебную позицію, занятую нѣмецкими газетами по отношенію къ славянамъ, можно объяснить лишь слѣпой и несогласной съ русскимъ господствующимъ мнѣніемъ ненавистью.

Приходится только удивляться, съ какимъ кровожаднымъ наслажденіемъ, напримѣръ, „Rigasche Zeitung" въ № 157 заявляетъ: „и можетъ быть уже завтра австрійцы и венгры при единодушномъ возгласѣ: „Месть за Франца-Фердинанда", — будутъ *штурмовать* Бѣлградъ"...

„Rig. Rundschau" во вчерашнемъ своемъ номерѣ съ пѣною у рта набросилась на нашу статью по поводу страннаго отношенія ея и другихъ мѣстныхъ газетъ къ австрійско-сербскому конфликту. Отмѣченное „Рижскимъ Вѣстникомъ" отсутствіе у этихъ органовъ печати политическаго такта и полное непониманіе значенія разразившагося конфликта для Россіи „Rig. Rundsch." называетъ подлостью („Infamie"), предлагая намъ защищать себя предъ компетентною инстанціею.

Какую нѣмецкая газета имѣетъ въ виду инстанцію, остается невыясненнымъ; она выражается черезчуръ эзоповскимъ языкомъ. Мы же не считаемъ нужнымъ обращаться съ жалобами къ кому бы то ни было изъ-за явнаго недомыслія нѣмецкой газеты.

А что она, дѣйствительно, страдаетъ политическимъ дальтонизмомъ, это достаточно извѣстно.

(Рижскій Вѣстн., 17 Іюля).

Нѣмцебоязнь. Вчера нашей редакціей былъ полученъ нумеръ „Прибалтійскаго Края"... съ икрой.

Пока замѣтка касалась нѣмецкаго шпіонажа въ Англіи,— икра не коснулась ея: замазано черной краской мѣсто о предательствахъ Нѣмцевъ въ Прибалтикѣ (о дѣлѣ бар. Ферзена), уже осужденныхъ судомъ, о шпіонствѣ по телефону, противъ чего, какъ извѣстно, коменданту морской крѣпости Петра Великаго пришлось опубликовать особый приказъ.

Казалось бы, кому другому, а мѣстному прибалтійскому населенію важнѣе всего показать, что такой шпіонажъ, такое предательство позорны и гнусны, и что дѣятельность бар. Ферзена заслуживаетъ всеобщаго осужденія.

Замазываніе „икрой“ указанія на такіе факты тѣмъ болѣе странно, что въ газетахъ той же Прибалтики печатаются воззванія коменданта морской крѣпости къ населенію о содѣйствіи по розыску и доставленію спустившихся попорченныхъ прусскихъ аэроплановъ и о назначеніи за это даже 5 тыс. рублей.

(Утро Россіи).

Приб. пресса. Сообщая объ открытіи въ Ревелѣ, вмѣсто нѣмецкихъ театральныхъ представленій, постоянныхъ русскихъ, мѣстная русская газета замѣчаетъ, что, безъ сомнѣнія, подвизавшіеся на мѣстной нѣмецкой сценѣ германскіе и австрійскіе актеры и въ будущемъ не возобновятъ уже своей дѣятельности въ Ревелѣ. Это замѣчаніе заслуживаетъ вниманія и нельзя не остановиться на немъ для болѣе обстоятельнаго разъясненія вопроса о нѣмецкихъ театрахъ въ нашемъ краѣ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, будетъ ли вообще впредь допускаемо существованіе нѣмецкихъ театровъ въ прибалтійскихъ городахъ, можно уже теперь сказать, что поддержка этихъ театровъ при посредствѣ зарубежныхъ нѣмецкихъ артистовъ едва ли будетъ терпима. Было бы болѣе чѣмъ странно, если бы и впредь оказалось возможнымъ насажденіе здѣсь нѣмечества при посредствѣ нѣмецкихъ театровъ съ помощью привозимыхъ изъ-за рубежа германскихъ и австро-нѣмецкихъ театральныхъ дѣятелей. Это не имѣетъ уже ничего общаго съ возможностью самостоятельнаго національно-культурнаго развитія народностей, населяющихъ Россію. Объ этомъ можетъ быть рѣчь только до тѣхъ поръ, пока эти народности стремятся къ таковому развитію своими собственными силами и средствами. Всякія же иностранныя вмѣшательства въ это дѣло нельзя не признать выходящими изъ предѣловъ той терпимости, на которую могутъ разсчитывать со стороны государства означенныя народности. При зарубежномъ вмѣшательствѣ въ это дѣло уже не можетъ быть рѣчи о самостоятельности развитія, а является уже на сцену иностранная пропаганда чуждыхъ государству національныхъ началъ, а въ данномъ случаѣ не только чуждыхъ, но и непримиримо враждебныхъ ему. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что идущая изъ-за рубежа къ намъ чуждая національно-культурная дѣятельность тѣсно связана съ политическими тенденціями, а если она исходитъ изъ враждебныхъ намъ странъ, то и эти тенденціи могутъ клониться только къ вреду для русской государственности, внося въ среду окраин-

наго населенія элементы вражды, хотя и благовидно прикрытые, но тѣмъ не менѣе проводящіе разложеніе и смуту въ его настроенія. Недопустимость такой зарубежной поддержки, очевидно, сознавалась даже въ кругахъ дейчеръ-ферейновъ, которые всегда энергично отрицали полученіе ими помощи изъ-за рубежа для насажденія здѣсь нѣмецкой школы. Между тѣмъ, театръ, вѣдь, тоже своего рода школа и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, быть можетъ, даже сильнѣе дѣйствующая, чѣмъ школа обыкновенная, и тѣмъ не менѣе все существованіе нѣмецкихъ театровъ въ краѣ зиждилось на такой именно зарубежной помощи. Мы не говоримъ уже о томъ, что весь репертуаръ ихъ былъ привозный, истинно германскій и австро-нѣмецкій (русскій же репертуаръ почти совершенно игнорировался), но и всѣ труппы составлялись почти исключительно изъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, включая и высшую театральную администрацію, политическое настроеніе которой въ достаточной степени иллюстрируется извѣстнымъ инцидентомъ съ директоромъ рижскаго нѣмецкаго театра, уже отмѣченнымъ въ печати. Все это вмѣстѣ взятое говоритъ въ достаточной мѣрѣ за то, что дальнѣйшее существованіе здѣсь нѣмецкихъ театровъ, разсчитанныхъ на дѣятельность германскихъ и австро-нѣмецкихъ театральныхъ насадителей нѣмечества и враждебныхъ намъ политико-литературныхъ настроеній, стало совершенно немыслимымъ. Своими же собственными средствами прибалтійское нѣмечество едва ли въ состояніи сдѣлать что-либо въ этой области, такъ какъ его культура никогда не представляла ничего самостоятельнаго вообще и въ этой сферѣ въ частности.

(Рижская Мысль, № 2156).

Переживаемый моментъ. Латышскія и эстонскія газеты встрѣтили текущій тревожный политическій моментъ и мобилизацію спокойно и твердо и призываютъ населеніе не терять хладнокровія. Эстонскія газеты предостерегаютъ вкладчиковъ отъ паники, какъ это было передъ японской войной. „Post." говоритъ: „Необходимо до конца оставаться мужественными и разумно устраивать свои дѣла". „Tal. Teataja" пишетъ: „Война требуетъ отъ народовъ тяжелыхъ жертвъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ является мѣриломъ ихъ культурнаго развитія. Для эстонскаго народа было бы позоромъ въ дни испытаній отечества потерять хладнокровіе".

Изъ прибалтійскихъ писемъ и газетъ. Послѣ объявленія войны русскія прибалтійскія газеты какъ-то сразу обезцвѣтились. На запросъ о причинѣ этого явленія одинъ изъ редакторовъ рижскихъ газетъ отвѣтилъ:

„Все, что касается отношенія мѣстныхъ Нѣмцевъ къ настоящему моменту, въ рижскихъ газетахъ помѣщать мы лишены возможности въ виду каръ администраціи. Теперь второй день, какъ въ Ригѣ введена военная цензура. Думаемъ, будетъ легче, такъ какъ печать вышла изъ-подъ опеки административной власти".

Авторъ письма оказался правъ: съ введеніемъ въ краѣ военной цензуры въ ней стали проскальзывать сообщенія не только о поведеніи Нѣмцевъ, но и объ отношеніи администраціи къ мѣстному населенію. Появились сообщенія о распространеніи Нѣмцами прокламацій противъ войны и т. д. Такъ „Рижскій Вѣстникъ" сообщаетъ:

„Въ окрестностяхъ Стаккельна какой-то автомобиль распространялъ прокламаціи, направленныя противъ войны. Близъ Вендена вывѣшенъ былъ красный флагъ изъ дорогой матеріи, какая прежде никогда не употреблялась для демонстрацій. Констатированы и другіе подобные факты, вызвавшіе глубокое возмущеніе въ сельскомъ населеніи".

Возможно ли гдѣ въ данное время запрещеніе благотворительныхъ лотерей въ пользу раненыхъ воиновъ и устройство дней флаговъ. „Рижскій же Вѣстникъ передаетъ, что нѣсколько обществъ и комитетовъ, возникшихъ въ Ригѣ и губерніи для сбора пожертвованій въ пользу семействъ запасныхъ и для больныхъ и раненыхъ на войнѣ, возбудили ходатайства о разрѣшеніи устройства праздника флаговъ или уличнаго сбора на нужды войны. Всѣ эти ходатайства мѣстной администраціей отклонены. По сообщенію „Прибалтійскаго Края" дамскому комитету латышскаго благотворительнаго общества, пожелавшему согласно своему уставу устроить лотерею на усиленіе средствъ общества для выдачи безплатныхъ обѣдовъ семьямъ запасныхъ, въ устройствѣ лотереи отказано.

„Лойяльная" прибалтійская нѣмецкая печать, говоритъ „Рижскій Вѣстникъ", утаиваетъ отъ своихъ читателей большую часть сообщеній о германскихъ звѣрствахъ и насиліяхъ; Петербургъ именуетъ правда Петроградомъ, но Двинскъ и Юрьевъ упорно называетъ старыми нѣмецкими именами: Динабургомъ и Дерптомъ".

Опроверженіе лифляндскаго губернатора нашей корреспонденціи изъ Риги „Настроеніе въ Ригѣ“ вызвало цѣлый рядъ контръ-опроверженій со стороны русскихъ жителей Прибалтійскаго края. Въ одномъ письмѣ говорится:

„Какъ можно опровергать то, что подтверждается многочисленными фактами. Что мѣстный (рижскій) отдѣлъ Краснаго Креста дѣлаетъ различіе между національностями, видно хотя бы изъ того, что каждой особѣ, предлагающей свои услуги и объясняющейся на русскомъ языкѣ, первый вопросъ ставится: „говорите ли вы по-нѣмецки“ и если отвѣтъ получается отрицательный, то всегда говорятъ: „такихъ намъ не надо“.

(Новое Время).

Нѣмецкія газеты. Факторомъ внѣдренія въ населеніе германскаго духа являются въ Ригѣ нѣмецкія газеты. „Rigasche Rundschau“ и „Rigaer Tageblatt“ по мѣрѣ силъ стараются отразить то настроеніе, которымъ охвачена ихъ основная исторія. Когда у Русскихъ какая-нибудь побѣда,—они дѣлаютъ видъ, что ничего особеннаго не случилось. Когда на насъ обрушивается непріятность и мы испытываемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій временныя затрудненія, обѣ газеты выпускаютъ спеціальныя телеграммы, а ихъ разносчики бѣгутъ по Ригѣ и кричатъ:

— Неудача Русскихъ! Три копѣйки!

Въ силу этихъ причинъ мѣстные Латыши назвали газету „Rigaer Tageblatt“ „барометромъ плохой погоды“. Если газета спокойна и выдержанна,—все обстоитъ благополучно. Если она засуетилась—быть бѣдѣ.

Впрочемъ это понятно. Знаменитый редакторъ „Rigaer Tageblatt“ Серафимъ долженъ съ интересомъ слѣдить за нашими передвиженіями въ Восточной Пруссіи. Его сыновья—германско-подданные, и одинъ изъ нихъ даже живетъ въ Кенигсбергѣ и очевидно онъ съ ними переписывается.

Рижскія нѣмецкія газеты вообще отличаются сейчасъ меланхоличностью тона. Онѣ не любятъ войны съ ея кровавыми ужасами. Онѣ хотѣли бы, чтобы на деревьяхъ чирикали птички, чтобы травка зеленѣла, а дѣти играли бы на площадкахъ около газоновъ въ мячъ и оглашали воздухъ радостнымъ говоромъ. И трудно повѣрить, что двѣсти, триста верстъ на Западъ, въ Кенигсбергѣ, Данцигѣ и Берлинѣ, газеты, издающіеся тоже на нѣмецкомъ языкѣ, придерживаются совершенно другого тона и захле-

бываются отъ счастья при видѣ потоковъ крови и восхваляютъ войну, какъ народную радость.

(Нов. Вр. 12 Окт. А. Ренниковъ).

Борисъ Суворинъ и Petrograder Zeitung. Въ газетѣ „Petrograder Zeitung“ напечатана статья „Борисъ Суворинъ и его другъ лифляндскій баронъ“. Нѣмецкіе публицисты изъ „Petrograder Zeitung“ сомнѣваются въ томъ, что у меня есть другъ лифляндскій баронъ, „Petrograder Zeitung“ сомнѣвается въ его качествѣ.

Я не сомнѣваюсь въ качествахъ нѣмецкаго анонима и поэтому позволяю себѣ отвѣтить ему то, что я думаю о *его* качествахъ.

Во-первыхъ, я думаю, что это совершенно бездарный журналистъ, который затрагиваетъ не меня, а гнусно киваетъ своимъ знакомымъ Нѣмцамъ на то, что-де у Бор. Суворина есть друзья Нѣмцы. Съ точки зрѣнія благороднаго анонима у меня столь высокопоставленныхъ друзей быть не можетъ. Впрочемъ для человѣка изъ передней это и должно казаться недосягаемой честью.

Г-нъ нѣмецкій анонимъ говоритъ, что и не могу говорить о томъ, что мы, Русскіе, радушно встрѣчали Нѣмцевъ. Я, можетъ быть, и не могу восторгаться нѣмецкой арміей и особенно ея главой, но всегда встрѣчалъ моихъ друзей Нѣмцевъ по возможности сердечно и радушно. Нужно имѣть наглость зажравшагося Нѣмца, издающаго свою газету на нѣмецкомъ языкѣ въ Петроградѣ (вы представляете себѣ „Берлинскую Газету“ по-русски въ Берлинѣ), чтобы учить русскаго, слава Богу, журналиста.

Далѣе все то, что я пишу о Латышахъ, газета, почему-то пишущая Петроградъ, но вѣрная Дорпату и Лембергу, не смѣетъ опровергнуть, потому что она знаетъ, что сотни Латышей отвѣтятъ на ея инсинуаціи. Латыши васъ не любятъ, и любить васъ не за что, господинъ защитникъ изъ-за угла.

Я былъ очень сдержанъ въ этой моей статьѣ и, чтобы показать, насколько бездаренъ и наглъ мой опонентъ, я предоставляю ему слово:

„Борисъ Суворинъ устанавливаетъ въ „Вечернемъ Времени“ честное отношеніе балтійцевъ къ трону, признаетъ ихъ честное исполненіе долга. Какъ дополненіе къ этому, мы прибавимъ, что всѣ эти качества необходимы и цѣнны и что это гораздо важнѣе какъ въ мирное, такъ и въ военное время, чѣмъ безукоризненное знаніе русскаго языка, какъ ни цѣнно и пріятно является это

послѣднее. Вѣдь извѣстно, что многіе выдающіеся русскіе генералы изъ балтійскихъ провинцій, не обладая безукоризненнымъ знаніемъ русскаго языка, тѣмъ не менѣе принесли своему русскому отечеству незабываемыя услуги.

Что же касается „сердечнаго хорошаго душевнаго отношенія“, то Борисъ Суворинъ долженъ признать, что ругань, клевета и подозрѣніе отнюдь не являются вѣрными средствами для исполненія этихъ его желаній. Гораздо лучше примириться, несмотря на своеобразіе балтійцевъ на почвѣ вѣрнаго отношенія къ трону, съ честнымъ отношеніемъ къ дѣлу и исполненію ими своихъ обязанностей.

Такимъ образомъ разъ „генералы изъ балтійцевъ не обладали безукоризненнымъ знаніемъ русскаго языка“, „честно относились къ престолу“ и „принесли незабываемыя услуги своему *русскому* (курсивъ мой) отечеству“, то нужно „примириться, несмотря на своеобразіе балтійцевъ на почвѣ вѣрнаго отношенія къ трону, съ честнымъ отношеніемъ къ дѣлу и исполненію ими своихъ обязанностей“.

Итакъ, если нѣкоторые талантливые генералы не говорили по-русски, значитъ что ничѣмъ не заявившіе себя балтійцы могутъ не говорить по-русски. Это очень глупая и юнкерская точка зрѣнія, понятная для Вильгельма и его приспѣшниковъ и не понятная для меня.

Еще бы вы не честно относились къ престолу! Тогда бы вы вообще должны были быть выброшены изъ Россіи. Я говорилъ не о честности, а о любви къ Россіи, избаловавшей васъ.

А что это такое за *русское* отечество? Не *два* ли ихъ у васъ? Одно нѣмецкое, а другое русское?

И наконецъ мы должны примириться.

Съ чѣмъ?

Съ глупостью ли „Petrograder Zeitung“, или съ „своеобразіемъ“ людей, не желающихъ говорить по-русски?

Нѣтъ, я восторгаться взрослыми людьми съ высшимъ образованіемъ, русскими (извините за напоминаніе) дворянами, не говорящими по-русски, не могу. Я считаю это доказательствомъ презрѣнія къ русскому великому языку и абсолютнымъ нежеланіемъ слиться съ Россіей, облагодѣтельствовавшей васъ.

Своеобразія въ угнетеніи Латышей и Эстовъ въ крѣпостническихъ традиціяхъ и нежеланіи изучать русскій языкъ я не вижу.

Бросьте, слабый защитникъ, защищать своихъ друзей вашимъ слабымъ анонимнымъ перомъ.

То, что я говорилъ о Нѣмцахъ, не требуетъ вашей защиты. Русское сердце, великое и отходчивое, не нуждается въ вашихъ потугахъ, да и самые заядлые сторонники „своеобразія" признаютъ васъ негоднымъ трубадуромъ! Я говорилъ о любви къ Россіи, а ея-то, очевидно, у васъ и нѣтъ, разъ вы скрываетесь за „итальянскую забастовку" исполненія долга.

Если бы я думалъ о *русскихъ* дворянахъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній то же, что и о васъ, я бы и статью свою, написанную въ самыхъ сдержанныхъ выраженіяхъ, написалъ бы по другому.

Я бы просто сказалъ, что есть люди, которые, не зная русскаго языка, но существующіе на русскія деньги, находятъ это своеобразіемъ.

Съ моей точки зрѣнія это косность и глупое фанфаронство.

Поучитесь русскому языку, и вы многое поймете, и многое станетъ вамъ яснымъ, чего не могли вамъ растолковать самые умные Нѣмцы. Чтобы понять Россію, ее нужно хотя бы уважать, а не только вамъ, *баловнямъ* (повторяю), исполнять *свой* долгъ.

Всѣ должны исполнять *свой* долгъ и нечего этимъ хвастаться шавкамъ изъ-подъ баронской подворотни.

(Вечер. Вр. 29 Сент. Бор. Суворинъ).

Національныя отношенія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Съ самаго начала войны чрезвычайное обостреніе получилъ національный вопросъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ къ враждующей съ нами національности принадлежатъ цѣлыя сословія и классы, гдѣ національная вражда между латышами и эстонцами съ одной и нѣмцами съ другой стороны возникла не съ начала настоящей войны, а искони отравляетъ всѣ мѣстныя отношенія, гдѣ національныя распри переплетаются съ весьма сложными сословными и экономическими отношеніями.

Мѣстная жизнь Прибалтійскаго края всецѣло построена на преобладаніи нѣмецкаго крупнаго землевладѣнія, нѣмецкаго дворянства, которое пользовалось немалымъ вліяніемъ. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія были проведены реформы школьная, полицейская и судебная, умалившія въ нѣкоторой части значеніе мѣстнаго дворянства. Однако еще до проведенія полной программы реформъ, до проведенія земской и аграрной реформы, дворянство опять было признано единственнымъ элементомъ, на который въ краѣ можетъ опираться государственная власть. Реформы были остановлены, и дворянство сумѣло вновь занять прежнія позиціи. Особенно послѣ событій 1905 года, когда нѣмецкое дворянство стали считать единственнымъ лояльнымъ элементомъ въ краѣ, его вліяніе достигло апогея. Послѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что на большинствѣ полицейскихъ должностей оказались нѣмецкіе дворяне, также и на должностяхъ коммиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, причемъ получились такіе курьезы, что младшій братъ въ должности комиссара долженъ былъ смотрѣть за соблюденіемъ аграрныхъ правилъ старшимъ его братомъ, мѣстнымъ помѣщикомъ. Между тѣмъ дворянство давно уже перестало быть первенствующей въ краѣ группой. На-ряду съ интересами крупнаго землевладѣнія стоятъ весьма существенные интересы и потребности средняго и мелкаго землевладѣнія да многочисленнаго класса безземельныхъ батраковъ. Рядомъ съ нѣмецкими выросли и развились свои весьма значи-

тельные латышскіе и эстонскіе національно-культурные интересы. Вся ложность созданнаго положенія съ полной ясностью сказалась съ возникновенія войны. Теперь особенно необходимо уравненіе въ положеніи національныхъ группъ. И въ мѣстныхъ газетахъ, и въ столичныхъ заговорили о введеніи земской реформы, которая, по слухамъ, спѣшно разрабатывается министерствомъ. Но опять-таки одна земская реформа не создаетъ еще выхода. Нуженъ рѣшительный отказъ отъ старыхъ пріемовъ,—отказъ отъ потворства отдѣльнымъ національнымъ группамъ въ ущербъ другимъ. Такая политика вредитъ краю и мѣшаетъ развитію его жизненныхъ силъ. Если это сознаніе, продиктованное событіями военнаго времени, сохранится и если изъ него сдѣлаютъ необходимые выводы, то краю предстоитъ быстрое развитіе.

(7 Октября, Русск. Вѣдомости).

Больной вопросъ. Разъ мнѣ пришлось коснуться больныхъ вопросовъ, я хотѣлъ бы поговорить и о нашихъ Нѣмцахъ.

Передо мной письмо моего пріятеля, лифляндскаго барона, въ лояльности и честности котораго я не могу и не позволилъ бы ни себѣ, ни другимъ сомнѣваться.

Онъ говоритъ за свое дворянство, онъ протестуетъ противъ того, что говорили о баронахъ и что скользило между строкъ.

Я не отвѣчаю лично ему на его письмо, я отвѣчаю въ газетѣ.

Да, бароны и вообще дворянство Прибалтійскаго края послало свою молодежь на войну, и многіе изъ этихъ молодыхъ людей уже уничтожены непріятелемъ. Это все вѣрно, и за всѣмъ этимъ видишь честное отношеніе къ дѣлу, вѣрность Престолу и обязанность исполнить свой долгъ.

А хотѣлось бы видѣть и другое отношеніе. Сердечное, доброе, душевное, то-есть то отношеніе, которое встрѣчали наши Нѣмцы среди насъ, Русскихъ.

Въ томъ же письмѣ мой кореспондентъ пишетъ: „Нельзя вѣрить однимъ Латышамъ“, а нужно спросить и Русскихъ. Почему нельзя вѣрить однимъ Латышамъ—это понятно. Латыши, говоря мягко, не любятъ бароновъ и не любятъ потому только, почему рабы не могутъ любить своихъ господъ, потому что Латышъ долженъ идти или ѣхать мимо баронскаго замка безъ шапки,—замѣтьте, мимо замка, а не мимо самого барона,—потому что Латышъ, униженный, бросившійся по глупости и обездолен-

ности въ 1905 году противъ Россіи, не забылъ что съ тѣхъ поръ его еще болѣе унизили. Его не привлекли къ Россіи, его оставили на попеченіи нѣмецкихъ помѣщиковъ и Латышъ не смѣлъ у себя на землѣ убить птицу, не смѣлъ выудить рыбу. Латыши, получившіе свободу гораздо ранѣе русскаго мужика, остались менѣе свободны, чѣмъ наши крестьяне.

Только заядлые дикообразы въ русскомъ благородномъ дворянствѣ признавали крестьянъ низшей расой. Цвѣтъ Русскаго дворянства Пушкинъ, гр. Толстой, Тургеневъ—воспѣли нашъ корень—крестьянина. Бароны этого не понимали и понять не могутъ. Если у нихъ культура, то не наша, чужая, и пусть они на насъ не пеняютъ, если мы ея не понимаемъ.

Они завоеватели, наше дворянство—помѣщики. Я слишкомъ мало знаю Латышей, этотъ пришибленный народъ, чтобы говорить о немъ съ увѣренностью, но я помню по своимъ путешествіямъ на автомобилѣ по Прибалтійскому краю, что среди нихъ есть только люди, ненавидящіе своихъ завоевателей, которые никогда за много сотенъ лѣтъ и не относились иначе къ завоеванному населенію, какъ къ рабамъ.

Въ этомъ крѣпость нѣмецкой „культуры". Цабернскій лейтенантъ, хоть его въ десяти водахъ вари, не можетъ понять, какъ можно считать Француза-эльзасца за равнаго ему человѣка, и такъ же смотрѣли предки моего корреспондента на „своихъ" Латышей.

Мой пріятель проситъ меня обратиться къ русскому населенію. Я былъ подготовленъ къ этому и отвѣчу. Да, я обращался къ нему, и среди него я слышалъ негодующія слова. Насъ не считаютъ за равныхъ. Русскихъ чиновниковъ должны рекомендовать на право кататься на конькахъ ихъ портные и сапожники (Нѣмцы), имъ не отдаютъ визитовъ, если они не говорятъ на лучшемъ остзейскомъ языкѣ.

Бароны не находятъ необходимымъ хорошо говорить по-русски. Русскій языкъ и русская культура имъ чужды. Они древніе рыцари и десятками умираютъ на поляхъ сраженій за своего государя, но не рыцари, а полурабы Латыши тысячами служатъ на войнѣ и умираютъ честно за своего Царя и Россію.

Нѣмецкая культура, пересаженная на нашу почву, намъ противна. Мы понимаемъ идеалы, дорогіе Гете и Шиллеру, но намъ противны идеалы Вильгельма, идеалы нѣмецкаго юнкерства,

его замкнутость и не пониманіе того, что они должны жить для государства и что они не цвѣтъ человѣчества!

Вотъ пока широко не раскроются двери этого пониманія среди русскихъ Нѣмцевъ, когда русскій прекрасный языкъ будетъ для нихъ своимъ, когда они перестанутъ смотрѣть на населеніе „своихъ" губерній, какъ завоеватели на завоеванныхъ, тогда и русское общество начнетъ ихъ понимать.

Пока же, когда съ нами говорятъ на ломанномъ русскомъ языкѣ, позвольте васъ не понимать, мы не обязаны понимать чуждую намъ психологію племени завоевателя, мы ждемъ не лифляндскихъ, эстляндскихъ и курляндскихъ рыцарей, мы просто хотимъ видѣть русскихъ дворянъ и ихъ мы поймемъ.

Среди васъ были Фонвизины, Дельвиги и Кюхельбекеры, среди васъ они были и будутъ, но скорѣе будьте ими, скорѣе ломайте ваши загородки, вѣдь вы все имѣли отъ Россіи—всѣ привилегіи и преимущества, забудьте, что вы „Ritter'ы, и помните, что вы русскіе дворяне; стремитесь къ Россіи, другія народности имѣютъ оправданія, что къ нимъ относились не какъ къ роднымъ дѣтямъ, а вы баловни, вы должны броситься къ намъ, а не говорить о томъ, что вы исполняете свой долгъ.

Русскій человѣкъ въ такую великую минуту—милости хочетъ, а не жертвы.

Пусть ваши пасторы переведутъ вамъ это, если Евангеліе было переведено на нѣмецкій языкъ не одними ливонскими рыцарями.

(Веч. Вр. 25 сент. Бор. Суворинъ).

Въ Ригѣ—проѣздомъ. Я пробылъ нѣсколько дней въ Ригѣ, видѣлъ многихъ и въ низахъ и въ верхахъ. Вотъ отдѣльные факты, изъ которыхъ сложите общее впечатлѣніе.

Во всѣхъ канцеляріяхъ и присутствіяхъ, правительственныхъ и общественныхъ, одинъ языкъ—нѣмецкій. Даже и теперь мѣстное населеніе—совсѣмъ не нѣмецкое, какъ извѣстно—другого языка не слышитъ во всѣхъ многочисленныхъ комисіяхъ, учреждаемыхъ въ эти дни. Населеніе спрашиваетъ—въ какомъ оно государствѣ: русскомъ или нѣмецкомъ?

Латыши полны энтузіазма. Они понимаютъ, что эта война положитъ въ краѣ конецъ нѣметчинѣ, которая гнететъ ихъ семьсотъ лѣтъ. Для нихъ эта война патріотическая, освободительная. Мать безъ слезъ отпускаетъ двухъ сыновей на войну и только

говоритъ, что она рада, что старшій сынъ мѣтко стрѣляетъ. Надо пожелать мѣстнымъ Нѣмцамъ болѣе такта по отношенію къ прочимъ народностямъ.

Былъ въ киркѣ. Пасторъ молится не о побѣдѣ русскихъ войскъ надъ германскими, а о помощи „нашимъ братьямъ". Съ трудомъ соображаю—какимъ? Да и не о побѣдѣ онъ просилъ, а только о мирѣ.

Зашелъ къ журналистамъ. Конечно, жалуются на цензуру, но она и впрямь слѣдуетъ директивамъ допотопнымъ. Статья, напримѣръ, призываетъ къ общимъ усиліямъ „противъ общаго врага—Нѣмцевъ". Слово „Нѣмцевъ" вычеркивается. Къ чьему удовольствію?

Въ комисіи пособій семьямъ запасныхъ встрѣтилъ, конечно, общій рижскій государственный букетъ — сплошной нѣмецкій языкъ. Но вѣдь вся Рига, а особенно Рига чиновничья знаетъ русскій языкъ. Большинство населенія—Латыши съ Русскими и Литовцами. Они вовсе не обожаютъ нѣмецкаго духа и языка. Кто же и для чего поддерживаетъ эту отжившую реликвію „баронскихъ" временъ? Вопросъ для мѣстной администраціи.

Въ промышленныхъ кругахъ отсутствіе наличныхъ денегъ. Петербургъ прислалъ для поддержки 10 милiоновъ рублей, но распредѣленіе ихъ поручилъ тремъ здѣшнимъ нѣмецкимъ банкамъ. Латыши справедливо опасаются, что ихъ предпріятіямъ изъ этихъ 10 миліоновъ достанется мало, львиная доля пойдетъ Нѣмцамъ. Слышу однако, что здѣшнее отдѣленіе Гос. банка собирается внимательно наблюсти за распредѣленіемъ присланныхъ средствъ. Въ добрый часъ! Банки-посредники уже предъявили Латышамъ драконовскія условія по пользованію кредитомъ изъ этихъ 10 миліоновъ рублей. Очень мало, совсѣмъ немного такта у гг. рижскихъ Нѣмцевъ.

Дивился на здѣшній „Deutscher Verein". Оригинальная организація! Нуженъ управляющій, маслодѣлъ, лѣсникъ, ключникъ помѣщику-балту, онъ обращается въ этотъ благодѣтельный ферейнъ. У того въ его центрѣ въ Германіи ведется списокъ желающимъ ѣхать въ Россію на службу и по требованію помѣщика ему немедленно высылается нужный служащій. Прискорбна частая черта этихъ спеціалистовъ та, что они оказываются обыкновенно резервистами германской арміи. И если бы вы знали, сколько въ здѣшнемъ краю набралось людей этого типа! Въ одной Ригѣ въ

эти дни оказалось 15,000 иностранныхъ подданныхъ, изъ которыхъ 7,000 подали просьбу о принятіи въ русское подданство.

Рига—городъ очень богатый. У него много земель и доходныхъ статей. Но на созданіе своей интелигенціи она нелѣпо скупа: на полмилліона населенія тутъ всего двѣ народныхъ читальни. „Да и къ чему это, когда нужнаго спеціалиста всегда можно готоваго выписать черезъ „Deutscher Verein“ изъ Германіи, а учить мѣстное населеніе, значитъ выводить Русскихъ и Латышей въ мѣстную интелигенцію, намъ же балтамъ, въ конкуренцію“. Такова политика Нѣмцевъ, ведущихъ теперь курсъ городского управленія Риги. Конечно, только потому, что своей „прирожденной“ интелигенціи въ Ригѣ мало, создавать ее русскому или латышскому населенію до сихъ поръ приходится безъ всякой поддержки на собственный свой счетъ. Конечно, только поэтому и могла такъ разростись въ Ригѣ паника, бывшая въ ней въ первую недѣлю послѣ объявленія войны Германіей. Никто и не пробовалъ бороться противъ повѣтрія, что Нѣмцы вотъ-вотъ будутъ у воротъ Риги. „Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ“, а голосъ латышскаго и русскаго населенія—голосъ „населенія второго класса“, по которому до сихъ поръ числятся здѣсь эти дѣйствительные работники края.

(Новое Время 15 августа).

Письмо изъ Ревеля. Странно—Germaniam esse delendam,—но не говоря уже о нѣмецкихъ вывѣскахъ и т. п. вещахъ, даже нѣмецкія школы и даже съ такими громкими названіями, какъ „Ritter- und Domschule“ въ городѣ Ревелѣ, гдѣ преподаваніе ведется на чисто нѣмецкомъ языкѣ, начнутъ свою дѣятельность, какъ ни въ чемъ не бывало. Извѣстно, что въ попечительствѣ школы засѣдаютъ: баронъ Деллинсгаузенъ-Каттентакъ, ландратъ бар. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ-Текналъ, ландратъ фонъ-Левисъ-офъ-Менаръ-Врангельштейнъ, Г. фонъ Лиліенфельдъ-Гааге. Директоръ и учебный персоналъ все Нѣмцы.

Не пора ли объяснить по-русски, кому это надлежитъ, дирекціи той „рыцарской школы“, что въ настоящій моментъ было бы болѣе „по-рыцарски“ вести преподаваніе хоть бы на японскомъ языкѣ.

(Вечернее Время).

Побѣда правды. Они думаютъ, что ихъ вѣрность престолу должна оградить ихъ отъ всякой критики, должна навсегда обезпе-

чить имъ исключительное, господствующее положеніе въ краѣ, когда-то завоеванное ихъ предками. Они забываютъ, что, кромѣ права побѣды меча, на которое они опираются въ далекомъ прошломъ, существуетъ болѣе прочное и болѣе оправданное право побѣды торжествующихъ идей справедливости, добра и правды, которыми проникнутъ и которымъ такъ вѣрно служитъ русскій народъ, принявшій ихъ въ свое сожительство. Россія не исполнила бы своего предназначенія и была бы недостойна своего великодержавнаго положенія, если бы допустила, какъ постоянное, не подлежащее перемѣнѣ, неприкосновенное положеніе, такое взаимоотношеніе племенъ и народовъ, которое давало бы однимъ исключительное господство, а другихъ обрекало бы на горькую участь рабовъ. На это русскіе Нѣмцы обыкновенно отвѣчаютъ фразою практическаго, будничнаго, но недальновиднаго смысла: „бросьте ваши фантазіи,—вы не знаете Латышей: это неисправимые революціонеры“.

Господа, вы ихъ таковыми дѣлали, озлобляя ихъ въ теченіе вѣковъ. Но, сражаясь вмѣстѣ въ рядахъ русскаго войска,—великодушнаго и христолюбиваго, сумѣйте проникнуться и великою цѣлью этой войны: это борьба не только противъ замысловъ императора Вильгельма, но и противъ отживающихъ понятій средневѣковой жестокости, противъ всякаго насилія, какъ въ области матеріальной, такъ и духовной. Война эта многое измѣнитъ, многое уничтожитъ, но многое и возродитъ. Будемъ вѣрить, что она возродитъ и гордое сознаніе принадлежности къ той русской государственности, которая плавитъ въ чистомъ огнѣ высокихъ замысловъ и вѣковыхъ задачъ старые племенные раздоры, прахи мертвыхъ неправдъ и отживающихъ идеаловъ.

(Нов. Вр. 29 Окт. А. Столыпинъ).

Но нѣмецкіе „фоны“ не могутъ забыть „старыя времена“. Такъ, мировой судья 2-го Венденскаго участка приговорилъ В. фонъ-Бланкенгагена къ шести днямъ ареста за то, что „фонъ“ сбилъ шапку съ головы крестьянина Петерсона, крикнувъ: „Когда говоришь съ Нѣмцемъ, обязанъ снимать фуражку“!

(Нов. Вр.).

Кое-что о помѣщикахъ. Въ глухихъ лѣсахъ, окопавшись канавами, окруживъ себя высокой оградой, вдали отъ посторонняго любопытнаго глаза презрѣнной черни, разбросались по При-

балтійскому краю уединенные замки гордыхъ нѣмецкихъ дворянъ. Ничтожные Латыши, эти пасынки европейской исторіи, не смѣютъ переступить границъ грозныхъ феодальныхъ владѣній. Издали, съ какого-нибудь пригорка, видятъ они зубцы грозныхъ башенъ, шпицы и флагштоки, и трепещетъ ихъ душа.

Изрѣдка по шоссейной дорогѣ, минуя кирку, проѣдетъ на почтовыхъ какой-нибудь маленькій русскій чиновникъ, и при видѣ старинныхъ воротъ съ великолѣпнымъ гербомъ онъ невольно выпрямляется на сидѣньи почтовой коляски, въ глазахъ его видна неодолимая робость и губы шепчутъ подобіе молитвы и по спинѣ проходитъ холодная дрожь...

Стараясь не нарушить окружающей священной тишины кощунственнымъ шумомъ, тихо слѣзаетъ онъ, чтобы дать отдыхъ лошадямъ, со своей коляски около уютнаго зданія, находящагося въ предѣлахъ владѣнія могущественнаго феодала. И беззвучно идетъ внутрь согрѣться виномъ... И невольно рука его подобострастно тянется къ фуражкѣ, когда надъ входной дверью онъ видитъ вывѣску:

„Корчма барона Энгельгардта“.

Иногда пустынная дорога, идущая отъ одного имѣнія къ другому, вдругъ оглашается шумомъ... Ѣдутъ на охоту владѣтельные бароны съ гостями и многочисленной челядью. Грозно сверкаютъ на плечахъ лакеевъ, егерей, лѣсниковъ и управляющихъ ружья, выглядываютъ изъ-подъ поясовъ браунинги, дрожатъ за спинами короткіе маузеры... И гулко дрожитъ земля подъ копытами лошадей, вокругъ испуганно бѣгутъ лучи солнца, отраженные холодною сталью... И затѣмъ все стихаетъ. Снова хмуро сто ятъу границъ имѣнія густыя сосны, шумятъ въ берегахъ ручьи и рѣки, и только иногда мелькнетъ среди лѣса фигура вооруженнаго лѣсника, да пролетитъ, взрѣзавъ синеву неба, черный голубь породы „Таубе“.

(Нов. Вр. 19 Окт. А. Ренниковъ).

Прибалтійскій вопросъ. За послѣднее время Прибалтійскій край привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе. И въ прессѣ, и въ обществѣ постоянно появляются сообщенія, касающіяся отношенія населенія къ войнѣ и связаннымъ съ нею вопросамъ, иногда поражающія своею сенсаціонностью. Одни готовы вѣрить этимъ сообщеніямъ безпрекословно; другія относятъ ихъ къ области непровѣренныхъ слуховъ и сплетенъ, но одно несомнѣнно, что всѣ

сообщенія въ корнѣ своемъ носятъ отпечатокъ глубокаго, непримиримаго антагонизма между двумя главными группами населенія края: нѣмцами съ одной стороны и латышами и эстами—съ другой. Несомнѣнно, что въ Прибалтійскомъ краѣ національный вопросъ поставленъ крайне остро, но острота эта происходитъ не изъ „зоологическаго“ національзма, не изъ инстинктивной ненависти одного народа къ другому, но изъ той совершенно своеобразной экономической и правовой обстановки, въ которой теперь, какъ и два столѣтія тому назадъ, вращалась мѣстная общественная жизнь. Нигдѣ не сохранилось столько архаическихъ особенностей въ аграрномъ строѣ, нигдѣ экономическая жизнь не охвачена такимъ желѣзнымъ кольцомъ исключительныхъ сословныхъ привилегій, которое является непреодолимымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію края; нигдѣ, наконецъ, судьба мѣстныхъ дѣлъ и отношеній въ такой полнотѣ не зависитъ отъ сословныхъ органовъ самоуправленія, составляющихъ достояніе тѣснаго кружка, тогда какъ все остальное населеніе края является совершенно непричастнымъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ. Въ этомъ краѣ принципъ аристократизма доведенъ до послѣднихъ предѣловъ: съ одной стороны узко-замкнутая каста со всею полнотою гражданскихъ и политическихъ правъ съ другой—все остальное населеніе, крайне стѣсненное въ своей экономической жизни и безправное въ области самоуправленія и самообложенія. Первая группа состоитъ, за немногими исключеніями, изъ нѣмцевъ, вторая—изъ всѣхъ другихъ народностей, въ громадномъ же большинствѣ изъ латышей и эстовъ. И этимъ антагонизмомъ между полноправіемъ однихъ и безправіемъ другихъ и объясняется та страстность борьбы, проявляющейся нынѣ, и тѣ, по счастью, немногіе эксцессы, которые бросаются въ глаза лицамъ, недостаточно знакомымъ съ мѣстными условіями. Прибалтійскій вопросъ есть война,—но война за освобожденіе всей массы населенія отъ пережитковъ феодализма, отъ порабощенія правоваго и экономическаго. Лишь при коренномъ преобразованіи мѣстнаго правоваго и экономическаго строя можно надѣяться на смягченіе національной розни въ краѣ и мирное въ немъ сожитіе различныхъ народностей.

(Русскія Вѣдом. 4 Ноября).

Національная распря. Національная обособленность, борьба національныхъ интересовъ кладетъ свой отпечатокъ на всей жизни

въ Прибалтикѣ. Все проникнуто ею. Въ настоящій моментъ замѣчается обостреніе въ національныхъ отношеніяхъ. Это обостреніе вызвано войной.

Въ основѣ національной распри лежатъ серьезныя правовыя и соціальныя причины. Это все различныя проявленія и этапы борьбы за равноправіе національностей, живущихъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

Мнѣ пришлось бесѣдовать со многими политическими и общественными дѣятелями мѣстнаго края, принадлежащими къ различнымъ національностямъ и на темы дня, и по основному вопросу въ жизни края, національному. Передать все содержаніе этихъ бесѣдъ, конечно, затруднительно, приведу лишь весьма немногое. Здѣсь много говорятъ о недавнихъ статьяхъ въ „Новомъ Времени“, которыми начатъ своеобразный походъ противъ нѣмцевъ въ Прибалтикѣ. Статьи направлены огульно противъ всего нѣмецкаго населенія края, которое обвиняется въ сепаратизмѣ и въ государственной измѣнѣ.

Ему противополагается латышское населеніе, которое въ глазахъ газеты заслужило уже тѣмъ однимъ, что питаетъ непріязнь къ нѣмцамъ. Начатый походъ пришелся по сердцу въ русскихъ правыхъ кругахъ, которые стоятъ еще на старой „руссификаторской программѣ“.

Въ латышскихъ кругахъ, несмотря на сдѣланные комплименты, нововременское выступленіе не имѣло того успѣха, на который разсчитывали. Латыши народъ чрезвычайно осторожный.

„Разумѣется,—говорилъ мнѣ одинъ латышскій дѣятель,—ослабленіе вліянія нѣмецкаго дворянства, откуда бы оно ни исходило, приближаетъ насъ къ равноправію. Но мы отнюдь не можемъ себя отождествить съ нововременскимъ походомъ. Мы знаемъ, что можетъ придти съ этой стороны: самое большое это—куріальное земство по типу столыпинскаго западнаго земства, причемъ земству еще будетъ предшествовать русская колонизація края. Въ кругахъ, представленныхъ „Новымъ Временемъ“, несмотря на дѣлаемые комплименты, боятся латышей. Въ бюрократическихъ сферахъ, говорятъ, еще до сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ, кому отдать преобладаніе въ прибалтійскомъ земствѣ,—нѣмецкому ли дворянству, или мелкому латышскому землевладѣнію“.

„Выходъ изъ всѣхъ національныхъ осложненій въ Прибалтійскомъ краѣ въ реформахъ,—резюмировалъ свою точку зрѣнія

другой латышскій дѣятель,—въ реформахъ, направленныхъ къ осуществленію равноправія. Земство, конечно, не куріальное, а построенное хотя бы на началахъ 1864 года, сгладитъ національныя разногласія".

Необходимость реформъ признается и въ нѣмецкихъ кругахъ. Но такъ мыслитъ почти исключительно нѣмецкое бюргерство, промышленный и торговый классъ. Нѣмецкое дворянство, наоборотъ, почти сплошь противъ какихъ-либо реформъ. Это— ультра-консервативный элементъ и притомъ весьма вліятельный. Нѣмецкое дворянство держитъ въ своихъ рукахъ и нѣмецкое бюргерство, благодаря своимъ денежнымъ средствамъ, участію въ разныхъ акціонерныхъ и банковскихъ предпріятіяхъ. Дворянство имѣетъ сильное вліяніе не только въ краѣ, но благодаря связямъ оказываетъ свое воздѣйствіе и на политику въ Прибалтикѣ.

„Нѣмецкое бюргерство тяготится этимъ вліяніемъ нѣмецкаго дворянства, стоящаго за сохраненіе всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій,—говорилъ мнѣ одинъ мѣстный дѣятель-нѣмецъ.—Нѣмецкое дворянство противникъ земской реформы, оно — оплотъ всякой реакціонной политики въ краѣ и источникъ националистической борьбы. Въ нѣдрахъ нѣмецкаго дворянства, можетъ-быть найдутся и сепаратистскія тенденціи. Совсѣмъ иной общественный слой представляетъ нѣмецкое бюргерство. Оно представляетъ продуктъ національзма, потому что есть созданіе внѣнаціональнаго экономическаго развитія. Оно—за либеральныя реформы. Для нѣмецкаго бюргерства сепаратизмъ явился бы гибелью. Если бы Рига стала германскимъ городомъ, отдѣленнымъ отъ внутренняго рынка Россіи таможенной границей, это убило бы мѣстную промышленность и торговлю. Рига живетъ русскимъ рынкомъ, а тогда стала бы на положеніе Кенигсберга или Данцига. Связь съ Россіей, реформа въ управленіи краемъ, устраненіе національныхъ треній,—вотъ жизненные интересы нѣмецкаго бюргерства. Оно поэтому вовсе не тяготѣетъ къ дворянскому національному теченію, мечтающему порой о созданіи изъ Прибалтики Wacht am Ost, рыцарской стражи „нѣмецкой культуры", духовнаго единенія балтовъ съ германцами".

(Русск. Вѣдом. 23-го Ноября. І. Іорданскій).

Юрьевъ—нѣмецкій городъ! Уже два вѣка слишкомъ все населеніе Россіи считало и до сихъ поръ считаетъ Лифляндскую губернію русскою провинціею, и вдругъ теперь нѣкій ученый

мужъ, професоръ университета, громогласно заявляетъ, что Юрьевъ, уѣздный городъ Лифляндской губернiи — нѣмецкiй городъ. Интересно было бы узнать у этого ученаго мужа, когда же Юрьевъ сталъ нѣмецкимъ? Не съ тѣхъ ли поръ, когда онъ и его многоуважаемые колеги, съ помощью бароновъ, стали насаждать германскую культуру въ Юрьевскомъ университетѣ, покровительствуя пьянству и дебошамъ буршей?

Эти дѣтища нѣмецкихъ професоровъ—пресловутыя корпорацiи настолько акклиматизировались и обнаглѣли, что на русскихъ студентовъ стали смотрѣть какъ на пришлый и крайне нежелательный элементъ, стараясь третировать ихъ всюду, гдѣ только можно.

Корпоранты теперь, когда каждый Русскiй охваченъ однимъ желанiемъ уничтожить гнуснаго врага, устраиваютъ въ зданiи университета шествiя съ корпорантскими знаменами съ нѣмецкими на нихъ надписями и всюду демонстративно афишируютъ нѣмецкую рѣчь. А на дняхъ одинъ изъ бароновъ-корпорантовъ даже появился въ университѣ съ розовой розеткой на сюртукѣ, въ центрѣ которой красовался портретъ Вильгельма II. Это уже была неслыханная наглость и вызвала протестъ большей части студентовъ.

Возмущенные такимъ поведенiемъ корпорантовъ, русскiе студенты обратились съ жалобою къ ректору, но ничего не достигли. Здѣсь-то имъ и пришлось впервые услышать, что Юрьевъ—нѣмецкiй городъ, а потому кромѣ какъ на нѣмецкомъ языкѣ въ университетѣ и не должны говорить. А чтобы въ будущемъ уничтожить всѣ жалобы, было внесено предложенiе уволить всѣхъ жалобщиковъ.

Вотъ что пишетъ „отецъ“ одного изъ русскихъ студентовъ который утверждаетъ, что г. фонъ-Пфаффiусъ былъ объ этомъ освѣдомленъ.

(Веч. Время).

Прибалтiйскiй вопросъ. Наша война съ Германiей на-ряду съ другими нацiонально-окраинными вопросами выдвигаетъ также прибалтiйскiй вопросъ. Въ моментъ рѣшительнаго столкновенiя Россiи съ воинствующимъ германизмомъ пограничный край, находящiйся въ близкомъ сосѣдствѣ съ театромъ военныхъ дѣйствiй, бывшiй въ теченiе вѣковъ ареной господства нѣмецкой куль-

туры и проникнутый до сихъ поръ вліяніемъ этой послѣдней, наконецъ, являющійся, повидимому, однимъ изъ объектовъ завоевательныхъ стремленій нашихъ противниковъ, естественно, долженъ привлечь къ себѣ усиленное вниманіе русскаго общества. Это вниманіе тѣмъ болѣе необходимо, что прибалтійскимъ вопросомъ уже пытается овладѣть наша націоналистическая и шовинистическая печать, вносящая въ него, какъ и во всѣ другіе вопросы, которыхъ она касается, грубый упрощенный схематизмъ, огульныя обвиненія и полное отсутствіе сколько-нибудь углубленной государственной мысли. Для этого рода печати, всегда нуждающейся въ объектѣ для травли и въ поискахъ этого объекта плывущей по теченію каждаго даннаго момента, нѣмцы сейчасъ являются наиболѣе удобной мишенью, и съ этой несложной и не требующей большихъ умственныхъ усилій точки зрѣнія она трактуетъ вопросъ о Прибалтійскомъ краѣ. Такого рода тактика тѣмъ болѣе достойна сожалѣнія, что занимая вниманіе читателей сенсаціонными сообщеніями, которыя по существу дѣла подлежатъ провѣркѣ и разслѣдованію судебныхъ властей, націоналистическая печать тѣмъ самымъ заслоняетъ отъ общественнаго вниманія серьезныя проблемы, уже давно выдвинутыя печатью въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, переживаемыя чрезвычайныя событія лишь обострили и подчеркнули существовавшее задолго до войны ненормальное положеніе. А что положеніе въ краѣ глубоко ненормально какъ со стороны національныхъ, такъ и со стороны тѣсно связанныхъ съ ними соціальныхъ отношеній, въ этомъ сомнѣваться не приходится.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, конечно, признать нормальнымъ, что нѣмцы, составляющіе около 7% населенія края, фактически занимаютъ въ немъ преобладающее положеніе и въ значительной мѣрѣ держатъ въ своихъ рукахъ мѣстное управленіе и самоуправленіе. И еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ предстанутъ передъ нами специфическія черты господствующихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ порядковъ, если мы примемъ во вниманіе, что упомянутое преобладаніе принадлежитъ въ сущности не всему нѣмецкому населенію въ его цѣломъ, а лишь его привилегированной части, — такъ называемому „коренному остзейскому дворянству“. Національныя отношенія здѣсь болѣе тѣсно, чѣмъ гдѣ-либо, переплетаются съ соціальными и глубоко проникаются вліяніемъ этихъ послѣднихъ. Дворяне составляютъ всего одну седьмую часть нѣмецкаго населенія края, но политическій удѣльный вѣсъ дворян-

ства совершенно несоизмѣримъ съ его численностью, и его вліяніе чувствуется на каждомъ шагу въ мѣстной жизни.

Редакціонно-националистическая печать, какъ-будто впервые открывшая нѣмецко дворянское „засилье“ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, останавливается передъ этимъ фактомъ съ изумленіемъ и негодованіемъ. Ей дѣйствительно есть надъ чѣмъ призадуматься. Вѣдь „засилье“ существуетъ не со вчерашняго дня, а съ самаго присоединенія края къ Россіи, и вопросъ о необходимости борьбы съ нимъ былъ поднятъ еще шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ Юріемъ Самаринымъ. И хотя указанія Самарина на первыхъ порахъ были оставлены безъ вниманія, но позднѣее борьба велась, и нерѣдко въ весьма рѣшительной формѣ. Почему же она оказалась безуспѣшной? Почему столь же безсильнымъ передъ прибалтійскимъ вопросомъ оказался и новѣйшій русскій „націонализмъ“, расцвѣтшій въ послѣдніе годы?

Очевидно, потому, что онъ берется за вопросъ не съ того конца и идетъ не тѣмъ путемъ, который можетъ привести къ его разрѣшенію. Тотъ курсъ, который рекомендовался и рекомендуется нашими „правыми“ и „націоналистическими“ кругами въ національно-окраинныхъ вопросахъ вообще и прибалтійскомъ въ частности, въ названномъ краѣ, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, заранѣе обреченъ на неудачу самымъ своимъ содержаніемъ. „Націонализмъ“ бьетъ не въ ту цѣль, въ которую можно и слѣдуетъ бить. Онъ ведетъ борьбу не съ искусственнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго дворянства, не съ архаическимъ феодальнымъ строемъ мѣстной жизни, а съ самой идеей мѣстной самодѣятельности и съ существованіемъ мѣстныхъ національныхъ культуръ. И именно потому онъ можетъ раздражать, оскорблять, волновать, но безсиленъ внести коренныя перемѣны въ сложившіяся отношенія. Онъ способенъ многое разрушить, но неспособенъ ничего создать, ибо у него нѣтъ матеріала и фундамента для созиданія. Онъ проникнутъ враждой и подозрѣніемъ ко всѣмъ „инородческимъ“ элементамъ мѣстнаго населенія.

Къ эсто-латышскому большинству наши „правые“ и „націоналисты“ относятся съ неменьшимъ, если не съ большимъ, недовѣріемъ, чѣмъ къ нѣмецкому меньшинству. Въ сущности они всегда предпочитали послѣднее, и только война заставила ихъ рѣзко измѣнить позицію.

Современная антинѣмецкая агитація нововременскихъ и подобныхъ имъ круговъ можетъ, конечно, внести много злобы и

раздраженія въ мѣстную жизнь, можетъ раздуть до крайнихъ предѣловъ національный антагонизмъ въ краѣ, но она не можетъ ни на шагъ подвинуть впередъ рѣшенія прибалтійскаго вопроса. У „націоналистовъ“ нѣтъ въ рукахъ ключа, которымъ отпирается этотъ вопросъ. Имъ доступна травля нѣмцевъ, но имъ не по плечу борьба съ искусственнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго дворянства, ибо имъ нечѣмъ замѣнить тотъ фундаментъ, на которомъ держится это преобладаніе: архаическій сословный строй мѣстнаго самоуправленія съ его дворянскими „ландтагами“ и феодальныя привилегіи мѣстныхъ землевладѣльцевъ, простирающіяся вплоть до сохраненія за ними правъ вотчинной полиціи.

Здѣсь именно центръ и корень всего прибалтійскаго вопроса. Если бы остзейскій край обладалъ самоуправленіемъ, къ которому были бы привлечены не только верхи, но и низы мѣстнаго населенія, вся физіономія его была бы иной, прибалтійскій вопросъ не былъ бы столь болѣзненно острымъ и не возбуждалъ бы столько вражды и тревогъ. Единственное вѣрное лѣкарство отъ всякаго рода „засилій“ есть привлеченіе къ мѣстной самодѣятельности широкихъ слоевъ населенія. Реформа мѣстнаго самоуправленія на началахъ участія въ немъ на равныхъ основаніяхъ всѣхъ элементовъ мѣстнаго населенія, отмѣна сословно-землевладѣльческихъ привилегій и другихъ архаическихъ пережитковъ остзейскаго права,—вотъ этапы того пути, который только одинъ можетъ привести къ прочному оздоровленію жизни края и отвести каждой изъ его народностей подобающее ей по справедливости мѣсто.

(Русск. Вѣдом. 24 Окт.).

Хлѣбная плеть. Весь міръ поражается звѣрству и жестокостямъ нѣмцевъ, все человѣчество оглушено такимъ неожиданнымъ, непонятнымъ проявленіемъ души этого „культурнаго“ народа.

Заговорили о массовомъ заболѣваніи цѣлаго народа, о массовомъ психозѣ. Во имя человѣка хотѣлось бы думать, что это психозъ. Но врядъ ли оно такъ?

Исторія моей родины, моего маленькаго народа намъ подтверждаетъ всѣ звѣрства и жестокости нѣмцевъ, какъ черты всегда присущія, неотъемлемыя у нихъ.

Исторія латышскаго народа, народа Балтіи, что значитъ бѣлой — счастливой страны, какъ и исторія нашихъ сосѣдей эстовъ—мало извѣстна русскому обществу. Извѣстно только, что

Прибалтійскій край заселенъ, съ одной стороны, „культуртрегерами“ нѣмцами и съ другой—„неблагородными“ туземцами латышами и эстами.

Въ теченіе 700 лѣтъ нѣмцы разсаживали у насъ свою „культуру“. И всѣ эти столѣтія нанизаны на непрерывной, постыдной нити жестокостей и звѣрства.

Объ одномъ изъ самыхъ яркихъ проявленій нѣмецкой жестокости, испытанныхъ нами, о хлѣбной плети, мнѣ бы хотѣлось подѣлиться съ русскимъ обществомъ.

Латышскій крестьянинъ, мелкій землевладѣлецъ, котораго нѣмецкій „культуртрегеръ“ еще не совсѣмъ лишилъ земли, за право пользованія ею (его собственностью) долженъ былъ со своими людьми, своими лошадьми и орудіями обрабатывать поля помѣщика и нести повиности, которымъ не было предѣла. Для своихъ нуждъ для обсѣмененія и уборки своихъ полей у него буквально не оставалось времени. Это понималъ и „культуртрегеръ“-помѣщикъ и, чтобы застраховать своего раба отъ голода, обязывался въ случаѣ нужды выдавать ему хлѣбъ и зерно. И когда вотъ какой-нибудь изъ этихъ несчастныхъ крѣпостныхъ, видя передъ собою голодъ (что при вышеизложенныхъ условіяхъ было явленіемъ довольно обычнымъ), являлся къ помѣщику за хлѣбомъ, то „культурный“ нѣмецъ, чтобы избѣгать злоупотребленій такой „великой милостью“, прежде, чѣмъ выдавать скудное количество хлѣба, подвергалъ его истязанію плетью. То была спеціальная, изъ ремней для этой нужды изготовленная, плеть—хлѣбная плеть. Такія плети всякій интересующійся найдетъ въ латышскомъ музеѣ въ Ригѣ.

Я выхватилъ хлѣбную плеть, какъ самый цвѣтокъ, какъ символъ нѣмецкой культуры у насъ. Это не средство застращиванія и вымоганія опьяненнаго жестокостью и кровью воина,—хлѣбная плеть спутникъ христіанской проповѣди о любви къ ближнему, въ мирномъ культурномъ строительствѣ нѣмцевъ — жемчужина душевныхъ эмоцій нашихъ „благодѣтелей“, постыднѣе которой врядъ ли что-нибудь создано человѣчествомъ.

(Веч. вр. 16 окт.).

Лифляндія.

Латыши. Въ мой теперешній пріѣздъ я совсѣмъ не узналъ Риги. Раньше это былъ веселый, шумный, живой, богатый городъ

одинъ изъ самыхъ прелестныхъ торговыхъ портовъ Россіи. Я до сихъ поръ помню, какъ на Двинѣ стояли тѣсно сотни пароходовъ и парусныхъ судовъ: огромные стройные трехмачтовики, мощные двухтрубные океанскіе пароходы, сотрясавшіе воздухъ своимъ глубокимъ, волнующимъ ревомъ, неуклюжія черныя, степенныя баржи съ лѣсомъ и хлѣбомъ, и какъ между ними сновали туда и сюда хлопотливые, запыхавшіеся паровые катеры, и плавно, точно лебеди, скользили, едва наклонившись на бокъ, изящныя, бѣлыя парусныя яхточки. Я помню цѣлый лѣсъ мачтъ и снастей, точно перепутавшихся между собою. Помню рядъ могучихъ пароходныхъ трубъ,—бѣлыхъ, черныхъ, желтыхъ, красныхъ, съ опоясочками наверху...

Часами слѣдилъ я, бывало, за пароходомъ, грузящимся куда-нибудь въ Англію, въ Испанію или въ Америку. Ловкіе, мускулистые, крѣпкіе матросы разворачиваютъ на палубѣ просмоленный бунтъ каната. Съ визгомъ и грохотомъ идетъ вверхъ якорная цѣпь. По сходнямъ, какъ муравьи, ползутъ грузчики, обремененные страшными грузами... Свистки, звонки, команда, окрики, ругань, пѣсня... Медленно движутся въ воздухѣ цѣлые штабели досокъ, подхваченныхъ кривымъ хоботомъ лебедки. Суета, толкотня и гамъ на набережной. Сердце сжимается отъ сладкаго волненія, отъ беззлобной зависти, отъ страстнаго желанія плыть моремъ, далеко, въ чужой край...

Теперь на Двинѣ нѣтъ кораблей. Большинство ушло тотчасъ же по объявленіи войны. Тѣ, которые не успѣли погрузиться или задержались по другимъ причинамъ, отведены куда-то въ безопасный заливъ, подъ надежное прикрытіе. Остались всего только два-три плохонькихъ суденышка, и на каждомъ изъ нихъ дежуритъ какой-нибудь старикъ, заплѣсневѣлый, глухой и ворчливый,—именно тотъ, который во время рейсовъ былъ лишнимъ бременемъ.

И рижскихъ домовъ не узнаешь. Почти во всѣхъ домахъ на окнахъ, на каждомъ стеклѣ расклеены вкось, аккуратно, по-нѣмецки бѣлыя полоски бумаги. Это значитъ, что квартиры здаются. Раньше этого не бывало. Обыкновенно къ осеннему сезону, къ этому самому горячему торговому времени, крартиры брались нарасхватъ... Ахъ, есть ли на свѣтѣ зрѣлища печальнѣе опустѣлыхъ домовъ, вымершихъ портовъ и остановившихся заводовъ?

Рига—сердце Прибалтійскаго края? Не бьется сердце,—нѣмѣютъ руки и ноги. Но это кажущееся бездѣйствіе обманетъ

лишь поверхностнаго наблюдателя. Подъ внѣшнимъ спокойствіемъ совершается теперь во всемъ краѣ героическая, можетъ-быть, послѣдняя схватка. Видали ли вы когда-нибудь тотъ рѣшительный, страшный моментъ состязанія, когда борцы, опоясавъ другъ-друга руками, замираютъ неподвижно, точно каменная группа? Всѣ мускулы напрягались, какъ клубки корабельныхъ канатовъ, ступни ушли по щиколотки въ тырсу арены, на лбахъ вспухли ижицей синія жилы, зубы стиснуты, пальцы рукъ побѣлѣли, и только слышатся хриплое дыханіе и хрустѣніе костей... Именно въ этомъ состояніи максимальнаго, но со стороны незамѣтнаго напряженія силъ находятся теперь бароны и латыши, господа и вчерашніе рабы, праздные землевладѣльцы и люди, оросившіе каждый клочокъ безплоднаго края своимъ потомъ и унавозившіе его своею кровью и трупами.

Сейчасъ латышъ идетъ на войну, какъ на настоящее, серьезное дѣло, которое обезпечитъ его маленькому народу земельный просторъ и участіе въ великомъ дѣлѣ всероссійской гражданственности. И какъ идетъ! Съ тѣмъ же невозмутимымъ дѣловымъ видомъ, съ тѣмъ же каменнымъ упорствомъ, съ той же непреклонной волей, съ какой онъ корчуетъ болотистый лѣсъ подъ пашню или среди песковъ выгоняетъ въ оранжереяхъ абрикосы и раннюю землянику.

За эти три дня мнѣ удалось поговорить съ нѣсколькими мѣстными людьми, знающими хорошо Прибалтійскій край: съ латышами, нѣмцами, русскими и евреями. Все, что я слышалъ интереснаго, попробую передать.

Заранѣе извиняюсь въ моемъ невѣжествѣ: я совсѣмъ не зналъ латышской исторіи. Да и врядъ ли кто ее знаетъ понастоящему. А она страшна и кровава какъ длинный историческій кошмаръ.

Вотъ что мнѣ разсказалъ о ней интеллигентный латышъ— присяжный повѣренный.

Въ самомъ началѣ XIII столѣтія кажется около 1201 г. крестоносцы завоевали Лифляндію, и все мѣстное населеніе сдѣлалось полной собственностью пришельцевъ. Если рабъ-латышъ убѣгалъ, то къ нему примѣнялась очень простая мѣра: ему отсѣкали ногу...

Король Стефанъ Баторій призналъ, что крестьяне-латыши чрезвычайно угнетены. Онъ собирался-было улучшить ихъ положеніе, но не успѣлъ, потому что вскорѣ умеръ.

Шведы, послѣ поляковъ, принялись за реформы.

Густавъ-Адольфъ запретилъ дворянамъ налагать произвольно взысканія на крестьянъ за разнаго рода проступки, подчинивъ эти проступки юрисдикціи земскаго суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьянамъ предоставлено было право жаловаться на притѣсненія и вымогательства дворянъ.

Послѣ Густава-Адольфа горячее участіе въ судьбѣ латышей принялъ Карлъ XI. Онъ указалъ дворянству на необходимость отмѣнить крѣпостное право, объявивъ его противнымъ человѣческому достоинству: но дворянство упорно, вопреки волѣ короля, стояло за свои желѣзныя привилегіи (1681 г.).

Въ 1710 г. Остзейскій край перешелъ во власть Россіи, а въ 1764 г. Екатерина Великая предприняла путешествіе по Остзейскому краю и предложила ландтагу разсмотрѣть вопросъ о принятіи мѣръ къ прекращенію угнетенія и разоренія, причиняемыхъ крестьянамъ.

Результатъ былъ очень кратокъ: воспретили продажу крестьянъ на рынкахъ и супруговъ врозь, а также было обезпечено за крестьянами право собственности на движимое (корова, лошадь) имущество.

Дальше идетъ исторія латышей при Александрѣ I, котораго давно уже мы разсматриваемъ до Наполена и послѣ Наполеона, или, вѣрнѣе сказать, Александра—свѣтлаго, кроткаго, любвеобильнаго юношу, друга Новосильцева и Чарторыжскаго, и Александра—мрачнаго мистика, ученика баронессы Крюндеръ, архимандрита Фотія и Аракчеева.

Для того, чтобы не быть голословнымъ, я приведу указы Александра I отъ 1804 г. и 1819 г.

Въ 1804 г. за крестьянами было обезпечено потомственное пользованіе землей за извѣстное вознагражденіе, но личной свободы у народа не было.

Въ 1819 г. была дарована крестьянамъ личная свобода, но отмѣнено положеніе 1804 г.

Итакъ, раньше они пользовались землей, но не имѣли свободы; потомъ имъ дали свободу, но отняли землю. Злая шутка исторіи!

Великая эпоха освобожденія крестьянъ овъ крѣпостной зависимости совсѣмъ не коснулась латышей. Призрачную свободу они имѣли и раньше, а землей ихъ всетаки не надѣлили, не считая жалкихъ клочковъ среди песковъ и болотистыхъ пространствъ.

Ихъ фактически лишили даже права арендовать землю. Если хочешь заработать кусокъ хлѣба, иди на мызу, въ батраки, за нищенское вознагражденіе и скверную пищу (исключительно картофель и то жидкое молоко, которое остается послѣ маслобойныхъ сепараторовъ, нѣчто въ родѣ сыворотки, по-русски „обратъ").

У бароновъ главный принципъ: никогда не продавать на сторону ни клочка земли. Но безъ латыша имъ все-таки не прожить, это—почти даровая сила. Латышъ способенъ работать болѣе чѣмъ за двухъ лошадей. Онъ нетребователенъ, по внѣшности покоренъ, силенъ, выносливъ и умѣетъ сокращать свои жизненныя потребности до поразительно малыхъ размѣровъ. „Это—нашъ рабочій скотъ,—говорятъ про него землевладѣльцы, твердо убѣжденные въ томъ, что „человѣкъ начинается съ барона". Послѣ 1905 года, напуганные латышскимъ движеніемъ (въ которомъ, кстати, вовсе не было ничего революціоннаго,—всѣ волненія происходили исключительно на почвѣ земельной тѣсноты), а также въ наказаніе латышамъ бароны выписали изъ Германіи рабочихъ на свои мызы. Но тѣ предъявили такія высокія требованія въ смыслѣ ѣды, комфорта и вознагражденія, что бароны ахнули, схватились въ ужасѣ за головы и... опять обратились къ своему латышскому скоту, хотя тотъ недавно осмѣлился заговорить человѣческимъ языкомъ.

Почти повсюду въ Прибалтійскомъ краѣ господствуетъ майоратное право. Землею владѣютъ наслѣдственно старшій въ баронскомъ родѣ. Остальные члены семьи идутъ въ „отхожіе промыслы" конечно, въ Россію и, главнымъ образомъ, на хлѣбныя и вліятельныя должности. Правда, иные, неудачники, выбираютъ скользкія карьеры международныхъ шпіоновъ (особенно шпіонокъ), шулеровъ и подставныхъ титулованныхъ „лицъ безъ рѣчей" въ темныхъ биржевыхъ операціяхъ, держатъ игорные притоны, меблированныя комнаты, дома свиданій и даже прямо публичныя заведенія (баронесса Т.). Но зато другіе достигаютъ значительныхъ бюрократическихъ степеней, съ высоты которыхъ они могутъ и умѣютъ вліять на судьбы Русской имперіи. Надо ли говорить о томъ, что сердцемъ, душою, плотью и кровью они остаются тѣми же остзейскими баронами, которымъ интересы родныхъ гербовъ и фамильныхъ замковъ безконечно дороже всей этой огромной несуразной, дикой, чужой имъ и по языку и по вѣрѣ русской земли. Такимъ-то образомъ нѣсколько десятковъ баронскихъ родовъ (горожане-нѣмцы не въ счетъ: ихъ всего насчитывается

около 750.000 чел.) фактически попираютъ желѣзной господской пятою исконное безправное десятимилліонное населеніе Прибалтійскаго края, связывая его тѣсными путами.

Но и среди нѣмцевъ, однако, находились изрѣдка люди съ честью и совѣстью, которые поднимали слабые голоса въ защиту угнетенныхъ латышей.

Сейчасъ я назову три имени: баронъ Сиверсъ, Фелькерзамъ и Меркель.

Великодушные люди имѣли смѣлость преоборотъ личный шовинизмъ и сказать, что надо, наконецъ, обратить вниманіе на положеніе латышей.

Изъ нихъ Сиверсъ былъ объявленъ измѣнникомъ, Фелькерзамъ былъ утѣсненъ и разоренъ, какъ помѣщикъ, а Меркель провелъ остатокъ своихъ дней въ Америкѣ, какъ изгнанникъ.

Теперь надо только представить себѣ, какими удивительными путями настойчивости, терпѣнія и суровой бережливости сумѣли латыши не только сохранить за собою жалкіе земельные надѣлы, но даже и расширить ихъ, округлить и упорнымъ трудомъ поднять ихъ культуру до высокой степени! Поистинѣ, это—какое-то чудо человѣческой энергіи, поразительный примѣръ стихійнаго, вѣковѣчнаго тяготѣнія къ землѣ!

Какъ-то само собой случилось, что латыши однажды поняли, что колотить другъ-друга палками по головамъ и распарывать ножами животы при дѣлежѣ земли—нерасчетливо и неубѣдительно. Тогда отъ своихъ бывшихъ, а фактически и теперешнихъ господъ они переняли обычай майората. Владѣлецъ землею старшій въ родѣ, а пасынки судьбы идутъ во внутреннія губерніи, переселяются въ Америку. Кому неизвѣстно, что латыши—лучшіе въ Россіи садоводы, цвѣтоводы и огородники? Но и другими окольными путьми они умудряются то тамъ, то здѣсь скупать небольшіе земельные участки и соединять ихъ вмѣстѣ. Народился уже типъ богатаго латыша-землевладѣльца, котораго иронически именуютъ „сѣрымъ барономъ". Однако, этихъ домодѣльныхъ бароновъ земляки не очень одобряютъ: ужъ очень въ нихъ ярко сказывается пренебрежительное равнодушіе разъѣвшагося мужика къ своимъ и льстивое тяготѣніе къ нѣмцамъ.

„Правда,—прибавляетъ мой собесѣдникъ,—мы добились многаго. Мы поголовно грамотны, жилища наши чисты и удобны. Мы со скромной гордостью стремимся встать въ ряды европейскихъ націй, и что самое важное,—главный нашъ врагъ—алкоголь—

почти побѣжденъ, и побѣжденъ не мѣропріятіями правительства, а личнымъ народнымъ самосознаніемъ. Но всетаки часто становится больно и обидно, когда задумаешься надъ тѣмъ, что же, наконецъ, выше: культура рода или культура труда? Подумайте, въ какое положеніе ставятъ насъ нѣмецкіе бароны. Они до сихъ поръ относятся къ намъ такъ же, какъ относились въ XIII столѣтіи. Они повсемѣстно пользуются правами охоты, рыбной ловли, винокуренія и т. д. Мы же несемъ однѣ тяжелыя земскія и иныя повинности. Какъ батраки на мызахъ, мы—средневѣковые рабы. Намъ чинятъ утѣсненія и несправедливости на каждомъ шагу, а мы не смѣемъ и пикнуть.

Представьте себѣ положеніе крестьянина, который любовно и терпѣливо ухаживаетъ за землей.

Его хозяинъ и сосѣдъ—баронъ, крестьянскій начальникъ—двоюродный братъ барона, въ городѣ, въ полиціи, въ губернаторскомъ управленіи — троюродный братъ, а четвероюродный сидитъ высоко, въ Петроградѣ, и выходитъ то, что нѣмецъ нѣмца тащитъ кверху за хвостъ. А самый близкій къ нимъ нѣмецъ жметъ латыша въ своихъ когтяхъ.

Вотъ вамъ примѣръ: выборы въ Государственную Думу. Какъ бы мы ни старались, мы навпередъ знаемъ, что непремѣнно пройдутъ нѣмцы, и мы здѣсь безсильны: нѣмецъ—домовладѣлецъ, и онъ всегда можетъ показать, что домъ построенъ имъ въ компаніи на паяхъ съ сорока человѣками. А все городское нѣмецкое населеніе, бюргеры, лежитъ передъ баронами въ такомъ же раболѣпномъ страхѣ, какъ, скажемъ, прусскіе мѣщане передъ лейтенантомъ.

Такимъ образомъ получается большинство голосовъ. Если и посылаютъ въ Государственную Думу латыша, то онъ непремѣнно прихвостень лизоблюдъ, тотъ самый „сѣрый баронъ“, о которомъ говорилось раньше.

Обратите вниманіе на событія самыхъ послѣднихъ дней.

Мы первые въ Ригѣ устроили общество для вспомоществованія вдовамъ и дѣтямъ воиновъ. Поглядите, какая картина. Я являюсь въ канцелярію губернатора, но меня не принимаютъ и говорятъ, что сейчасъ идетъ фильтровка германскихъ подданныхъ. На другой день то же самое. Я думаю: разрѣшатъ ли намъ или не разрѣшатъ собраніе нашего общества? Прихожу на четвертый день. Ну, конечно, губернаторъ не принимаетъ. Черезъ два дня пріѣхалъ генералъ, очень быстро разобрался въ нашемъ

дѣлѣ, и собраніе было разрѣшено съ опозданіемъ на мѣсяцъ.

Это пустяки, а вотъ что интересно. Наша студенческая латышская корпорація первая устроила госпиталь изъ своихъ помѣщеній. Польская и нѣмецкая корпораціи опоздали на два дня. У насъ уже были подготовлены врачи, санитары, носилки. Послѣ этого всѣ корпораціи получили благодарность, кромѣ нашей.

Или вотъ еще непріятность:

На-дняхъ Государственный банкъ далъ ссуду Рижскому банку, въ размѣрѣ десяти милліоновъ рублей. Латышскія кооперативныя общества не получили изъ нихъ ни копейки. Мѣстная учетная коммиссія, состоящая сплошь изъ нѣмцевъ, обслужила нѣмецкія учрежденія,—биржевой, коммерческій и учетный банки,—а о латышахъ точно забыла. А у насъ дѣло молодое, едва только наладившееся, ему всего только пять лѣтъ отъ роду. Многія изъ обществъ приносили уже дивидендъ, около 10% (потребительныя, магазины сельскохозяйственныхъ машинъ, строительныя и т. д.), а теперь приходится уплачивать по счетамъ, суетливые члены требуютъ назадъ свои взносы, и прекрасному дѣлу, можетъ-быть, грозитъ разореніе...

Таково отношеніе къ намъ нѣмцевъ. Они не только боятся насъ, трудолюбивыхъ и скромныхъ латышей, какъ конкурентовъ въ торговлѣ и промышленности, — они ненавидятъ насъ, какъ вчерашнихъ рабовъ, которые сегодня осмѣлились проснуться, прозрѣть и поднять головы. Они никогда не останавливались передъ клеветой противъ насъ. Такъ въ 1905 году все наше аграрное броженіе они услужливо прописали крайнимъ и опаснымъ революціоннымъ идеямъ. Такъ и теперь, передъ нынѣшней войной, они наводнили нашъ край брошюрами, призывавшими латышей отъ имени латышей къ общему революціонному возстанію. Знаете ли, кто оказались иниціаторами, авторами и распространителями этихъ прокламацій? Два остзейскихъ барона. Оба теперь схвачены и спрятаны куда надо.

Мы, латыши, твердо вѣримъ въ близкое торжесто русскаго оружія. Мы вѣримъ, что побѣда надъ Германіей собьетъ съ нашихъ бароновъ ихъ чванливую спесь и надменную жестокость. Мы вѣримъ, что голоса и вліяніе четвероюродныхъ баронскихъ братцевъ въ Петроградѣ не будутъ заглушать истиннаго голоса латышскаго народа, который всегда хотѣлъ и хочетъ быть не пасынкомъ, а сыномъ великой Россіи. Оттого-то мы вовсе и не рвемся въ бой, какъ принято теперь говорить, а идемъ отвоевы-

вать свое право на жизнь и честь, идемъ рѣшительно, спокойно и просто, какъ идетъ мужикъ на пахоту".

Когда онъ произносилъ послѣднія слова, я подумалъ: „Ужъ и правда, какъ на пахоту". Я вспомнилъ то, что мнѣ (приблизительно) разсказывали порознь два офицера, которые вернулись съ войны, одинъ—лѣчиться отъ ранъ, а другой—за огнестрѣльными припасами.

— Чортъ ихъ побери, этихъ латышей! Хоть бы когда-нибудь онъ разсердился или взволновался. Нѣтъ, претъ себѣ впередъ, молчитъ и сопитъ, какъ медвѣдь. Другіе солдаты торопятся стрѣлять какъ можно чаще... все-таки шумъ выстрѣловъ немного заглушаетъ страхъ... А этотъ уляжется въ цѣпи, умнетъ подъ собою аккуратно валикъ изъ скатанной шинели, цѣлится-цѣлится, точно на учебной стрѣльбѣ, просто терпѣніе лопнетъ смотрѣть... „бацъ"—и опять методически цѣлится. А стрѣлки, надо сказать, они всѣ первоклассные, обученные еще у себя дома, въ вольныхъ стрѣлковыхъ обществахъ. И потомъ еще очень трудно его заставить отступать. Не подталкивать его приходится, а останавливать.

Вотъ такъ-то этотъ молчаливый, угрюмый, корявый народъ и отстаиваетъ свою самостоятельность и право свободно дышать воздухомъ своей непривѣтливой земли.

(Русское Слово 29 Окт. А. Купринъ).

Нѣмцы. Выслушавъ нѣсколькихъ латышей, этихъ холодно-пылкихъ и разумно-фанатическихъ патріотовъ своего маленькаго отечества, я счелъ нужнымъ повидаться и съ нѣмцами, представителями торговой и интеллигентной буржуазіи.

Вотъ, напримѣръ, г. X., одинъ изъ дѣятелей промышленнаго міра. Высокій обнаженный лобъ, длинное благообразное лицо, прямая, правильная сѣдѣющая борода, голубые, чуть блеклые глаза смотрятъ устало и внимательно. Разговоръ сдержанный и осторожный, каждое слово взвѣшено.

— Мнѣ до сихъ поръ и въ голову не приходило,—говоритъ онъ тихимъ голосомъ, — подчеркивать для самого себя то, что я нѣмецъ. Я очень долго жилъ въ Москвѣ, женатъ на русской, за мои политическія симпатіи къ Россіи я давно считаюсь въ Ригѣ „лѣвымъ". Объявленіе войны я принялъ, конечно, не съ радостью (да и врядъ ли хоть одному разумному человѣку пришло бы въ голову радоваться въ эти дни), но съ сознаніемъ роковой необ-

ходимости этой войны, неуклонной ея неизбѣжности. Война Россіи съ Германіей давно уже назрѣла, она, такъ-сказать, висѣла въ воздухѣ,—это было ясно для каждаго мало-мальски наблюдательнаго ума. И вѣрнѣе—война не съ Германіей, а съ Пруссіей, которая какъ впала съ 1870 года въ шовинистическое военное безуміе, такъ изъ него и не выходила до сихъ поръ. Бряцаніе шпоръ надменнаго прусскаго лейтенанта черезчуръ дорого обходилось Европѣ, — и сгущенная, напряженная атмосфера вѣчныхъ военныхъ приготовленій должна была когда нибудь разрѣшиться.

Но теперь дѣло приняло другой оборотъ. Мы уже слышимъ о священной войнѣ, намъ навязываютъ мысль не о политической распрѣ между сосѣдями, а о великой, послѣдней, рѣшительной борьбѣ между славянской и нѣмецкой расами. Я—лояльный человѣкъ и настоящій русскій вѣрноподданный. Но въ такую минуту отказаться отъ сознанія, что и я, вѣдь, нѣмецъ, я считалъ бы признакомъ низости и слабости духа. Да! Первыя слова, услышанныя мною отъ матери и произнесенныя мною, были нѣмецкія; первую молитву я пролепеталъ на нѣмецкомъ языкѣ; первыя дѣтскія игры, радости и маленькія огорченія были связаны съ роднымъ мнѣ языкомъ, съ роднымъ строемъ фразы и мысли. И вотъ попрежнему, не измѣняя моимъ вѣрнымъ чувствамъ къ Россіи, я съ гордостью говорю и думаю: „Да, я нѣмецъ".

Мы коснулись взаимныхъ отношеній остзейскихъ землевладѣльцевъ къ латышамъ, и на нѣсколько секундъ мой собесѣдникъ разгорячился.

— Я еще до войны много разъ говорилъ и даже неоднократно писалъ о томъ, что политика бароновъ всегда была безъ нужды надменной, близорукой и для нихъ же невыгодной. 1905 годъ — не единственный примѣръ, когда прибалтійскіе владыки раздували въ глазахъ правительства маленькое аграрное недоразумѣніе до размѣровъ цѣлаго революціоннаго бунта и заливали страну огнемъ и кровью. Такъ было, напримѣръ, въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ цѣляхъ скорѣйшей руссификаціи края, уже не знаю, по чьему мудрому совѣту, правительство направило тогда въ Лифляндію отрядъ миссіонеровъ для обращенія латышей изъ лютеранства въ православіе. Дѣло шло довольно туго до тѣхъ поръ, пока какой-то злой демонъ во образѣ человѣка не посѣялъ изъ подъ полы слуха о томъ, что всѣхъ новообращенныхъ православныхъ латышей правительство одаритъ

безплатно землею. Переходить въ новую церковь латыши стали гораздо охотнѣе, пожалуй, даже съ излишней торопливостью, но зато сначала робко, а потомъ все тверже и, наконецъ, совсѣмъ рѣшительно потребовали фантастической награды. Это естественное волненіе народа, дрожащаго надъ каждымъ вершкомъ никуда негоднаго болота, было представлено и разъяснено въ Петроградѣ, какъ вооруженное возстаніе, какъ что-то въ родѣ латышской Жакеріи, и въ результатѣ—грандіозное усмиреніе со всѣми его ужасами. Нечего и говорить о томъ, что слухи о земельныхъ надѣлахъ были пущены изъ баронскаго лагеря. И такіе примѣры не единичны.

— Говорятъ,—вставляю я,—говорятъ, что и теперь, передъ нынѣшней войной, среди латышей распространялись прокламаціи изъ того же источника.

Г. X. занавѣшиваетъ рѣсницами свои усталые глаза.

— Не будемъ говорить объ этомъ... Но я никогда не могъ постигнуть вотъ чего. По одному изъ прошлыхъ опросовъ, произведенныхъ въ начальныхъ школахъ, оказалось что для 70% учащихся материнскимъ языкомъ былъ нѣмецкій. Послѣдніе опросы показываютъ все меньшіе и меньшіе проценты. Изъ этого можно твердо заключить, что нѣмецкіе помѣщики, — захоти они итти путемъ ума, справедливости и сердца,—могли бы безъ труда онѣмечить и мирно завоевать весь край. Но они предпочитаютъ дорогу надменности, презрѣнія и утѣсненія, и внѣ этой дороги ничего не видятъ. И вотъ между двумя народностями все выше воздвигается стѣна взаимно-враждебнаго недовѣрія, увеличенная, съ одной стороны, бѣдностью угнетеннаго, а съ другой—боязнью угнетателя.

Редакторъ газеты „Rigasche Rundschau“ г. Руэтцъ.

Такимъ я всегда воображалъ себѣ редактора или главнаго корреспондента видной англійской газеты. Все въ немъ, начиная съ ровнаго пробора въ темныхъ волосахъ надъ безукоризненно выбритымъ свѣжимъ лицомъ и кончая лакированными туфлями, изъ которыхъ выглядываютъ черные шелковые чулки, отъ сдержанныхъ манеръ до пріятнаго и дѣльнаго разговора,—полно элегантности, простоты и достоинства настоящаго джентльмена. Газета его—самая распространенная во всемъ Прибалтійскомъ краѣ. Ее читаютъ и бароны и плебсъ. И, пожалуйста, не подумайте, чтобы эта газета была консервативна... Нѣтъ, для Остзейскаго

края она лѣваго, и даже очень лѣваго, направленія. Ну, вотъ какъ въ государственной Думѣ октябристы... чуточку поправѣе.

— Вы прекрасно владѣете нѣмецкимъ языкомъ,—говорилъ мнѣ любезно г. Руэтцъ,—но, должно-быть, очень давно не практиковались въ разговорѣ. Я говорю по-русски еще хуже. Но для того, чтобы ввести васъ въ курсъ нашихъ здѣшнихъ мыслей, мнѣній и настроеній, я познакомлю васъ по этой вотъ корректурѣ съ одной изъ моихъ будущихъ статей.

Дѣло въ томъ, что одна узко-націоналистическая германская газетка однажды обмолвилась впопыхахъ мнѣніемъ, что Рига, этотъ нѣмецкій кремль, ядро Прибалтійскаго края, представляетъ собою городъ, который даже не нужно завоевывать, потому что онъ есть не что иное, какъ открытыя ворота для германцевъ, въ виду, якобы, всеобщихъ пангерманскихъ рижскихъ симпатій. Статья была довольно ничтожной по своему содержанію и достаточно неумѣстной, потому и не стоило бы на все тратить лишнихъ словъ, но „Новое Время", не разобравшись въ ней, взяло и, на основаніи этой статейки, въ большой статьѣ приписало всему рижскому населенію пламенную готовность упасть въ объятія прусскаго владычества.

И вотъ мнѣ, вовсе не любителю журнальной полемики, пришлось возразить на артикль „Новаго Времени" цѣлой спеціальной статьей.

Ни въ политическомъ, ни въ стратегическомъ, ни въ моральномъ, ни даже въ экономическомъ отношеніяхъ для насъ не только не выгоденъ, но даже опасенъ былъ бы такой шагъ, потому что, вопервыхъ, подавъ руку германцамъ, мы создадимъ себѣ конкурента, котораго одолѣть мы не сможемъ, какъ болѣе культурнаго, энергичнаго и беззастѣнчиваго работника.

Затѣмъ, стратегическія соображенія: признавъ прусское владычество, мы станемъ вѣчнымъ буферомъ между Германіей и Россіей,—буферомъ, который непримиримые враги будутъ нажимать все время и съ той, и съ другой стороны, пока не расплющатъ нашей самобытности, обагривъ всю страну и своей и нашей кровью. А вѣдь, мы—вовсе не воинственное племя. Мы—мирные, честные купцы, и только...

Что касается экономической стороны то потрудитесь посмотрѣть цифры ввоза и вывоза товаровъ, которые проходятъ черезъ Ригу.

	Цѣнность ввозимыхъ морскимъ пут. тов. въ милл. р.	Цѣнность вывозим. морскимъ пут. тов. въ милл. р.	Обща сумма внѣшней торговли Риги въ милл. р.
1886—90 средн.	21	53	74
1900	59	71	130
1910	144	192	336
1913	179	216	405

Ввозъ + вывозъ Риги составили:

въ 1911 г.	$14^1/_2$	процентовъ общей суммы внѣшней торговли Европейской Россіи.
„ 1912 г.	$16^1/_2$	
„ 1913 г.	17%	

Подумайте только: семнадцать процентовъ всей внѣшней торговли Россіи!

Если мы вообразимъ себѣ Прибалтійскій край, покоренный германцами, съ сухопутной границей и съ таможнями въ Двинскѣ и другихъ городахъ, то неизбѣжно упадетъ матеріальное благополучіе Риги, и изъ прекраснаго порта, изъ богатаго торговаго города она обратится въ маленькій рядовой городокъ, а вмѣстѣ съ ней упадетъ и все благополучіе Прибалтійскаго края, для котораго Рига—то же, что сердце для живого организма.

— Кромѣ того,—прибавилъ г. Руэтцъ,—я умышленно оставилъ подъ конецъ самую главную причину нашей вѣрности русской державѣ, это—моральныя основанія.

Мы связаны словомъ, вѣрноподданническимъ обѣщаніемъ, которое для насъ,—торговыхъ людей,—стоитъ гораздо больше любого векселя.

А что касается нашихъ мѣстныхъ желаній, то они очень скромны.

Пусть намъ только разрѣшатъ въ городскихъ училищахъ и въ гимназіяхъ хоть до чертвертаго класса учить дѣтей на своемъ родномъ, нѣмецкомъ языкѣ. Вѣдь, материнскій языкъ для ребенка—его естественная, природная музыка. И въ эти годы, когда человѣкъ наиболѣе впечатлителенъ, развиваются въ нѣмъ, благодаря языку, тѣ лучшія стороны души, которыя, конечно, есть въ каждой націи.

Также мы не отказались бы отъ земскаго самоуправленія, хотя бы въ такой формѣ, въ какой оно существуетъ въ центральной Россіи.

На прощанье я спрашиваю:

— А что вы скажете объ отношеніяхъ бароновъ къ латышамъ?

Г. Руэтцъ пожимаетъ мою руку и уклончиво-мягко улыбается.

— То, что въ деревнѣ считается маленькимъ сосѣдскимъ непріятнымъ разговоромъ, превращается здѣсь, въ большихъ городахъ, въ политическіе ураганы. Очень совѣтую вамъ: возьмите завтра автомобиль и поѣзжайте по окрестнымъ, мызамъ, фермамъ и деревнямъ. Я охотно дамъ вамъ рекомендаціи... Впрочемъ, вамъ трудно будетъ безъ языка... А что касается бароновъ... то развѣ мы съ вами не читаемъ каждый день въ газетахъ о томъ, что ихъ сыновья умираютъ героями на полѣ брани?..

Евреи. Вы сами знаете, что гдѣ бы люди ни дрались, гдѣ бы ни происходило международное недоразумѣніе, всегда достается намъ, евреямъ.

Поэтому мы—убѣжденные противники войны.

Да и благодаря нашей десятитысячелѣтней религіи, у каждаго изъ насъ въ крови живутъ боязнь крови и брезгливость къ ней, хотя насъ и обвиняютъ даже въ совершеніи ритуальныхъ убійствъ.

Но если бы вы посмотрѣли на насъ въ великій день объявленія войны! (такъ разсказывалъ мнѣ мѣстный еврей, видный адвокатъ). Не только синагога но и вся площадь передъ нею и всѣ окрестныя улицы были переполнены еврейскимъ народомъ.

И смотрите, насколько это было серьезно.

Мы, евреи, охотно шутимъ и остримъ и на свадьбахъ, и на похоронахъ. Острота, мѣткое словечко—всегда цѣнятся въ нашемъ обиходѣ, хотя отъ нѣкоторыхъ шутокъ морозъ пробѣгаетъ по спинѣ.

Если еврею трамвай отрѣжетъ руку, онъ, несмотря на боль, все-таки найдетъ въ себѣ столько присутствія духа, чтобы пошутить:

— А все-таки, слава Богу, я владѣю еще одной рукой.

Повторяю, это—въ духѣ народа.

Но когда вышелъ раввинъ и въ нѣсколькихъ горячихъ словахъ произнесъ благословеніе русскому оружію, то случилось точно чудо.

Видали-ли вы когда-нибудь плачущаго еврея? Вѣдь, никогда?

— Никогда.

— Да. Мы это предоставляемъ женщинамъ и дѣтямъ. А въ этотъ день я видалъ вокругъ себя мужскія лица, орошенныя слѣзами...

Сейчасъ же, не сходя съ мѣста, еврейская община собрала пятьдесятъ тысячъ рублей въ пользу женъ и сиротъ запасныхъ и устроила на свои средства два лазарета. Въ самой синагогѣ,— обратите вниманіе: въ синагогѣ!—съ величайшимъ подъемомъ былъ пропѣтъ русскій гимнъ. Чуть-ли не впервые за всю печальную исторію еврейства стѣны нашего храма услышали пѣснопѣніе на чужомъ, не древне-еврейскомъ языкѣ.

— Наши потомки,—продолжалъ онъ,—будутъ намъ удивляться: „Неужели вы утратили всю свою энергію, весь геній расы, всю свою образованность и національную дисциплину только на то, чтобы дать еще одному еврею право жить внѣ черты осѣдлости?“.

Но и съ этимъ мы миримся.

Если насъ спрашиваютъ:

— Кто вы?

Мы отвѣчаемъ:

— Русскіе евреи. Потому, что и въ Петроградѣ, и въ Нью-Іоркѣ мы помнимъ и тоскуемъ объ этихъ захолустныхъ мѣстечкахъ, гдѣ намъ позволено жить, и гдѣ мы родились, помнимъ первый поцѣлуй матери и помнимъ маленькія еврейскія кладбища со скромными камнями, подъ которыми похоронены наши предки.

— Есть-ли у васъ какая-нибудь надежда на расширеніе правъ?—спрашиваю я своего собесѣдника.

— Конечно, есть. Что можетъ быть ужаснѣе потери надежды? У насъ даже есть традиціонное полушутливое пасхальное привѣтствіе: „Дай Богъ намъ встрѣтиться на будущій годъ въ Іерусалимѣ“. Можетъ быть, при лучшихъ условіяхъ и намъ выпадетъ счастье скромно, безъ преслѣдованій справлять нашу субботу и ѣсть нашу фаршированную рыбу—фишъ. Но если бы и не было никакой надежды,—все равно, мы также безропотно идемъ на войну и посылаемъ туда своихъ сыновей, какъ дѣлали бы это, видя впереди золотыя горы. Ахъ, можетъ быть, намъ повѣрятъ, наконецъ, что мы—болѣе вѣрноподданные Царю и Россіи,

чѣмъ патентованные патріоты, дѣлающіе темную карьеру на кровавыхъ клеветахъ и призывахъ къ насилію.

Обидны мелочи: въ то время, когда Пуришкевичъ цѣлуетъ Тору, въ то время, когда Замысловскій объявляетъ себя другомъ еврейства, въ это время одинъ военный докторъ-еврей, который опять отправился на войну, имѣя уже два ордена, заслуженные въ боксерское возстаніе и японскую кампанію, и вдобавокъ посылаетъ двухъ своихъ сыновей на этотъ ужасъ,—обращается съ просьбой въ министерство о принятіи его двухъ маленькихъ дѣтей, внѣ процентной нормы, въ гимназію, и ему отвѣчаютъ холоднымъ словомъ: „Отклонить“. А еврейскія семьи, бѣжавшія изъ разоренныхъ германцами городовъ внутрь Россіи, опять возвращаютъ черезъ полицію въ черту осѣдлости, не смотря на то, что ихъ главные кормильцы находятся сейчасъ на войнѣ.

Когда же поймутъ, что сейчасъ встала противъ жестокости и безумія Германіи вся разноликая, пестрая, но единая великая Россія!...

Ахъ, не надо забывать, что теперь вся страна, отъ Печорской губы до Чернаго моря и отъ Варшавы до Читы, требуетъ наибольшаго напряженія силъ, а не мелкихъ бюрократическихъ придирокъ и прижимокъ.

Мы переходимъ въ разговорѣ къ мѣстнымъ рижскимъ коммерческимъ интересамъ.

— Изъ рукъ вонъ плохо,—говоритъ адвокатъ.—Рига бездѣйствуетъ, и все купечество, особенно еврейское, сидитъ, сложа руки. Многіе успѣли разориться за это время. У меня есть одинъ знакомый. Онъ торгуетъ лѣсомъ. До войны его годовой оборотъ достигалъ 60—70 тысячъ рублей. А на-дняхъ онъ приходитъ ко мнѣ и боязливо, на-ушко, проситъ: „Одолжите мнѣ пятьдесятъ рублей. Не на что на базаръ послать“.

Русскіе. Это—мѣстный архитекторъ. Человѣкъ еще молодой, но обладающій той быстрой практической смѣткой, которая такъ естественно пріобрѣтается въ строительномъ дѣлѣ, и той немножко лукавой, острой наблюдательностью, по которой узнаешь ярославца. Я дѣлюсь съ нимъ своими впечатлѣніями. Онъ внимательно слушаетъ и тонко улыбается.

— И, конечно, нѣмцы средняго класса говорили вамъ о лойяльности рижской буржуазіи?—спрашиваетъ онъ.

— Да.

— По-моему, это вовсе не лойяльность, а равнодушіе куп-

цовъ къ политикѣ. Вообще же, они—слѣпое орудіе въ рукахъ бароновъ. Прибалтійское баронство, это—страшная, могучая, тѣсно сплоченная семья. Члены ея—повсюду: въ банкахъ, въ петроградскихъ сферахъ, въ городской думѣ и въ Государственной, а самое важное—во главѣ всѣхъ дворянскихъ и земскихъ учрежденій. Они — настоящіе полные правители и хозяева губерній и смотрятъ на себя, какъ на то же правительство, связанное съ Россіей только договоромъ побѣжденнаго съ побѣдителемъ.

— Вотъ замѣчательное выраженіе!—продолжалъ г. В.—Беру его изъ этой книжки, которую принесъ съ собою, и предлагаю вашему вниманію. Она называется: „Земское хозяйство Прибалтійскаго края“, а цитируемыя слова принадлежатъ офиціальному изслѣдователю лифляндскихъ земскихъ учрежденій г. Яновичу. Правда, Яновичъ писалъ о восьмидесятыхъ годахъ, и съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось, но и до нашего времени бароны считаютъ себя лишь вассалами русской власти. Насколько сильно ихъ вліяніе въ странѣ,—видно изъ слѣдующихъ словъ покойнаго лифляндскаго губернатора Зиновьева:

„Ландратъ, это—какъ бы второе правительство, съ той же сферой дѣятельности и, если не de iure, то de facto, съ тою же, а иногда и большей властью, нежели та, которая была предоставлена генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ“ („Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лиф. губ.“, М. А. Зиновьевъ, 1906 г., стр. 19).

Что думаютъ и чего хотятъ дворяне,—мы не знаемъ. Ихъ ландтаги собираются обыкновенно разъ въ три года. Тайна этихъ собраній ревностно охраняется, и законъ особо оговариваетъ, что прокуроръ на нихъ не присутствуетъ. Участники собраній обязаны хранить полное молчаніе о всемъ, происходившемъ на ландтагахъ.

Мы,—сторонніе наблюдатели въ краѣ,—въ состояніи только отмѣчать факты. Такъ, мы знаемъ, напримѣръ, что графъ Цеппелинъ, женатый на лифляндкѣ, баронессѣ фонъ-В., имѣлъ въ ея приданомъ существенный ресурсъ для постройки своихъ первыхъ воздушныхъ сигаръ. Знаемъ, что многіе изъ сыновей родовитыхъ остзейскихъ фамилій получили военное воспитаніе въ Пруссіи и теперь состоятъ офицерами германской арміи. Знаемъ, что нѣкоторыя прибалтійскія помѣстья принадлежатъ, по праву майората, подданнымъ враждебной страны. Знаемъ и еще много того, что, кажется, вовсе не подлежитъ оглашенію въ печати.

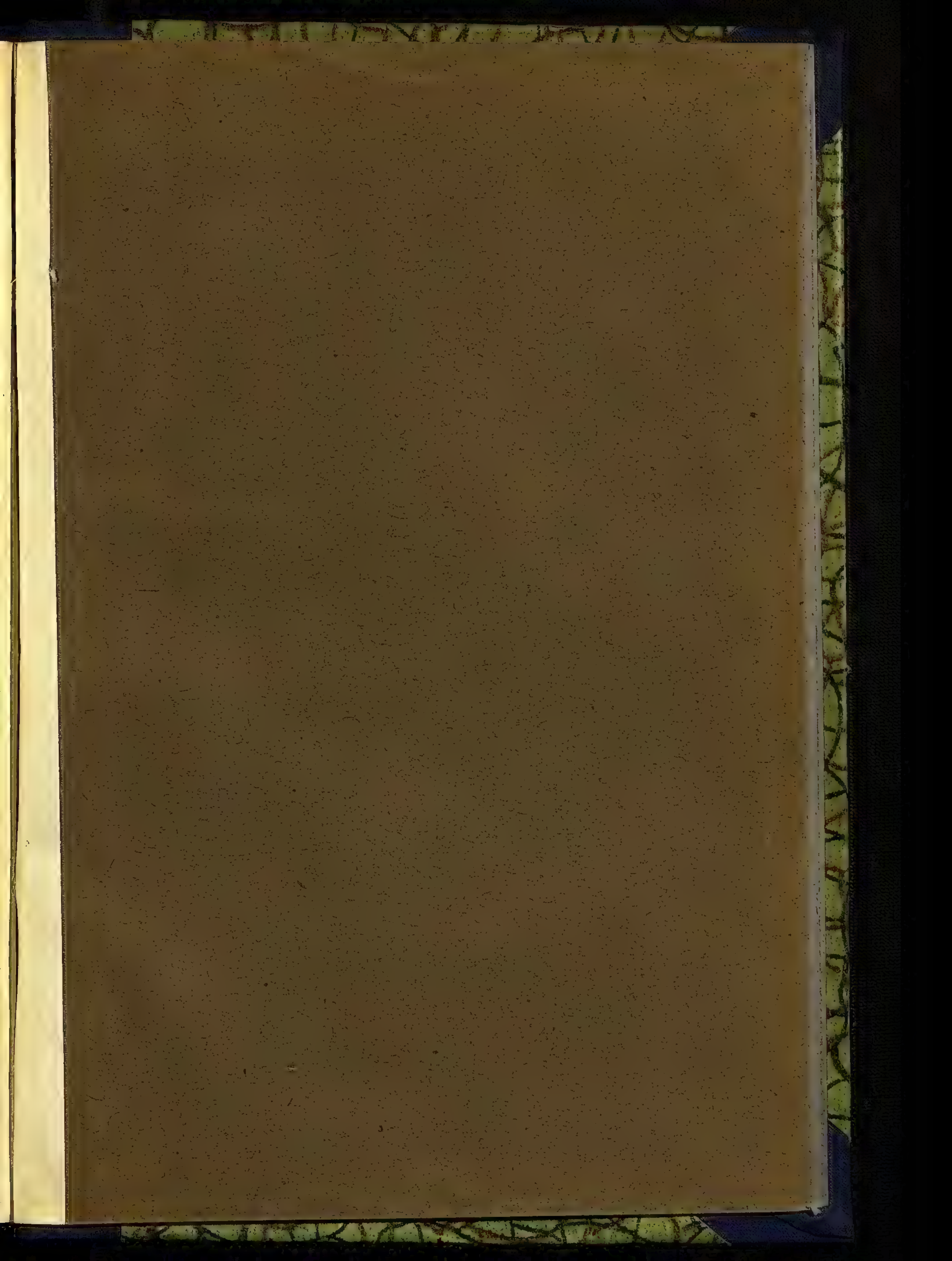
Надо сказать, что высшая богатая финансовая буржуазія тянется за баронами. Они стремятся воспитывать своихъ дѣтей въ Германіи, а если это почему-либо неудобно, то, во всякомъ случаѣ, обзаводятся всѣми учебными пособіями и книгами германскаго происхожденія. Очень часто разбогатѣвшій рижскій негоціантъ выгодно прекращаетъ свое дѣло, передавъ его германскому подданному, а самъ навсегда переселяется въ Германію и предается отдыху гдѣ-нибудь на берегахъ Рейна, въ роскошной виллѣ.

(Русское Слово, 30 Окт. А. Купринъ.).

Оглавленіе:

Стр.

Готовятся къ печати слѣдующія книги:

Прибалтійскій край и война. Часть II.

Латышскій народъ. (Сборникъ статей и монографій по исторіи, литературѣ, искусству, соціальной и экономической жизни латышскаго народа. Подъ редакціей Ар. Тупина.

Аспазія. „Серебряное покрывало“. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ съ латышскаго Ар. Тупина.

Цѣна 1 руб.

